ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *Спецвыпуск* | 2021

На обложке:

Виктория Исаенкова

Музыка звёзд

2014

Ольга Добромыслова

В ритме дабстепа

2019

Ольга Добромыслова

В вечности

2020

►

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *Спецвыпуск* | *2021*

В номере

ДиН время

Юрий Ромашков
3 Как создавался Енисейский Общественный местный музей

ДиН перевод

Жан-Поль Сартр
7 Париж при оккупации

ДиН симметрия

Александр Аросев
14 Из «Записок Т. А. Забытого»

Алексей Кручёных
65 Декларация заумного языка

ДиН стихи

Елена Галиаскарова
15 По полям гуляют шальные ветры

Ольга Котенко
17 Снег

Вера Дорошева
19 Кусочек северных ветров

Юлия Вятчина
22 Подстрочник

Наталья Джурович
107 А деревья поют и поют

Ксения Савина
109 Этому миру

Дмитрий Русин
110 Россия, осень, утро. Обнимаю

Илья Новиков
112 Разрастаясь, восходит новая эра

Марк Перельман
114 В небо, в небо…

ДиН роман

Анатолий Бимаев
24 Восемь-восемь

ДиН встреча

46 Будем Прометеем!

Библиотека современного рассказа

Иветта Лишенко
54 Встречи транзитом

Антон Андреев
62 Аффект наблюдателя

Мария Ганошенко
66 Тень у школьного крыльца

Арина Орлова
70 Коренской житель

Данила Ноздряков
73 Коэффициент света

Ксения Петрова
78 Октябрь на пристани

Наталья Бочечко
116 Руки

Дарья Лакиза
119 Мягкие уши

Полина Смородина
122 «Не палю»

Сергей Чернов
132 Шушуны

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Саша Казакова

61 Город великой реки

177 Наш дом—Красноярье

193 Осенний марафон

Д*и*Н ПРОЗА

Елена Басалаева

83 Сказки девяностых

Ксения Кошелева

140 Жилец

Ольга Одинцова

152 Виниловая пластинка для Рикки

Д*и*Н РЕВЮ

Сергей Кузнечихин

103 Товарищи по несчастью

Александр Евсюков

139 Двенадцать сторон света

Д*и*Н ДЕБЮТ

Вячеслав Лебединский

104 Во имя и вопреки

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дмитрий Косяков

168 От Крапивина к Толкину и обратно

Д*и*Н ДЕТЯМ

Анастасия Антонова

175 А вы знали, что…

196 Д*и*Н АВТОРЫ

Юрий Ромашков

Как создавался Енисейский Общественный местный музей

Взгляд через письма

В 1900 году в Париже открылась Всемирная выставка, в которой принял участие Енисейский Общественный местный музей. Сама выставка, помимо её коммерческого подтекста, имела целью познакомить с особенностями национальных культур стран-участниц из Европы, Америки, Азии и Африки. В этом отношении приятно удивила Сибирь, и Енисейская губерния в особенности, этнографические коллекции которой были включены в павильон, отведённый Российской империи, под наименованием «Окраины России». Здесь, помимо Сибири, были собраны материалы Азиатской России, Кавказа, Туркестанского края и Прикаспийской области. Посетители выставки увидели точную масштабную модель красноярского железнодорожного моста через Енисей, богато иллюстрированный альбом «Великий путь. Виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги. Выпуск 1. От р. Оби до р. Енисея и Томская ветвь», изданный М. Б. Аксельродом, и многое другое. Для молодого Енисейского музея данное событие послужило своеобразным рубежом развития, после которого начинался новый этап существования учреждения. Проект Енисейского Общественного музея рождался в определённых трудностях, которые тогда испытывал город. Эти трудности касались в основном финансирования проекта ввиду неоднозначного отношения к нему со стороны состоятельного населения города. По этому поводу писал в письме от 6 января 1883 года один из его основателей, гласный енисейской городской Думы Н. В. Скорняков известному распорядителю Минусинского Общественного музея Н. М. Мартьянову:

> «Музей хотя ещё до сих пор не утверждён, но люди, сочувствующие ему, находятся в среде моих земляков. <…> С этими силами я надеюсь, что дело наше пойдёт на лад; боюсь только, что правительство, благодаря „почётным членам“, не затормозило, как Вы говорите, это дело. Само оно не догадается вычеркнуть „их“ и утвердить устав. Ну, если случится такая беда, то сил мы не положим, а будем снова просить о разрешении»[1].

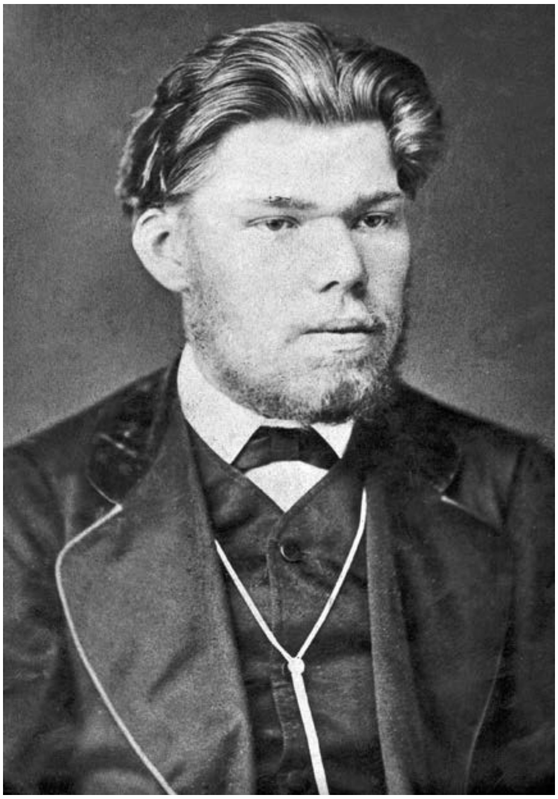
Показательно, но факт: первоначальные взносы на воплощение идеи в жизнь исходили от подвижников дела просвещения. Именно поэтому в послании городской управы, датируемом 1883 годом, встречается следующее: «Енисейская городская Дума, выслушав доклад по устройству музея, выяснила, что открыт он преимущественно на средства сочувствующих»[2]. Однако, кроме средств «сочувствующих», в открытие музея всё же вложилась и городская казна.

В том же послании управы по этому поводу отмечено: «Передать в пользование музею предназначенное помещение с комнатою на нижнем этаже, отпустить к ассигнованию из средств города сумму 200 рублей. Об этом городская управа имеет честь уведомить комитет по устройству и управлению музеем»[3]. Создание в Енисейске музея немыслимо без моральной и материальной поддержки Н. М. Мартьянова, чьё имя уже звучало выше и вклад которого в развитие музейного дела в Восточной Сибири трудно переоценить.

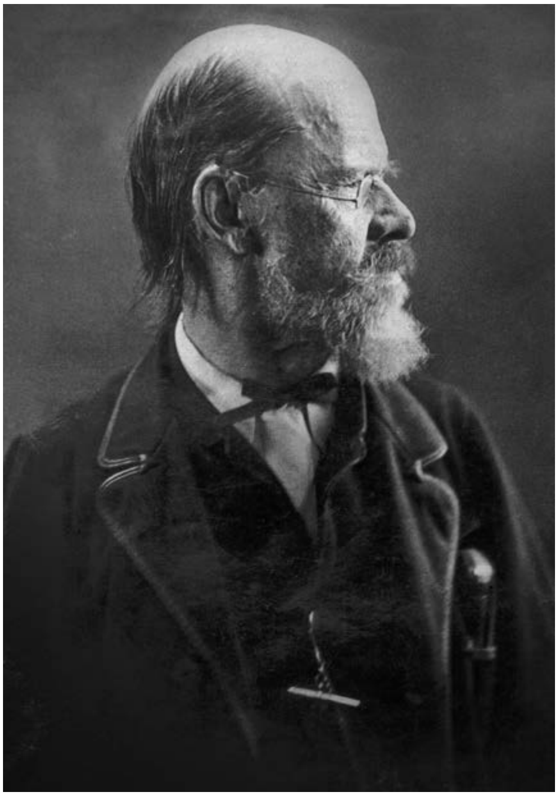
Сохранились письма Мартьянова к «устроителям» Енисейского музея. Вот одно из них, обращённое к Н. В. Скорнякову в 1882 году:

> «Милостивый Государь!
> Из заметки в „Сибирской газете“ узнаю, что Вами внесено предложение в Енисейскую городскую Думу об открытии Енисейского музея. Глубоко заинтересован вопросом о местном музее и потому очень обрадовался Вашему предприятию, и выражаю своё сочувствие, и предлагаю услуги по определению некоторых горных пород, а также растений.
> Всегда к Вашим услугам Н. Мартьянов.
> 1882 г.»[4].

1. МКУ «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
2. Там же. Л. 34.
3. Там же. Л. 35.
4. МКУ «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 101. Л. 125.



А. И. Кытманов. 1858–1910 гг. Фонд ЕКМ



М. О. Маркс. 1816–1893 гг. Фонд ЕКМ

В одном из ответных писем Н. В. Скорняков благодарит за предложенную помощь и высланные коллекции горных пород, которые, кстати, Енисейский музей хранит до сих пор:

«Многоуважаемый Николай Михайлович. Премного благодарен Вам за Вашу отзывчивость к нашему возникающему музею, за Ваши последние приношения, которые будут очень дороги ему уже потому, что они составили первый вклад при его основании. Вклад довольно ценный и солидный по размеру. Вчера были у меня Маркс, Кытманов и Подвысоцкий, которые любовались Вами присланной коллекцией минералов и флорой Минусинского округа, в которой мы встретили много новых, не существующих у нас видов. <…> Завтра о Ваших пожертвованиях я довожу до сведенья городской управы, которую буду просить доложить об этом городской Думе. Надеюсь, что Вы этим не обидитесь, а между тем делу музея это будет в помощь.

Искренне уважающий Вас Н. В. Скорняков. 1883 г.»[5].

Важно отметить, что переписка Никиты Виссарионовича с Николаем Михайловичем завязалась ещё задолго до решения об учреждении музея. Первые письма, дошедшие до нас, датированы 1872–1877 годами. В них Мартьянов, принимая во внимание немалый опыт Скорнякова в журналистике, предлагает ему участие в периодических изданиях. Например, в письме 1872 года он пишет:

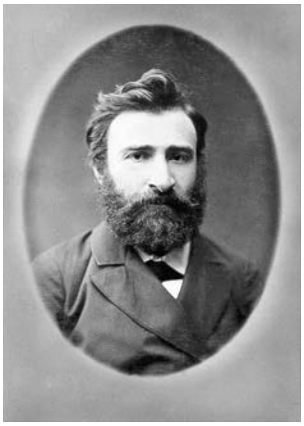
«Милостивый Государь, Никита Виссарионович. Мне поручено предложить Вам, не желаете ли Вы принять на себя сотрудничество в „Неделе“. Между другими желательно положение рабочих. Плата: 5 коп. со строки за корреспонденцию и 7 коп. со строки за статью»[6].

Или из письма 1877 года:

«Милостивый Государь, Никита Виссарионович. По поручению редакции „Биржевых ведомостей“ имею честь выразить Вам признательность за сотрудничество»[7].

Читателю может показаться, что переписка между Енисейском и Минусинском в отношении будущности музея принадлежит только перу Скорнякова и Мартьянова. Отчасти это справедливо, ибо Никита Виссарионович ведал всей материальной частью организации. Да и многие дебаты в городской Думе по поводу создания музея выпали на его долю. Однако следует отметить, что существовала переписка и между первым распорядителем

5. МКУ «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
6. МКУ «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 101. Л. 33.
7. Там же. Л. 54.



Н. М. Мартьянов, распорядитель Минусинского Общественного музея. Фонд мкм

Енисейского музея А. И. Кытмановым и Н. М. Мартьяновым. В этом случае уместно представить один из таких образцов. Итак, перед нами одно из первых писем Кытманова Мартьянову. Это своеобразное письмо-знакомство, послужившее началом долгого и плодотворного сотрудничества:

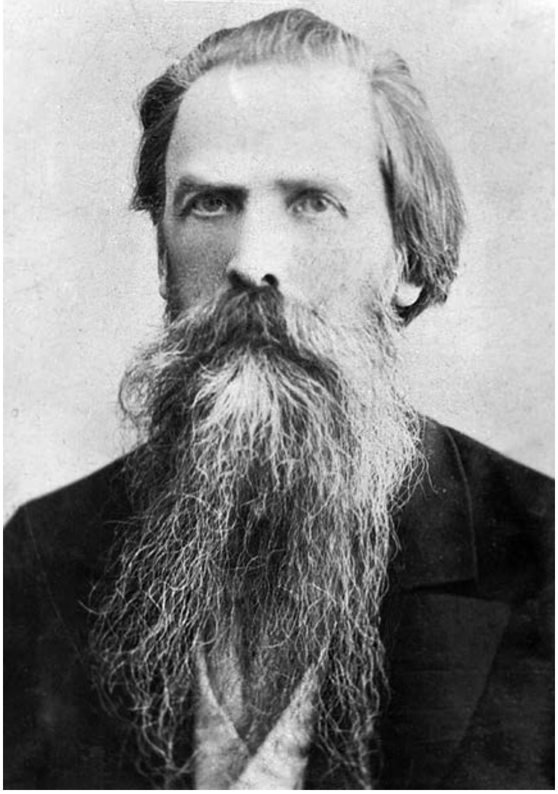
«Милостивый Государь, Николай Михайлович. В письме к Н. В. Скорнякову Вы выразили желание иметь со мной переписку и, следовательно, познакомиться. С величайшим удовольствием, пользуясь случаем, выражаю Вам своё глубокое уважение, вызываемое Вашей учёной деятельностью, в которой Вы являетесь отличным специалистом. <…> Посылаю Вам вместе с этой почтой 200 растений из нашей флоры. Прошу извинить меня как за незаконченность гербария, так и за то, что время не позволило расположить виды систематически. Некоторых растений нет у Вас в „Материалах для флоры Минусинского края“.

По мере собирания буду высылать Вам, а пока прошу мои растения принять как копию в ботаническую сокровищницу Вашего музея. В наш музей от меня поступает до 350 растений.

С глубоким уважением остаюсь
Ваш преданный слуга
А. И. Кытманов. 1883 г.»[8].

Необходимо обратить внимание, что между двумя музеями существовал своего рода обмен экспонатами, что, безусловно, хорошо отражено в письме. А также на факт плодотворной работы самого Александра Игнатьевича. Между тем борьба за достойное обустройство музея продолжалась. Трудности возникали порой из мелочей: например, подсчёты и сметы по стоимости витрин, мебели и т. д. В этом случае также не обошлось без помощи со стороны Н. М. Мартьянова. Н. В. Скорняков писал:

«Милостивый Государь, Николай Михайлович. Покорнейше Вас прошу сделать мне великую услугу и сообщить о следующем: во что обошлась стоимость шкафов, стеклянных колпаков, столов и стульев, тумбочек, коробочек и т. д. Определите,



М. О. Маркс. 1816–1893 гг. Фонд екм

если не трудно, количество всех этих принадлежностей в отдельности и, если не трудно, то и стоимость их в отдельности. <…>

Искренне уважающий Вас Н. В. Скорняков.
1883 г.»[9].

Параллельно с задачами экспозиционного оформления музея решалась задача его размещения. Ныне известно, что первые коллекции «кочевали» из частных собраний в уголок метеорологической станции М. О. Маркса, затем в здание, предложенное А. И. Кытмановым. Об этом обстоятельстве замечал Н. В. Скорняков в письме к Н. М. Мартьянову:

«Я не могу не радоваться, что приобрёл в нём (Кытманове.—*Прим. авт.*) усердного и образованного жертвователя, который к тому же даст помещение под музей. Я советовал допустить в его помещение и Маркса, который мог бы перенести свою метеостанцию в музей»[10].

Лишь позднее молодой музей перебрался в каменное двухэтажное здание, выделенное Думой по Береговой улице. В борьбе за музейное дело в

8. мку «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.
9. Там же. Л. 8.
10. Там же. Л. 1.

Енисейске его основным подвижникам Н. В. Скорнякову, А. И. Кытманову и М. О. Марксу приходилось преодолевать солидную фронду из местных воротил, представлявших значительную фракцию в городской Думе, а также вести борьбу с традиционной волокитой царской администрации. Об этой борьбе упоминает в письме к Мартьянову Скорняков:

> «Многоуважаемый Николай Михайлович.
> Очень Вам благодарен за последнее письмо, и на днях подаю от комитета подробный доклад с предоставлением сметы на содержание музея в 300 рублей (напомню, Дума выделила 200 руб.—Прим. авт.). Енисейцы вообще народ положительный, ничего не делают наобум, потому хотят знать слово от нашего представительства, которое, в свою очередь, хотело свалить весь финансовый вопрос на комитет. Но, как видите, нашла коса на камень. Посмотрим, что будет. В своём докладе в Думе я поставил вопрос так, что отказать ей будет неловко. <…>
> 1883 г.»[11].

Дума не «отказала», и в этом же 1883 году музей в Енисейске был открыт. н. В. Скорняков писал Н. М. Мартьянову:

> «Многоуважаемый Николай Михайлович.
> Борьба за музей окончилась к его благу. Надо было только радоваться, что среди енисейцев нашлось немного ярых обскурантов, что и дало возможность одержать победу. Победа эта досталась нелегко, ибо обскуранты эти—люди влиятельные. Влияние их всё же сказалось на деле, ибо Дума дала бесплатное каменное здание на неограниченное время, отказав в постоянной ежегодной субсидии, дав только единовременно 200 рублей[12]. <…> Распорядительный комитет изберёт распорядителей, а Дума их утвердит. В распорядители уже подали кандидатуры: я, Кытманов и Маркс. <…>
> 1883 г.»[13].

Открытие в Енисейске Общественного музея горячо приветствовалось передовыми деятелями Сибири. Одним из первых, выразивших радость за свершившееся дело, был, конечно же, распорядитель Минусинского общественного музея Н. М. Мартьянов:

> «Милостивый Государь, Никита Виссарионович.
> От души поздравляю Вас с успехом по открытию в Енисейске местного музея. Ваша настойчивость и умение добиться от енисейского общества, в котором было столько недоброжелателей, поставленной цели восхищает. <…> Придёт время, когда Енисейский музей будет достоянием Вашего города. <…>
> 1883 г.»[14].

Открывшийся музей и созданная при нём библиотека, по словам современников, пользовались большой популярностью у населения. В записях А. И. Кытманова встречаются следующие данные за 1884 год:

> «Посетителей пока множество, преимущественно по воскресным дням. Менее 300–400 пока не было. По будням средним числом 30–40 человек»[15].

Таким образом, борьба за создание в Енисейске музея окончилась победой его основателей. Заслуги каждого из них вписаны золотыми буквами в историю края. А их усилия уже вскоре были вознаграждены участием в международной выставке в Париже. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что участвующие в этой выставке молодые музеи Сибири открыли европейцам мир своеобразный, мир, сберегаемый усилиями неравнодушных людей Сибири. И потому хотелось бы завершить статью словами Александра Игнатьевича Кытманова, что были сказаны им в одном из писем Н. М. Мартьянову:

> «Самой главной заслугой музеев нужно, по-моему, считать то, что они дают возможность хранить памятники жизни народов и произведения природы, побуждают людей обогащать науку своими вкладами»[16].

11. Там же. Л. 4.
12. Там же. Л. 6.
13. Там же. Л. 6.
14. мку «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 101. Л. 150.
15. мку «Архив города Енисейска». Ф-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.
16. Там же. Л. 13.

Жан-Поль Сартр

Париж при оккупации

Статья Сартра «Paris sous l'Occupation» была впервые опубликована в лондонском органе «Свободной Франции» в 1945 году. Перевод с английского Дмитрия Косякова по изданию: Sartre Studies International, Volume 4, Issue 2, 1998.

Когда американцы и англичане прибыли в Париж, многие из них удивлялись тому, что мы не так исхудали, как им представлялось. Они увидели женщин в элегантных, да ещё и новых платьях, а также мужчин в пиджаках, которые издалека выглядели вполне прилично; они редко видели бледность или истощение, которые обычно служат признаками голода. Обманувшаяся тревога переходит в раздражение. Боюсь, мы их несколько раздражали тем, что не вполне соответствовали тому жалкому образу, который они себе нарисовали. Возможно, кое-кто из них в глубине души задался вопросом, да была ли вообще оккупация так ужасна, и не следует ли Франции расценивать своё поражение как счастливую передышку, которая позволит ей вернуть положение великой державы, не принеся для этого особых жертв; возможно они вслед за «Daily Express» сочли, что в сравнении с англичанами французам в эти четыре года было не так уж плохо.

Вот к таким читателям мне и хочется обратиться. Я хочу объяснить им, что они ошибаются. Восстановление Франции отнюдь не обеспечено, и нет такого француза, который не завидовал бы положению наших британских союзников. Но я сразу чувствую, как трудна будет моя задача. Я уже сталкивался с подобными трудностями. Я вернулся домой из заключения, и меня спрашивали о жизни военнопленных. Как мог я донести атмосферу лагерей до тех, кто там не был? По щелчку пальцев я мог бы представить всё мрачным, а мог бы — весёлым и приятным. Правда не кроется, так сказать, «где-то посередине». Требовалось немало находчивости и искусства, чтобы всё описать, и немало желания и воображения, чтобы всё понять. Теперь я сталкиваюсь со схожей проблемой: как заставить жителей свободных стран уловить, чем была оккупация. Между нами зияет пропасть, которую нельзя заполнить словами. Когда французы говорили между собой о немцах, гестапо, Сопротивлении и чёрном рынке, они легко понимали друг друга, поскольку прошли через одни и те же события и имели общие воспоминания. У англичан и французов теперь разная память: Лондон жил с гордостью, Париж — с отчаянием и позором. Нам предстоит рассказать о себе без пафоса, вам предстоит услышать наш голос и за словами различить всё невысказанное, что может быть выражено только фигурой умолчания.

Но когда я пытаюсь донести эту правду до людей, я сталкиваюсь с новыми трудностями. Оккупация Франции была масштабным общественным событием, охватившим тридцать пять миллионов человек. Как можно говорить за них всех? Судьба небольших городков, крупных промышленных центров и сельской местности была разной. В некоторых деревнях немцы вообще не появлялись, в других они были расквартированы в течение четырёх лет. Поскольку я по большей части проживал в Париже, я ограничусь описанием его оккупации. Я оставлю в стороне физические страдания, действительный, хоть и скрытый, голод, общее снижение здоровья и распространение туберкулёза. В конце концов, эти невзгоды однажды будут статистически подсчитаны и сопоставлены с британскими. Безусловно, уровень жизни в Великобритании оставался значительно выше, чем у нас, но у вас были бомбардировки, ракеты «Фау-1» и боевые потери, тогда как мы не воевали совсем. Но были иные испытания, о которых я и хочу написать. Я хочу попытаться показать, каким образом парижане переживали оккупацию.

Нам нужно избавиться от некоторых лубочных представлений: нет, немцы не маршировали по улицам с оружием в руках; нет, они не заставляли гражданских уступать им дорогу и прижиматься к стенам; в метро они уступали места старушкам, а детей охотно трепали по щёчке; им было велено вести себя хорошо, и они аккуратно и старательно выполняли приказ. Иногда они даже проявляли неуклюжую доброжелательность, которая оставалась незамеченной. Более того, не думайте, что французы отвечали им каким-то уничтожающим презрением. Конечно, подавляющее большинство населения избегало любых контактов с немецкой армией. Но не следует забывать, что оккупация была для нас повседневностью. У кого-то спросили,

что он делал во время «террора». Он ответил: «Жил…» И мы все сегодня можем дать такой ответ. Четыре года мы жили, и среди нас жили немцы, поглощённые и обезличенные жизнью большого города. Я невольно улыбнулся, недавно увидев в «Свободной Франции» снимок, на котором немецкий офицер с бычьей шеей и широкими плечами роется в коробке с книгами на набережной Сены под холодным и тоскливым взором маленького старика-книготорговца с козлиной бородкой. Немец расправил плечи, словно бы выталкивая своего тощего соседа из кадра. Снимок имел следующую подпись: «Германия оскверняет берега Сены, прежде принадлежавшие поэтам и мечтателям». Я прекрасно понимаю, что такая фотография—не подделка; но это лишь картинка, произвольный кадр. Взгляд обычно охватывает большее пространство: фотограф видел сотни французов, роющихся в десятках коробок, и лишь одного немца, сравнительно маленького для этой большой картины, одного листающего старую книгу немца, тоже, быть может, мечтателя и поэта—во всяком случае, человека безобидного. И именно с этой безобидностью проходящих по улицам солдат нам постоянно приходилось иметь дело. Люди расступались перед немецкой униформой и смыкались позади, её скромный бледно-зелёный цвет почти не выделялся на фоне тёмной одежды гражданских.

В конце концов, одни и те же повседневные нужды сталкивали нас с ними, общий поток людей подхватывал нас, влёк, влиял на нас; нас притискивало к ним в метро, мы сталкивались друг с другом тёмной ночью. Спору нет, мы бы убивали их без сожаления, если бы получили на то приказ; спору нет, мы хранили про себя нашу злобу и ненависть, но эти чувства приняли несколько отвлечённый вид, и со временем между парижанами и этими солдатами, чем-то столь напоминавшими французских, возникло некое подобие постыдного и неясного сочувствия. Сочувствия, которое не сопровождалось никакой симпатией, а скорее было результатом биологического сходства. Поначалу нас тошнило от их вида, а потом понемногу мы приучились их не замечать, они стали частью обыденности.

Безобидными их делало незнание нашего языка. Я часто слышал, как парижане в кафе открыто говорили о политике всего в паре шагов от одинокого немца, сидевшего и рассеянно глядевшего на свой стакан лимонада. Для нас они были скорее мебелью, чем людьми. Когда они останавливали нас, чтобы предельно вежливо спросить дорогу,—для большинства из нас это были единственные случаи общения с ними—мы скорее смущались, чем злились; проще говоря, мы чувствовали неловкость. Мы помнили раз и навсегда данный себе зарок: никогда с ними не разговаривать. Но в то же время при встрече с этими заблудившимися солдатами в нас пробуждалось старое гуманное стремление помочь и ещё одно усвоенное в детстве правило—не бросать человека в затруднительном положении. Следовательно, в зависимости от настроя и обстоятельств кто-то отвечал «не знаю» или «второй поворот налево» и в обоих случаях оставался недоволен собой. Однажды на бульваре Сен-Жермен военная машина опрокинулась и придавила немецкого полковника. Я увидел, как десяток французов бросился вытаскивать его. Я уверен, что они ненавидели захватчика; и некоторые из них впоследствии, безусловно, стали бойцами «Свободных французских сил»[1], сражавшимися на том же самом бульваре. Но в конце концов: был ли оккупантом этот придавленный машиной человек? И как нужно было поступить в этой ситуации? Представление о противнике в целом твёрдо и ясно, только если противник отделён от нас линией огня.

А ведь противник был, и он был ненавистен, но не имел лица. По крайней мере, те, кто видел это лицо, редко возвращались, чтобы рассказать о нём. Я охотно сравню его со змеёй. Он хватал наших людей во тьме, и они исчезали. Казалось, их поглощало безмолвие. Однажды один человек позвонил другу, и телефон долго звенел в пустой квартире; когда же консьерж вскрыл дверь, он увидел два стоящих рядом стула и окурки от немецких сигарет возле их ножек. Присутствовавшие при задержании жёны и матери исчезнувших сообщали, что их забрали очень вежливые немцы, вроде тех, которые спрашивали у нас дорогу на улице. А когда они приходили справиться об арестованных на проспект Фош или улицу Сосе[2], их там встречали вежливо и иногда даже провожали обнадёживающими словами. И между тем на проспекте Фош и улице Сосе жильцы соседних домов целыми днями и поздно ночью слышали крики боли и ужаса. Не было такого парижанина, у которого не забрали, не выслали или не казнили родственника или друга. Как будто в городе были тайные бреши, через которые город изливается, незримо кровоточит и пустеет. Однако люди предпочитали об этом не говорить, замалчивали это непрестанное кровотечение даже более, чем голод, отчасти из осторожности, отчасти из гордости. Люди говорили: «Они взяли его»,—и это «они», подобное вымышленным преследователям всех параноиков, почти не обозначало людей: скорее, это было подобие живой и неосязаемой копоти, испачкавшей всё, даже свет. Мы слышали их по ночам. Ближе к полуночи на улицах раздавались

1. Вооружённые силы французского патриотического антинацистского движения.—*Прим. перев.*
2. На этих улицах располагались штабы гестапо.—*Прим. перев.*

одинокие, но быстрые шаги запоздалых прохожих, спешивших вернуться домой до комендантского часа, и снова наступала тишина. И мы знали, что единственные шаги, доносившиеся снаружи,—это их шаги. Трудно воссоздать впечатление, которое производил этот город, эта ничейная земля, приникшая к нашим окнам и населённая только *ими*. Дома вовсе не были надёжным убежищем. Гестапо часто устраивало аресты между полночью и пятью утра. Казалось, что каждую минуту могут распахнуться двери, впуская внутрь холод, ночь и трёх вооружённых револьверами немцев. Даже когда мы не говорили о них, мы ощущали их присутствие. Это проявлялось в том, что вещи становились не нашими, более чуждыми и холодными, в некотором смысле более публичными, как если бы посторонний взгляд вторгался внутрь наших домов. Поутру мы видели маленьких невинных немцев, спешащих в свои конторы с портфелем под мышкой и более похожих на адвокатов в униформе, чем на военных. На их знакомых, но невыразительных лицах мы пытались найти следы той свирепости, которую мы воображали себе ночью. Напрасно. И всё же ужас не рассеивался; и, может быть, отвлечённый ужас был самым мучительным, поскольку он не связывался ни с кем конкретным. Во всяком случае, это была первая черта оккупации, так что вам следует представить себе постоянное сосуществование с фантомной ненавистью и врагом, слишком привычным, чтобы его можно было по-настоящему ненавидеть.

У нашего ужаса было немало других источников. Но прежде, чем рассказать о них, я хотел бы разъяснить одно недоразумение: не следует воображать его в качестве яркого и сильного переживания. Как я уже говорил, мы продолжали жить. Это означает, что мы продолжали работать, есть, говорить, спать, иногда даже—хоть и нечасто—смеяться. Ужас скрывался вовне, среди вещей. О нём можно было на время забыть—сильно увлечься книгой, беседой, влюблённостью, но потом приходилось неизбежно возвращаться к нему, поскольку он никуда не исчезал. Спокойно, неизменно и практически незаметно он окрашивал наши мечты и самые прагматичные соображения. Одновременно он задавал структуру нашего сознания и смысл мира. Теперь, когда он улетучился, он представляется нам лишь одной из составляющих нашего бытия; но в то время, когда мы были погружены в него, он был нам столь привычен, что представлялся естественным оттенком нашей натуры. Поймут ли меня, если я скажу, что он был невыносим—и в то же время мы к нему привыкли?

Говорят, есть такие сумасшедшие, уверенные в том, что в их жизни произошло нечто ужасное. А когда они пытаются осмыслить, что же поделило их жизнь на «до» и «после», выясняется, что ничего особенного не произошло. Нечто подобное было и с нами. Всякую минуту мы ощущали утрату связи с прошлым. Прервались наши традиции, а с ними и наши привычки. И нам было нелегко уловить суть этой перемены—даже поражение не объясняло всего. Теперь я понимаю, в чём было дело: Париж умер. Ни машин, ни пешеходов—разве что в определённые часы и в определённых районах. Мы двигались среди каменных стен, словно все ушли, а нас забыли. Словно бы провинциалы затерялись в столице; остов города казался нам бесполезным, неподвижным и слишком большим: улицы были бесконечными и слишком широкими, расстояния—слишком огромными, перспективы—слишком обширными. Немудрено было заблудиться, поскольку парижане сидели по домам или не покидали своих районов. Они тоже боялись этих огромных суровых дворцов, ежевечерне погружавшихся в кромешную тьму. Но здесь снова не следует преувеличивать: многим нравилось это буржуазное спокойствие, очарование увядания, которым лунный свет обряжал обескровленную столицу; но само их удовольствие было приправлено горечью. Что может быть горше, чем пройти по своей улице, мимо своей церкви, своей администрации, испытывая то же меланхолическое удовольствие, как при посещении Колизея или Пантеона при луне? Всё превратилось в развалины: оставленные дома XVI-го округа Парижа с заколоченными окнами, реквизированные отели и кинотеатры, обнесённые заборами, на которые мы случайно натыкались, закрытые на время войны бары и магазины, чьи владельцы были высланы, убиты или просто исчезли, пьедесталы без статуй, парки, разделённые баррикадами или обезображенные железобетонными дотами, и все эти жирные пыльные буквы на вершинах домов—не зажигавшаяся больше неоновая реклама. Объявления в витринах магазинов—как надгробные надписи: «Всегда в наличии квашеная капуста», «Венское печенье», «Отдых в Туке», «Всё для вашего автомобиля».

Мы тоже прошли через это, скажете вы. В Лондоне также были затемнения и ограничения. Конечно, мне это известно, но эти перемены в вашей жизни имели иной смысл. Насколько бы ни преобразился и замер Лондон, он оставался столицей Англии—Париж перестал быть столицей Франции. Раньше все автомобильные и железные дороги вели в Париж; парижанин был дома в центре Франции и в сердце мира. На горизонте всех его притязаний и желаний были Нью-Йорк, Мадрид и Лондон. Париж, питаемый Перигором, Босом, Эльзасом и атлантическим рыболовством, не был, однако, в отличие от Древнего Рима, паразитической столицей; он регулировал торговлю и жизнь нации, перерабатывал сырьё; он был центром Франции. Всё изменилось после прекращения военных действий: раздел страны на две зоны

отрезал Париж от деревни; побережья Бретани и Нормандии превратились в запретные зоны; бетонная стена отрезала Францию от Англии и Америки. Осталась только Европа, но Европа сделалась миром, внушавшим ужас и означавшим рабство; город королей утратил даже своё политическое значение: призрачное правительство Виши лишило его этого. Франция, разделённая оккупацией на замкнутые провинции, забыла Париж. Город стал просто огромным, унылым и бесполезным скопищем, преследуемым воспоминаниями о прежнем великолепии и поддерживаемым случайными вливаниями. Его вялое существование зависело от количества товарных поездов и грузовиков, которые немцы пропускали каждую неделю. Как только Виши хоть в малой мере позволяло себе несговорчивость, как только Лаваль проявлял нерасторопность по части обеспечения Берлина работниками, вливания немедленно прекращались.

Париж угасал и жадно зевал под пустым небом. Вырванный из мира, подкармливаемый из жалости или из расчёта, он обладал отвлечённым, чисто символическим существованием. Тысячу раз за эти четыре года французы наблюдали аккуратно расставленные бутылки с винами сент-эмильон или мерсо в витринах продуктовых магазинов. Измученные соблазном, они приближались, лишь чтобы прочитать, что это витринные муляжи. Как и сам Париж: он тоже был витринным муляжом. Всё было выхолощенным и пустым: Лувр без картин, парламент без депутатов, сенат без сенаторов, лицей Монтеня без студентов. Искусственная жизнь, которую немцы всё ещё поддерживали в нём,—театральные постановки, бега, мрачные и унылые празднества—имела целью лишь показать, что Францию не тронули, поскольку Париж всё ещё существует. Какое странное последствие централизации! С другой стороны, англичане бомбили Лорьян, Руан и Нант, но предпочли пощадить Париж. Так что в этом городе мы в агонии наслаждались мертвенным и символическим покоем. Всё вокруг этого островка было залито железом и сталью, но поскольку нам не было дозволено участвовать в труде провинций, нам было отказано и в праве разделить их страдания. Символ—этот трудолюбивый и беспокойный город стал просто символом. И, глядя друг другу в глаза, мы пытались понять, не стали ли символами и мы сами.

Всё это потому, что они четыре года воровали наше будущее. Нам приходилось рассчитывать на других. А для других мы были просто объектом. Несомненно, английские радио и пресса выражали нам сочувствие. Но с нашей стороны было бы слишком самонадеянно и наивно верить, что англичане вели эту кровавую войну ради нашего освобождения. Они отважно защищали свои жизненные интересы с оружием в руках, и мы отлично понимали, что входили в их планы лишь в качестве одного из элементов. Что до немцев, то они прикидывали, как бы получше встроить этот кусок в объединение, которое они называли «Европа». Мы чувствовали, что наша судьба ускользает из наших рук; Франция была подобна вазе с цветами, которую выставляют на подоконник, когда солнце встаёт, и убирают ночью, не спрашивая её мнения.

Все знают, что сумасшедшие, больные деперсонализацией, утверждают, будто «все мертвы», поскольку сами они перестали проецировать своё будущее за пределы себя и одновременно разучились прогнозировать будущее других. Пожалуй, мучительнее всего было то, что все парижане оказались деперсонализированы. До войны мы ласково смотрели на ребёнка, юношу или девушку, поскольку ощущали в них будущее, смутно предчувствовали это будущее в их жестах и чертах их лиц, потому что живой человек—это прежде всего проект, предприятие. Но оккупация лишила людей их будущего. Мы уже не провожали парочки глазами, стараясь представить их судьбу: наша судьба не отличалась от удела гвоздя или дверной ручки. Все наши действия были ограниченными, их значение не выходило за пределы того дня, в который они были совершены. Рабочие трудились на фабрике изо дня в день, а назавтра им могли отключить электричество, Германия могла прервать поставки сырья, их могли взять и отправить в Баварию или Пфальц; студенты готовились к экзаменам, но кто бы поручился, что они их сдадут? Мы смотрели друг на друга как на мертвецов. Это расчеловечивание, это окаменение человека было настолько непереносимо, что многие бросились в Сопротивление, чтобы избавиться от этого и вернуть себе будущее. Странное будущее, которое могло оборваться пытками, тюрьмой или смертью, но по крайней мере создаваемое нашими собственными руками[3]. Однако Сопротивление было лишь решением личной проблемы, и мы всегда понимали, что англичане победили бы и без него, а если бы им суждено было проиграть, то проиграли бы и вместе с ним. Для нас это имело прежде всего символическое значение, и поэтому многие члены Сопротивления были исполнены отчаяния: они так и оставались символами. Символическое восстание в символическом городе—настоящими были только пытки.

Поэтому мы чувствовали себя вне игры. Мы больше не участвовали в этой войне, и поскольку мы её больше не понимали, мы испытывали стыд. Издалека мы наблюдали за тем, как англичане

3. Если кто-то искал оправдания явлению коллаборационизма, он также мог бы сослаться на попытку обеспечить Франции будущее.—*Прим. авт.*

и русские приспосабливаются к немецкой тактике, а сами продолжали переживать собственное поражение 1940 года, которое оказалось слишком быстрым, чтобы чему-то научить нас. Тот, кто насмешливо поздравляет нас с неучастием в войне, не представляет, с какой радостью французы снова бы взялись за оружие. День за днём мы наблюдали разрушение наших городов, расхищение наших богатств, трату наших молодых сил. Три миллиона мужчин гнили в Германии, а уровень рождаемости во Франции падал. Какая битва принесла бы больше вреда? Но наши жертвы, которые мы бы принесли с охотой, если бы они приблизили нашу победу, были бессмысленны, бесполезны или полезны немцам. И, пожалуй, с этим согласятся все: страшны не страдания и смерть, а напрасные страдания и смерть. Из своей полной заброшенности мы иногда видели, как над нами пролетают самолёты союзников. Наше положение было столь противоречиво, что сирены реагировали на них как на врагов. Приказ был строг: мы должны были покинуть свои конторы, закрыть магазины и спуститься в укрытия. Мы его не выполняли — мы оставались на улицах, задрав носы кверху. И не стоит видеть в этом недостаток организованности, разновидность бесполезного протеста или глупый кураж: мы с отчаянием смотрели на наших единственных друзей. Этот молодой пилот, пролетавший над нами в своём самолёте, был невидимыми узами связан с Англией, с Америкой — большой свободный мир заполнял небо. Но единственное послание, которое он нёс нам, было послание смерти. Никто никогда не узнает, сколько веры в союзников нам было нужно, чтобы по-прежнему любить их и принимать от них разрушение нашей земли, чтобы, несмотря на это, в их лице приветствовать Англию. Когда бомбы летели мимо целей и падали на жилые кварталы, мы изощрялись в оправданиях, иногда даже обвиняли немцев — что это они бросали бомбы или нарочно с опозданием давали тревогу, чтобы поссорить нас с англичанами.

Во время больших бомбардировок я провёл несколько дней в Гавре с семьёй одного из моих товарищей по плену. В первую ночь мы сидели вокруг радиоприёмника, и отец с наивной и трогательной серьёзностью крутил настройки; можно было подумать, что он служит мессу. А когда «Би-би-си» передала первые новости, мы услыхали далёкий рёв самолётов. Мы отлично знали, что они летят бомбить нас; я долго ещё не забуду смесь ужаса и экстаза в тихом голосе одной из женщин, когда она сказала: «Англичане идут!» И четверть часа, не вставая со стульев, окружённые шумом взрывов, они внимали голосу Лондона: им он казался существеннее, и самолёты над головой лишь придавали ему значение. Но эти акты веры создавали непрерывное напряжение; они часто требовали от нас заглушить внутреннее негодование. Мы подавили его, когда сравняли с землёй Лорьян, когда разрушили центр Нанта и ударили в сердце Руана. Возможно, вы сможете оценить наши усилия. Иногда злость брала верх, и тогда мы подавляли её разумом, как дурную страсть.

Помню, как в июле 1944 года поезд, на котором я возвращался в Шантильи, попал под пулемётный обстрел. Это был поезд с предместий, он не представлял никакой угрозы; три самолёта пролетели над ним, и в считанные секунды в поезде оказалось трое убитых и с десяток раненых. Пассажиры, стоя на путях, наблюдали, как перетаскивают носилки, а также зелёные скамейки, которые пришлось снять с ближайшей железнодорожной станции для транспортировки тел из-за нехватки носилок. Их лица были бледны от волнения и гнева. Они ругали и оскорбляли вас за бесчеловечность и варварство: «Зачем нужно было разворачиваться и нападать на беззащитные поезда? Мало им дел по ту сторону Рейна? Пускай летят на Берлин! Ах, видно зениток испугались!» И т. д. Внезапно кто-то придумал объяснение: «Слушайте, обычно они целятся в локомотив, это никому не вредит. А сегодня локомотив поставили в хвосте, поэтому они и обстреляли первый вагон. Поймите, что при той скорости, с которой они летели, они не заметили этой перемены». И сразу все утихли: все утешились тем, что пилот не совершил непростительное преступление, и мы можем дальше любить вас. И это искушение гневом, с которым нам так часто приходилось бороться, было не последним из наших бедствий. Я могу свидетельствовать, что наше одиночество достигло апогея, когда под насмешливыми взглядами наших победителей, немцев, мы наблюдали за дымом пожаров, которые вы зажгли на въездах в наш город.

Мы не смели жаловаться: нам было не по себе. Впервые этот мучивший нас тайный стыд я испытал в заточении. Пленники были несчастны, но не могли чувствовать к себе жалость. «Ну и ну! — говорили они. — Как же нас встретят дома?» Их терзания приняли беспощадную, горькую и мучительную форму, отравленную ощущением, что они заслуженно оказались здесь. Они стыдились Франции. А Франция стыдилась мира. Иногда бывает хорошо пролить по себе слезу. Но как могли мы жалеть себя, если остальные нас презирали? В моём Шталаге поляки не скрывали своего презрения, а чехи упрекали нас за то, что мы бросили их в 1938 году. Мне рассказывали, что сбежавший русский, скрывавшийся у анжуйского полицейского, говорил про нас с ласковой улыбкой: «Французы — кролики! Кролики!» Вы также порой не щадили нас в своих замечаниях, и я всё ещё помню ту речь генерала

Смэтса[4], которую мы были вынуждены безропотно выслушать. Конечно, после всего этого возникал соблазн погрузиться в своё унижение и усилить его. Возможно, мы могли бы придумать оправдание. В конце концов, могущественнейшим державам мира потребовалось четыре года, чтобы победить Германию; что же удивительного в том, что мы уступили первому натиску, раз уж мы оказались с врагом один на один? Но мы и не думали оправдываться: лучшие из нас примкнули к Сопротивлению, чтобы спасти свою страну. Другие по-прежнему колебались и терзались, растравляли свой комплекс неполноценности. Не кажется ли вам, что хуже всего — это покориться судьбе, которую считаешь заслуженной, но не искупительной?

Но в тот самый миг, когда мы готовы были отдаться угрызениям совести, правительство Виши и его приспешники решили подтолкнуть и тем самым удержали нас. Оккупация привела не только к постоянному присутствию захватчиков в наших городах; она также проявилась на наших стенах и в наших газетах в виде уродливого образа нас самих, который нам старались навязать. Для начала коллаборационисты воззвали к нашей порядочности. «Мы потерпели поражение, — говорили они, — давайте покажем, что мы умеем проигрывать и признавать свои ошибки». И сразу следом: «Согласитесь, что французы легкомысленны и бестолковы. Они хвастуны и эгоисты и совершенно не понимают чужие народы. Война обрушилась на нашу страну, когда она находилась в полном упадке». Юмористические плакаты высмеивали наши последние надежды. Перед лицом такой подлости и таких грубых уловок мы ожесточились и вспомнили о гордости. Увы, едва мы поднимали голову, как натыкались на настоящие поводы для отчаяния. И вот, совершенно сбитые с толку, мы жили в унынии, не смея себе в этом признаться, в стыде и отвращении.

Что ещё хуже, мы не могли сделать шаг, не могли есть и даже дышать без того, чтобы не стать пособниками оккупантов. Перед войной пацифисты не раз объясняли нам, что захваченная страна должна не сражаться, а перейти к пассивному сопротивлению. Легко сказать: чтобы такое сопротивление имело силу, железнодорожники должны воспрепятствовать движению поездов, а крестьяне — отказаться работать в поле. Победитель оказался бы в затруднении, но он смог бы снабжать себя из собственной страны, а вот оккупированная страна, несомненно, исчезла бы в краткий срок. Поэтому нам приходилось работать, поддерживать подобие национального хозяйственного механизма вопреки разрушениям и грабежам, поддерживать минимальный жизненный уровень. Однако любая деятельность служила врагу, который приник к нам, присосался к нашей коже и жил с нами в симбиозе. В наших жилах не было ни капельки крови, в которой он не имел бы доли. Люди часто поминали «коллаборационистов», и среди нас, бесспорно, были подлинные предатели. Мы их не стыдились: в каждой стране есть свои отбросы, отребье озлобленных неудачников, которые моментально наживаются на бедствиях и революциях. Существование Квислинга или Лаваля в составе нации — естественное явление, вроде самоубийств или преступлений. Ненормальным для нас оказалось положение, при котором вся страна целиком оказалась вынуждена служить неприятелю. Метро, наша гордость, не работало на врага, но если крестьяне хотели и дальше кормить нас, то им было нужно и дальше выращивать свой скот, половина которого уходила в Германию.

Все наши поступки были двойственны: невозможно было понять, стоит ли порицать или одобрять сделанное; едва различимый яд проник во все наши начинания. Приведу лишь один пример: железнодорожные рабочие — кондукторы и механики — держались превосходно. Их выдержка, их мужество и их периодическое самопожертвование спасли сотни жизней, поскольку позволили снабжать Париж продовольствием. Большинство из них состояли в Сопротивлении и доказали это. Однако рвение, с которым они защищали нашу технику, служило интересам Германии; в число сохранённых ими жизней следует включить [немецких] солдат, прибывших в Гавр и Шербур; продуктовые эшелоны также перевозили военную технику. Таким образом, эти люди, заботившиеся исключительно о своих соотечественниках, в силу обстоятельств также работали на наших врагов и против наших друзей; и когда Петен вешал им на грудь ордена, то это Германия награждала их. С начала до конца войны мы не могли разобраться в своих действиях и взять на себя ответственность за их последствия. Зло было повсюду, всякий выбор был плох, но приходилось выбирать и принимать ответственность. Каждый удар сердца усугублял нашу вину и наш ужас.

Возможно, нам было бы проще принять наше жалкое состояние, если бы мы смогли использовать против правительства Виши то самое единство, которого правительство требовало от нас. Но это неправда, что трагедия сближает людей. Прежде всего, оккупация разбросала семьи по разным концам света. Парижский промышленник

4. Ян Христиан Смэтс (1870–1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, участник Англобурской войны; премьер-министр ЮАС с 1939 г.; советник военного командования Великобритании во время Второй мировой войны. О каком высказывании Смэтса идёт речь, неясно, но, возможно, в своей речи Смэтс назвал французских работников в Германии «добровольцами».

мог оставить жену и дочь в свободной зоне и — по крайней мере, в первые два года — не видеться с ними и не писать им, обходясь редкими открытками; его старший сын мог быть узником Офлага, а младший мог примкнуть к де Голлю. В Париже не хватало слишком многих, и, пожалуй, это было одной из самых примечательных черт нашего положения — культ памяти, которому мы следовали и который имел в качестве объекта даже не далёких друзей, а утраченную сладость жизни и гордость ею. Вопреки нашим усилиям воспоминания бледнели с каждым днём, и лица исчезали одно за другим. Мы много говорили о заключённых, а со временем переставали; не то чтобы мы забывали о них, но они сливались с нашим общим страданием и превращались в зияющие пустоты. Понемногу они смешивались с нашей истощённой кровью, мы тосковали по ним тем же общим нерасчленённым образом, как и по жиру, сахару или витаминам. Точно так утрачивался вкус шоколада или печёночного паштета, память о прежних светлых деньках, о праздновании 14 июля[5] у Бастилии, о прогулке с любимым человеком, о вечере на берегу моря, о величии Франции. Наши потребности угасали вместе с памятью, и поскольку человек привыкает ко всему, нам было стыдно привыкать к нашему унижению, к питанию брюквой, к скудным свободам, которыми мы ещё могли пользоваться, к нашей душевной пустоте. Мы неуклонно упрощали свою жизнь и дошли до того, что говорили только о еде, может быть, даже не столько от голода, сколько от страха перед завтрашним днём, поскольку поиск «источников снабжения» был единственным всё ещё доступным для нас занятием.

Но оккупация также открыла старые раны и углубила разделявшую французов неприязнь. Разделение Франции на северную и южную зоны оживило старое соперничество между Парижем и провинциями, а также между Севером и Югом. Жители Клермон-Феррана и Ниццы обвиняли парижан в сговоре с врагом. С другой стороны, парижане ругали французов из свободной зоны за «мягкотелость» и самодовольную похвальбу тем, что они не оккупированы. Следует признать, что с этой точки зрения немцы оказали нам большую услугу, нарушив условия перемирия и распространив оккупацию на всю страну. Тем самым они восстановили национальное единство.

Но сохранилось множество иных раздоров: например, между городскими и сельскими жителями. Фермеры считали, что к ним всегда относились с презрением, и крепко отомстили горожанам. В свою очередь, горожане обвиняли фермеров в насыщении чёрного рынка и удушении городов голодом. Правительство усугубляло конфликт, в своих речах то превознося фермеров до небес, то порицая их за укрывательство урожая. Крикливая демонстрация роскоши в некоторых ресторанах настроила рабочих против средних классов. Честно говоря, эти заведения посещали в основном немцы и коллаборационисты. Но само их существование наглядно выявило социальное неравенство. Точно так же рабочий класс осознавал, что именно его членов набирали на принудительные работы: буржуазии это почти не касалось. Делалось ли это немцами намеренно, чтобы посеять рознь, как мне говорили, или просто рабочие были полезнее для их целей? Я не знаю. Но то, что мы не понимали, радоваться ли тому, что большинство студентов избегли депортации, или из чувства солидарности желать, чтобы эта мера затронула все слои общества, само по себе было признаком нашей раздвоенности. Наконец, во имя полноты картины следует отметить, что поражение обострило конфликт поколений. В течение четырёх лет участники Первой мировой войны ругали солдат 1940 года за проигранную войну, а те, в свою очередь, ругали первых за то, что они не сохранили мир.

Однако не следует представлять Францию совершенно расколовшейся. Истина не так проста. Эти раздоры по большей части оказывались лишь препятствиями для огромного, но неорганизованного стремления к единству. Может, сказывалась нехватка доброй воли. Молодые смутно мечтали о новом строе, в то время как группа промышленных магнатов была готова идти на уступки. Если только возникала стычка двух пассажиров метро или ссора между неловким пешеходом и невнимательным велосипедистом, толпа повторяла те же слова: «Как можно?! Французы ругаются на глазах у немцев!» Но из-за преград, воздвигнутых между нами немцами, и потребностей тайной борьбы сама природа оккупации в большинстве случаев делала невозможным пустить нашу добрую волю в нужное русло. Таким образом, эти четыре года превратились в долгий и бессильный сон о единстве.

Вот почему нынешний момент так мучительно важен: преграды сняты, наша судьба — в наших руках. Кто воспользуется этими ожившими в нас старыми раздорами или этой великой тягой к солидарности? Но мы просим от вас, наблюдающих за нами из Лондона, немного терпения: память об оккупации ещё не изгладилась, мы едва просыпаемся. Что касается меня, то при внезапной встрече с американским солдатом на углу я испытываю внезапное инстинктивное потрясение: мне кажется, что он немец. А с другой стороны, немец, отсидевшийся в подвале, вышедший из-за голода и желавший сдаться властям, смог пятнадцать дней спустя после освобождения Франции спокойно проехать по Елисейским полям на велосипеде. Люди так привыкли к немецким солдатам, что

5. День взятия Бастилии, национальный праздник Франции. — *Прим. перев.*

не обратили на него внимания. Нам потребуется много времени, чтобы забыть всё это, и черты будущей Франции пока не обозначились.

Но прежде всего мы просим вас понять, что зачастую оккупация оказывалась ужасней войны. Поскольку на войне каждый выполняет возложенную на него задачу, а в нашем противоречивом положении мы оказывались не в состоянии действовать и даже мыслить. Несомненно, что в этот период Франция—за исключением Сопротивления—не всегда показывала своё величие. Всё же, во-первых, вы должны понимать, что активное сопротивление в силу необходимости оставалось уделом меньшинства. Хотя мне кажется, что это меньшинство, отдавшее себя в жертву, более чем с лихвой оплатило нашу слабость. И, наконец, если эти страницы помогли вам понять страдания, позор, ужас и гнев нашей страны, я верю, что вы, как и я, признаете её право на уважение даже в свете её ошибок.

Д*и*Н симметрия

Александр Аросев

Из «Записок Т. А. Забытого»

Моментами пугаюсь своего отражения в зеркале: физически здоров и, пожалуй, даже красив, а в глазах нервность, беспокойство. И не простое беспокойство, а какое-то большое, глубокое, словно хочется мне весь мир охватить, а он необъятный. И жизнь моя всё равно что былинка в поле. Мне 30 лет, не успею даже грамотным,как следует сделаться. Всякий вопрос волнует. Начнёшь разбираться—на его место сто вопросов. Дотронешься до них—их стало миллион, и вот горит душа, разрывается, рвётся всё выше, всё выше… А за спиной пасмурные дни детства, тяжёлые годы мастерской, тюрьмы и ссылки.

Вот теперь, вот она, заря занимается… Мир празднует зарю, а мои силы перевалили за полдень.

При всей моей гордости пробовал говорить об этом с Деревцовым, он возражает: «буржуазность, индивидуализм», а у самого тоже грусть в глазах и что-то невысказанное. Раньше мы с ним друг о друге всё знали, а вот теперь словно события взбудоражили что-то в мозгу и мы утеряли связь. Но я люблю Деревцова, он—как святой или ребёнок, и глаза у него голубые и глубокие, как у инока, и лицо с нежным румянцем, и кудри круглые, как стружки, и жёлтые, как воск. Да и горит-то он в жизни, как восковая свечечка.

Я слесарь, он столяр, я давно в революции, а он примкнул к нам только в 1912 году, после «ленских» событий. Потом был в ссылке.

Деревцов редко спорил, а если случалось, то всегда робко, застенчиво. Раньше я думал, что он стесняется своих незнаний, но потом убедился, что он боялся обидеть человека словом. И только со мной был откровенен.

Но вот теперь родились между нами непонятные слова. Действуем по-прежнему вместе, плечом к плечу, в одном деле, а всё-таки между мной и им образовался какой-то заслон, который не пробуравишь никакими словами.

И как раз в такое время. На днях мы с ним расстаёмся. Ц. К. посылает его в городишко NN председательствовать в губсовпрофе.

Будет хорошим работником. Одно плохо: любит стишки писать. И, по правде сказать, недурно у него выходит. Однако я ему этого не говорю.

Раз как-то он прочитал мне своё стихотворение, оно мне понравилось, а я не подал к этому вида и по своему обыкновению стал критиковать весьма сурово. Вдруг Деревцов вскочил, подошёл ко мне, положил руки на мои плечи, припёр к стене и сказал:

—Сознайся, Терентий: ведь и ты хотел бы писать? Сознайся, не гордись. Может, и пишешь?

—Я ещё с ума не сошёл.

Зло меня взяло: ведь именно в этот момент Деревцов своими чистыми голубыми глазами заглянул на самое дно моей души и увидал там мою скрытую правду! Как же не писать?! ещё как пишу! Грызу проклятый карандаш, с которого на бумагу стекают корявые слова, рву написанное и снова пишу.

Я бросаюсь на всё: статьи, корреспонденции, заметки. Но редко посылаю их в газеты, потому что не люблю получать отказы.

Вот и записки эти… Увидят ли они свет хотя бы тогда, когда мои пустые глаза будут смотреть в вековечную тьму могилы?

Сегодня мы виделись с Деревцовым в приёмной секретаря Ц. К.

—Ну, что, брат, едешь?—спросил я.

—Да. Сегодня. Нет ли у тебя закурить?

Закурили.

1921

Елена Галиаскарова

По полям гуляют шальные ветры

Ход времени

Принц, не придумано аркана,
Чтоб задержать мгновений бег.
К чему ж крушиться постоянно:
«Где ныне прошлогодний снег?»
Франсуа Вийон

Искать напрасно прошлогодний снег
В скупых лучах сентябрьского солнца.
Не остановишь времени разбег…
«Динь-дон»,—будильник утром отзовётся;
В повозке пронесутся Гор и Ра,
А снизу Сет им будет строить козни—
Неумолима давняя игра…
Премудрый Тот, сердитый и серьёзный,
Запишет в книги даты, имена—
Таис и Эхо, Флору, Берту, Жанну,
Судьба их легендарна, но темна,—
Гласят преданья. Выйдет из тумана
Хатхор и пламя осени зажжёт,
Ступая рядом с Нут, Исидой, Гебом.
Река студёной станет, словно лёд,
И день растает прошлогодним снегом.

Панночка

Ночь рождает тревоги, дурные сны…
По полям гуляют шальные ветры;
Небеса необъятной тоской полны,
И луна блестит золотой монетой.

Воздух сладок от диких цветов и трав,
Ясным светом звёзды горят во мраке.
Притаившись под сенью лесных дубрав,
Упыри смеются и вурдалаки.

Выплывая на берег со дна пруда,
Заплетает панночка русы косы.
И глаза её цвета морского льда
Заполняют горькие, злые слёзы.

Заливаются трелями соловьи,
И колышет листьями вяз столетний.
Она шепчет: «Спаси меня от любви»,—
Но доносит эхо: «Ты ведьма, ведьма».

В мире сказок пусто и очень холодно

Представляю сказочный мир и думаю,
Как пью кофе с эльфом и хитрым гномом
На террасе, скрытой завесой тюлевой,
А люблю, конечно же, Арагорна.
Это чувство странное кружит голову,
Настигает, словно степной торнадо…
Гномы выливают из тигля олово,
Эльфы строят замок у водопада.
Гномы под горою считают золото,
Эльфы гордо слушают комплименты.
В мире сказок пусто и очень холодно,
Жизнь—размыто-старая кинолента.

Мираж

Голубая птица, взмахнув крылом,
Исчезает медленно за холмом.
Ей в пустыне холодно по ночам…
Золотист песок, как индийский чай.
Шелестят барханы, шипит гюрза,
Ворожат и манят змеи глаза.
Впереди—оазис. Мираж, фантом?
Незнакомка в платье стоит простом.
Солнца разливается серебро,
По небу от птицы летит перо;
На сухую землю стрелой упав,
Отзовётся молнией в облаках.

Сказочное

Переплыть океан бессонниц,
Брод найти и на берег выйти.
Засыпая, услышать звонниц
Перекличку. Из пряжи нити
Натянула судьба упруго—
Мойры плакали у порога:
«Не найдёшь ты лихого друга
И во снах». На пруду осока
Танцевала, легко колышась,
Зверь испуг наводил глазами,
Свет струился по елям пышным…
Длился сон и внезапно замер.

Снежный принц

Говорили звери, листва, трава:
«Нет прекрасней снежного божества—
Лёгок принц наш, строен, изящен, бел;
Оживали камни, когда смотрел
Ледяным он взглядом с тоской на них,
И любовь рождалась в сердцах глухих.
Сакура красива, пока цветёт…
Голос его сладок был, словно мёд;
Руки тонки, гибки, как ветви ив;
Танец грациозен, нетороплив.
Принц ушёл, покрыв серебром мосты,
Край далёкий стал без него пустым…»

Чужой мир

В королевстве лживых, кривых зеркал
Длится вечность дикий, жестокий бал.
Чад костров кругом, не цветут сады,
По полянам стелется едкий дым;
Не проходит в царство их солнца свет,
Потерялся чести и правды след.
Сыч клекочет «у-лю-лю» молодой,
И полны колодцы гнилой водой.
Улетели белые журавли,
На земле ромашки лежат в пыли…
Отстранённо на мир чужой гляжу—
Рада, что себя там не нахожу.

Дарья

Выходила Дарья гулять во двор,
Собирала клевер, плела венки,
Заводила с облаком разговор,
Пела песни горькие от тоски.

Шла тропой окольною через мост
И бродила по лесу три версты,
Воротившись к дому, при свете звёзд
Из крапивы жгучей ткала холсты.

Наступала ночь, долгожданный сон
Закрывал ей очи, тягуч иль скор.
А наутро клевер, лазурный лён
Выходила Дарья искать во двор.

Сентябрь

Сентябрь надевает жабо, кружева и браслеты,
Глядит на природу вальяжным и ласковым зверем,
С улыбкой поёт, провожая ушедшее лето,
Дожди обещает, но я в его сказки не верю.
Сентябрь рвёт листву и цветы собирает в букеты,
О солнце мечтает, раскрыв золотистые крылья;
На год улетит в октябре вместе с первым рассветом,
И в небе растают следы его лунною пылью…

Чаепитие

Луна блестела в куполе небес,
Река накрылась дымкою-вуалью.
Зачем, Алиса, ты пришла в наш лес?
Неужто было плохо в Зазеркалье?

Ты пьёшь воспоминаний горький мёд,
С удачей скорой ищешь робко встречи.
Жизнь принесёт паденье или взлёт,
А время, как известно, всё излечит.

Гляди, как Шляпник входит нынче в раж—
Поёт баллады с ветром в упоенье.
А Заяц, август взяв на карандаш,
Ест вкусный торт с малиновым вареньем.

Что в имени моём тебе, скажи—
Сиянье давних призрачных столетий?
Не уберечь от боли и от лжи
Поэтов, что ранимы, будто дети.

Я—Соня… Смолкнул лета шумный рой;
Трамвай надежд заполнен под завязку;
И на свиданье с утренней зарёй
Сентябрь надевает полумаску

И чёрный плащ; любовью окрылён,
Кружится в танце с ней в мечтах безгрешных…
Мне вечно спать и видеть этот сон,
Алисе—собирать в лесу валежник.

Ольга Котенко

Снег

I.

Белый снег
пролетает
мимо чердачных окошек,
мимолётных деталей,
ёлок, взъерошенных кошек,
тёмных лоджий и спален,
шёпота, громких раздоров;
белый снег, он хрусталeн,
он уйдёт, он простится
так скоро.
Белый снег не тревожит
тех, кто спит вечным сном
на кладбище.
Но случайный прохожий
в переулке, глядишь, уже чище.
Снег из сумерек соткан,
суету бытия заметает.
Деревянная лодка
оснежённым двором проплывает.
И становятся пáры
серых парусников бесплотней.
Сирый снег, он недаром
из нещадного бедствия соткан.
Снег напомнит влюблённым,
что остался лишь час до разлуки.
Им, усталым, бессонным,
разомкнёт заплетённые руки.
Снег легко и случайно
(будто бы мы с судьбой не играли)
нам откроет все тайны,
потаённые смыслы и грани.
Снег нахрапом обрушит
свой весёлый ребяческий норов
на немолчные души,
на большие немые просторы.
И окликнет тревожно,
до утра овладев своим правом,
снег, простой невозможно,
снег, всегда так похожий на саван.

II.

Синяя птица
в январском
разбуженном небе;
красные, красные пятна
на сумрачном снеге.
(Боль неприятна.)
На нежном
челе небосвода,
может, распятие,
а может быть,
реет свобода;
или душа отлетает
в нездешние дали,—
здесь, на земле,
мы таких-то чудес
не видали.
Здесь, на земле, до утра
заметают метели
память земную. Не вспомнить,
чего мы хотели.
Спит в колыбели дитя
после странствий недельных.
Мама младенцу поёт
тихий сонм колыбельных.
Будет младенец расти-вырастать,
забывая
маминой нежности гладь,
как видения рая.
Здесь, на земле, суета,
и не вспомнить нам боле:
что же такое мечта?
и зачем она, воля?
что есть свобода?
зачем и кому она снится?
Гладь небосвода.
На нём одинокая птица.

III.

Иду по жасмину,
иду сквозь туманы.
Несутся машины;
уютно и странно
рекламным плакатам,
собакам, прохожим,
таинственным знакам
и знакам дорожным
в густой пелене,
будто бы на ладони
(как что-то во мне,
но что точно—
не помню:
безумно любить—
умереть от простуды),
причастными быть
к откровению и чуду.
Иду по жасмину,
иду как по снегу,
суровые стынут
деревья; и нега
от самых ботинок
и до капюшона
разлилась. Едино
и будто влюблённо
(но нет, не влюблённо,
а только отчасти—
скудно и неполно
моё сопричастие)
иду и глотаю
туман как микстуру.
Домам и трамваям
вручу партитуру,
чтоб стройный хорал
за моё вольнодумство
и пел, и играл
мне:
безумство,
безумство…

IV.

Снег смиренный и робкий.
Хлопья лягут без звука
На поля и на сопки.
На деревья, на руки.
На озябшие плечи.
На баркас у причала.
Снег, мне незачем! нечем!
Снег. Начать бы сначала.
В этом зыбком покое
столько радости детской.
Что-то сталось такое,
что от чуда не деться;
от его безмятежной,
утешающей силы;
так хотелось быть нежной
или жутко красиво
жизнь прожить. Всё бежать
по белёсому полю
босиком и не знать
ни предела, ни боли.
Снег тихонько ложится
на макушку, на плечи;
эта белая птица,
её спутник—беспечность.
Сыплет, сыплет комочки
разорённое небо
так светло и непрочно,
будто всё это небыль;
будто сказочно гибко
этой ночи сознание.
(Сколько снега налипло
на зрачок мироздания.)
Будто там, в небесах,
предприимчивый кто-то
разложил на весах
свои дни и заботы.
Мне самой, как на грех,
что-то в душу запало…
С неба падает снег
и приносит «начало».

Вера Дорошева

Кусочек северных ветров

• • •

А в окнах домов кровь, кровь, грязь.
Дайте мне головой на закат упасть,
Чтоб все видели кровь на моих волосах,
Чтобы ветер на теле моём плясал,
Чтобы уголь последних весенних ночей
Мне на лбу оставил оттиск: «Ничей».
Когда из глаз моих тысячелистники прорастут,
Я буду всё ещё тут, всё ещё тут.
Идя на закат, букет составляй так:
Куриная слепота, берцовая кость, мак.

Август

Август, все тайны свои выдай!
Из потемневшего дома выйду.
Подпись в открытке «Прощайте! А. Лиделл»
В бисеринках росы́.
Если во сне взрослеют дети,
Если в газетах сплошные сплетни,
Если объятья тесней, чем петли,
Заводить ли часы?
Сад весь в паучьей сквозной штопке,
Первые яблоки падают робко.
Горечь—она во второй стопке,
Как и шум в голове.
Если трезветь уже нет смысла,
Если упавшее яблоко—кисло,
Если гниют по пути письма,
То зажигать ли свет?
Окна забиты, забыт адрес.
Из лепестков твоих губ абрис
Складывает на скамье август—
Этим губам не цвесть.
Если сентябрь перешёл границу,
Если я не перелётная птица,
Если стекло накрывает лица,
То почему я здесь?
Тихое утро, чай вчерашний.
Облако, озеро и башня.
Жить в ожиданье—моё брашно,
Что ночам не отнять.
Если прострелены жёлтым кроны,
Если дожди омывают кровью
И ничего не осталось, кроме—
Ждать,—значит, буду ждать.

• • •

Я написала бы о фонарях,
И о гирляндах, и о телефонах.
О том, как разбиваются плафоны.
О том, как лампочки горят.
О рожице на матовом стекле,
Скорее даже, роже—чёрной сажей.
О том, как морось по стеклу их мажет.
Об их тепле. Негреющем тепле.
О том, как светят в темноте экраны—
И слабо, и неверно. Долгожданно.
Что телефон скорей для света дан нам,
А не для набивания карманов.
О скромности: как гаснут на рассвете.
И об ошибках: те, что не погасли.
О соке света и о света масле.
Могу их одиночество отметить.
Да, я могу. Могла бы. Я б хотела.
Но тёмен телефон. Гирлянды спят.
У фонаря в окне нимб слишком свят.
И я, увы, уже перегорела.

• • •

Дорога белою позёмкой
Мне стелет свадебный покров.
И отрезает месяц тонкий
Кусочек северных ветров.
Мой свадебный пирог так горек!
Невеста февраля, не спи.
Толпе берёз, подружек голых,
Меня на ложе унести.
Спадает кожа, как одежда,
Вихрится льдистая пыльца.
И вот жених, суров и нежен,
Подносит два литых кольца.
Хрустят, как льдинки, пальцы мужа,
Смыкаясь на моём локте́.
Мой белоснежный, ты простужен?
Давай укутаю в метель!
Застыв от страха и мороза,
Покорно жду: ругай, балуй.
И расцветает синей розой
На теле каждый поцелуй.

Закулисье

1.

Всё, что мне нужно: пригоршня слов, щепоть запятых и точек.
И чтобы фонарь ласкали озябшие мотыльки.
Мается ветер, форточкой скрипит, дребезжит, грохочет.
«Если увидишь фею,—говорила мама,—беги!»
Я сыплю и сыплю крупинки букв на раны мирозданья,
Пока на губах не станет горько от выкуренных сигарет.
Напившись тумана, месяц упал за горизонт без сознанья.
Откуда мне знать, может, фея ушла в кордебалет?
Я видел такую, с запястьями тоньше стеблей ландыша.
Она танцевала устало, почти не смотрела в зал.
Я жил полчаса, не думая, не чувствуя, не дыша.
Я послушался маму: встал и убежал.
Мне нужны лишь чистый лист, бутылка вина и правда.
Я не хочу видеть, как ложится на пальцы пыльца.
Мама, скажи: теперь ты веришь, теперь ты рада?
Золото слов становится шариками из свинца.

2.

Последняя тройка песен горчит и сушит.
Слезятся глаза, и воротник туже.
И весь этот мир так далеко, снаружи,
Где рассвет.
Больно гитаре от стиснувших гриф пальцев.
Эй, ты, возле бара, не уходи, останься!
Время для мутных анабиозных танцев.
Или нет.
Любовь прогорела, смех перешёл в кашель.
Фея на плечики вешает платье падшей.
И уходить со сцены уже страшно.
Там рассвет.
Дайте допеть, дохрипеть, дошептать строчку,
Ноту всадить между бровей точно
Этому, возле бара. И стать ночью.
И умереть.

3.

Я делю тебя, как хлеба́ и рыбу,
На ломти, кусочки, считай, на крошки.
С твоих взглядов, жестов, твоих улыбок
Слишком много сборов плачу и пошлин.
В этом зале голодные рты и уши,
В этом зале навеки пустые руки.
Здесь последние песни горчат и сушат,
И вскрываются раны с последним звуком.
Ты щедра, как продавший часы пропойца,
Ты бросаешь в толпу золотые блики.
По утрам, задыхаясь, хрипишь: «Не бойся».
И идёшь умываться, сминая крики.
Я делю тебя. Режу, рву и кромсаю,
Только этих голодных нам не насытить.
Ты закончишься, милая, ты растаешь.
Принесите чернил и налейте выпить.

●●●

Тише, милая, это не смерть—
Это осень пришла посмотреть,
Как дожди вымывают твою невесомую плоть.
И не плачь, ангел мой, не кричи,
Поучись лучше-ка у свечи:
Тай безропотно, воском не смея их рук уколоть.
Как бездомный осенний листок
Обнажает свой хилый остов,
Так и ты—не стесняйся своих опустевших глазниц,
Позвонков беломраморных бус.
Я тебя, мой цветок, не боюсь.
Даже небо пред ликом твоим опускается ниц.
Королева дождей октября,
Вслед за мной, над асфальтом паря,
Ты плывёшь. И в остатках дыхания—плесень и гниль.
Милый, это не дождь—кислота.
Я растаю. Я слишком пуста.

…То ли снег припорошил крыльцо, то ли костная пыль.

Купальская ночь

Три капли греха на моём языке,
Три сорванных с веток чужих поцелуя.
Я возле костра. Я смеюсь и танцую.
И бьётся рассвет вдалеке.

И руки… В чужих торопливых руках
По пригоршне красных древесных углей.
И губы чужие неистовей, злей,
А я вся вытягиваюсь на мысках.

Сквозь запахи жёстких, раздавленных трав,
Сквозь воздух, холодный, ночной и живой,
Взлетаю и падаю—мне не впервой.
Крыло моё—белый рукав.

В беспамятстве небо раскинулось. Искр
Испуганных рой улетает во тьму.
А я всё никак слов чужих не пойму.
Невнятен их выговор, быстр.

Я в коконе ночи, но срок мой придёт,
И шёлк этих рук разорвать я смогу,
Чтоб долго сидеть на речном берегу,
Глядеть, как рассвет восстаёт.

Дорога из жёлтого кирпича

Дорога из жёлтого кирпича
Ведёт меня в жёлтый дом.
Об этом Страшила Мудрый смолчал.
Оказался, как все, мудаком.
В его стогу иголок не счесть,
Но я не это искал.
О том, что правда на свете есть
Храбрый Лев промолчал.
Он яростно бился, врагов крушил,
Он был мне почти что брат.
Но он никогда не говорил,
Кто прав, а кто виноват.
Я шёл по дороге. Прямой, как верста,
Не кланяясь, не молясь.
Железного Дровосека уста
Сомкнула ржавчины вязь.
Я не попрошу ни любви, ни мозгов.
Но если есть кто живой,
Прошу, скажите, кто я таков
И где дорога домой.

Княжна

Я пришёл за вирой, княжна.
Я пришёл за верой в весну.
Бесконечно ночь холодна,
И стегает ветер, как кнут.
Опустела моя казна—
Всё ушло на войну с зимой.
За спокойные сны, княжна,
Заплати же—и чёрт с тобой.
Поцелуй урони в ладонь,
Плечи бархатом рук обвей.
Я шагал противусолонь,
Я был сильным. Но ночь сильней.
Сквозь ресницы твои, княжна,
Распускается сон-трава.
Я уже три луны без сна.
Я замёрз. Ты была права.
Наготове снежинок рать,
Сталь мороза обнажена.
Я пришёл к тебе умирать.
Я пришёл за вирой, княжна.

Юлия Вятчина

Подстрочник

Подстрочник

Пока не открыта дверь
(Я не заглянула за дверь),
Ещё несколько секунд будет жить надежда,
Несколько секунд.
А потом ты уйдёшь навеки.
На этих лицах, мелькнувших мимо,
Уже написано слово, что скаталось,
свернулось, как белок,
У меня на губах и запеклось, прилипло.
Я не произношу, так мне страшно и больно,
И стихи выбиваются из-под моей прозы,
Как те маленькие коровки
На берегу моих воспоминаний,
Где солнце на камнях и
Нежный свет в паутинках рощ…
За этой дверью они перестанут существовать,
За этой дверью умирает моя надежда.

Табу

Даже нельзя подумать,
Отчего люди не летают так, как птицы.
А всё потому, что
Они забыли, что их забыли.

Комическое. Арлекин

Ни Пушкина. Ни Сальери.
Ни Бродского. Ни Мандельштама.
Мне ничего не осталось,
Как смотреть не луну
И надеяться,
Что я не задумалась о вечном.

Половина молитвы

Вторая.
Жизни.
Целого.
Яблока.
Половина четвёртого.
Половина игры.
Какая из них, Господи?
Сохрани.

Иди, дождь, иди

Иди, дождь, иди.
Не стой тут в луже,
Ноги ещё промочишь,
Заболеешь, чего доброго.
Ухаживай за тобой потом, камфарой
растирай,
Сказки читай на ночь.
Яблоки замачивай в чайной кружке,
Чтобы теплее тебе стало, сердечнее.
Иди, дождь, иди.
Катись кубарем
Подальше,
Чтобы только голос слышать твой
вкрадчивый
И улыбаться сквозь сон по-детски,
Как чашечка.
Иди, дождь, иди.

Непонятно откуда

Непонятно откуда
Ветром, наверное, с далёких галактик
Принесёт
Звезду.
Что я смогу тогда?
Только поднять её
С земли.
И она растает.

Субъективное. На борту

Постою тут.
Подожду немного.
Волны ударят! И я сразу вспомню,
Чего мне не хватало—
Все эти годы.

Непонятное

Капля не капля.
Цветок не цветок.
Я сорву его,
И окажется…
Что это… кровохлёбка.

Ну совсем уже неопределённое

Нам чего-то в детстве
Всем
Не хватает.
Памяти.
Любви.
Грусти.
Не хватает жизни.
Потом останавливаемся на полдороге.
Смотрим себе вослед, в глаза.
Удивляемся:
Едят это или не едят?

Иллюминатор

Ой! Там что-то виднеется в круглой форточке,
Вертится.
Люди какие-то, акулы, киты,
Креветки какие-то и ракообразные.
Пена пошла кровавая, кого-то там слопали…
Давай лучше книжку почитаем,
«Сказку о рыбаке и рыбке»
Александра Сергеевича Пушкина.

Очень личное. Пьеса

Я помню.
Ты—на стене.
Я раскрашу тебя,
Пока тебя не смыли.
Конец.
Её Величество отправляется в Космос.
Зрелище не для слабонервных.

Чаша

Полную.
Протягивает искренне—
Как будто я не понимаю,
Что мне—
Нет места в этом доме.

Музыкальное

Всё переливы, да и только!
Когда же наступит утро?

Один пример северной мудрости

На дно самой грязной ямы
Кладу эту чистоту—
Убежище для ума.
Соус на каждый день—для чукчи,
Для другого—следующий том размышлений.
Мысленный айсберг, небытие.
Закат вслепую, да и только.
Шаманы дружно подняли руки…
Ах! Время не остановилось.

Не Гамлет

Нет, не иди ко мне!
Достойна эта фраза детских принцев и королей.
А взрослым что делать?
Куда идти? Забыть? Уснуть?
Где был Мольберт, когда её сказали?

Рождение новой жизни

Звёзды выстроились в ряд—строчка,
Луна—точка.
Не мой, человеческий, вопрос:
А что же дальше?
Чёрный квадрат окна.
Широта, длина, высота.
Долгота.
Всё кончилось.
Началось.

Война

Мирно спит волоклюй,
Потянулся крыльями.
Протянулся
В лучах заката.
Громыхнуло где-то.
На западе, может быть, на востоке?
Страшно.
Спит волоклюй…
Сладко.
Что для вечности этот звук?

Анатолий Бимаев

Восемь-восемь

Часть вторая. Начало в «ДиН» №6/2021

12.

— Я опасен,—сообщил пассажир.—Очень. Таких клиентов к тебе ещё не садилось, поверь.

— Да неужели?—произнёс я.

Пассажир взглянул в мою сторону. Его голова болталась на тонкой шее, точно надувной шарик на лёгком ветру. Пьяная голова, пришедшая в недоумение от бесстрашия таксиста. Ему невдомёк, что, когда работаешь по ночам долгое время, к подобному роду шуток попросту привыкаешь. А чувство юмора у наших людей своеобразное. Кто-то заявляет, что зарезал на прошлой неделе десять таксистов и сегодня собирается отправить на тот свет ещё одного, кто-то не с того ни с сего достаёт электрошокер и со словами: «Смотри, что у меня есть»,—включает разряд. Другие, сев на заднем сиденье, начинают обсуждать друг с другом подробности предстоящего убийства, причём на английском—видимо, чтобы водитель не догадался: «Let's kill the driver and take his car». И далее в том же духе, всё из школьной программы за пятый класс, будто в самом деле считая, что таксисты сразу после садика идут изучать автодело, минуя ступени общего образования.

— Ты меня не знаешь,—продолжал пассажир.—Ни кто я такой, ни куда еду, ни что у меня на уме. Не знаешь обо мне ничего. А я опасен. У меня с собой ствол. Я серьёзно. Если хочешь увидеть детей, тогда ты немедленно отдашь мне машину и деньги.

Тут, наверное, следовало треснуть его хорошенько ломом по голове и отвезти в отделение. Вот бы он удивился, проснувшись наутро и обнаружив, что на него шьют сто шестьдесят вторую статью уголовного кодекса. Другой на моём месте так бы и сделал, но мне было жаль дурака.

— Что скажешь? Отдаёшь тачку?

— Может, отдать и ключи от квартиры, где деньги лежат?

— Тебе смешно? А я не шучу. У меня действительно с собой ствол. Я очень опасен. Ё...нутый на всю голову. Сколько ты заработал сегодня? Кошелёк вроде пухлый. Дай-ка я посчитаю.

— Так, завязывай с этим дерьмом. Или я тебя высажу.

Тут у пассажира что-то переключилось в башке. Казалось, я даже услышал, как щёлкнул рубильник.

— Я два года служил в ВДВ,—заявил он.—Да за таких, как ты, я любому голову оторву. Не смотри, что я щуплый. У меня одни жилы. Могу прямо сейчас подкову руками согнуть.

— Тогда ты и впрямь чертовски опасен.

— Так я тебе о том и говорю,—произнёс он, протянув двести рублей, в два раза больше, чем требовалось.—А по ночам всё равно не работай. Не стоит это того. Столько психов вокруг.

Получается, он давал мне бесплатный совет. А я его и не понял.

Хороший совет. Но послушал бы я, что он запел, если бы ему самому пришлось работать в такси по шестнадцать часов в сутки. Через полгода он бы как миленький перешёл на ночную работу. Дорога свободна, конкурентов-бомбил—раз-два и обчёлся, к тому же ночью действовал повышенный тариф. Вот и получалось, что те же самые деньги можно было накатать за каких-нибудь восемь-девять часов. Выгода налицо. Как в рекламе про «Тайд».

Я пролетал Абакан за пару мгновений, как метеор. Никто не тупил передо мной, преграждая дорогу, никто не хромал по зебре, сгорбившись в три погибели. Даже в будние дни, в самые бедные на праздники месяцы, народ не спал до утра. Кому-то было нужно в аптеку за презервативами, кому-то до банкомата—снять деньги. И почти всем было нужно за пивом. У одного родился сын, у другого отдала кони свекровь. Что угодно. Сколько раз, например, я забирал людей на рассвете. Мертвецки пьяные, они ехали к друзьям в гости, таким же пьяным, как они сами, хотя через два часа всем им предстояло дружно идти на работу. Всё, что требовалось для ночной смены,—немного благоразумия. Тут я с десантурой был абсолютно согласен. Я не из тех, кто отказывался ездить на окраину города или жал по газам, завидев компанию мутных ребят. Однако и на рожон я не лез, предпочитая избегать проблемные адреса и не кататься по тринадцатым числам.

— Мальчики, Репина, двадцать три,—слышал я уставший голос диспетчера в рации.

Слышал и заказ этот не брал. Я хорошо знал, что там жил ветеран афганской войны, которому

после двух рюмок водки казалось, будто он снова зачищает аулы. Страшное дело очутиться с таким пассажиром в полпервого ночи в районе Нижней Согры или Орбитовских дач.

За полтора года работы я выучил сотни таких адресов, так что мог несколько смен подряд кататься без происшествий, забирая себе одних язвенников и свидетелей Иеговы.

Иногда мне казалось, что я знаю весь город. Буквально каждый названный диспетчером дом о чём-нибудь да говорил. Там жили цыгане, которым палец в рот не клади. Здесь—алкаши, здесь—сатанисты, здесь—практикующая чёрную магию ведьма. Тоже малоприятная публика. Иногда, приезжая на один и тот же адрес, я становился свидетелем драм и трагедий. Видел, как жёны изменяли мужьям, мужья жёнам, а потом кого-нибудь из них сажали в тюрьму за продажу наркотиков. Всё равно что смотреть многосерийный сериал, в котором задействованы тысячи актёров и каждый из них в любой момент мог сыграть главную роль. Фильм был крайне захватывающим, даже несмотря на то, что чаще всего с людьми ничего не случалось. И они повторяли те же самые анекдоты, что и в прошлый раз, те же самые истории или так же всю дорогу молчали.

У меня был клиент, который постоянно докапывался до моей тачки. В какой-то момент она ни с того ни с сего начала вонять бензином. Я загонял её в мастерские, но там разводили руками. Нигде ничего не бежит, всё в порядке. И никто не мог устранить неполадку.

— На заправке работаешь?—спрашивал меня этот клиент.

Сперва я его даже не понял.

— Почему? Нет.

— Нет? А от машины воняет так, будто ты там работаешь. Здесь же невозможно сидеть. Или, может быть, ты токсикоман? Под конец дня ловишь цветные мультики?

Вскоре я начал хитрить.

— На заправке, что ли, работаешь?—спрашивал он, не успев сесть.

— Только заправился. Видать, попался херовый бензин.

Он ездил со мной что-то около года. И каждый раз мы начинали разговор с этих фраз.

В другое время со мной каталась старушка. Доктор филологических наук, работала преподавателем в институте. В цветистом платье и соломенной шляпе, украшенной розовой ленточкой. Дождь ли на улице был, светило ли солнце, но она всегда была в платье и шляпе, неизменная, как политика Соединённых Штатов Америки. Меня она не узнавала.

— Давайте проедем, пожалуйста, по улице Пушкина,—говорила женщина, только мы трогались с места.—Я езжу в институт каждый день, и это самый быстрый маршрут. Один раз таксист решил провезти меня по Тараса Шевченко. И угодил в пробку. Дорожники затеяли ремонтные работы. Представляете? А у меня пара вот-вот начинается. Так он развернулся через двойную сплошную и поехал обратно, на Пушкина. Очень милый молодой человек. Говорит: «Моя вина. Если вы опоздаете, я этого себе не прощу».

Она повторяла эту историю слово в слово. С одинаковой интонацией. Даже паузы делала в одних и тех же местах. Мне было трудно побороть себя и не начать разговор первым. Что-нибудь вроде: «Если не возражаете, проедем по Пушкина. Один раз я повёз пассажира по Тараса Шевченко и угодил в пробку. Пришлось разворачиваться через двойную сплошную. Виноват-то был я. Никогда б себе не простил, если бы мой пассажир опоздал». Удерживал меня от этой затеи лишь страх. Как-никак женщина была старой. Кто знает, как на неё бы подействовала такая мистификация?

Самые хлебные смены выпадали, конечно, на пятницу. Когда на фонарных столбах зажигались огни, я уже успевал полностью отбить горючее и комиссионные. Город стоял на ушах, и я находился в центре этого коловращения. Я курсировал от одного ночного клуба к другому. Пивные бары сменялись кинотеатрами, кинотеатры—мелькомбинатом, где по ночам несли вахту шлюхи. Потом наступало время межгородов. Минусинск, Черногорск, Белый Яр, Усть-Абакан, Ташеба, Красноозёрное. Золотое времечко для таксиста. Бывали смены, когда за всю ночь я ни разу не глушил двигатель. У меня не было времени даже на перекус. И я носился по городу полуголодный, как само искушение, почти не сознавая себя от усталости.

Пьяные пассажиры бросались деньгами, как дураки—афоризмами. Подождал, пока клиент наговорится с любовницей возле подъезда? Держи фиолетовый. Поддержал десятиминутный разговор об актуальных проблемах двигателей внутреннего сгорания? Триста рублей. Выслушал жалобы на начальство—сто пятьдесят. Но особенно на ура шёл Бутусов. Этой фишкой я гордился больше всего. Можно сказать, вывел её экспериментальным путём. Стоило на горизонте появиться пьяному мужику лет под сорок, как я врубал флешку со всеми этими «Тутанхамонами», «Титаниками» и «Людьми на холме». Клиент, садясь в машину, тут же кричал:

— О, «Наутилус»! Сделай погромче.

И мы начинали во всё горло орать любимый припев.

К тому времени, как я останавливался на адресе, мы становились двумя корефанами, которые только что побывали на рок-концерте. Восторженными и ошалелыми. В общем, с огромным таким снарядом в каждой башке.

— Сколько с меня?—спрашивал пассажир.

— Сто рублей.
— Держи двести. Без сдачи. Благодарю за Бутусова.

И это ещё детский лепет, я вам скажу. Я знал таксиста, который сделал из своей машины ночной клуб на колёсах. Двадцать динамиков, тридцать пищалок и огромный сабвуфер во весь багажник. Он работал только по выходным. «Рыбачил», как он любил говорить. Когда к нему садились пьяные пассажиры, он врубал музыку на полную громкость для заманухи. Басы долбили с такой чудовищной мощностью, что рёбра клиентов сжимались, словно в тисках, сотрясаемые волнами музыки, а сердце сбивалось на аритмию. После первого трека начинался приём заявок. Одна песня — полтинник. Плюс чаевые, которые обычно бывали щедрыми. Так он умудрялся поднимать по триста-четыреста процентов сверхприбыли с каждой поездки, накатывая за сутки астрономические деньги. Одной такой смены хватало, чтобы потом неделю курить «Парламент», потягивая «Бад» и «Хугарден».

Люди платили за всё. Даже за то, что ты умел слушать. Садясь в машину, они чувствовали себя, как на кушетке у психоаналитика, где можно откровенно поговорить о детстве, суровом отце и неудачной любви и знать, что тебя не осудят. Матёрый таксист за свою жизнь выслушал столько историй, что его не могло удивить даже самое страшное из откровений.

А порой клиенты платили и вовсе непонятно за что.

Однажды ночью, например, ко мне села пьяная дамочка лет сорока. В меховой шубке и с сумочкой, на лакированной поверхности которой красовались такие замысловатые вензеля, что стоить она могла только в долларах. Не успели мы выехать со двора, как женщина заартачилась:
— Постой-постой. Ты куда меня везёшь?
— Вторая Садовая, тридцать. Как вы заказывали.
— Нет, не нужно меня туда везти.
— Да? А куда нужно?
— Я не знаю, — протянула она, чуть не плача.

Я остановился, заглушил двигатель. Сделал радио тише.
— Почему вы так уверены, что вам не нужно на Вторую Садовую? — включил я психоаналитика.

Я был последователем той школы таксистов, которая исповедовала вежливое обращение с пассажирками. Водители, выбрасывавшие женщин на улицу, дававшие им тумаков, насиловавшие их, а потом расчленявшие по суставам, чтобы было легче прикопать останки в лесу, просто не укладывались у меня в голове.
— Я хочу пить.
— Вас отвезти в пивной магазин?
— Нет, я не хочу пива.
— Купите себе там минеральной воды.
— Я не хочу ни пива, ни минеральной воды, понимаешь? Я хочу пить!

Кажется, я начинал понимать, чего она хочет. Но жажду такого рода я не мог утолить. Я медленно повернулся назад, стараясь не делать резких движений. Вдруг она бросится на меня, как какой-нибудь зверь? От такой пассажирки можно было ожидать чего угодно. Из сумрака салона на меня глядели два больших глаза. Две планеты, на которых разразились невиданные для Земли ураганы. Во всяком случае, воронки в них были как на Нептуне. Пройдись она так по городу днём — и её немедленно увезли бы в психушку.
— Я вас не понимаю.
— Ты совсем, что ли, придурок? Я хочу пить!
— Молока? — спросил я.

Тут я, конечно, над ней немного подтрунивал. Наверное, я и сам уже порядочно повредился в уме. Говорят же, что самые неизлечимые психи — их лечащие психиатры.
— Да нет же! — воскликнула женщина.
— Может, домой, к мужу?
— Мой муж сейчас спит, как сурок.
— Но ведь, надеюсь, он не впал в зимнюю спячку?

Женщина рассмеялась. Огромный такой пушной зверь на заднем сиденье, гоготавший как лошадь.
— А ты милый, — сказала она.

Я завёл двигатель и осторожно тронулся с места. Пассажирка не обратила на это внимания. Недаром я заменил ступичные подшипники и тормозные колодки. Как чувствовал, что придётся действовать скрытно.
— Тебя как зовут?
— Алексей.
— А меня Марина. Давай познакомимся?
— А мы и так познакомились.
— Познакомимся ближе. Мы могли бы как-нибудь встретиться.

К этому времени я уже разогнался до сотни. За окном свистел ветер, и дома проносились мимо, будто падая в пропасть.
— Думаю, моя жена не одобрит такого знакомства.
— А при чём тут жена? Не обязательно ей говорить.
— При том, что на неё оформлена эта машина и ипотека. Если она меня бросит, я останусь без средств к существованию. И мне, как Жану Вальжану, придётся идти в тюрьму из-за куска хлеба.

Я нёс полную чушь, которой набрался во время затяжной простуды в четырнадцать лет. Но в данном случае французская классика сослужила мне добрую службу. Женщина замолчала, переваривая услышанное. Бьюсь об заклад она тщетно пыталась вспомнить, кто такой Жан Вальжан. Коррумпированный чиновник? Оскароносный актёр, сыгравший в последнем фильме Люка Бессона воришку? Или имевший тёмное прошлое рэпер? А я тем временем благополучно свернул в район Красного Абакана. Чтобы вам было понятно, это что-то вроде подмосковной Барвихи. Дома здесь,

как вечерние платья на приёме у губернатора, ни разу не повторялись. Если какой-нибудь хер на улице строил себе трёхэтажный готический замок с башнями, шпилями и эркерами, то его соседи заделывались ярыми фанатами хай-тека и необарокко, как бы странно этот винегрет ни смотрелся. Прокатившись по Красному несколько раз, можно было бесплатно получить высшее архитектурное.

— Приехали,—сказал я, остановившись.

Женщина молча протянула мне тысячную купюру и вышла. Я не успел взять кошелёк, чтобы отсчитать сдачу. Она пошла в сторону ближайшего сугроба, во тьму, продираясь сквозь голые ветви кустарника. Точно святая, одержимая внутренним голосом.

Одним словом, ночные смены были лафой, да и только.

Единственный минус, не считая двинутых пассажиров,—то, что в городе толкалась целая прорва гаишников. Стоило мне как-то под утро пересечь ненароком двойную сплошную на пустой улице, как на ближайшей парковке загорелись мигалки. Хорошая всё-таки схема у нашего государства по вымогательству денег из кошельков добропорядочных граждан. Малевать где ни попадя белые линии и следить, чтобы за них не заступили. Как в детских классиках, честное слово.

— Водитель автомобиля ВАЗ-2107, прижмитесь к обочине,—послышался из динамиков голос инспектора.—Повторяю: водитель автомобиля ВАЗ-2107, регистрационный номер двести пятьдесят четыре, немедленно прижмитесь к обочине!

Пришлось подчиниться. Я остановился, включил аварийки и вышел. Перед глазами пронеслась целая жизнь. Лишиться прав было для меня равносильно смерти. Искать другую работу мне не хотелось, это уж точно. Только сейчас я понял, как сильно привык к вольной жизни таксиста. Начальства над тобой никакого, работаешь когда вздумается, ну а чересчур охамевшего пассажира можно и высадить где-нибудь за городом, чтобы он потом добирался обратно пешком. Стоило же устроиться в какую-нибудь фирму с «дружным коллективом» и «адекватным начальством», как тебя там примутся жрать с потрохами. Не успеешь оглянуться—и станешь таким же, как большинство окружающих, дёрганым неврастеником и психопатом.

Полицейский тем временем вальяжно подошёл ко мне и представился. Вид он имел при этом крайне довольный. Но я не слушал его. Разве интересно приговорённому к казни узнать фамилию своего палача?

Очнулся я лишь на фразе:

— Нарушаем?

— Да там разметка затёрлась. В последний момент заметил.

— Ваши документы.

Я протянул права, СТС и страховку.

— Алексей Викторович, пройдёмте в машину.

Полицейский сделал шаг в сторону горящих мигалок, но я не шелохнулся. Я не мог сдвинуться с места. Мои ноги вросли в асфальт. Я знал: стоит мне хотя бы пошевелить пальцем—и назад дороги не будет.

— Послушайте, может, сделаете на первый раз предупреждение? Это получилось по чистой случайности. Вы же сами всё видели. Что ж меня теперь, прав за это, что ли, лишать?

— Значит, не знали?—сказал полицейский.—А если бы, скажем, вы приехали в другую страну и нарушили там? Тоже бы говорили, будто думали, что можно ездить на красный сигнал светофора?

Полная чушь. Это я сейчас понимаю. Но на тот момент слова полицейского показались мне убийственным аргументом. Я был полностью ими обезоружен. Наверное, вид у меня был удручённым, потому что в следующий миг полицейский посмотрел на меня очень мягко, чуть ли не ласково. Он был похож на кота. Невысокий, коренастый тип с круглым лицом и улыбкой, как у той чеширской скотины из мультика.

— Таксуете?—спросил он.

Я промолчал. Не хватало мне ещё схлопотать штраф за работу без разрешения.

— Ну говорите, говорите. Это останется между нами.

— Да, таксую,—признался я.—А что ещё делать?

— Значит, права нужны?

— Позарез.

— Что же вы так неосторожны?

Я почти верил, что он сожалеет о произошедшем.

— Может, выпишете штраф, да и всё?

— И на сколько мне вас оштрафовать? На пятьдесят тысяч? На сто? Да и не предусмотрено таких штрафов в административном законодательстве. Я обязан выписать протокол и направить его в мировой суд. А уже суд будет решать, что с вами делать.

Вот он, момент, когда необходимо предложить взятку. Но нужные слова застряли у меня в горле. Только я придумывал вступление какой-нибудь очень завуалированной фразы, начинавшейся настолько издалека, что можно было решить, будто речь в ней пойдёт об африканских слонах или буддизме, как забывал продолжение. А вспоминая его, забывал те самые первые несколько слов, без которых дальнейшее не имело значения.

— Женаты?—спросил полицейский, прерывая молчание.

— Женат.

— И дети есть?

— Сын. На днях исполнился год.

— А по специальности, если не секрет, кто?

— Незаконченное филологическое.
— В академ ушли, значит? Ну вот, появится отличная возможность получить диплом. Нет худа без добра, как говорится. Пройдёмте в машину,— снова предложил он, сделав движение в сторону мигалок.
— Подождите минуточку,— произнёс я.

Офицер с готовностью вернулся обратно. А я опять замолчал, будь я неладен. Предложить взятку — всё равно что первый раз признаться в любви. Язык немеет, а в ногах появляется непонятная слабость.
— Сегодня снег обещали,— произнёс офицер.— А вы не переобулись.
— Завтра как раз собирался этим заняться.
— Не затягивайте. В любой момент может ударить мороз.

И мы заговорили о постороннем. Вернулись к теме такси. Обсудили клиентов, качество китайских запчастей на отечественные автомобили, тарифы диспетчеров и акциз на бензин. Затем поговорили о семьях. В числе прочего выяснилось, что этим летом полицейский с домочадцами побывал в Петербурге. Он настойчиво советовал мне туда съездить, хотя бы на пару деньков. Древние сфинксы, стоявшие на набережной Васильевского острова, натолкнули нас на разговор о египтянах. Египтяне через Наполеона привели к Франции. Франция потянула за собой проблему миграции, а та, в свою очередь,— терроризма. Терроризм же вывел нас на широкую, как кукурузное поле, тему политики. Полицейский оказался образованным человеком, и пару раз я ловил себя на той мысли, что получаю удовольствие от общения с ним. Иногда офицер всё-таки вспоминал причину нашего знакомства и снова предлагал пройти в машину, но теперь я даже не реагировал на подобные провокации.

Наша беседа продолжалась почти полчаса. Я так замёрз, что под конец говорил носом. Простуда была мне обеспечена. Но зато и права пока что оставались при мне.
— Хорошо,— сказал полицейский, прокашлявшись.— Давайте поговорим начистоту. Спрашиваю вас как мужчина мужчину: какую сумму вы готовы заплатить в качестве штрафа?
— На месте?— уточнил я.
— На месте. Прямо здесь и сейчас.
— Две пятьсот. Это всё, что у меня с собой есть.
— Может, хотя бы рубля четыре найдётся?
— К сожалению, нет.
— Негусто,— посетовал полицейский.
— Могу съездить до дома,— предложил нехотя я.

Полицейской снова прокашлялся.
— Ездить никуда не нужно. Вложите то, о чём мы сейчас говорили, в паспорт и ожидайте в машине.

Я так и сделал. Выложил все до последней копейки, даже бумажные десятки и те не забыл. И всё это богатство вместе с паспортом и правами передал полицейскому. Тот удалился в патрульную машину. Видимо, пересчитать деньги и поделиться с напарником. У них ушло не больше минуты, чтобы решить между собой финансовые разногласия. Похоже, они были давними компаньонами. Что-то навроде Бонни и Клайда.
— Всего доброго. Больше не нарушайте,— произнёс полицейский, протянув документы в открытую форточку.

Хотел бы я сказать, что дал по газам с прошлифоном. Но нет. С места я тронулся как на карете. Медленно и благоразумно. Не хватало мне ещё схлопотать штраф за превышение скорости.

13.

— Пидорасы ё…ные, я вас сейчас обоих прихлопну.
— Ну-ка заткнулся,— прикрикнул на ехавшего сзади пассажира товарищ, здоровенный мужик лет пятидесяти.

Раньше я таких видел только в боевиках со Шварценеггером и Сильвестром Сталлоне. Ручищи в обхвате — как две мисс Вселенных на пенсии.
— Похоже, начинается,— произнёс он виновато.
— Что начинается?— спросил я.
— Не обращай внимания. Он не опасен.

Пассажир позади что-то отчаянно забубнил. Он явно хотел, чтобы его поняли, но разобрать слова было трудно. Угадывались только отдельные маты и общее направление мысли.
— Заткнулся, я кому говорю!
— Пошёл на х…, уё…к.
— Если ты не заткнёшься, я тебя выкину из машины.

На какое-то время буйный пассажир сник.
— Выкинет меня из машины,— повторял вдумчиво он.— Выкинет из машины. Из машины на улицу. В декабре, на мороз. Чёртов уё…к, хочет выкинуть меня из машины.
— Да, выкину тебя к чёртовой матери. Так что заткнулся там.

Пассажир притих. Теперь сзади раздавался лишь едва слышный шёпот. Лично мне это не нравилось. Пусть бы он лучше говорил во весь голос. Теперь же, что творилось в его голове, было тайной.
— Хорошая у тебя «семёрка»,— решил поменять тему разговора здоровяк.— У меня раньше тоже такая была. Только карбюраторная. Работала как часики. Ни разу не подводила.
— А моя, что ли, подводит?— наврал с три короба я, как один охотник другому.— Меняю только расходники.
— Вот-вот. Расходники, и ничего больше,— подтвердил здоровяк.— Ну, один раз клинанул двигатель. Ещё как-то, помню, тосолом выдавило кран печки. Распределительная коробка, было дело, ломалась. Ну так это фигня. Тут всё самому можно сделать, не то что в этих японцах.

Блин, и откуда берутся эти мифические «Жигули», которые работают на зависть японскому автопрому? Создавалось впечатление, что хвалят «Жучек» лишь те, кто владел ими в молодости. Лет пятнадцать назад. И потому находился под влиянием ностальгических настроений. Кто же до сих пор с ними мучился, высказывались, как правило, более сдержанно. Конечно, этой теорией трудно объяснить, каким образом ремонт двигателя превращался в приятную экскурсию по гаражу. Но и мой здоровяк—крепкий орешек. Расточкой поршней его явно не напугаешь. Да и какая, к чёрту, расточка? Он, верно, запихивал поршни, как патроны в ружьё. Двумя пальцами рук. Всё лишнее попросту отходило от них мелкой стружкой.

— Так ведь и запчасти грошовые,—подкинул я дров.

— Про запчасти я вообще молчу,—воодушевляясь, подхватил здоровяк.—Водяной насос стоит пятьсот рублей. Тормозные колодки—двести пятьдесят. Радиатор отопителя—семь соток. Я в сорокаградусные морозы ездил в одной футболке. Жара как в Сахаре.

— А вот я тебя сейчас придушу,—отчётливо послышалось сзади.

Здоровяк захрипел. Я повернулся на звук и обомлел. Психованный пассажир душил добродушного Рэмбо, как в каком-нибудь рестлинге. Он явно был обучен парочке смертельных приёмов. Левая рука давила горло, правая—держала запястье левой, образуя замок. Мёртвый захват. Так просто из такого не выбраться. Здоровяк аж посинел. А я принялся лихорадочно искать место парковки. Если бы Рэмбо был побеждён, мне пришлось бы несладко. Но каким-то чудом тому удалось вырваться. Вцепившись руками-кранами во врага, он разорвал замок из костей и сухожилий и, извернувшись, пробил несколько раз кулаком в голову психа. Звук при этом стоял, будто в бетонную стену забивали чугунную батарею.

— Успокойся,—крикнул здоровяк на товарища.

— А-а-ар-р-р.

Псих снова бросился на здоровяка, но теперь тот был начеку. Он встретил его без преувеличения изящным ударом, которого от такой громоздкой туши жира и мышц ожидать было трудно. Кулак угодил прямо в лоб, между глаз психа. Но тот и не поморщился. Он встретил кулак, как подвеска новенького автомобиля встречает ухаб на дороге. Только притих, будто о чём-то задумавшись. Пассажиры сидели друг напротив друга, безбожно хрипя в два сорванных горла, а я всё никак не мог найти места припарковаться.

— Ну как, полегчало?—спросил здоровяк.

В ответ псих разразился своей тарабарщиной.

— Пошли на хрен, уё…ки. Я выхожу.

— Куда ты собрался?

— Я знаю куда.

Псих открыл дверь машины, и если бы в этот момент я экстренно не затормозил, он шагнул бы на асфальтированную ленту конвейера, движущуюся прямо под колёса соседних автомобилей. Слегка покачнувшись, он двинулся по проезжей части, словно по рингу. Его плотно сжатые кулаки не предвещали ничего доброго. Никто ему не сигналил.

— Хрен с ним. Пусть идёт,—сказал здоровяк.

Я тут же дал по газам.

— Контуженый?—спросил я.

— Да какой он на хрен контуженый? Просидел всю компанию в штабе. Вот я контуженый. Да ещё и после ранения,—чуть ли не орал здоровяк.—Но я-то себя так не веду!

Я не стал ни о чём больше спрашивать. От греха подальше.

14.

— Капец, ты похож на Серёгу,—офонаревши, произнёс пассажир.—И в чём самый прикол—не только внешне. У тебя даже говор такой же. И он точно так же, как ты, шмыгает носом.

— Говорят же, у каждого есть свой двойник.

— Говорят многое. Но вот чтобы так, увидеть своими глазами. Это просто не укладывается в голове.

В ответ я пожал лишь плечами. Ничего особенного. Обыкновенное сокращение трапеций спины и близлежащих к ним мышц, но мой пассажир очумело воскликнул:

— Блин, да ты и плечами жмёшь как Серёга.

Тогда я решил стать осмотрительней. Я просто рулил, приняв позу сидящего на кочерге аиста. То есть нечто абсолютно противоестественное в своей выверенной, будто бы по линейке, прямолинейности. До сих пор я лежал в машине как в ванне с горячей водой. Опустив спинку и вытянув ноги, насколько было возможно, вперёд. Сейчас же я пошёл от противного. Вряд ли Серёге, коль скоро мы с ним были точными копиями, была свойственна подобная манера вождения. Вряд ли вообще какому-либо позвоночному существу удалось бы проделать со своим опорно-двигательным аппаратом такой сложный фокус. Но, несмотря на предпринятые меры, пассажир не спускал с меня влюблённого взгляда. Он любил меня просто за то, что я есть. Как в какой-нибудь сказке про «жили долго и счастливо», с говорящими грибами и высокими башнями, чьи шпили терялись среди облаков.

— Сколиоз?—спросил пассажир.

— Да, третьей степени,—мрачно пробурчал я.

— И у Серёги сколиоз. Его даже в армию из-за этого не взяли.

Тут я ничего не мог сделать. Маскировать физические недостатки не было моей специальностью. Мне поставили шах и мат, несмотря на то, что за ход до этого я совершил отчаянную рокировку.

— И вы оба с ним шоферите, — продолжал пассажир.

Он просто меня убивал этим своим «Найди десять сходств».

— Что, Серёга тоже работает в такси?

— Дальнобойщиком. Взял в кредит «Фреда». Теперь поднимает пыль по стране, лишь бы вернуть банку пять миллионов, — тут он похлопал меня по спине. — Да ладно ты, не смущайся.

— Я не смущаюсь.

— Смущаешься. Совсем как Серёга. Я-то вас знаю.

— Да не смущаюсь я, говорю.

Я и вправду совсем не смущался. Ну, может, самую малость. Достал он меня, вот и всё. Любой на моём месте смутился бы, если бы взрослый мужик смотрел на него, как Дон Кихот на свою Дульсинею.

— Серёга, так тот вообще. Стоит ему показать палец, он краснеет, как барышня. Хотя мужику тридцать два года. Я ему говорю: «Серёга, ты в кого такой утончённый?» А он мне…

— Я не смущаюсь, — произнёс сухо я.

Этот пункт был для меня принципиален.

— Блин, — произнёс с восхищением пассажир, — и ты так же, как Серёга, не умеешь п…деть.

15.

— Поедем по геолокации, — произнёс пассажир заплетающимся языком и принялся диктовать бесконечное, как номер нью-йоркского телефона, число с точками, запятыми и прочим.

— Испания, город Мадрид, — сказал я.

— Давай ещё раз.

И он продиктовал число снова. Потом ещё раз и ещё. И всё время навигатор выдавал нечто невразумительное. То это была деревня в Болгарии, то дрейфующий айсберг в Атлантике, то остров Пасхи. Ни одного места в пределах безвизовой зоны.

— Пять, — медленно тянул пассажир. — Так, стоп. Это не пять, это шесть. Да, шесть, потом четыре, девять, три, точка. Постой. Точка после цифры четыре. Потом девять и запятая…

Долбаные барыги! Не могли написать точный адрес, чтобы не мучать клиентов. Я сам дважды ошибся, вводя этот грёбаный шифр. Баден-Баден? Нет, блин, не то. Кейптаун? Снова промашка.

— За простой ты мне доплатишь, — мрачно произнёс я.

Наконец навигатор отправил нас в район Полярки, куда-то в гаражный массив. Это было уже ближе к истине. От нетерпения я рванул с места так, что пассажир забарахтался на заднем сиденье, как перевёрнутый на спину жук. У меня самого спину прижало к сиденью. Перегрузка была сумасшедшей. Наверное, как на ракете «Союз». Но что поделаешь? Время таксистов не ждало. За ним приходилось всё время гнаться.

— Е…чая соль, — грустно сказал наркоман.

— Что, так сильно ломает? — полюбопытствовал я.

— Ещё как. Сначала кажется, что подсесть нельзя. Подумаешь, синтетика. Типа травы. Я траву курю с двенадцати лет — и хоть бы что. Есть она, нет её — фиолетово. На эту же херню я спустил две машины и квартиру в новом районе. И всё никак не могу остановиться. Пока был в тюрьме, не курил целых два года. Только вышел — и в первый же день всё по новой.

Это был самый печальный наркоман за всю мою жизнь. Ему даже как-то хотелось помочь. Поэтому я стал искать более быстрый маршрут. Такой, который навигатор никогда не предложит. Я среза́л по проулкам, петлял козьими тропами, переваливал через бордюры, лишь бы не торчать на опостылевших светофорах. Скоро я свернул с асфальтированной дороги, принявшись лихорадочно рыскать по лабиринту гаражных рядов. Если навигатор не врал, закладка находилась на дальней окраине, там, где начиналась тополиная роща, отмеченная на карте зелёным шестиугольником.

Осатанело рокоча двигателем, машина остановилась ровно на точке. Кругом была темень, сугробы высотой с частный дом и непролазная чаща, над которой отстранённо светила луна.

— А теперь нужно отыскать эти кусты, — сказал пассажир.

Он показал мне фотографию. Действительно, кусты. Причём сфотографированные крупным планом. Ветки, ветки и ветки. Ничем ровным счётом не примечательные.

— Нам отыскать? Ты ничего не попутал?

— Мне нужно, чтобы ты подсветил фарами. Видишь, на заднем плане фотографии обгоревший пенёк? А вон дерево с искривлённым стволом! Без света их не увидишь.

Я включил заднюю передачу, чтобы развернуть машину к чернеющим зарослям, как вдруг сзади блеснул жёлтый свет. Кто-то к нам приближался. Этот свет упирался то прямо в нас, то уходил в сторону, становясь с каждой секундой ярче, пока мы будто не очутились под лучами прожектора, из тех, что устанавливают на стадионах. И этот прожектор бил ровно нам в спину.

— Тише, — произнёс пассажир.

Мимо нас медленно проехал чёрный автомобиль, добрался до тупика в десяти метрах, развернулся и замер. Никто не выходил из машины. Мы тоже не шевелились.

— Наркоконтроль? — прошептал я.

— Навряд ли, — после секундной заминки ответил шёпотом пассажир.

Мы стояли друг напротив друга минут пять, не меньше. Наконец двери чёрной машины открылись, из неё вышли двое, направившись к заснеженным кустам. Они подсвечивали заросли

мобильными телефонами, напряжённо вглядываясь в темноту.
— Не уезжай никуда. Я сейчас,— выходя, сказал пассажир.

Теперь возле кустов бродило уже трое. Они углублялись в мешанину ветвей и стволов и выходили обратно, постоянно сверяясь с фотографиями на телефоне. В какой-то момент мой клиент подошёл к тем двоим. Закурив, они принялись оживлённо о чём-то беседовать, сопровождая слова говорящей жестикуляцией. По мнению незваных гостей, искать наркотики пассажиру следовало северней этого места, здесь, мол, была их закладка, о чём ясно свидетельствовала отправленная им в «Телеграме» инструкция. А обгоревший пенёк они уже где-то видели. Сказать наверняка, где это было, они не могли. Но точно не здесь. Возможно, вон за тем высоченным сугробом, у края перелеска, там как раз виднелась парочка тополей, тянущихся к небу с многообещающим безобразием и под самыми немыслимыми углами.

Тем временем вдалеке снова блеснули автомобильные фары.

Машины всё прибывали и прибывали. Через каких-нибудь пять минут в тупике гаражного массива было тесней, чем в ночном клубе после полуночи. Я не верил своим же глазам. Походило это на слёт масонов последнего градуса. Добропорядочный человек, почтенный глава семейства и заслуженный клиент Сбербанка с льготной ставкой по ипотеке, не смог бы даже представить, какие события разворачивались по ночам возле его капитального гаража в седьмом ряду, двадцатом месте, пока он видел во сне, как ему одобряли ещё один кредитный продукт под благословенные тринадцать целых и восемь десятых процента. Наркоманы неутомимо нарезали круги и были предельно сосредоточенны, словно решали в уме уравнение по алгебре за одиннадцатый класс. Я даже чувствовал темечком сродные электрическим импульсы их напряжённо работающих мыслей. Всем хотелось обскакать конкурентов. Потому то и дело наркоманы прибегали к нестандартным методам поиска. Некоторые залазили на сугробы и светили телефонами прямо оттуда, рассчитывая, видимо, таким образом осмотреть как можно бóльшую территорию вокруг. Другие незаметно откалывались от общей группы, направляясь в соседние ряды гаражей. Они пропадали из виду на какое-то время, но лишь для того, чтобы потом с громким треском и матами, утопая по колено в снегу, продираться обратно на коллективный участок сквозь самые непролазные дебри, какие здесь только были.

И всё-таки порой кому-нибудь улыбалась удача. Счастливчик молниеносно, как коршун, падающий на добычу, наклонялся к земле, хватая едва приметный свёрток рукой, и чуть ли не бегом спешил обратно к машине.
— Эй, дружище, ты в каком месте нашёл?— раздавались завистливые голоса менее удачливых наркоманов.
— Там?— неопределённо махал рукой тот, не сбавляя шага.
— Где там? Это, кажется, было моим местом.

На подобное счастливчик обычно не отвечал, понимая, что вопрос риторический. Он прыгал в машину и с затяжным прошлифоном, окутав оставшихся снежною пылью, по-раллийному лихо уезжал прочь.
— Ишак ё...ный. Походу, мою закладку забрал.

Время шло, а пассажир не возвращался. Для таксиста нет более неприятной ситуации, чем эта. Отдадут тебе деньги, не отдадут — неизвестно. И когда закончится ожидание, тоже неясно. Сидишь, нервничаешь, места себе не находишь. Даже если в конечном счёте с тобой рассчитаются, рабочая смена испорчена. Ночь проведёшь на иголках. Будешь злиться на всё вокруг: на пешеходов, на светофоры, на нерасторопных водителей.

Поэтому я подумал свалить.

Отыскав пассажира возле вонючих залежей мусора за гаражами, я решительно произнёс:
— Слушай, расплатись со мной, я поеду.
— Братишка, не бросай меня здесь. Ещё пара минут, отвечаю.

В его глазах было столько отчаянья, что моя решимость несколько поубавилась. Сердобольным я был до чёртиков. Жалел каждую живую душу вокруг. Ну а кто позаботится обо мне?
— Извини, приятель, но мне нужно работать.
— Ты уже работаешь,— уверенно произнёс он. Мне бы его уверенность.— Не уезжай, по-братски прошу. У меня на телефоне пять процентов заряда осталось. Как мне домой добираться потом?
— Чёрт с тобой. Давай показывай свою фотографию.

Обгоревший пенёк и ствол тополя на заднем плане. Всё равно что искать иголку сами знаете где. Чтобы не тратить драгоценный заряд на телефоне клиента, я освещал окрестности своим. Удивительно, но среди всего этого разнообразия веток, пней и стволов нужных примет не находилось. Казалось, где-то здесь обязательно должно быть нечто подобное, хотя бы просто в силу законов теории вероятности. Но, похоже, сегодня в действии был другой закон — закон подлости. Облазив заросли вдоль и поперёк, мы нашли три старых пня, но ни одного обгоревшего. А тополя либо были прямыми, либо искривлёнными, но не под тем углом и не в ту сторону. Мы явно искали не на том месте. Возможно, барыги просто перепутали координаты. Навряд ли у них там велась строгая документация. Во всяком случае, слышать об 1С «Наркобарон 2.4» мне как-то не приходилось.

Пришлось идти от противного. Раз закладок в тупике выше крыши, проще найти чужую, чем отыскать свою. Тут и без того уже всё перепуталось так, что половина страждущих окажется сегодня без «соли». И вот я принялся искать бросающиеся в глаза предметы. Пивные бутылки, пачки из-под сигарет, кусты причудливой формы. Я спрашивал себя снова и снова: «Если бы я хотел спрятать наркотики, куда бы их положил?» И окидывал внимательным взглядом округу. Неожиданно мне пришло в голову вернуться к исходной точке маршрута, на свалку. Там легко можно было заныкать хоть целый танкер китайской синтетики, и ни одна живая душа её никогда б не нашла, кроме той, что пришла сюда по наводке.

Зайдя за гаражи, я чуть было не блеванул. Вонь стояла ужасная, несмотря на лёгкий мороз. Как в общественном туалете. Мусорка на деле оказалась бывшим жилищем бомжей. Чуть поодаль, возле кустарников, должно быть, дававших летом прохладную тень, валялось изодранное тряпьё и сгнившее в труху кресло. Огромные, точно слизни с Альфы Центавра, какашки лежали здесь всюду, буквально на каждом квадратном дециметре пространства. Хоть пиши картину маслом «Отверженные».

Но мою задачу это слегка облегчало. Если закладка была спрятана где-то поблизости, то территорию поисковой кампании можно было смело ограничивать парой-тройкой свободных от испражнений метров.

— У кресла лежит свёрток,—зажимая рукой нос, произнёс я.

— Где? Я не вижу.

— Да вон же, под правым подлокотником.

Я светил на кресло что было дури. Передавал от руки на телефон энергию так, что тот нагрелся, как электрочайник. Но некоторые люди просто не созданы для того, чтобы быть талантливыми торчками.

— Постой-ка,—наконец сказал пассажир и направился к креслу.

В следующий миг он бежал обратно с добычей. Если бы у него был хвост, он бы им, верно, вилял сейчас, как умалишённый. Обрадовался он до сердечного приступа.

— Оно?—спросил я.

— За простой плачу, отвечаю!

Мы договорились разыграть убитых горем Гамлета и Отелло. Пусть наркоманы думают, что мы потеряли надежду и уходим ни с чем. Хозяин закладки явно бродил где-то поблизости. Выйдя из-за гаражей, мы ещё раз прошлись вдоль кустарников. Я даже промочил ноги насквозь, провалившись по самые яйца в один из сугробов.

— Да нет тут ни хрена больше,—в конце концов произнёс я так, чтобы всем вокруг было слышно.

— Да, нае...лово конченое.

Мы сели в машину и облегчённо выдохнули. Никто даже не посмотрел в нашу сторону.

16.

— Гляньте, у меня фломастера не осталось?

Молодая девчонка, рыженькая, с разрисованным маркером лицом. Не успела она усесться в машину, как расстегнула пуховик и принялась вытирать шею влажной салфеткой. Затем плечи, ключицы. Прошлась даже под мышками и, приподняв волосы, вытерла лоб и за ушами. Свою процедуру она проделывала настолько буднично, что я нисколько не удивился. Подумаешь! Всё равно что наносить макияж, только в обратную сторону.

— Вроде ничего нет,—сказал я.

— Боже, мне так стыдно,—произнесла пассажирка,—но лучше я сделаю это в машине, чем пойду так по городу. Хотя вам, наверно, по барабану. Чего только не навидались в такси.

— Было всякое,—выдал я многозначительно.

— И догола раздевались?

— Догола?—переспросил я, снова взглянув на неё. Девчонка окончательно сбросила с себя пуховик и теперь снимала чёрную кофточку.—Нет, чтобы догола раздевались—такого не было.

— А, ну это грустно.

Груди у неё были здоровенными, размера четвёртого, это точно. Они буквально вываливались из чашек бюстгальтера. Пассажирка их яростно мяла, тёрла, скоблила, вращала во всевозможные стороны. Она вытаскивала их из лифчика и засовывала обратно. Некоторые манипуляции вообще не поддавались определению. Вскоре её бледная кожа покрылась багровым румянцем. Вот-вот—и она бы протёрла свои груди до дыр.

— Господи, на меня смотрят из автобуса,—рассмеялась она.

На нас и вправду пялились из вечерней маршрутки. Все долгие тридцать секунд, что мы простояли на перекрёстке, ожидая зелёного сигнала. В окне прямо напротив маячило окаменевшее лицо древней старухи. С плотно сжатыми от возмущения губами. В её время такого наверняка не было. Хотя зачем кривить душой? Ещё минуту назад я был абсолютно уверен, что и в моё время такого случиться не может.

— По фигу, верно?

— Стыдно тому, кому видно,—выдавил я из пересохшего горла.

Стояк у меня был феерический. Джинсы могли лопнуть в любую секунду, поэтому я старался не двигаться. Включил третью передачу и так пробирался сквозь город. Мотор то ревел на четырёх тысячах оборотах в минуту, то чуть ли не глох на полутора тысячах. Я был пригвождён своим членом к сиденью машины, а пассажирка продолжала изощрённую пытку.

— Мне так неловко вас об этом просить.

— Что именно?
— Взгляните, не остался ли у меня фломастер ещё где-нибудь?

Я посмотрел на её титьки в упор. Чёрные, размером с пуговицы на пальто, соски торчали как офонаревшие. Но садиться за изнасилование я пока не планировал.
— Нет, всё чисто,—произнёс я.
— Большое вам спасибо,—сказала она и принялась одеваться.

Вид при этом у неё был предельно умиротворённый, будто она только что кончила раз двадцать подряд.
— Можете высадить меня прямо здесь.

17.

— И как тебе работается в такси?—послышалось сзади.—В банке-то лучше было, наверное?
— В каком банке?
— Вытурнули тебя, выходит, со службы?
— Женщина, я в жизни не работал ни в каком банке.
— Да ладно, не притворяйся. Я тебя сразу узнала!

Я обернулся назад. Её я точно не знал. Такую надолго запомнишь. Жирное существо с паклей рыжих волос на голове. От неё несло перегаром, накрахмаленными простынями из детского сада и ненавистью.
— Знаешь его?—спросил сидевший рядом с ней мужик.

Тоже так себе тип. В спортивной одежде и кепке. И он тоже меня ненавидел. Сектанты какие-то, иначе не скажешь. Я был для них исчадием зла.
— Знаю. Хорошо его знаю.
— Это тот самый, да? Тот самый урод?
— Он,—прошипела придурошная.
— Ребята, вы явно меня с кем-то путаете. Я серьёзно.

Похоже, дело принимало угрожающий оборот. Не знаю, что у них стряслось в этом проклятом банке, но речь явно шла не об отказе в выдаче ипотеки. Скорее всего, наоборот. Задолжали каждый по почке, при том что второй у них давно не было. И теперь не знали, как выкрутиться.
— Ну-ка остановись,—произнёс пассажир.
— Блин, мужик, ты серьёзно?
— Серьёзнее некуда.

Я остановился.
— Теперь выходи.
— Да она себя в зеркале сейчас не узнает. Сам-то подумай.
— Выходи,—закричал этот тип.

Мы вышли. Пассажир двинулся на меня. Я не стал ждать, пока он ударит первым и молниеносным движением пробил ему в челюсть. Он был таким пьяным, что не успел среагировать. Кулак впечатался прямиком ему в рожу, в отвратительный костяной вырост с дубовой, как у покойника, кожей. Мужик пошатнулся. Нетвёрдые ноги заходили под ним как на шарнирах. Тогда я добавил ему два джеба вдогонку, и он рухнул на четвереньки, ошарашенно закрутив головой, словно отгоняя от себя морок.

Жирная баба истошно заверещала:
— Помогите. Нас убивают. На помощь.

Не успел я послать её на три буквы, как она бросилась на меня. Словно гиппопотам на туриста. Один монолитный ком сала, в самой сердцевине которого плавал маленький озлобленный мозг, одуревший от душившего его жира. Совладать с ней было трудно. В слишком разных выступали мы весовых категориях. Я отскочил в сторону, чтобы пропустить сумасшедшую вперёд, но с реакцией у неё всё было в норме. Она вцепилась в меня руками, повиснув на мне своей многотонною массой. Я едва устоял на ногах. Несколько мгновений мы кружились подобно волчкам. А сила инерции увлекала нас чёрт знает куда. Казалось, прямо в открытый космос. Наконец, раздвинув широко ноги, женщина остановила вращение. Со стороны, наверное, это выглядело как очередное чудо Геракла. На мне даже затрещала футболка по швам, с такой питбульской хваткой она вцепилась в меня. Если бы с ней сейчас случился удар, её мёртвые пальцы пришлось бы отпиливать циркулярной пилой.

Поймав равновесие, женщина перешла в наступление, стремясь расцарапать лицо. Обгрызенные, как консервные банки, ярко-алые ногти замелькали у меня перед глазами, вынуждая пятиться в неосвещённую ловушку двора. Защищаясь, я выставил правую руку. Всё равно что сунуть её в молотилку работающего комбайна. Женщина буквально раздирала мою кожу на лоскутки, истошно визжа на всю чёртову улицу:
— А-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Неожиданно перед глазами у меня потемнело. Кирпичная стена дома вместе с тротуаром и цветочным ларьком через дорогу проплыла вверх, в темноту. Мир будто сдёрнули, как простыню. А потом застелили опять, несвежим, пахнущим половой тряпкой бельём.
— Ну всё, мудак, тебе крышка.

Я перевернулся, чуть было не лишившись сознания от прострелившей голову боли. Надо мной стоял пассажир с окровавленной рожей. И в руке у него была стеклянная бутылка.

В следующее мгновение он принялся меня методично пинать. Хлёстко, с размаху, иногда отступая на шаг. Он бил без разбора по груди, голове, животу и ногам. Бил всюду. И всё это время я слышал истошный вопль жирной суки. Она визжала, не замолкая, даже для того, чтобы сделать вдох воздуха.

Не знаю, как долго это всё продолжалось. Наверное, я отключался. И приходил снова в себя под ударами пассажира.

Целую вечность спустя он всё же закончил.
— Пойдём, Люба,— произнёс он, задыхаясь.— С ним всё.
— Это он. Я его сразу узнала.
— Да, это был он,— уверенно сказал пассажир.— И теперь он надолго запомнит урок.

18.

Я пропил неделю, восстанавливаясь после драки.

Я пил и смотрел телевизор. В какой-то момент мне стало казаться, что это занятие ничем не отличается от работы в такси. Тут и там тебе что есть сил норовили вынести мозг. Ты сидел, а тебе вливали в уши словесный понос. Отличие только в том, что за рулём не очень-то выпьешь пивка.

Переключая каналы, я словно брал новых клиентов. И кто-то из них комментировал финальную партию снукера между Трампом и Селби, а кто-то мусолил бредовые истории про забеременевших в двенадцать лет сельских девочек и сумасшедших старух, убивавших своих квартирантов. Но моим любимым каналом был тот, где лечили про космос. Очень захватывающе. То они выдавали десять сценариев конца света, один эпичнее другого. То анонс полного заселения Марса людьми через две сотни лет. Причём на полном серьёзе. Я, конечно, догадывался, что мир вконец скатился в пучину безумия. Но до последнего времени думалось, что я за ним поспеваю. Теперь мне стало ясно, что прежде я жил в одной палате с жалкими ипохондриками и понятия не имел о клинических случаях.
— Лена, ты знала, что расстояние от нас до ближайшей звезды три световых года?— кричал я жене в сторону кухни.— Если бы Солнце было размером с песчинку и находилось в этой квартире, то другую звезду нужно было б искать в дачном обществе «Ивушка», за шесть километров отсюда.

Или:
— Ты не представляешь, что они говорят!
— Что, милый?
— Оказывается, масса всех атомов в человеческом организме — двадцать один грамм. Всё остальное создаётся благодаря энергии вращения электронов вокруг своих ядер. Мы на девяносто девять целых и девять десятых процента состоим из энергии! Можешь поверить?

В общем, занятный канал для человека, который попал в переделку. Я даже стал подсаживать на него своих друзей. Позвонил Роме, который скрывался в Краснотуранске от коллекторов, и после стандартного обмена последними новостями залечил ему тридцатиминутную лекцию о большом взрыве и параллельных вселенных. Пытался доказать, что где-то живёт его полный двойник, который выиграл на «Форексе» миллиард долларов и сейчас наслаждался прелестями состоятельной жизни в компании четвероруких Шив-куртизанок. Мне казалось, это звучит утешительно. Например, мой двойник был обычным шофёром. И какие-либо надежды получить однажды наследство от себя самого меня абсолютно не грели. У Ромы же шансы были. Но, к сожалению, он не разделил моего воодушевления.
— Жаль, я — не он,— произнёс печально товарищ.
— Зато в другом мире тебя давным-давно грохнули за долги. А ещё где-нибудь ты вообще не играл ни на каком «Форексе». Умер в пятнадцать лет от лейкемии.
— Что ж, выходит, я нахожусь между двух крайностей.
— Аккуратно между двух булок.
— Ха-ха-ха. Очень смешно,— сухо произнёс он и положил трубку.

Под конец моего вынужденного запоя ко мне пришёл Серёга, повёрнутый на Шпенглере. Уж он-то должен был поймать космическую наживку. После двух вступительных банок пива я невзначай включил телевизор. На экране появился огромный компьютерный метеорит, на всех парах летящий к компьютерной Земле. Как раз то, что надо.
— Это сносит голову похлеще твоего Ницше,— заявил я.
— Да выключи ты этот грёбаный зомбоящик.
— Нет-нет, смотри.
— Чего я там не видел? Яйцеголовые дегенераты переливают из пустого в порожнее, чтобы заработать бабла на дебилах. Абсолютно прозрачная схема. Как ты только мог на это купиться?

Ну и злым же он был. Как Микеланджело в юности.
— Да смотри же. Это научный канал.
— Я буду пить пиво. Остальное меня не касается.

Я сделал звук громче. На экране компания радостных американцев выделывала пируэты вокруг некой каменной глыбы, которою им продал русский лесник из глухой уральской деревни. Камешек стоил кучу бабла и на самом деле был метеоритом, причём уникальным. На нём отчётливо виднелась кара плавления и прочие прелести, ценившиеся охотниками за неземными сокровищами на вес золота.

«Стоит мне только представить,— говорил один из шизанутых,— как этот камень блуждал по Вселенной миллиарды лет, прежде чем упасть на Землю и попасть ко мне в руки, и меня пробирает дрожью катарсиса. Это ни с чем не сравнимое чувство».
— Кончает он на него, что ли?— спросил я, отхлебнув пива.
— Выключи же ты его, ради дьявола.
— Теперь уже ни за что!

Этот американец был не дурак. Продемонстрировав русский метеорит пожилой паре богатеньких шизофреников, он вдруг вытащил кусок кровли с огромной такой дырой посерёдке. Оказывается, её проделал другой, тоже стоивший кучу

бабла, метеорит, к слову сказать, чуть не убивший чесавшего на первом этаже задницу хозяина дома. Я не верил глазам, но хитрожопый торгаш загнал старикам кровлю за десять штук баксов. Вот уж действительно у человека талант, не поспоришь. Ему бы продавать ржавые автомобили под видом межгалактических челноков. Беспроигрышный бизнес. Во всяком случае, перебоев с поставками у него никогда б не возникло.

Дальше — больше. На экране один за другим появлялись сумасшедшие персонажи, у которых метеориты хранились в подсобках, гаражах, холодильниках и сервантах. У одного техасского рейнджера прямо в гостиной лежала скала неземного происхождения стоимостью двадцать миллионов зелёных. А в Сахаре один бедуин обменял кусок Марса величиной со спичечный коробок на оазис с пальмами и стадом двугорбых верблюдов.

— Быть такого не может, — произнёс я.

— Чему ты удивляешь? Яйцеголовым нечем заняться. Вот они и придумывают себе развлечения. Ты знал, например, что в Японии молодые девушки продают мужикам грязные труселя?

— Да, блин, у меня в деревне нашли метеорит, — выпалил я, вскочив на ноги. — Тяжеленая такая херовина с дырами, как в швейцарском сыре. Точь-в-точь как в этой программе.

— Ну разумеется. И где он сейчас, этот твой метеорит?

— Да, наверное, лежит где-то в поле, у кладбища.

Я понял, что не знаю точного местонахождения клада.

Мне было лет двенадцать, не больше, когда, отправившись с дядей Витей за ягодой, я был посвящён в эту тайну.

В общем, распахивая как-то по весне поле, дядя Витя выкорчевал из земли странный камень, по всем внешним данным походивший на неземную херовину. Не найдя находке полезного применения в хозяйстве, дядя Витя бросил её у дороги и благополучно забыл, предоставив сокровищу мокнуть под проливными дождями и мёрзнуть под снегом. Не знаю, какая муха его укусила, но он снова вспомнил о метеорите в тот самый момент, когда мы возвращались домой с полными вёдрами ягоды, многие годы спустя после обнаружения реликвии. Заглушив двигатель, он вышел на улицу, в ошалелый стрекот кузнечиков. Побродив взад-вперёд вдоль дороги, дядя поднял внушительного размера менгир и со всей силы обрушил его на лежавшую у обочины каменюку. Он повторял своё действо снова и снова, поднимал менгир над головой и обрушивал его вниз, пока от камня не отломилось несколько образцов.

С этой добычей он вернулся к машине.

— Вот, метеорит, — буднично произнёс он, протянув мне и моим двоюродным сёстрам будто изъеденные червями толщиной с большой палец руки межзвёздные осколки.

Войдя в атмосферу Земли, метеорит загорелся под действием силы трения, объяснял тем временем дядя Витя. Жар был настолько сильным, что оплавил металл, придав ему столь причудливые очертания. Мы слушали его, пооткрывав рты, а он знай себе расписывал историю всевозможными красками. Складывалось ощущение, что дядя Витя был непосредственным очевидцем событий и всё это случилось недавно, летним вечером после баньки, когда он подносил ко рту рюмку «Столичной».

— Значит, у кладбища? — повторил Серёга, явно что-то прикидывая.

— Или возле телятника, — поспешил я сбить друга с толку, поняв, что в делах поиска клада у меня появился неожиданный конкурент.

— Вот бы его отыскать. Можно было бы стать миллионерами.

— Ну что ж, я дам тебе миллион, когда продам метеорит американцам.

— Долларов? — спросил Серёга.

— Рублей, разумеется.

— Несерьёзно. Мне нужен миллион долларов.

Я ненароком покосился на нож, лежавший на журнальном столе.

— Послушай, куда тебе столько денег? Чтобы читать Шпенглера, достаточно бесплатного абонемента в республиканской библиотеке и десять пачек пельменей с банкой аукционного кетчупа.

— Открою свой ресторан.

— «У Заратустры»? Не смеши меня. Какой из тебя бизнесмен?

— Когда мой отец приехал в Абакан в девяносто третьем году, у него было только двадцать пять пар хэбэшных носков. А уже через два года он держал пять точек на рынке.

Опять эти истории с родственниками. Выходило, раз его папаша озолотился на носочно-подгузничном бизнесе, Серёга вскоре станет Рокфеллером. Интересно, какое место в его теории отводилось остальным родственникам? Например, деду по отцовской линии? Хмырю, который оставил сыну только эти двадцать пар чего-то там по наследству?

— Обратись к папаше. Пусть он поделится с тобой состоянием.

— Ты же знаешь, мы на дух не переносим друг друга.

Я теперь тоже не выносил Серёгу на дух. Но не убивать же его, в самом деле? Подруги у него не было. Друзей, кроме меня, тоже. А мать, насколько я знал, была только рада, когда он без вести пропадал на несколько месяцев. Одним словом, если кого-то и грохать, то идеальнее кандидатуры не найти во всём городе. Но я был гуманистом. Меня б потом совесть замучила.

— Ладно, будет тебе миллион долларов,— произнёс я.
— Правильное решение, напарник.
— Но при условии, что мы продадим метеорит за десять, повторяю, за десять миллионов зелёных. И ни одним долларом меньше. Иначе твоё вознаграждение будет исчисляться рублями.

19.

Через час мы выехали из Абакана на Серёгиной «шестёрке».

Я наотрез отказался рисковать своими правами, здраво прикинув, что, если метеорит мы не найдём, они ещё мне понадобятся. И вот что я скажу. Не знаю, как насчёт бизнесмена, но водитель такси в моём друге пропадал—это точно. Он нёсся по трассе со скоростью сто сорок километров в час, при том что из ближнего света у него горела только правая фара. Каждая встречка слепила нас, словно лафитами. Вдобавок после Знаменки повалил густой снег. Стоило врубить дальний, как перед нами возникала стена в белоснежную крапинку, сквозь которую ни черта не было видно. Дорога, пользуясь этим, то и дело норовила нас скинуть в кювет. Но реагировал друг молниеносно. Навалившись всем телом на руль, он закладывал такие головокружительные виражи, что у меня сыпалась с головы перхоть.

Понятное дело, мы находились на грани инфаркта, через каждые десять километров пути яростно подкуривая «Пётр I». Пепел мы стряхивали себе прямо под ноги, как какие-нибудь Пикассо за работой. Серёга не отрывал взгляда от трассы, и уголёк его сигареты зло тлел в темноте, точно датчик приборной панели, показывавший уровень кровеносного давления водителя.
— Куда дальше?—спрашивал он, выкидывая окурок в окно.

А я отвечал ему в духе золотоискателей из рассказов Джека Лондона. После Кривого ручья повернуть налево, потом двадцать миль вдоль Скалистых гор до Трентона и направо, к реке Пьяный Билл.

Ландшафт за окном становился всё более диким и неприкаянным, а дорога—разбитой. За Шира нам пришлось снизить свой резвый галоп до девяноста километров, но машина всё равно скакала под нами, как молодой бык под объездчиком. Несколько раз, проморгав начало участков с особенно крутыми ухабами, мы попадали на форменное родео. Первый же недружелюбный толчок выкидывал нас из кресел, да с такой чёртовой силой, что мы стукались головами о крышу. Приземление было ещё более жёстким. Самортизировавшая на новой кочке машина встречала нас ошеломляющим ударом по задницам, от которого у нас клацали зубы, а внутренности взбивались, как алкогольный коктейль в шейкере.

Затем потянулась грунтовка. Включив пониженную передачу, Серёга повёл машину по склону холма. Ветра здесь не было, и снег ложился на землю, как сливки на праздничный торт.
— И как мы отыщем метеорит в этих сугробах?— спросил Серёга, с особым ожесточением закурив новую сигарету.—Валяйся тут шкаф, набитый золотом, мы и его не заметим.
— Спокойно, коллега. Дальше опять начнётся равнина.

Через двадцать минут, как я и предсказывал, мы спустились в долину, с двух сторон зажатую продолговатыми горами. Ветер дул здесь как в аэротрубе, сметая снег подчистую. Мело так, что было не видно дворников, бешено скрипевших по лобовому стеклу.
— Поворачивай,—закричал я, в последний момент увидев сворот на кладбище.

Включив дальний, Серёга медленно повёл машину вперёд. Я закурил, вперившись взглядом в белёсую стену. Ещё никогда у меня не было такого контрастного зрения. Да какое там зрение?! Я будто обшаривал дорогу ультразвуковыми волнами, как летучая мышь, выхватывая из рябившего падавшими осадками пространства каждый подозрительный бугорок, каждую еле заметную кочку. Задача затруднялась торчавшей вдоль дороги прошлогодней травой. Местами она образовывала настоящие заросли. Если метеорит лежал там—пиши пропало. Мы сможем отыскать клад только утром, с восходом солнца, когда вся деревня будет уже на ушах, возглавляемая дядей Витей, знавшим местонахождение метеорита с той же самой безошибочной точностью, что и расположение своей заначки в предбаннике.

Наконец на дороге появился подозрительный камень.
— Стой,—скомандовал я.

Серёга не успел нажать на педаль, как я выскочил из машины. В раскрытую грудь мне упруго ударило ледяным ветром. Но я и не подумал застегнуть куртку. Мне было до чёртиков. Подбежав к камню, я принялся расшатывать его что было сил, ухватившись за торчавший из земли край. Вскоре почва вокруг потрескалась, и я выкорчевал из неё маслянистый от грязи булыжник. Я не был геологом и плохо разбирался во всякого рода подвидах камней, но то, что моя находка была земного происхождения, сомневаться не приходилось. Выбросив безделушку, я вернулся в машину, застав Серёгу исступлённо прикуривающим фильтр сигареты. От волнения он не заметил, что вставил её табаком в рот.

Таким макаром мы добрались до кладбища. Я ещё несколько раз выбегал в непогоду, и всегда моё внимание привлекали не стоящие никакого внимания камни. Дальше искать не было смысла.

Однако мы всё же проехали несколько километров вперёд по забиравшей резко влево дороге. Над нами возвышалась гора, и грунтовка шла вдоль её скалистого склона.

— Вспоминай, где вы останавливались! — разворачивая машину, проскрежетал прокуренным голосом Серёга.

В шестнадцать лет он попробовал первую сигарету, чтобы петь как Высоцкий. И вот, похоже, мечта его осуществилась. Но что-то я не заметил, чтобы это принесло ему радость.

— Говорю же, где-то у кладбища.

— Где именно? От съезда с дороги до кладбища три километра!

— Да не помню я. Отвяжись.

— Какого хера ты тогда сорвал меня в свои е… ня? Или думал, метеорит сам бросится к нам под колёса? Попросит, чтобы мы довезли его до ближайшего города и сдали в музей?

Он готов был меня порешить. Я это чувствовал. И, честно сказать, если бы он на меня бросился, я бы не стал сопротивляться. Такое у меня было отчаянье. В мыслях своих я возвращался домой с пустыми руками. Возвращался к жене в старых сапогах и без шубы, к ребёнку, которому нужны были памперсы, плюшевые медведи и лекарства от скарлатины. Я возвращался в съёмную хату с коммунальными платежами за отопление. Возвращался к выпивке в одиночестве и безрадостным мыслям о будущем.

— Немедленно остановись, — выпалил я.

Этот камень был погребён под землёй почти полностью. Потому мы и не заметили его, когда проезжали здесь прежде. Со стороны он выглядел как небольшая неровность, застывший ком перемолотой под колёсами зерноуборочной техники почвы. Я подбежал к находке в три большущих прыжка и упал на колени, принявшись счищать с проплешины пыль. Я не чувствовал холода. Казалось, снег тает, не касаясь меня. Я не чувствовал вообще ничего. На какой-то момент Вселенная сжалась до ощущения шершавой поверхности под ладонью руки. Боже! Я не верил в происходящее. Откапываемый мной булыжник был испещрён округлыми углублениями, которые местами, словно кротовьи норы, уходили глубоко внутрь тёмной породы.

Это был он! Метеорит из моего детства. Я его отыскал. У меня был один шанс из миллиона, что в жизни со мной случится нечто подобное. И вот это произошло. Почти так же невероятно, как стать президентом или купить оригинальные запчасти на «Жигули».

Я замахал Серёге руками. Голос мне изменил.

— Это он? Наш метеорит?

— Да, — выдавил я.

— Бл…! Бл…! Бл…!

Он просто стоял и орал это слово, вытянувшись по стойке смирно. Как на плацу. Можно было вскрыть себе вены от страха, наблюдая за ним. Но я тоже совершенно потерял голову.

— Неси лом. Нужно достать его, чёрт побери.

Серёга исчез из освещённого фарами пространства. Скрипнул открываемый багажник, забряцали инструменты. Мгновение — и Серёга уже бежал ко мне с благословенным куском металла в руках.

— Отойди, — прохрипел он, как Высоцкий.

Лом обрушился на землю с устрашающей мощью. Ядерный удар в миниатюре. Почва дрогнула, выстрелив вверх облаком пыли. От удара в ней образовалась воронка, как от снаряда. Серёга опускал лом снова и снова, круша мёрзлую землю. Иногда он промахивался, ударяя прямо по метеориту, и тогда в уши бил невероятно высокий и чистый, как на колокольне, продолжительный звон, от которого воздух вокруг ощутимо вибрировал.

— Железный. Слышишь?

— Палласит, — убеждённо произнёс я. — Такой стоит лямов пятнадцать.

Вскоре за метеорит можно было ухватиться руками. Мне едва удалось его приподнять, настолько он был тяжёлым. Метеорит оттягивал руки, хотя размером был не больше волейбольного мячика. Обратная его сторона была неестественно чёрной. Делалось даже как-то не по себе от этого сверхконцентрированного, абсолютного цвета. Свет фар тяжело бил в железную глыбину, и она ярко посверкивала синими всполохами, словно в ней находились вкрапления драгоценных камней.

— Точно палласит. Смотри, как сверкает, — произнёс я.

— Нет, бл…, — переводя дух, сказал Серёга. В его голосе было столько злобы, будто он охотился за гостем из космоса десять лет. — Меньше чем за двадцать лямов я его не отдам. Отвечаю.

20.

Дома мы первым делом отправили камень под душ. На нём, наверное, был килограмм грязи, не меньше. Я продержал метеорит десять минут под струёй горячей воды, а потом до потери сознания шоркал хозяйственной щёткой, пока он не принял божеский вид. Больше всего я возился с оплавленными углублениями. Вычищать их приходилось ножом, а то и вовсе шилом. Ничто другое в них попросту не пролазило.

Серёга тем временем искал на «Ютубе» выпуск взбудоражившей нас передачи. Требовались фамилии, адреса, названия исследовательских центров, где числились американские коллекционеры. Словом, любая информация, способная свести нас с людьми по ту сторону Атлантического океана.

Работа досталась и Лене. Она создавала фейковую страницу в «Фейсбуке» для связи с миллионерами, чтобы те, не дай Бог, нас не вычислили. У нашего Андрея Иванова (под таким именем жена зарегистрировала аккаунт) было сто двадцать

друзей и куча подписчиков. Он был рыбаком из Перми с богатым прошлым. Жена аккуратно заполнила всю анкету, не пропустив ни одной строчки. Двое детей, разведён, имеет высшее филологическое образование, увлекается буддийской философией, сплавами по горным речкам и космосом, любимая книга — «Идиот» Достоевского. Трудился наш Иванов сварщиком вахтовым методом на Крайнем Севере. Завершающим штрихом стала выгрузка двадцати фотографий какого-то пятидесятилетнего мужика в резиновых сапогах и камуфляже, дёрнутых из Сети. На них было всё. И тайга, и рыбалка, и виды ледников полярного круга, и разудалые пьянки за гаражами на фоне желтеющих тополей и раскисшей осенней природы. С таким аккаунтом можно было получить загранпаспорт на «Госуслугах» или взять ипотеку в Сбербанке, не то что продать метеорит сумасшедшим фанатикам.

Тщательно просушив камень феном, я вынес его в комнату на всеобщее обозрение. Нужно было действовать тихо, чтобы не разбудить сына, спавшего здесь же в детской кроватке. Положив метеорит на журнальный столик, я включил настольную лампу. Булыжник вспыхнул драгоценным сиянием, словно только что выпавший снег.

— Вот это да! — протянула жена.

— Будто отломился от бриллиантовой планеты, — сказал Серёга.

Положив возле метеорита линейку, я принялся фотографировать его со всевозможных углов, стараясь, чтобы на снимке отчётливо были видны вкрапления блестевшей породы. Пусть американцы сразу поймут, что наш Иванов не дилетант в этом бизнесе.

Вскоре у меня была готова подборка отличнейших снимков. Когда деньги, вырученные за камень, закончатся, можно будет забабахать фотовыставку в Лондоне, до конца жизни гастролируя со снимками небесного странника по всему миру. Перекинув фотографии в ноутбук, я открыл «Фотошоп». Прежде чем отправить это дело в Америку, мне пришла в голову мысль поработать с цветами, придать кадрам нужный контраст и насыщенность. Наш продукт должен был выглядеть как открытки со скифским сокровищем, которое невозможно купить ни за какие деньги Вселенной.

В конце концов, метеорит оставалось лишь взвесить. Для этой цели вполне подходили ручные весы, доставшиеся мне от родителей. Подвесив на них пакет-майку с метеоритом, я взглянул на циферблат.

— Двенадцать кило.

— По два миллиона за каждый, — ответил Серёга.

Его настрой определённо мне нравился.

— Если ты продашь метеорит по два миллиона за килограмм, пять из них будут твоими.

— Десять, — прохрипел товарищ.

— Тебе нужно определённо бросать курить. У тебя голос, будто ты заболел свиным гриппом, — с маниакальной весёлостью произнёс я.

Но Серёга был не из тех, кого можно было смягчить подобными нежностями. Он не повёл даже бровью и смотрел на меня, как Шопенгауэр на Гегеля в пору своей молодости.

— С какого перепугу десять? — шёпотом закричал я, помня о сыне. — Единственное, что ты сделал — скинулся со мной на бензин. Да если бы я не поделился с тобой этой историей, ты бы сейчас мирно спал, прыгая во сне с обнажёнными нимфами по дымящимся руинам Европы.

— Десять, — повторил изверг. — Я возьму на себя переговоры с американцами.

— Думаешь, они владеют немецким?

— Я найду с ними общий язык, не беспокойся.

— Хорошо, пусть будет семь, — сказал я и тут же поднял руку, останавливая уже готового возразить мне Серёгу. — И за каждые дополнительные пять миллионов по одному сверху.

— Ладно, — нехотя согласился товарищ.

Ну и грязная сволочь! Он будто делал мне одолжение.

— Чарльз Литковски, — тем временем торжественно объявил Серёга, словно анонсируя выход царской особы. Он уже успел зайти на страничку американского миллионера.

— Это же тот самый тип, что продал пенсионерам дырявую кровлю.

— Он самый! Предлагаю с него и начать.

— Не знаю. Больно он хитрожопый, — высказал я свои опасения, разглядывая аватарку коллекционера.

На ней он с беззаботнейшим видом попивал через трубочку нечто розовое на берегу чего-то бескрайнего и голубого. Когда деньги в буквальном смысле этого слова падают тебе на голову, не обязательно всё своё рабочее время проводить в офисе в каком-нибудь Богом забытом Нью-Йорке.

— Херня. Мой батя…

— Можешь не продолжать, — перебил я Серёгу, зная наперёд, что он скажет. Когда общаешься с людьми больше одного часа в месяц, они становятся капец как предсказуемы. — Приступай.

И он сочинил письмо. Начиналось оно с «Дорогой Чарльз» и «Кланяюсь Вам до пола». Потом следовала интрига: «У меня есть образец редкого метеорита, который Вы непременно захотите купить». И после, на протяжении пяти тысяч знаков с пробелами, он старательно путал следы, чтобы наш американский коллега не догадался, где и кем на самом деле был найден камешек. Он намеренно ставил по соседству друг с другом географические наименования, находящиеся в реальности за несколько тысяч километров одно от другого. Так, Амур у нас стал уральской речушкой, бравшей исток на Аляске, а озеро Байкал

переехало почти к самой Перми, и располагалось где-то между Саратовом и Нижневартовском. Один чёрт у этих американцев хреново с науками, которые не приносят бабла.

— Будем ждать,— произнесла кротко жена.

— Ага,— воскликнул Серёга.— Посмотрите, когда он последний раз был в сети. Час назад. Наверно, засел смотреть вечерние новости. И теперь не оторвёт своей задницы от зомбоящика ближайшие часов пять.

— Миллионеры не смотрят телик,— возразил я.

— В первую очередь он — яйцеголовый, как все американцы. А потом уже миллионер.

Это замечание не было лишено логики. Вместо того чтобы бежать сейчас в банк — переводить деньги в Россию, наш коллекционер, возможно, смотрел рестлинг или ток-шоу, где люди за деньги жрали червей вприкуску с китайскими сладостями. Это просто не укладывалось в голове.

— Ну что ж, пойдём тогда сходим за пивом,— предложил я.

Мы просидели на кухне весь день, ожидая ответ из Нью-Йорка. И пива выпили, наверное, ведра два. Во всяком случае, в магазин ходили чаще, чем прикуривали сигареты.

Поначалу мы оживлённо беседовали. Вслух мечтали о будущем, делясь друг с другом захватывающими дух планами. К обеду Серёга создал ресторанную сеть хакасской кухни «Изенер». Его заведения открывались по всей стране, включая Москву и Питер, и пользовались головокружительной популярностью. Голова от проектов друга кружилась и у меня. Я хорошо понимал, что подобная сеть потребует всех вырученных за метеорит денег, оставив меня не у дел. К четырём часам вечера, когда Серёга вышел на международный уровень, открыв первый ресторан в Париже, я решил расчленить его тело и выбросить по частям в дренажный канал. Я был совершенно уверен, что в его голове копошились точно такие же мысли. Скромный региональный уровень уже попросту не удовлетворил бы его волчьего аппетита. Потому речь шла о банальной самообороне. Деньги были здесь ни при чём.

Постепенно разговор наш стал затихать. Мы всё больше молчали, бросая друг на друга злобные взгляды. Смертельно хотелось спать. Серёга, судя по всему, испытывал те же проблемы. Глаза у него были красными, как у вампира, а на губах застыла тупая улыбка, будто кто-то невидимый всё время рассказывал ему смешные истории.

Вскоре он перестал пить. Прикладывался губами к стакану, судорожно шевелил кадыком, симулируя процесс поглощения спиртного, и, с наслаждением крякая, ставил пиво на стол. За час я ни разу не обновил его кружку. Хороший приёмчик, классический, но меня на такой не возьмёшь. В универе мы так кадрили девчонок. И я был лучшим симулянтом на всём потоке. Опрокидывал рюмки, будто прыгал с шестом в высоту. Водка пролетала аккуратно мимо правого уха в ведро с половой тряпкой.

В общем, я решил тоже схитрить и заварил себе кофе.

— В Нью-Йорке сейчас, должно быть, светает,— произнёс я.

— Думаешь, этот яйцеголовый встаёт в шесть утра? Поди, дул вчера виски, занюхивая кокаином, пока его член ублажала чемпионка Америки по поглощению пломбира на палочке. Раньше полудня он точно не встанет.

— А если он зайдёт в «Фейсбук» через месяц?

— Всё может быть.

Я невольно потянулся к ноутбуку.

— Кто там следующий в нашем золотом списке?

— Билл Торнтон. Эстетствующий ковбой, охочий до метеоритных залежей невадской пустыни. Обладатель самого большого в мире палласита стоимостью двадцать миллионов зелёных.

— Отлично. Наш камень ему точно придётся по вкусу.

Мы решили не заморачиваться и просто поменяли имя в старом послании. Аристократ превратился в плебея. Но нужно отдать Биллу должное: не успел я набрать полную грудь воздуха, чтобы подуть на дымящийся кофе, как он появился онлайн. Вот кто был подлинным тружеником перспективного бизнеса, добывая свой хлеб в поте лица.

Я представил, как Билл читает наше сообщение на сорокаградусном солнцепёке. Потом начинает листать фотографии. Солнечный свет падает на экран телефона, поэтому Билл заслоняет его своей широкой ладонью. И тут его ноги подкашиваются, металлоискатель выпадает из рук, а с головы слетает ковбойская шляпа. Ещё никогда Билл не встречал столь превосходного экземпляра. Да за такой не жалко отдать… Минуточку, дайте подумать. Ну конечно же, не жалко и сорока миллионов наличными.

— Яйцеголовый ответил,— сказал Серёга.

— Так переводи! Чего же ты ждёшь?

— Аск фо ми,— начал товарищ с ужасным древненемецким акцентом,— вис из нот… Из нот…

— Что «нот», твою мать?

— Нот…

— Дай я взгляну.

В письме, которое мы так ждали, просто не могло быть таких слов, как «аск фо ми» и уж тем более «нот». Развернув к себе ноутбук, я впился в сообщение глазами. Никогда прежде я, знавший из всего курса английского только пресловутые «Лондон из вэ капитал оф Грейт Британ», не переводил иностранный текст с такой бешеной скоростью. Дали б мне сейчас египетские письмена —

и на следующий день я открыл бы местонахождения всех ненайденных саркофагов, из которых золото пришлось бы вывозить самосвалами.
— На мой взгляд, этот экземпляр не имеет никакого отношения к внеземным образцам,— читал я скороговоркой.— Могу утверждать со стопроцентной долею вероятности, что ваш камень земного происхождения. Это обыкновенный… обыкновенный… Блин, не могу перевести последнее слово.
— Загугли.

Я так и сделал. Скопировал непонятное слово и вставил его в строчку поисковика.
— Обыкновенный шлак,— закончил я предложение.

21.

— Поехали-поехали, ещё успеем на жёлтый,— заорал столетний дед на заднем сиденье. В белых брючках и шляпе с полями. Будто только что прилетел прямым рейсом с Кубы. И, видно, снова торопился обратно. Понятно, мороз на улице стоял градусов двадцать.— Почему ты свернул на Вяткина, а не проехал по Ленина? Это самый быстрый маршрут.
— С Вяткина мы свернём на Пушкина. А там всё время прямо. Так быстрее и рациональнее,— произнёс я.

В последнее время я любил вставлять в разговоры с шизанутыми пассажирами словечки вроде «рациональнее», «толерантный», «абстинентный синдром» и «метафизика». Они действовали на них как ладанка на чертей.
— Ну, тогда ладно, действуй. Только скорее.

На какое-то время дед успокоился. Только отрыл форточку во всю ивановскую. «Подгоняет, гад, чтобы поторопился»,— смекнул я. А через пару секунд попросту перестал чувствовать спину от холода, действительно против воли прибавив газку. Каково же приходилось самому старику в этом курортном прикиде? С ума сойти. Мне даже сделалось интересно, кто из нас пересилит другого. Если он не был морозоустойчивым, ну, не страдал какой-нибудь редкой болезнью наподобие булимии или синдрома Хайдегера—Монтеня, то воспаление лёгких было ему гарантировано.
— Что ты тащишься за этой телегой? Обгоняй её!
— Вы хотите, чтобы мы разбились к чёртовой матери?
— Дорога свободна. Жми. Он, наверно, уснул или засмотрелся на девок.

«Ладно, дед,— пронеслось у меня в голове.— Только из уважения к твоему почтенному возрасту». И встал на педаль газа. Просунутая между сиденьями холёная рука старика исчезла из поля моего зрения, отброшенная назад пришедшими в действие силами Ньютона. Ветер загулял по салону, словно инкуб, перед которым положили обнажённую девственницу.
— Вот так, вот так,— удовлетворённо повторял пассажир.

Казалось, он поспорил сам с собой, какая из его личностей достигнет пункта назначения первой. И во что бы то ни стало пытался выиграть пари. Переложить пятитысячную купюру из правого кармана брюк во внутренний карман пиджака. Судя по его напряжённому, то и дело мелькавшему в зеркале заднего вида лицу, побеждала личность под номером два. А это грозило полным расщеплением сознания. Дело нешуточное, если хорошенько подумать. Во всяком случае, сам он относился к этому крайне серьёзно.

Выехав на Аскизскую, я включил пятую, и лицо старика моментально разгладилось. Судя по всему, наша лошадка выигрывала. Чтобы не терять преимущества, я пролетел перекрёсток с улицей Белоярской на горевший тысячу лет жёлтый сигнал. И после Стофато свернул во дворы.
— Здесь резкий поворот направо,— важно говорил старикан, словно читал лекцию по молекулярной физике.— Потом до угла и налево. Сбавь скорость— впереди лежачие полицейские.

Вскоре фары осветили тупик.
— Тормози, я здесь выйду.

Старик выскочил из машины на полном ходу, бросив на переднее сиденье двести рублей. А я принялся разворачиваться. Тут моих ноздрей и достиг, прости Господи, запах дерьма. Задняя форточка была, как прежде, открыта, и я решил, что омерзительный аромат проник с улицы. Но когда я оставил новостройки далеко позади, запах не улетучился. Ощущение было, будто я находился в сортире. В придорожном сортире с выгребной ямой, в котором дерьмо было всюду, кроме очка. Я посветил телефоном. На месте, где сидел дед, виднелось пятно. Полукруглое, в форме пердальника. И от него исходила вонища. Только подумать, пока мы мчались по городу, точно ужаленные, дед тихонько срал себе в брюки. И он ещё учил меня, как водить тачку.

Мне не оставалось ничего другого, как ехать на автомойку.
— Покажите, что у вас там с сиденьем,— спросил работник сервиса.

Мне было искренне жаль пацана. Но выхода у меня не было. Я открыл дверь и отступил на два шага назад. Так поступают опытные расхитители гробниц фараонов, чтобы древнее проклятье перешло на другого.
— Клиент обосрался,— прокомментировал я.
— Это будет стоить пятьсот рублей.

Хорошую свинью подложил мне старик. За одну поездку я ушёл в минус на целых три сотни.

22.

— Знаете,— извиняющимся голосом произнесла пассажирка, роясь в своей дамской сумочке,—

у меня, похоже, нет денег. Ума не приложу, как такое случилось. Они должны были быть в кошельке.
— Я могу подождать, пока вы сходите за деньгами домой.
— Значит, можете подождать?—в голосе женщины неожиданно появилась ожесточённость.

Удивительно, насколько быстро у некоторых людей меняется настроение.
— Конечно, без проблем.
— Что ж вы за люди такие? Вам всем нужны деньги!
— А вам деньги, стало быть, не нужны?
— Куда ты меня везёшь вообще?—она уже готова была вцепиться зубами мне в горло.—Нам нужно было свернуть на Центральную. А ты повёз меня по каким-то ухабам.
— Центральная перекрыта. Дорожный ремонт.
— Ну, вези, вези. Бензин твой. За это я не заплачу тебе ни копейки. Слышишь меня? Езжай по ухабам, разъё…вай свой драндулет. Меня это не колышет,—прыскала она желчью.—Оператор назвал стоимость, больше я не заплачу. Вообще ничего не заплачу. А то вы, таксисты, все больно умные. Видите, что клиент навеселе, и начинаете катать человека кругами. Вот фиг тебе. Выкуси. Со мной не проканает. Не на ту нарвался, козёл!

Ещё никогда у меня не чесались так руки залепить кому-то пощёчину. Она была сущей гадюкой с серной кислотой вместо крови. Было похоже, что в погребе у неё жили рабы.
— Послушайте, не я укладывал эти дороги, так что заткнитесь.
— Но ты сам захотел по ним ехать, козёл.
— Командуйте лучше своими детьми. А я даже жене не позволяю вить из себя верёвки.

Я нарочно сказал про детей. Догадался, что их у неё нет. И попал в самое яблочко. Женщина начала буквально задыхаться от ненависти. Изо рта её вырывались нечленораздельные звуки.
— Только попробуй ещё раз приехать за мной!
— И не подумаю. За вами больше вообще никто не приедет.

Неужели это всё взаправду происходило со мной? Нелепый спор из-за денег. На пустом месте. И настолько ожесточённый, что мы готовы были попросту друг друга убить. Но как я должен был поступить? «Силь ву пле, мадам. Эта поездка—подарок фирмы!»

В двенадцать лет я часто практиковал полицейские развороты в одной из частей гоночной игры «Need for Speed». И сейчас я проделал нечто подобное. Дёрнул ручник и заработал рулём, как на дрифте. Ну и бросило же мою стерву назад. Аж клацнули зубы. Истеричку вдавило в спинку сиденья, будто мы исполнили петлю Нестерова на МиГ-29. Десять единиц G—это не шутки. В машине запахло горелой резиной, а ящик с инструментами в багажнике испытал состояние невесомости. Он так истошно прогрохотал, что казалось—вращался в барабане стиральной машины.
— Куда ты повёз меня?—ничуть не грозно вскрикнула пассажирка.

Я промолчал. Свернув на Литвинова, я понёсся в обратную сторону. Подминал пространство-время, словно каток, и оно, распрямляясь, толкало машину в бампер багажника. Не успела психопатка на заднем сиденье произнести и десять проклятий в мой адрес, как я остановился у исходной точки маршрута. И засигналил как полоумный.
— Ну ты попал, козёл. В этом городе тебе больше не жить.
— Да-да, как же.
— Можешь паковать вещички. Если к завтрашнему утру ты будешь всё ещё здесь, пеняй на себя.

Калитка дома открылась. На улице появилась молодая хозяйка. Закутавшись в куртку, словно в халат, она шла по морозу, как какой-нибудь библейский пророк сквозь пустыню.
— Что случилось?—спросила она.
— Пассажирка отказалась платить за проезд.
— Тётя Галя,—с невероятной усталостью в голосе произнесла женщина,—я же давала вам пятьсот рублей. Куда вы их дели?
— Они у него. Он забрал их и не отдаёт.

От такой наглости у меня пропал дар речи. Но молодая хозяйка, похоже, хорошо знала свою бедную родственницу. Она молча протянула мне оплату за три адреса, и я, вдавив педаль газа в пол, повёз психопатку обратно.
— Теперь ты доволен?—шипела пассажирка на заднем сиденье.—Получил свои деньги, ублюдок?

Я летел с такой устрашающей скоростью, что коттеджи по краям улицы превратились в один размытый массив со скошенными набок крышами и искривлёнными в крике парадными дверями.

Я чуть ли не въехал в калитку коттеджа придурошной.

А та вышла и зарыдала. Знаете эти ужасные судороги? Язык не поворачивается их назвать плачем. Я слышал её приглушённые вопли, даже когда она скрылась в своём двухэтажном особняке. Она рыдала, как какой-нибудь мифический герой утраченной поэмы Гомера. В Древней Греции её именем пугали бы непослушных детей.

Вот кому не повезло родиться не в своё время.

23.

— Я досчитаю до трёх и закричу.
— Успокойся, Маша.
— Раз,—возвестила девочка на всю машину.
— Маша!
— Два!

Маленькая засранка была сильна духом. Прокашливая, как демон из фильма «Изгоняющий

дьявола», она, похоже, не на шутку балдела от обретённого всемогущества над взрослым дядей-таксистом и матерью. Смех, которым она разражалась после каждого счёта, непроизвольно вызывал сильнейшее желание перекреститься и прочитать «Отче наш».

— Два с половиной… Два с ниточкой…

— Маша, только попробуй.

— Три,— радостно крикнула девочка и оглушительно заверещала.

И откуда в таком тщедушном теле столько мегаватт мощности? Казалось, визг перешёл допустимый человеческим ухом предел. Ещё чуть-чуть — и мои внутренние органы бы просто взорвались, а сам я разлетелся на кровоточащие ошмётки мочи и дерьма, как начинённая взрывчаткой индейка.

Вечность спустя девчонка умолкла. Видимо, у неё закончился воздух в лёгких. Ох уж этот инстинкт сохранения жизни. Господь наделил им даже Гитлеров с ранцами. Какой-нибудь безобидный толстяк из пятого «Б» имеет двадцать шансов против восьми не дожить до выпускного, скопытившись от воспаления лёгких или ангины. Прожжённый же забияка, уже в десять лет преступивший тридцать статей уголовного кодекса, доживёт до седин, и с ним никогда ничего не случится, будьте уверены. Так и эта девчонка. У неё было превосходное чувство кислородного голодания.

— Классно, правда? — с садистским удовольствием в голосе спросила она. — Это я тихо. Дядечку-таксиста стесняюсь. А хочешь, прокричу так громко, чтобы в ушах зазвенело?

— Нет,— слишком поспешно ответила мать.

Я и то понял, что она боится ребёнка. Маленькая же засранка это почувствовала тем более.

— А я всё же попробую. Раз!

— Дядя-таксист сейчас тебя высадит.

— А вот и не высадит. А если высадит, я пожалуюсь папе, и он знаешь что сделает?

— Всыплет тебе хорошенько по заднице.

— Нет. Он разыщет дядю-таксиста и набьёт ему морду. Мой папа боксёр,— подавшись ко мне, заявила она.— А ещё у него куча денег. Он может купить всё на свете. Он набьёт тебе морду, и ему за это ничегошеньки не будет. Да, не будет. Если ты подашь на него в суд, он купит дядю судью, и тот посадит не его, а тебя. Так что сиди и помалкивай.

Было бы смешно, если бы не так стрёмно. При всём моём снисхождении к детям и их нежному возрасту, этому ребёнку удалось задеть меня за живое. Я взглянул на девчонку в зеркало заднего вида. Уже сейчас на её лице отчётливо проступало выражение самодовольного презрения к черни. Я был для неё низшим созданием. Удивительно, откуда дети набираются всего этого. Я представил, как её отец перед сном вместо сказок вдалбливает в юную голову свои представления о жизни, и мне сделалось дурно.

— Маша, хватит. Веди себя прилично.

— А папа говорит, что прилично себя ведут только лохи.

— Ох и разберусь я с тобой дома.

— А вот и не разберёшься! Не разберёшься!

В следующий миг я нажал на тормоз с такой чёртовой силой, что маленькая засранка чуть не вылетела через лобовое стекло. Слишком поздно заметил лежачего полицейского. Так бы я ответил в суде, если бы до этого дошло дело. На самом деле в Красном Абакане лежачие полицейские были размером с гору Эверест, и не заметить их было сложно. И чем роскошнее вокруг стояли дома, тем монументальнее выглядели эти насыпи. Но зато и девчонка никогда больше не будет скакать по салону, как ведьма на шабаше.

— Ой, я ударилась,— завопила она.

— А чего ты хотела? В машине нужно сидеть, а не прыгать.

Похоже, мы были с матерью заодно. Возможно, если бы я начал душить кровопийцу, мать принялась бы мне помогать, держала б ей руки, затыкала бы рот. А после сама расчленила бы тело.

— Приехали,— сказал я.

Они вышли и направились к кирпичному особняку, выстроенному в стиле графа де Сада. Наверное, девочка занимала весь третий этаж и каждая её кукла имела по собственной комнате. И где-то там, как граф Дракула, бродил её кровожадный папаша, дожидаясь очередного лоха на закуску.

Мне оставалось лишь запомнить адрес. В следующий раз сюда поедет другая машина.

24.

Таких шепелявых голосов мне не приходилось слышать никогда в жизни. Пассажирка выплёскивала из себя словесную кашу с феноменальною скоростью. Складывалось впечатление, что она двадцать лет хранила перед этим обет молчания и он только-только закончился. Чтобы не обидеть клиентку, я смеялся в унисон с ней, а на вопросы отвечал общими фразами, надеясь, что она не заметит подвоха.

— Ха-ха-ха,— сотрясалась женщина всем своим внушительным телом.— И ради ороси рамио щепавала голоси сужыка эроя мари. Хуи щипиги ра жирари зигади.

— И не говорите,— отвечал я, выдавливая из себя смех.

— Пощипащи жиши засари.

— Что вы сказали?

— Я гари, пишипаши жиши засари.

— Да Бог его знает? Думаю, да. Почему бы и нет?

— Засари парка рари,— убеждённо сказала она и вновь засмеялась.

Мы ехали в противоположный конец Абакана, и от непрестанного смеха у меня уже першило в горле и слезились глаза. А женщина без конца

травила свои анекдоты. Вскоре я перестал понимать, кто кому из нас здесь подыгрывает. Как только у меня заканчивалось дыхание и я замолкал, эстафету веселья подхватывала пассажирка. Когда же я собирался с силами для нового захода на хохот, она обычно уже замолкала. Вполне могло статься, что это именно пассажирка была со мной вежлива, пока я всё это время, точно дурак, смеялся, к примеру, над рассказом о том, как её изнасиловал отчим в четырнадцать лет. Кто знает? Ситуацию спас напавший на меня приступ кашля. Такой хриплый и продолжительный, что любой туберкулёзник бы ему позавидовал. Я чуть не выкашлял лёгкие. Зато пассажирка, хвала богам, замолчала. Опустив форточку до упора, она мирно дышала свежим февральским воздухом, как юная девственница летней ночью в Крыму.

— Сто рублей,— прохрипел я, остановившись на адресе.

— Башое спашибо. Уданого дня,— произнесла женщина первые за поездку членораздельные звуки. Или это я уже просто привык к её говору.— Путь у вас сегоня все слонится.

— Да какой день? Я его не увижу. Буду отсыпаться после ночи.

— И всё зе уданого дня.

— Спасибо!— расплылся я в лучезарной улыбке.

Последний клиент, поэтому настроение у меня было хорошее. Я провёл двадцать один час за рулём. Почти целые сутки. И впереди меня ждали три выходных. Даже пенсия в сорок пять мне сейчас бы не показалась настолько заманчивой, как эта короткая передышка.

Женщина вышла, а я, подняв форточку, принялся сдавать задом. И тут в салоне отчётливо запахло дерьмом. Глючило меня, что ли? Поездка с сумасшедшим засранцем из Кубы нанесла мне психотравму? Вспомнилась героиня вчерашнего ток-шоу, у которой ни с того ни с сего парализовало пол тела. Десятки анализов, сотня обследований не выявили никаких физиологических заболеваний. Помогли ей только в психушке. Выяснилось, что в раннем детстве её положили спать с двоюродным братом, лицо которого было обезображено каким-то редким недугом. Бедняжка промучилась до утра, страдая от отвращения, а через двадцать лет это всё вылилось в паралич. Вот и у меня уже, по всей видимости, развилось нечто подобное. Нет-нет да и проглючит, что кто-то где-то насрал. Жуткая штука, если хорошенько задуматься. Насколько все мы, люди, слабы перед обыкновенными ужасами этой жизни.

Проверяя себя, я опустил руку на соседнее кресло и почувствовал, что оно мокрое. Мокрое от дерьма! Как пропитанная ромом булочка. Должно быть, эта скотина насрала себе в штаны загодя, дожидаясь меня на адресе, а потом со всем эти дерьмищем села в машину. Преступление, достойное, чтобы его увековечили в детективном романе Агаты Кристи.

Я выскочил из машины. Железная дверь подъезда медленно закрывалась. Мне нужно было успеть до того, как сработает магнитный замок. Так быстро я не бегал даже на уроках физры во время сдачи зачётов на стометровку. Между дверью и косяком оставалось уже каких-нибудь двадцать сантиметров, пятнадцать, наконец, десять. Я выставил руку вперёд, целясь пальцами в щель. На какое-то мгновение дверь замерла, будто о чём-то задумавшись. И это-то меня и спасло. Я буквально взмыл на крыльцо, единым махом преодолев пять ступеней, и, дёрнув дверь так, что она чуть не сорвалась с петель, ворвался в подъезд, дыша, как выбешенный носорог.

Попадись мне полоумная прямо сейчас, и я порвал бы её на лоскутки. Но она уже успела скрыться в квартире. Я отчётливо слышал, как над головой у меня щёлкнул замок.

Я ринулся вверх, идя за жертвой по запаху. Поднялся на второй этаж, на третий. Запах здесь был особенно сильным. Но стоило мне взбежать ещё на один лестничный марш, как он заметно ослаб. Либо я принюхался, либо нашёл нужный этаж. Но в какой именно квартире жила засранка? На площадке было четыре двери. Не две и даже не три. На свете нет ничего проще, чем правильно угадать из трёх вариантов. Четвёртый невероятно усложнял эту задачу. На десять в миллионной степени. Если вы проходили алгебру в старших классах, то должны понимать, о чём я говорю.

В общем, я подбежал к самой неказистой квартире. Деревянная, с облупленным дерматином дверь, из которого клочьями торчал серый войлок. Я забарабанил по ней что было духу. Внутри кто-то взвизгнул. Потом послышался тяжёлый топот слоновьих копыт. Сомнений быть не могло: полоумная жила в квартире под номером тридцать.

— Открывай, сука,— заорал я.

— Оподи, убиают. Выовите полицию.

Я принялся бить в дверь ногой. Будто тараном в ворота магометанской крепости. Истлевшие от времени косяки крошились тёмной разбухшею стружкой. Откуда-то с потолка упал внушительный кусок штукатурки. А я бил и бил в одно и то же место ногой, как заведённый. Перед глазами у меня была пелена. Я не видел ничего, кроме цели.

— Юди, убиают. Спаите!— визжала внутри полоумная.

В этот момент открылась соседняя дверь. На площадку вышел мужик в трусах и майке. Вид он имел угрожающий. Но испугать меня сейчас не смог бы и сам Конор Макгрегор.

— Ты какого хрена делаешь, урод?

— Ты лучше не лезь ко мне, слышишь, мужик.

Я почувствовал резкий толчок. Потеряв равновесие, кубарем скатился по лестнице, пересчитав

рёбрами все ступени. Пелена ещё стояла у меня перед глазами, когда, вскочив на ноги, я бросился на мужика.

Меня, наверное, вконец перекрыло, потому что дальнейшее я помню смутно. Я остервенело махал кулаками. В основном бил в пустоту. Но и цели мои удары порой достигали. Обтянутая кожей спинка дивана. Вот на что походило тело противника. Я впечатывал в него кулаки с гулким стуком, почти не чувствуя боли от ответных ударов. В конце концов я повалил мужика на пол, мёртвой хваткой вцепившись в него зубами. Неспортивно, я знаю. Но мы были не на региональных соревнованиях в Красноярске.

— А-а-ай. Да он сумасшедший,—вырываясь, прокричал мужик. Он со всей дури бил локтем мне по черепу, но зубов я не разжимал.—Наверно, сбежал из психушки.

— Господи. Не связывайся с ним, Вася. Не надо.

Не знаю, как долго это всё продолжалось. В конечном счёте я очнулся на площадке один, с разбитыми в кровь кулаками и саднящим горлом. Похоже, я громко кричал, не сознавая того. Я ещё раз пнул дверь полоумной бабы ногой и тут же упал как подкошенный. От ступни вверх по щиколотке пробежала молнией адская боль, ударив со скоростью света мне в голову.

Поднявшись, я поковылял вниз. Несчастный и искалеченный.

Ничего не изменилось. Я был таксистом, которого вместо отдыха ждала очередная поездка в химчистку.

25.

Она вышла из подъезда и встала как вкопанная. У самой машины. Девушка в круглых очках и вязаной шапке. Стоит себе, вертит головой взад-вперёд. И не видит меня даже в упор.

Господи! Я перевёз сегодня столько пьяниц и наркоманов, столько интеллигентных нервных мадам и интеллигентных нервных мужчин, что всё во мне кипело от злости. Гаишники провожали меня хмурыми взглядами, светофоры ломались, а обыватели за рулём не давали проезда. Я прорвался буквально через все круги ада, чтобы приехать на адрес за бестолковой девчонкой. Если б хоть кто-нибудь знал, хоть один человек на планете, чего мне всё это стоило, он бы горько расплакался, а потом мирно вскрыл себе вены водительским удостоверением европейского образца.

— Ждёшь приглашения? Садись,—крикнул я ей, опустив форточку.

Девушка с готовностью прыгнула на заднее кресло, испуганно забившись в углу. «Так-то лучше,—подумал я, тронувшись с места.—Меня не нужно любить. Упаси Боже. Достаточно просто вовремя выходить из подъезда и без перекуров, без долгих прощаний с друзьями и возвращений домой за деньгами, мобильными телефонами и ключами садиться в автомобиль. Я у вас первый и, скорее всего, единственный таксист на весь день. Но вас-то у меня пятьдесят человек. Поимейте, в конце концов, совесть!»

— Восемь-восемь, ты возле какого подъезда стоишь?—послышался из рации голос диспетчера.—Пассажир тебя не может найти. Уже десять кругов намотал вокруг дома.

— Минуточку,—произнёс я в ответ.

А сам посмотрел в зеркало заднего вида. Пассажирка, казалось, разом похудела на пятьдесят килограмм, при том что в ней всего-то было максимум сорок. Я еле отыскал её взглядом. В полумраке салона виднелись только серебристые окуляры очков да бледно-алые губы.

— Вам на Островского, восемнадцать?

— Нет,—произнесла тихонько она.—Мне нужно на автовокзал.

— Чёрт подери. На кой чёрт вы тогда сели в машину?

— Вы сказали…

Ругаться с ней было бессмысленно. Всё равно что орать на букет гладиолусов. Как она вообще дожила до своих лет, ни разу не повстречавшись с серийным маньяком или внеземной жизнью?

Пришлось снова разворачиваться через двойную сплошную и сломя голову мчаться обратно.

26.

— Да, алло. Говори,—брызжа слюной, прокричала в мобильник женщина с ядовито-свекольными волосами.—Я тебя плохо слышу. Говори громче. Слышишь меня? Говори!

Какое-то время в трубке звучал чей-то голос.

— Умерла? Как умерла? Что такое ты говоришь?

В телефоне опять послышался голос. На этот раз он звучал дольше и обстоятельней.

Женщина завопила:

— Господи! Не может этого быть!

— Что случилось?—спокойно спросил молодой человек на переднем сиденье. По всей вероятности, сын пассажирки. В лицах обоих угадывалось явное сходство.—Что с тётей Верой?

— Я не верю. Господи, не может этого быть. Она умерла.

— Где она? В морге?

— Откуда я знаю?! Нас разъединили.

— Скорее всего, её повезли в морг. Тогда нам нужно туда.

— Боже мой, нет,—женщина рыдала, выдавливая слова, точно камни.—Это ошибка. Умерла не она, а кто-то другой. Я только вчера с ней разговаривала. Она была абсолютно здоровой.

— Ты не хуже меня знаешь, что она могла умереть. Мы все можем умереть в любую секунду.

— Мы можем. Но не она.

— И она в том числе.

Чёртов час пик. Выйдя на смену в шестом часу вечера, я первой же заявкой укатил в Малую Минусу, а там взял эту парочку до Абакана. Все как раз ломанулись с работы домой. Я плёлся со скоростью шестьдесят километров в столетие, как гренландский ледник, а женщина позади что есть сил билась головой о седушку.

— Успокойся. Так ты сделаешь только хуже.

— Мне всё равно. Я хочу умереть.

— Тебе нельзя. Подумай о Наде. Что станет с ней?

Вместо ответа женщина громко завыла. Непроизвольно я надавил на педаль газа, чуть было не въехав в бампер впереди идущей машины. Я хорошо понимал горе моей пассажирки. Не понимал я лишь одного: почему тётя Веря не могла умереть двадцатью минутами позже?

— Нет, Господи, нет. Я должна её видеть.

— Скоро увидишь. Им всё равно потребуется опознание. Но я бы на твоём месте ни на что не надеялся. Она умерла. Чем скорее мы смиримся с этим фактом, тем лучше.

— Тогда я что-нибудь с собой сделаю.

— Не драматизируй. Ты прекрасно знаешь, что ничего с собой не сделаешь. Ты ещё не закончила здесь своих дел. Нам просто нужно это всё пережить. Как страшный сон.

— Зачем мне жить без неё?

— Ладно. Вскрой вены. Мы закопаем тебя рядом с сестрой.

Молодой человек явно изучил психологию. Или думал, что изучал. Но от его метода у меня мурашки ползли по коже. Женщине становилось лишь хуже, она снова принялась биться головой о седушку, и с такой исступлённостью, что в салоне поднялось облако реликтовой пыли.

— Господи, почему мы так медленно едем?—закричала она, вцепившись себе ногтями в лицо.

— Успокойся. Это час пик,—произнёс молодой человек.

— Как же мы долго едем! Как долго!

Я снова непроизвольно нажал педаль газа. Неожиданно ползший впереди меня «Форд» затормозил, и я впечатался на всём ходу ему в задницу. Проехав юзом несколько метров, машина остановилась. В образовавшейся тишине что-то тихонько журчало. Я жадно слушал журчание, цепляясь за него как за спасательный круг, пока перед глазами у меня всё кружилось и плыло, неотрывно глядя на руль управления. На нём была кровь. По-видимому, я хорошо приложился лицом о баранку, хоть никакой боли не чувствовал.

— Какого хера ты делаешь?—проорал на меня пузатый мужик, возникший вдруг возле меня. Казалось, он стоял здесь долгие годы, чтобы задать мне свой вопрос.—Не видел, что ли, что впереди пробка?

— Господи, что же это такое?—заголосила позади женщина.

— Всё нормально. Мы живы-здоровы,—успокаивал мать молодой человек, отстёгивая ремень безопасности.—Сейчас просто вызовем другое такси и поедем дальше.

— Вы нас чуть не угробили! Чуть не угробили,—проорала женщина.—Я упеку вас в тюрьму. На целую вечность. Будете знать, как калечить ни в чём не повинных людей.

— Мама, не драматизируй.

— Нет, я упеку этого психа в тюрьму.

Я включил аварийку и, толкнув дверь, вышел наружу.

Стоило мне встать на ноги, как к горлу подступил ком, а внутренности стянуло, словно их намотали на палку и хорошенечко дёрнули. В следующий миг меня вырвало на асфальт дымящимся сгустком блевотины.

— Боже,—причитал горько толстяк, крутясь вокруг разбитого «Форда»,—только вчера забрал из автосалона. Только вчера…

Будем Прометеем!

Рассказы и стихи участников Всероссийского литературного конкурса им. А. Л. Чижевского

Владимир Винецкий

Прометей Covid-эпохи

Он попытался пошевелиться, сдвинуться хоть на дюйм, но тщетно: цепи намертво приковывали запястья и щиколотки к скале. Велик и предусмотрителен громовержец Зевс, изощрённейший из олимпийских палачей! За крохотную искру—океан му́ки, за желание спасти гибнущее человечество—вечное распятие. Отрешиться от мыслей, боли нет, страха нет, отчаяния нет… Но вдали уже слышен клёкот его любимой зверушки; орёл прилетает точно по расписанию, минута в минуту, и давно потерян счёт дням. Проголодался, бедняга, а вот кушать подано—беспомощный проштрафившийся титан. Печень—пальчики оближешь. Вот хищник выпустил когти и навострил клюв. В сотый, тысячный раз нет тебе спасенья: ты пленник, узник, скованный, распятый,—готовься пить чашу до дна…

…Человек выныривал из сна медленно, мучительно, словно выбирался из засасывающей болотной трясины. Дрожащими руками он нащупал ночник, но зажёг его лишь с третьей попытки. В неярком свете глазам предстало знакомое до боли зрелище: обшарпанный письменный стол, до отказа забитый книгами шкафчик, подоконник, где покрывались пылью безделушки из разных стран. Только осмотрев комнату взглядом затравленного зверя, человек окончательно уверился: его печень не пострадает… во всяком случае, от когтей и клюва Зевесова орла. При этой мысли глаза сами собой выхватили из комнатного хаоса один предмет, а именно—початую бутылку коньяка.

Человек виновато потупился, будто солдат, застигнутый отцом-командиром во время постыдной попытки к бегству. Он ненавидел и презирал себя за проявленную слабость, а каждый орган на свой манер подливал масла в огонь. В одну кучу смешались и переплелись головная боль, кишечные колики, мерзкий вкус меди во рту. Но всем этим концертом самобичевания дирижировало одно-единственное осознание: ты здесь заперт. Китайская зараза посадила тебя на цепь. И не сравнивай себя со львом в клетке, это будет оскорблением царя зверей. Ты не лев, а обезьяна и можешь лишь дёргать за прутья решётки да корчить рожи сам себе.

Возможно, такой гримасой был и вчерашний вечерний поход за коньяком. Он, как вор, крался по улице, трепеща, словно новый Каин, вознамерившийся, однако, не пристукнуть брата камнем, а утопить свою тоску в бутылке. И потом в густеющих сумерках на убогой кухне бросал в рот стопку за стопкой—без закуски, без тостов, без весёлой компании, с одной мыслью: освободиться. И в какой-то момент это удалось. Дух воспарил на облаке винных паров, покинув бренную плоть, оставив её в городке, опутанном сетью ковидных ограничений. На краткий миг он почувствовал себя титаном, почти богом… А затем были цепи. И клюв орла вонзился в печень. Прометей попал в мышеловку.

Человек резко поднялся и тут же скорчился—живот свело судорогой от тошноты. Он проковылял в ванную, машинально разглядывая корешки зачитанных до ветхости книг. Здесь царили Джек Лондон, Хемингуэй, Конрад, Хаггард, братья Стругацкие и десятки других—тех, кого владелец книг считал настоящими мужчинами, тех, кто умел по-настоящему жить и быть свободным. Эти две идеи фикс—обрести свободу и стать настоящим мужчиной—преследовали человека едва ли не с детства. Он инстинктивно стремился к ним, но рассудком понимал, что протягивает руки к бесконечно далёкому горизонту. Он пытался вывести для себя определённые критерии мужественности и свободы, составлял целые таблицы, а потом рвал бумагу на клочки, чувствуя себя алхимиком, озабоченным поиском мифического философского камня.

Сейчас, глядя в зеркало над раковиной, человек понимал одно: вчерашней пьянкой он предал их всех—от Хемингуэя до Высоцкого. Он позволил себе расклеиться, проявить жалось к себе, разнюниться… На языке вертелась ещё сотня уничижительных эпитетов. Память услужливо расстелила красную дорожку тяжёлым воспоминаниям с утреннего позора до всегдашней точки невозврата, трёхлетнего возраста, когда его бросил отец, оставив сына в бабьем царстве и тем самым выбив из-под его ног твёрдый мужской фундамент и веру в людей. Это осознание своей

неполноценности и стало последней каплей: человек едва сдержался, чтобы смачно не харкнуть на своё отражение, заплевав одновременно зеркало, свою душу, прошлое и весь корчащийся в страхе перед неведомым вирусом мир.

Желание напиться, которое вчера обрушилось на человека с силой Ниагарского водопада, было для него так же чуждо, как фрак для папуаса. Его алкоголем были странствия, опьянявшие куда лучше дешёвого пойла. Когда он поднимался на пик Эйфелевой башни или спускался в склеп Капуцинов под собором Святого Стефана, то не раз ловил себя на шальной мысли: ты подсел на иглу новых впечатлений и зависим сильнее, чем конченный героинист. Особенно остро он почувствовал это в венгерском Вышеграде, где встречал рассвет на вершине скалы, а под ногами величаво расстилался голубой Дунай. Наверное, нечто подобное ощущал Адам в Райском саду или Ной после Потопа—эйфория полного единения с окружающим миром, когда одновременно чувствуешь себя микроскопической песчинкой и создателем всего сущего. А теперь всё позади. Демиург стоит посреди ванной в трусах и размазывает по лицу постыдные слезы… как баба. Икар больше не полетит, крылья расклеились.

Первые тревожные звоночки, предвестники грядущей бури, он просто проигнорировал. Болели и раньше: эболой, птичьим гриппом, испанкой, чумой, наконец. Он и сам немало перенёс к тридцати годам; в багаже были сломанная нога, обморожение, травма позвоночника, попорченное зрение, разрыв с без пяти минут невестой, обернувшийся многомесячной депрессией. Соблазн набросить верёвку на шею тогда был так силён, что вечный путник решил отправиться на край земли—и бежал на Сахалин.

Солёный океан и горные кряжи по капле высосали его тоску, собрали воедино разбитую душу. Когда пришло время возвращаться на запад, он вновь ощутил в себе жажду жизни, почувствовал себя перекати-полем, как в лучшие годы юности. Увы, время вспять не повернуть, так же как не загнать ненавистный ковид обратно в Юхань. Какой-то непутёвый Аладдин высвободил джинна, с которым потом не сумел сладить. А расхлёбывать последствия придётся всему и вся.

Очень хотелось крепкого кофе: повысить настроение и понизить градус хмеля в крови. Турка застыла на газовой плите по стойке «смирно»—живое напоминание о жаркой Анталье, где он экскурсоводил несколько лет назад. Подвёл не вовремя опустевший спичечный коробок, и человек, вполголоса чертыхаясь, потянул с тумбочки одежду. Спускаясь по лестнице, он вспомнил нововявленные правила: обязательная маска и не дальше километра от дома. Намордник и поводок, а над будкой надпись: «Пёс Странник. Кусается, чтобы доказать себе, что он—альфа-самец».

В магазинчике было грязно и пахло плесенью. Перед человеком лежали буханки чёрствого хлеба, пирамиды консервов, пачки «Доширака», лотки покрытых землёй овощей и целые полки разнообразной отравы, которой он ещё вчера травил себя. Но ничего этого путешественник не замечал. Он видел, как бушует далёкое Белое море, над ним реют чайки, а солнце медленно идёт на закат, расцвечивая небо пылающими цветами, в сравнении с которыми лучшие полотна мастеров кисти кажутся грубой мазнёй. В этот предзакатный час с промысла возвращаются рыбаки с сетями, серебряными от свежей рыбы. И если долго вглядываться в морскую даль, то можно заметить играющую среди пенистых волн белуху.

— Вам чего?

Прямо на него смотрел продавец, плешивый, с рябым морщинистым лицом,—судя по восточной внешности, казах или узбек.

«Я ведь много лет мечтал побывать в Самарканде,—ни к селу ни к городу подумалось человеку.—С тех пор как услышал песню „Двери Тамерлана“. А этот сын Востока, быть может, видел их с детства каждый день и привык, как привыкают чистить зубы по утрам».

Он открыл рот, чтобы сказать: «Коробок спичек, пожалуйста».

Но губы его исказила какая-то кривая полуулыбка, будто неумелый цирюльник размашисто чиркнул по лицу обоюдоострой бритвой. Вместо заготовленной фразы человек произнёс:

— Будь Прометеем, дай огня.

Екатерина Куйдина

Трамвайчик

«Мы расстались или нет?—думает она.—Вроде бы да, но вроде, кажется, нет—не прозвучало прощальных слов. И будущих—не прозвучало…»

Она стоит на вокзале во тьме. Где-то слышны голоса и смех молодых людей, где-то собаки воют с тоски. Ещё и не поздно, а город спит. Трамвайчик слабо маячит вдали. Она садится в полупустой вагон, он покачивается на рельсах, тихо ползёт вперёд. Дальше виден просвет—редкие фонари всё же освещают путь. Вот и окна мигают в тени—значит, город вовсе не спит, но отчего-то молчит.

А в сердце девушки тлеет уголёк: спичкой чиркни—вспыхнет. Гореть—лучше, чем тлеть. Но дважды нельзя сгореть.

Трамвайчик продирается сквозь темноту, спотыкаясь на остановках. Она думает: «Ну вот и я сойду»; отпускает вагон в пустоту. Наступит новый

рассвет — такой, какого ещё нет. И она будет не та. И Он, вероятно, не тем. Ничто не повторяется. Никто неповторим.

И только трамвайчик продолжит свой путь — такой же, что и вчера, и завтра, но не навсегда.

Андрей Коваленко

Амурские сказки

Как появилось звёздное небо

Севернее огромного Амура, в отрогах Хингана, жила большая и дружная семья: старик-эвенк с женой, трое сыновей, их жёны да две маленькие дочки старшего сына. Жили они дружно, пасли огромное стадо оленей почти в пятьсот голов. И регулярно кочевали в поисках корма.

И вот весной, когда уже сошли все снега, эвенкийская семья спускалась вдоль реки с сопок. Внизу солнце уже припекало. А потому уже должна была показаться трава, отчего оленям становилось бы проще добывать себе корм.

Река была чёрной. Воды не отражали даже солнечные лучи. И, подходя к воде, можно было с трудом увидеть своё отражение.

После долгого перехода по изрезанным долинам Хингана ни старик, ни его сыновья не уследили, куда подевался вожак стада. А без него огромное количество оленей стало практически неуправляемым. Они стали разбредаться по большой долине. А это грозило потерями от волков, тигров и медведей, которые были не прочь полакомиться олениной.

Тогда старик-эвенк принял решение временно переправить всё стадо на большой Арыы — остров в месте слияния Чёрной реки с другой, несущей голубые волны. Присматривать за стадом остались женщины, а четверо мужчин отправились искать вожака.

После утомительного дня все женщины нашли удобное место для ночлега. Здесь гоны — или гуси — останавливались на привал, когда летели этой весной с юга. И после себя оставили много гора — полиняли, сбросили старые перья. Устав, решили не ставить дом, а легли спать прямо на эту мягкую перину гонгора. Вот только не получалось уснуть у младшей внучки. Ей всего было пять лет. И она боялась засыпать на незнакомом месте. А рядом был слышен рёв хищников, которые почуяли лёгкую добычу.

Тогда одна из эвенкиек решила укрыть всех людей и оленей тёмными водами Чёрной реки. Она взяла её у берега, резко дёрнула и укрыла и людей, и оленей чёрным сплошным покрывалом.

Правда, то один олень пошевелится, то человек перевернётся… И чёрное покрывало стало рваться то тут, то там. Отдельные лоскуты стали падать на землю, другие — висеть сверху над всеми, грозя оборваться.

Пришлось старухе со своими невестками и старшей внучкой быстро хватать гонгор и пришивать лоскуты Чёрной реки один к другому.

Вскоре всё покрывало было надёжно сшито. Но из-за спешки получилось не сплошь чёрным. То тут, то там виднелись белые кусочки гора. Их было огромное количество. И они были повсюду. Где-то — больше, где лоскуты пришлось сшивать чаще, где-то — меньше.

Проснувшись утром, эвенкийки обнаружили, что туманом покрывало поднялось вверх. И теперь до него уже не дотянуться — настолько высоко оно оказалось.

С тех пор над островом Арыы в месте слияния Чёрной реки Хара и реки Гонгор появились на небе звёзды, а потом его можно было видеть во всех уголках! Сама река, которая образовывалась от слияния, получила название Архара — Чёрная река, омывающая остров.

Как река дорогу домой указала

Величественный Амур и красавица Зея нередко показывают свой буйный нрав, наполняясь водой от дождей с огромной территории. Стоит им выйти из берегов — жди беды в любом уголке Приамурья. Сначала крупные реки превращаются в бескрайние моря с верхушками деревьев в виде островков. Потом разливаются и речушки. И даже небольшие ручейки становятся бурными потоками.

Архара разливалась в своём среднем течении стремительно. Только вчера она плескалась у берега, а уже ночью несколько эвенкийских охотников вынуждены были проснуться, чтобы уходить на сухое место. Однако просто так в темноте найти путь непросто.

Ранним утром, когда солнце стало постепенно освещать небо, раскрылось огромное залитое поле; вода доходила до леса на севере в нескольких часах пути, теряясь где-то там в зарослях.

— Надо идти до леса! — указал один из охотников на небольшой проём в стройной линии деревьев. — Там река идёт в гору. По ней и пойдём от воды.

— В лесу ничего не сможем! — возражали другие охотники. — Придётся остановиться в лесу, не найдём пути!

— Всё лучше, чем в болоте идти. Если не плыть.

Целый день эвенки двигались в воде. Они и нашли реку, впадавшую в Архару, и добрались до кромки леса. Вот только вода всё прибывала и прибывала. Даже несмотря на движение, её уровень почти всегда доходил до колена, отчего идти было сложнее.

А ещё постоянно приходилось вилять. В лес было сложно углубиться — слишком густой он

был. Да и что будет в лесу под водой? Коряги да ветки — и разбиться недолго!

— Илга! — то и дело повторяли эвенки. — Илга-кан! «Извилистая» то есть…

К самому вечеру все оказались на сухой поверхности. Тут речка даже в наводнение превратилась в ручеёк, который брал своё начало где-то в сопках.

— Теперь только в сопку. И там сидеть! — добавил самый старый эвенк. — Всё лучше, чем в воде мёрзнуть.

— Не найти там дороги! Долго сидеть будем, — вторили другие эвенки.

Но вершины сопок оказались без деревьев. Разве что редкие кустарники росли то тут, то там. И такие безлесистые пространства шли на север — как раз в места, где сейчас были семьи охотников.

Можно представить их радость и удивление, когда они это увидели утром! Справа от них находилась Архара, которая широко разлилась от большой воды. А слева текла бурная полноводная речушка.

— Леконда! — кивнул один из охотников. — По ней и дойдём!

— Спасла она нас от холода в воде! — согласились все остальные. — Теперь до дома добраться будет проще.

С тех пор и течёт в тех местах речушка Леконда, название которой означает дорогу, ведущую по вершинам сопок, — «лекона».

Татьяна Тикунова

Метро

— Восемь пятнадцать. — Начало октября, середина рабочей недели. — Город тонет в тумане и рыжих листьях. — Новочеркасский опять собрал пробку. — «Мой папа зарабатывает в такси шесть миллионов, а ты?». А я еду в офис к девяти на метро.

— Сонный, уже с утра усталый строй. — Знакомый маршрут. — Воронка подземки всасывает и выплёвывает, не жуя. — Уличный зазывала всё на том же месте: «Магазин цветов „Фантазия“! Хризантемы от тридцати рублей, розы от пятидесяти рублей!». — Всё те же три аккорда у баяниста в переходе. — Где наушники — включить погромче радио? — «Утреца всем добрейшего! С вами шоу „Первая смена“! Друзья, рассказывайте о своей зайке или киске в игре „Мужчина и женщина“!»

— С глянцевых обложек в «Первой полосе» улыбаются глянцевые лица. — Настенный календарь обещает «Хороший год с президентом России». Рядом другой, с будущим символом — свиным пятачком.

— «Уважаемые пассажиры, не бегите по ступеням эскалатора, это может быть небезопасно. Спасибо тем, кто услышал». — Бегут, бегут, никто не услышал… — Тоже раньше бегала, а теперь вот нет.

— У парня впереди рюкзак с рисунком: милый котик показывает средний палец. — На поручне выведено краской: «Мой храм в руинах». — Весёленькое начало утра.

— Поезд, как обычно, уже переполненный. — Стоят у дверей — ни шагу назад, будто под Сталинградом. — Сумки, тела, мысли — вперемешку. — Втиснуться, борясь за каждый лишний сантиметр. — У соседки справа те самые духи DKNY, сосед слева вчера что-то хорошо отметил с друзьями. — Ни двинуться, ни вздохнуть — некуда, некуда…

— Прячемся в скорлупках из наушников и телефонов. Залипаем в тетрисах, шариках, контактах, инстаграмах. — В инстаграмах нет мрачных, унылых лиц. Может, люди из инстаграмов не ездят в метро?..

— На переходе черепашья лавина лениво ползёт к эскалатору. — Мерзкий тип, ещё и толкнул. — Обрывки разговоров. — «Куда на Новый год? — Да не думали ещё…» — «Мам, привет! Нам вчера расписание сказали: понедельник, среда, пятница, а в воскресенье выступаем. Вообще отлично, с английским не совпадает, он у нас по вторникам и четвергам. Нет, мам, я подумала, что и так нагрузки хватает».

— Сухонькая бабуля трясёт платочками, всхлипывая, пытается докричаться до толпы: «Военным, военным, помогите военным…» — Знаю её, каждое утро здесь. — Подошла как-то, спросила, сколько стоит, в ответ — те же всхлипы и невнятное бормотание про военных. — Сунула двести рублей в дрожащие пальцы. — Многие тоже подходят, видела. Но большинство мимо.

— В вагоне спят сидя, спят стоя. Кто не спит — дремлет, кто не дремлет — листает ленту или читает Metro. — У некоторых всё же книги: «Сто бесед с Молотовым», «Герцог оперативного назначения» (интересно, о чём это?), «Сказки Пушкина», «Владимир, или Прерванный полёт» (ничего себе — собиралась как раз под передачу о Влади и Высоцком!). — Женщина напротив уткнулась в какую-то религиозную брошюрку, шепчет вполголоса: «Господи, Господи…»

— От ярких задорных баннеров не скроешься. — «Вам понравится наш потребительский кредит! Не жди зарплаты, живи сейчас!» — «Даёшь 3 пиццы за 444 рубля!» — «Безграничные возможности для самореализации! Амбициозные планы компании по развитию! Открыты вакансии: продавец-консультант, сотрудник склада, кассир, уборщица!» —

«Станьте соседом в нашем уютном доме! Осталось всего 35 квартир!» — «Замечательно мягкая туалетная бумага, теперь в новом дизайне!» — «Приходите за шторами в „Шторкин“!» — «„Конная полиция“ — ржачная комедия!» — Социальная реклама не отстаёт. — «Прокуратура Санкт-Петербурга разъясняет, как не стать обманутым дольщиком…» — «Расскажи о своём храме на нашем сайте…» — «Давайте говорить как петербуржцы…»

— На остановке дружно падаем, как неваляшки. — «„Гостиный двор“. Следующая станция — „Василеостровская“. Осторожно, двери закрываются. Уважаемые пассажиры, уступайте места пожилым людям, беременным женщинам и инвалидам. Во избежание травм держитесь за поручни». — Нет сил держаться… — Не избежать травм.

— На «Гостинке» много выходит. — Наконец-то опуститься на сиденье, погрузиться в книгу. — Андрей Белый, «Петербург». — Четыре минуты утреннего счастья.

— Металлический голос бесстрастен. — «В связи с увеличением пассажиропотока равномерно заполняйте левую и правую сторону ступеней, не задерживайте движение при входе и сходе с эскалатора». — Ещё немного утренней толкучки. — Старательно прячем глаза друг от друга. — Потерпеть. Скоро всё это закончится.

— Эскалатор выносит к свету. — Совсем чуть-чуть — и…

— Старушка съёжилась над букетиком полевых цветов. Что это — ромашки в октябре? Последний привет от ушедшего лета. Яркие маленькие искорки.

— «Почём, бабушка?» — «Сто двадцать рублей…» — «Держите сто пятьдесят, сдачи не надо…» — «Ой, давайте я вам вместо сдачи мяты перечной дам, хотите?» — «Хочу. Я так мяту люблю…»

— Полной грудью вдыхаю нежный пряный аромат, на секунду прикрыв глаза. Выдыхаю. Открываю. Сама собою вдруг появляется в уголках губ улыбка.

— «Васька» встречает нежданным солнцем. В руке сияют летом ромашки, из сумки одуряюще пахнет мятой. Сбегаю по ступеням в новый день. Точно знаю: он будет светлым, будет радостным, будет удачным.

— Вот увидите. Обязательно. И у вас будет тоже.

— Вы слышите, люди?..

Анна Мамаенко

Сон Каиафы

Шорох песков иудейских во тьме остыл.
Благонадёжные смоквы приносят плод.
В этой ночи дремучей среди могил
нет никого, кто смерть свою переживёт.
Блеют на пастбищах овцы… Суров Закон.
Лишь на полях Завета растёт трава…
Каиафе всё время снится недобрый сон,
будто беглым рабам и жёнам дают права,
храм зарастает осокой и камышом,
плещутся рыбы между семи огней.
Каиафа чует: дело нехорошо…
Очень плохо дело, если сказать точней.
Он немеет, как рыба. Песок забивает рот,
словно ветер приходит язык ему обрезать.
Если всякий плотник станет учить народ,
что он скажет Господу, глядя Ему в глаза?..
Просыпается Каиафа, глотая крик,
и глазами, как в детстве мокрыми, видит он,
что обрезано всё, что надо, и цел язык,
и надёжный песок упирается в горизонт.
Но по коже гусиной продирает его мороз:
в каждом свитке — побеги, растущие между строк…
И тогда он садится под смокву — писать донос,
чтобы выкосить их под корень в короткий срок.
Но Господь пустыни и поля Господь — един.
В стрекотании песчинок расслышать сумей слова:
«Встань и иди, мой Лазарь!
Встань и иди.
Иди, не оглядываясь.
Как в небо растёт трава…»

Анна Музыкантова

Лодка

Изумрудные тени лесов
На растрёпанных волнах реки.
Слышен ласточек ангельский зов,
Уходящей поре вопреки.
Дремлет лодка на влажном песке.
Снится ей тёплых вод благодать.
И весло в чьей-то сильной руке
Разрезает лазурную гладь.
Снится брызг серебристых фонтан,
Как трепещет от солнца вода.
Не река снится ей — океан,
Голубая бескрайняя даль.
Только лодка в вечерней тиши
Дремлет вот уже тысячу лет,
Где речные шумят камыши,
Предвещая осенний рассвет.

Наталья Филимонова

● ● ●

Не говорю на твоём языке,
Не сочиняю стихи, не пишу картины.
В моём видавшем виды пустом рюкзаке
Лежит чья-то жизнь из многодневной рутины.
Внутрь смотрю, а там глубина до небес,
Дыхание ветра и строки непонятых мыслей—
Они не рифмуются, дремучие, будто лес,
Не несущие никакого смысла.
Не живу в твоём городе. Не живу
Ни в одной из твоих любящих женщин.
Мне поклоняется дождь, будто бы божеству,
А ты с каждым днём помнишь меня всё меньше.

Александр Славников

● ● ●

Природа—мёртвая на вкус, на вид,
но это—ложь. Она—мертвее мёртвых.
Над лужей лист закрученный навис
двумя нулями или же восьмёркой.

В траве пожухлой смерть и в скользких проводах,
и я несу в стихах прохладу гроба,
Да ладно, я—живой, как Лист и Бах,
стихийной музыкой рыданий или грома.

Кира Марченкова

● ● ●

Между пальцев трава.
Между шпалами гравий.
Одинокое облако в небе висит.
Я кому-то наверх говорю: «Поиграем?
Ах ты иже еси!»

Снизу вверх проведу по упругому стеблю,
С беззащитной травинки срывая пушок,
А потом и не вспомню, кто вышел на деле—
Курочка, петушок?

Проигравшего нет в этом «будет-не будет».
Поднимается шум, что-то колет в груди,
И несётся состав, а какие-то люди
Мне кричат: «Уходи!»

Екатерина Богомолова

Пробный шар

Ты думаешь: кидают пробный шар,—
Но нет—летит взведённая граната
Из звёздного медвежьего Ковша.
Кому-то ты случайно помешал,
Был без вины объявлен виноватым,

Незлым и незаметным был—как знать?
Но пробил час—и больше ты не нужен.
Есть время жить—и время умирать,
Безжалостные звёзды отражать,
Бессмысленным дождём пролившись в лужи.

Есть время жить—и время дать другим
Прожить твоё непрожитое время,
Стоптать твои в дороге сапоги,
Увидеть, как расходятся круги,
Как прорастает брошенное семя

Упрямо… Время дорого, спеши!
Пока не приступила смерть к работе,
Ещё легки движения души,
Ещё остры в руках карандаши
И белый лист не сложен в самолётик,—

Спеши переписать и дописать,
Переиграть бессовестно и ловко:
Чтоб где-то далеко, в созвездье Пса,
Сплелись друг с другом судьбы, голоса
И не остыла к ужину похлёбка…

Александр Настасьин

Вся жизнь

Вся жизнь—шаги и повороты,
Вся жизнь—предательство и ложь,
Нелёгкий путь, но ты идёшь,
Хотя дорогами измотан.
Не раз ты падал на колени,
Не раз в отчаянии стонал,
Но каждый раз осознавал,
Что надо гнать комок сомнений.
Вся жизнь—вопросы и ответы,
Вся жизнь—чему-то вопреки.
Стоят на месте дураки,
А ты считаешь километры.

Сергей Скуратовский

Сороконожка разучилась ходить.
Она поняла, что каждый шаг
Оставляет вмятину на земле,
И каждый взмах
Оставляет вмятину на небе.
И где бы ты ни был,
Ты будешь видеть эту вмятину,
А небо будет глядеть на тебя
Странно и пристально, как зодчий
Рассматривает купол храма,
Из-за пазухи вытаскивает вавилон,
Деревенеющими пальцами мерит, не слушается рука,
Оглядывает постройку со всех четырёх сторон
И тихо смеётся в самые облака,
А там так светло от ангельских животов…
Проходя мимо этого храма, ты в детстве считал котов,
По соседним дворам, на заборах, по окнам
Взглядом искал мордочки, спинки, хвосты.
Коты не боялись и говорили этим, что ты—
Маленький мальчик, рубашка твоя промокла
Между лопаток.
(Этот текст подобен сороконожке и не хочет быть краток.)
Когда ты мальчик, травные волжские берега
Занимаются непосредственным своим делом:
Берегут тебя мощным суглинистым телом
От внешнего и, разумеется, внутреннего врага.
И, глядя, как ты играешь среди клевера и малины,
Смерть улыбается и тихо проходит мимо.
А вода все течёт, и сам ты теперь—берег.
На твоей груди играют дети и кошка.
Обнять бы ту реку, что наречёт и поверит,
Хоть русло—такая же вмятина, как ни крути.
Но где-то на склоне, под палой листвой, задумчивая сороконожка
Стоит и решает, с какой же ноги пойти.

Татьяна Селезнёва

Васильки во ржи

Или свет, или тень—
На иное я прав не имею,
Как не знает Земля ничего, кроме капель воды.
На тетрадном листке очертанья цветов акварельных,
В самом ярком из них я узна́ю родные черты—
И шагну в белоснежное облако влажной бумаги,
Пара быстрых штрихов—так рождается новая жизнь.
Очарованный светом не сможет случиться во мраке—
Остаётся любить и цвести
Васильками во ржи.

Наталья Шепко

● ● ●

И мне давно уже здесь нечего сказать,
Смотрю, как вор, на запотевшее стекло.
И в лунном мареве остывшая кровать
Мне шепчет вкрадчиво, что время истекло.

В обледеневшем мире замер дымный свет.
Сквозь синеву небес смеётся жемчуг звёзд.
И чей-то в сумраке вдруг всплывший силуэт
Спешит укрыться за стеной дрожащих слёз.

Я всё смотрю с тоской на мир из хрусталя
И прижимаю пальцы к мутному окну.
А в сонном сумраке пророчат тополя
О том, что мне не суждено встречать весну.

Артём Боронин

Хлебы

— Помнишь ли небо,
Которое ниже
Было недавно?

— Я помню, как травы
Вплотную к нему прилегали.

Не было песни,
Но звуки молчаньем
Слышались равным,

И бронзовый витязь
Ступал в безымянные дали.

— Знаешь ли это,
О, знаешь ли, чудный,
Ухом сердечным,

Что почва под нами
И есть недоступное небо?

Знаешь ли это,
Что травы и звуки
Всё ещё млечны,

А витязь хромает,
Но ищет далёкого хлеба?

— Знаю, что песню
Проносит в пути он,
Звуки слагая.

И травы всё выше
Стремятся к былому касанью.

— Это всё песня,
Рождённая волей
Сила живая.

Для края родного
Его непростое старанье.

— Знаете, песни,
Что витязь придуман,
Сложен из звуков,

А старое небо
Хоронит под землями травы?

Знаете, песни,
Ступайте за бронзой,
Мало ли слухов?

Ищите иного,
Тогда вы останетесь здравы.

— Знаем тебя мы.
Но ложное слово
Нам неприятно.

От песни до песни
Мы верим в свершение требы.

Высятся травы,
Вот витязь блаженный
Мчится обратно.

В руках его видим
Спасения чудные хлебы.

Иветта Лишенко

Встречи транзитом

Флагман

В лёгком сером тумане просыпался город. Последняя декада июля в Красноярске выдалась на редкость холодной и влажной. Путь вёл меня к ближайшей остановке, а купол ярко-синего зонта с изображением Эйфелевой башни бережно защищал от назойливых капель. Куда-то по-воскресному спешили машины. Люди на остановочном пункте ожидали своего транспорта и сгрудились под прозрачным навесом, спасаясь от моря проливного дождя.

Только один он стоял вне укрытия, точно флагман на рейде. В центре площадки автобусной остановки красиво возвышалась его крупная широкоплечая фигура. Парадная голландка, окантованная классическим тёмно-синим гюйсом, дополняла облик незнакомца. Он был великолепен! Пара медалей скромно мерцала на белом фоне одежды, а ветер поигрывал чёрными лентами бескозырки. Мужественное скуластое лицо подчёркивали пышные седые усы, а глаза излучали синеву.

Моряк стоял гордо, будто вытянувшись по стойке «смирно», не обращая внимания на выкрутасы сибирской погоды. Сегодня был его праздник! Кого-то напоминал мне этот человек… Он будто сошёл с севастопольского постамента скульптурной композиции «Солдат и матрос», которой я восторгалась прошлым летом в Крыму. Казалось, что своей спиной он закрывал небольшую группу людей, свою эскадру, от нахмуренных туч, холодного ветра и монотонного дождя.

Свободного места под навесом для меня не оказалось, пришлось расположиться неподалёку от этого интересного человека. Я не могла отвести от него взгляд. Правильная ровная осанка не выдавала его серебряный возраст. Он напряжённо всматривался вдаль, а нужная маршрутка никак не появлялась на горизонте. Мужчина периодически поднимал левую руку и посматривал на часы: торопился.

Неожиданно, разбрызгивая шинами пузырящиеся лужи, серебристое Яндекс-такси вырулило к нашей остановке и припарковалось напротив него. Словно по команде, он сделал пару шагов назад. Не обращая никакого внимания на манёвры автомобиля, моряк вместе со всеми продолжал ожидать свой транспорт. Ни у кого не возникло желания воспользоваться Яндекс-услугами. Прошло около пяти минут. Внезапно мокрое стекло автомобиля опустилось, и водитель такси обратился к мужчине в парадной форме:

— Здравствуйте! С Днём Военно-морского флота! Сегодня у нас — акция! Бесплатная доставка ветеранов к месту торжественного построения.

Человек-скульптура не шелохнулся. Не только я, но и все люди под прозрачным навесом наблюдали за ситуацией. Возможно, моряк не доверял словам таксиста и был в замешательстве, что предпринять… Но ни один мускул не дрогнул на его строгом лице.

Шофёр, молодой парень с хитрой улыбкой, выскочил из машины и галантно открыл дверцу:

— Прошу вас, садитесь! Через пятнадцать минут будем на месте.

Пожилой человек раздумывал и не торопился принимать внезапное приглашение незнакомца.

Лёгкая бравада таксиста сменилась серьёзностью, и он негромко произнёс:

— Отец, от чистого сердца предлагаю… Насчёт акции я переборщил, вызов только что пришёл, так что мне — в центр, с тобой по пути. Поехали?!

Ветеран флота сделал несколько широких шагов и нырнул в серебристый автомобиль. Такси взревело и скрылось за ближайшим поворотом, оставив в моём сердце тёплую волну воспоминаний об этом холодном воскресном утре.

Доброе утро! Полиция!

Артём открыл глаза. Сотовый молчал без признаков жизни, а часы на стене показывали полдевятого утра. Запах маминых сырников, доносившийся из кухни, приятно щекотал нос. Потянувшись, молодой человек решительно соскочил с кровати и начал одеваться.

— Доброе утро, мам! А где мой спортивный костюм?

— Доброе утро, Тёма! Я его только что постирала…

Артём, порывшись в шкафу, нашёл чёрные найковские штаны, которые предназначались для дачных работ, и старенькую толстовку с капюшоном. Он уже зашнуровывал кроссовки, когда появилась мать:

— Опять на пробежку, не позавтракав?

— Через часок вернусь. Работы — выше крыши! Вчера не успел пару сайтов доокучить, а сегодня ещё на биржу пилить. Вдруг там появилась вакансия… инженера-программиста?! — загадочно произнёс парень. — Требуется в преуспевающую компанию молодой двадцатипятилетний сотрудник, которого зовут Артём Михайлович Новиков!

— Ох, Тёма! Когда уже это случится?! — вздохнула мать и, глянув на сына с удивлением, продолжила: — Ты чего оделся как бомжик?

— Я — полетел! — нараспев ответил Артём и, замахав руками, как крыльями, артистично исчез за дверью.

Дни этого сентября стояли безветренно-солнечными. Молодой человек начал бег от фонтана, похожего на водопад. Струи воды, изогнувшись дугой, с шумом падали вниз, и это зрелище всегда приковывало внимание Новикова…

— Спортсмен, постой! Закурить не найдётся?

Неизвестно откуда рядом с Артёмом появился всклокоченный мужичонка с простуженным голосом. Бегун покачал головой и хотел продолжить движение вдоль реки, но незнакомец желал общения и достал из кармана закопчённой куртки аптечный пузырёк с настойкой боярышника:

— Ну что, составишь компанию бывшему мастеру спорта?

— Я только начинающий… и не дорос до вашего уровня! Извините, не могу себе позволить! — иронически выкрикнул Артём, набирая скорость, чтобы оторваться от настырного незнакомца.

Терпкий утренний воздух, золотой шелест тополей, шуршащая под ногами листва, словно бальзам, грели душу Новикова. Он перешёл на среднюю интенсивность, и неосуществлённые мечты, подобно стаям птиц, закружились…

— Доброе утро! Полиция! Молодой человек, остановитесь!

Мужской голос, доносившийся сзади, вернул бегуна к реальности. Новиков, выполнив жёсткое указание, обернулся и увидел двух мужчин, облачённых в форму стражей порядка. Оба синхронно показали Артёму удостоверения. Левый полицейский внимательно оглядел Новикова.

— Ориентировочка на ваши штаны, гражданин. Пройдёмте с нами!

Правый полицейский добавил:

— Может быть, у вас с собой есть паспорт или другой документ для подтверждения личности?

Артём рефлексивно сунул руки в карманы своих злополучных штанов, но, кроме ключей, там ничего не оказалось.

— А что случилось?

— Сейчас отвезём вас к оперуполномоченному, он с вами разберётся, — бросил из-за плеча Правый.

— Я имею право на адвоката?! — улыбнувшись, спросил бегун.

— Имеете, если сразу сознаетесь во всём! — недовольно пробурчал Левый.

Патрульный автомобиль быстро двигался по будничным улицам городка. Артём первый раз путешествовал в полицейской «Ладе», и это ему было в диковинку.

— А какое наказание мне положено за старые штаны?

Полицейские даже не удосужились ответить, а только презрительно посмотрели на задержанного. Машина припарковалась у городского отдела МВД. Новикова завели внутрь здания и оставили у большой железной двери. Левый приоткрыл её:

— Ещё одного привезли.

— Пусть заходит, — ответили изнутри.

Задержанный шагнул в тёмный просторный кабинет и бросил взгляд на сидящего за столом человека, которого скрывали башни из всевозможных бумаг. Не отрывая взгляда от компьютера, оперуполномоченный грозно выкрикнул:

— Добрый день! ФИО!

— НАМ! — ответил Артём.

— Вам!

— НАМ — Новиков Артём Михайлович!

Человек за столом приподнялся и начал внимательно рассматривать Артёма. Новиков тоже с интересом изучал глазами лейтенанта полиции… Не может быть! Он не мог обознаться! За столом стоял Витька Девяшин. Тот самый Витька, с которым он пошёл в первый «В» класс, с которым бегал на секцию лёгкой атлетики и который был его лучшим товарищем. Потом семья Девяшиных куда-то переехала из их пятиэтажки, и только теперь…

— Артём?! — оперуполномоченный вышел из-за стола и направился к Новикову.

Крепкое рукопожатие друзей вызвало недоумённые взгляды коллег Виктора.

— Мы, пожалуй, пойдём, — сказал Левый.

— Вы тут сами разберётесь, — добавил Правый, и оба полицейских ретировались.

Старые друзья обнялись. Виктор заварил чай.

— Эти двое из патрульно-постовой все рекорды Гиннесса побили по невезению. Ищем домушника, по ориентировке: молодой человек в чёрных спортивных штанах «с белой запятой», по данным от семидесятилетней свидетельницы… Вот ребята и рады стараться! На прошлой неделе привезли рыбака без документов в таких же штанишках, который оказался сотрудником ОБЭП из Красноярска. К родителям на выходные приехал, а тут…

— Сколько суток он отсидел в СИЗО? — лукаво поинтересовался задержанный.

— Это мы двое суток перед ним извинялись! А позавчера девушка ко мне пришла с жалобой на них. В центре её задержали. На ней, как сам понимаешь, — те же брючки, ветровка большого размера, стрижка под мальчика, голос Аманды Лир. Ещё

дерзить им начала. Они хотели на неё наручники надеть, а тут её пышные формы и выдали…
— Весёлая работа у тебя, Вить!

Старые друзья углубились в воспоминания детства, и так незаметно пробежал час. Диалог молодых людей прервал стук в дверь, а затем она открылась…
— Ещё одного привезли!

Новиков прикрыл ладонью рот, сдерживая приступ хохота. На этом нежданная встреча закончилась. Обменявшись номерами телефонов, молодые люди наскоро попрощались. Во дворе отдела мвд бывшего задержанного ждала полицейская «Лада». Она доставила бегуна обратно на набережную.

Домой молодой человек вернулся только к обеду. Насторожённый взгляд матери смягчился, когда он в красках рассказал об утреннем приключении, добавив:
— Интересная штука — жизнь! Витька — опер, а я — подозреваемый… из-за старых штанов, объявленных в федеральный розыск!

Тогда он ещё не знал, даже не предполагал, что пройдёт ещё каких-то полгода, и «Доброе утро! Полиция!» станет приветствием между старшим лейтенантом Виктором Девяшиным и Артёмом Новиковым, инженером-электроником городского отдела мвд.

Надёжная страховка

Настойчивый звонок в дверь заставил всех всполошиться. Кот Маркиз, который только что как ни в чём не бывало ластился и вился у ног хозяев, ринулся на самую высокую полку стеллажа с одеждой и притаился на ней, чтобы обозревать прихожую сверху.
— Кажется, страховой агент пришёл, которого ты вызвала по газетному объявлению, — сказал жене Татьяне Степановне Евгений Петрович и пошёл открывать дверь.

В квартиру к пенсионерам вкатилась низкорослая румяная женщина:
— Компания «Выгодные инвестиции», страховой агент Лейла Ивановна Лившиц.

Хозяева переглянулись. Татьяна Степановна начала пересказывать страсти, произошедшие в их доме:
— Вы представляете, в понедельник на шестом этаже обокрали «двушку»! А сегодня чуть не обчистили «однушку» под нами. Хорошо Пантелеевна забыла кошелёк и вовремя вернулась из магазина. Эти ворюги будто почувствовали, мигом скрылись. Даже прихватить ничего не успели!

Женщина-колобок ей поддакивала, но по окончании повествования взяла инициативу в свои руки. В её глазах горели хитрые менеджерские искры, а губы, как пулемёт, чётко выстреливали очередями слов:
— Включительно по субботу у нас акция! Страхование всего сразу полным пакетом, деньги наличными мне.

Чёрная лапа кота незаметно вытянулась с полки и подхватила когтями вязаную шапочку Лейлы Ивановны вместе с париком, обнажив коротко стриженные волосики.

Хозяева извинились и попросили гостью пройти в комнату, но Маркиз перегородил им дорогу и почему-то начал издавать воинственные звуки, похожие на рычание и шипение. Татьяна Степановна взяла его на руки, но он вырывался и царапался. Пришлось открывать входную дверь и отправлять взбудораженного зверя в подъездный коридор на успокоение.

В это время сосед Михалыч спускался с верхнего этажа на прогулку вместе со своей упитанной болонкой Матильдой.
— Уберите кота, а то Мотя ещё набросится!

Маркиз, как будто поняв значение этих слов, стремглав бросился вверх по ступенькам наперерез лохматой собачонке, которая завизжала и кинулась к хозяину в поисках защиты. Михалыч торопливо взял бедняжку на руки.
— Уберите кота! Моте нельзя нервничать, у неё слабое сердце.

Татьяна Степановна выскочила в подъезд и затащила Маркиза обратно в квартиру. Кот прямиком угрожающе направился на страхового агента. Евгений Петрович, не раздумывая, быстро схватил буяна и выкинул на балкон:
— Пусть охладится!

Лейла Ивановна продолжала убеждать пенсионеров, и они под её натиском решили заключить договор на страхование квартиры, машины и ещё дачи, но в дверь опять позвонили. Там стояла Пантелеевна. Она сбивчиво объясняла, что чей-то чёрный кот свалился ей на балкон:
— Я его запустила в квартиру, а он рычит. Я боюсь. Если это ваш, то заберите его поскорей!

Пришлось Татьяне Степановне идти за котом к соседке. Когда она вернулась, то агент Лившиц уже стояла в прихожей. Маркиз сразу оскалился, и его чёрные лапы недружелюбно потянулись к гостье… Лейла Ивановна мигом выскочила в подъезд, нервно выкрикивая на ходу:
— Так работать невозможно. Примените какие-нибудь меры к этому дикому животному! За деньгами я зайду в субботу.

Только за ней закрылась дверь, кот как ни в чём не бывало принялся ластиться и мурлыкать.
— Мистика какая-то, — удивлённо произнёс Евгений Петрович.
— Остался всего один день, надо срочно собирать деньги на страховку, — решительно заявила ему супруга.

В субботу с утра пенсионеры и стопки купюр на комоде, перевязанные цветными резиночками,

ждали страхового агента. В последние дни кот загрустил и почти ничего не ел, сидел в прихожей и смотрел на входную дверь. Евгений Петрович жалостливо глянул на питомца:
— Танюша, ты не хочешь погулять с Маркизом во дворе? Там травка первая появилась. Может, он пощиплет её и отойдёт…
— В мир иной, что ли?—сыронизировала супруга.—Конечно, выйдем! Где красный ошейник этого шалопая?

Когда пожилая женщина с котом на руках очутилась на улице, то она даже не успела ойкнуть, как Маркиз вырвался и скрылся в неизвестном направлении! После получасового безрезультатного кыскысканья по соседним дворам Татьяна Степановна вернулась домой. Маленькая прихожая была заполнена Лейлой Ивановной. Она ловко, как счётная машинка, потрошила стопки купюр и забрасывала их в свою большую дамскую сумку.
— Не хватает пятисот рублей, за вызов на дом!
— Но вы нас об этом не предупреждали. Мы опустошили все сберкнижки, остались только деньги на моей пенсионной карте…—озадаченно произнёс Евгений Петрович, не ожидавший такого поворота.—Танюша, ты сходишь до банкомата?
— Идите, я подожду,—повелительно приказала агент Лившиц.

Евгений Петрович пожал плечами, отдал свою банковскую карту жене и вместе с гостьей прошёл в комнату. Через каких-то десять минут долгое треньканье дверного звонка вернуло Евгения Петровича в прихожую. Открыв дверь, он с удивлением увидел участкового, который в одной руке держал сбежавшего Маркиза, а в другой—красный ошейник:
— Добрый день! Ваш хвостатый?

Хозяин кивнул, взял кота, но чёрный зверь молниеносно спрыгнул с его рук и прошмыгнул в комнату… Оттуда послышался отчаянный женский визг.
— Что у вас здесь творится?—раскрасневшаяся Татьяна Степановна протискивалась в прихожую, держа пятисотку в левой руке.

Освобождая ей место, участковый шагнул в комнату и заулыбался:
— Какая встреча, Инесса Карловна!
— Это—Лейла Ивановна!—хором поправили пенсионеры.
— Всё-таки как вас зовут, гражданка Цапко?—презрительно посмотрел на страхового агента страж порядка и, обращаясь к пенсионерам, добавил:—Познакомьтесь—это наводчица и аферистка по кличке Цапа, которая числится в розыске.
— Ничего не знаю, я—страховой агент, мне срочно надо в офис компании,—затараторила подозреваемая, протискиваясь на выход.
— Я вас сейчас доставлю в офис, только полицейский!—перегородив ей дорогу, подытожил участковый.
— А как же наши страховки квартиры, дачи, машины?—не выдержала Татьяна Степановна.
— Верните им деньги, Инесса Карловна, будем считать, что это явка с повинной!—предложил лейтенант полиции, а затем обратился к хозяевам квартиры:—А зачем вам страхование? Ваш котяра посреди улицы бросился мне под ноги, я его обошёл, но он продолжал меня преследовать и ещё орал как потерпевший. Взяв его на руки, я увидел на ошейнике адрес, и вот… преступник задержан! Что может быть надёжней этой хвостатой страховки?

Гаджеты

На вечер встречи выпускников Юле идти не хотелось, но был юбилей, и к тому же мать ещё уговаривала:
— Сходи, Юльча, хоть развеешься!
— Действительно—схожу! Артур, отпустишь маму?—обратилась молодая женщина к пятилетнему сыну, делая ударение на первый слог имени.
— Угу…—послышалось из-за компьютерного стола, подкреплённое щёлканьем клавиатуры.
— Игры, гаджеты—вот и всё воспитание!—подвёл итог дедушка, разгадывающий сканворд.

Десять лет минуло, как школа выпустила в большую жизнь одиннадцатый «А» класс, где училась Юлия Короткова. На этот февраль планировалась семейная поездка в Таиланд, но вмешались пандемия и неожиданный разлад с мужем… Пришлось вместе с сыном навестить родителей.

Отпуск в провинции протекал скучно. Юля не любила город, в котором родилась и выросла, поэтому сразу после окончания школы переехала в столицу. К двадцати шести годам она сделала неплохую карьеру, но счастье почему-то ускользало, и в душе возникали холод и пустота, которую надо было чем-то заполнять.

«Может быть, вечер встречи скрасит мой отпуск?»—подумала молодая женщина. На сборы ухоженной и миловидной Юле потребовалось совсем немного времени. Пригодилось впопыхах захваченное из московской квартиры чёрное платье-коктейль, мерцающее серебром. Кстати оказались фамильные колье и перстень, о которых напомнила мама. Глянув на себя в зеркало перед выходом, довольная Юля улыбнулась:
— Красота!

Одноклассники собирались в кафе неподалёку от школы. Юля шла на встречу и размышляла: «Кто и чем меня там сможет удивить?» Снег падал ватными хлопьями, повисая на крышах домов, ветвях деревьев и на ресницах Юли. В светлой дублёнке и дымчато-сиреневой шапочке она напоминала Снегурочку.

— Всем одноклассникам — столичный привет! — с порога заявила молодая женщина.
— Короткова, ты такая шикарная! — услышала она чей-то возглас.
— Не Короткова, а Вихорева! Впрочем, вы правы. Скоро буду снова Коротковой, — без сожаления выпалила Юля, снимая верхнюю одежду.
— Тоже развелась? — спросил чей-то очень знакомый женский голос.
— Вот видите, я — не одна! — гордо сказала Юля и увидела подругу по несчастью, бывшую соседку по парте Лену Зорькину.
— Юль, сегодня ещё Серёжа Князев придёт. Решили собраться не только нашим классом, но и бэшников пригласить.

За эти годы Лена располнела и выглядела гораздо старше своих лет. На фоне эффектной Вихоревой она сильно проигрывала. Так было и раньше.

Юля вспомнила, как пришла в этот одиннадцатый «А» за год до окончания школы. Её сразу посадили за одну парту с Зорькиной, и они подружились, насколько это было возможно. Активная, не обделённая талантами Юля и едва успевающая тихоня Лена выглядели контрастно. Стройная брюнетка Короткова чётко вписывалась в формат «девяносто-шестьдесят-девяносто» и сразу завладела вниманием мальчиков не только своего класса, но и параллельного. В то время незаметная миниатюрная блондинка Зорькина дружила с парнем из одиннадцатого «Б» Сергеем Князевым, который был гордостью школы по спортивным достижениям, обладал прекрасными манерами и… достаточно натянутыми оценками. Юле удалось не только подтянуть соседку и её друга по некоторым предметам, но и разрушить их дружбу. Сергею суждено было стать первой любовью и Лены, и Юли!

В мае перед сдачей ЕГЭ начался бурный роман. Экзамены Юля сдавала на автомате. Она успевала сделать не только свою работу, но и помочь другу. Вместе они добились вполне неплохих результатов ЕГЭ. Юля даже засобиралась в Новосибирск за Сергеем, как невеста декабриста, хотя мечтала о Москве…

«Классно мы с тобой провели время, Юльчонок! Только пути у нас теперь расходятся… Спасибо за ЕГЭ!» — сказал он в порыве откровенности на выпускном.

После этого объяснения Юля убежала домой. У неё никак не получалось высушить ручьи боли, обиды, разочарования, хлынувшие из глаз. Наутро под удивлённые взгляды родителей она забрасывала вещи в чемоданы. Билет на самолёт тут же нашёлся в Интернете. Так состоялось бегство в Москву, и до этого года Юля не возвращалась на родину. О Сергее ей рассказывала мама, что он женился на дочке какого-то новосибирского депутата. Благодаря родственным связям нашлась ему работа то ли инспектора, то ли аудитора…

— Привет, Юльчонок! — пред ней стоял тот же Серёжа Князев, только слегка раздобревший, но по-прежнему подтянутый и… интересный.
— Добрый вечер! Давно не виделись, — выдавила из себя Юля.
— Как ты? — продолжал Князев, отводя её в сторонку от одноклассников.
— Хорошо. Развожусь. Приехала к родителям с сыном. Ты как?
— Хорошо. Развёлся. Приехал к родителям с двумя сыновьями.

Словно не было этих десяти лет и старые чувства не покидали их, они дружно расхохотались и весь вечер не отходили друг от друга. Будто их связывали не школьные годы, а нечто большее, не высказанное и не проявившееся до сих пор. Тосты одноклассников, их нетрезвые шутки отошли на задний план.
— Внимание! Наше кафе закрывается. Спасибо, что были с нами в этот вечер. Для вас — заключительная музыкальная композиция! — неожиданно объявила администратор зала.
— Серёжа, уже два часа ночи! — глянув на маленькие золотые часики, удивилась Юля.

Голос Кузьмина мчал в сибирские морозы, а Юля и Сергей продолжали качаться в такт ретрошлягера. Почти все одноклассники разошлись, только их пара не покидала танцпол.
— Я не забуду тебя никогда! — напевал Князев на ушко партнёрше.

Когда последние аккорды музыки стихли, Сергей вместо предложения пойти к нему в гости, позёвывая промямлил:
— Я провожу… Ты не против, Юльчонок?

Молодая женщина поджала губы, но согласилась. Сергей и Юля вышли из кафе последними. Снегопад продолжался. В свете фонарей белое конфетти завораживало и настраивало на романтический лад, но Сергей молчал. Разговор не клеился. Юле пришлось взять инициативу в свои руки:
— Серёж, а ты почему развёлся?

Князев воодушевился:
— Ты представляешь, Юльчонок! Она — всё время на работе, типа деньги зарабатывает и карьеру делает, а дети — то в детском саду, то с няней… Балбесами какими-то растут… Ну, я завёл себе на стороне…

Сергей продолжал свой монолог дальше, но Юля его не слышала. Она слышала в этом рассказе свою семейную историю, переросшую в драму. Будто бы перед ней стоял её муж, который использовал те же интонации, даже фразы выстраивал по-князевски! Как раньше она этого не замечала?!
— А как отнеслись к разводу дети?
— Вырастут — поймут! А пока — на перекладных, то с ней, то со мной, то по дедушкам-бабушкам раскидываем… Этим сорванцам лишь бы в монитор или планшет пялиться… Старшему постоянно

что-то свеженькое надо, новые гаджеты подавай, да почаще!

— Гад-же-ты?! — медленно по слогам проговорила Юля.

Князев остановился, будто внезапно прозревший. Глаза загорелись ненавистью:

— Я, может, и гад, а ты — дура! Такая же, как моя бывшая!

Сергей развернулся и пошёл прочь. Юля стояла посреди улицы в замешательстве. Сначала на неё напал нервный смех, а потом хлынули слёзы. Её душа будто бы очищалась от прошлых неудач и разочарований. Чувство вины, желание всё изменить торопили её домой.

Пора начинать новую жизнь, без гаджетов!

Мальчик и Маргарита

Однажды осенью, в начале бабьего лета, в Крыму, на берегу Чёрного моря, появились женщина, чей возраст был далеко не юн, но угадывался с трудом. Звали её по-булгаковски — Маргарита. Каждое утро она гуляла по галечному берегу моря. Волны успокаивали её, и все жизненные проблемы уносились прочь как чайки, исчезающие за линией горизонта. Отпуск заканчивался. Настроение находилось в одной тональности с крымской погодой, но сопровождалось короткими приступами грусти. С одной стороны — красота, последние тёплые деньки, а с другой — возвращение домой, в сибирский сентябрь.

Сегодня у неё был особенный день. Она пришла на пляж, чтобы попрощаться с морем. Утреннее солнце слепило глаза. Лёгкий ветер шало набегал на берег, а море пенилось и отторгало водоросли. Волны бились о бетонный пирс и рассыпались мелкими серебряными бусинами. Сняв тунику и бриджи, Маргарита поспешила к морю. Она двигалась лёгкой, непринуждённой походкой. Фигура позволяла ей носить раздельный купальник. В её возрасте это считалось роскошью и вызывало определённую зависть женщин и соответствующее восхищение мужчин.

Вода приятно ласкала кожу и убаюкивала сознание. Море пахло поваренной солью и пряной травой. Этот запах стал родным для Маргариты. Она никак не могла им надышаться. Выходить из воды не хотелось. Женщина то плыла, то качалась на волнах, то вытягивалась морской звездой. Так хорошо, как здесь, не было ей давно!

Выйдя из воды, Маргарита вернулась к своему лежаку. Пляж был немноголюден. Женщина приняла горизонтальное положение отдыхающего и погрузилась в мечты, но внезапно к ней подбежал мальчик. Ему было около пяти лет, кудрявый, загорелый. Его семья раскладывала вещи и обустраивалась неподалёку. Папа окрикнул его:

— Артёмка, иди сюда, сейчас пойдём купаться!

— Я познакомлюсь с нашей соседкой и вернусь!

— Меня зовут Маргарита Владимировна! Иди купайся, Артём, а потом — приходи, поговорим.

Лёгкий курортный сон прикрыл ей глаза. Снова стало хорошо и спокойно, заботы о завтрашнем дне отошли в сторону. Через некоторое время звонкий знакомый голос заставил её встрепенуться:

— Я искупался.

— О чём мы будем говорить, Артём?

На какое-то время мальчик задумался, но потом он начал расспрашивать Маргариту обо всём. Его интересовало многое: откуда она приехала, чем занимается… Женщина неторопливо-расслабленно отвечала на его наивные вопросы. Что-то подкупало её в этом ребёнке — то ли его непосредственность, то ли напористость. Когда обычные вопросы закончились, Артёмка замолчал и принялся строить пирамидки из гальки. Он напрягал лоб, будто размышлял, о чём говорить дальше. Неожиданно, прекратив свою работу, мальчик внимательно посмотрел на Маргариту и спросил:

— А у тебя есть мальчик?

Тут задумалась Маргарита. Все события жизни поплыли перед её глазами, как крымские корабли, которые ежедневно бороздили море. Вот — свадьба, вот — рождение Андрюшки, вот — развод, и вот — Андрюшка большой!

— Ну что ты молчишь? Да или нет? У родителей есть я, они любят меня. А кто есть у тебя? Кого любишь ты? — не унимался Артём.

— Ты знаешь, у меня когда-то был мальчик, а сейчас он стал большим дяденькой! — грустно вымолвила она.

— С усами? — удивлённо спросил юный собеседник.

— Нет у него усов, — растерянно ответила Маргарита.

Только Артёма рядом уже не было. Он направился к родителям, которые паковали вещи в рюкзаки. Они переодели сына, и вся семья поспешила к выходу, но Артёмка обернулся, замахал Маргарите рукой:

— Пока-пока! И заведи себе мальчика!

В ответ она нерешительно помахала правой ладошкой и тоже начала собираться. Женщина ещё раз подошла к морю, бросила в него монетку и торопливо зашагала прочь. Для чего она познакомилась с этим мальчиком, который зачем-то пытался изменить её твёрдо устоявшуюся жизнь?!

Последние годы ей верным спутником стало одиночество. Маргарита так и не вышла замуж. Периодически кто-нибудь делал ей неоднозначные намёки… Только разве нужен «кто-нибудь» женщине, крепко стоящей на ногах и уверенной в себе? Сын уехал в другой город, обзавёлся семьёй. Приезжать к ней стал реже и реже, а в ответ на её нечастые звонки буркнет что-нибудь неясное, и тянутся паузы в недели и в месяцы.

К полудню Маргарита вернулась в свой корпус. Санаторий благоухал осенними цветами и жил своим обычным распорядком: встречи—разлуки! В курортной столовой заканчивался обед. За её столиком восседал Сергей Анатольевич, военный пенсионер из Москвы. Доедая булочку с компотом, он выразительно посматривал по сторонам в поисках каких-нибудь компаньонов. Маргарита сразу поняла, что обречена на общение:

— Добрый день, товарищ полковник, и приятного аппетита!

— Добрый, Маргарита Владимировна! Какая же вы всё-таки эффектная женщина, годы только украшают вас.

Ей оставалось только кивать и улыбаться, слушая его дифирамбы.

— Нет, вы остались юной девочкой из тех затерянных далёких лет прошлого столетия…

— Однако вас мальчиком не назовёшь!

Не обращая внимания на иронию женщины, он продолжал:

— Может, вечером в кафе? Вы так и не сходили со мной на ужин, остался только прощальный…

— Не могу, Сергей Анатольевич! Надо собирать вещи, завтра—утренний рейс.

Быстро справившись с обедом, Маргарита резко встала и направилась к выходу.

Вместо ужина, наскоро перекусив в своём номере, она собралась на прогулку по вечернему городу. Встречаться с назойливым соседом не было никакого желания.

Шелест платановых листьев, нестройные песни цикад, тусклый свет фонарей стали ей родными и близкими. Крым… Сможет ли она жить без него?! Уезжать не хотелось, а оставаться не было никакой возможности.

С наступлением темноты на набережной становилось многолюдней. Маргарита шла неспешным шагом, рассматривая картины уличных художников, слушая самодеятельных музыкантов, но невзначай её внимание привлекла колоритная женщина. Яркое платье в индийском стиле удачно скрывало её полную фигуру. Руки незнакомки, унизанные драгоценностями, ловко тасовали колоду крупных разноцветных карт.

— Подходите, я разложу вам карты Таро. Если вас что-то волнует, а я это вижу и никогда не ошибаюсь, то, возможно, найдёте разрешение своего гордиева узла…

— Сколько?—поинтересовалась Маргарита.

— Ровно столько, сколько покажет ситуация.

Пальцы в перстнях и в кольцах быстро манипулировали картами.

— Ну вот! Скорая дорога, завершение всех бед… Внезапная встреча, а выбор за тобой: дальше тянуть лямку одной или убежать прочь от постылого одиночества.

Маргарита ничего не поняла. Куда идти? Кого искать? Рассчитавшись, она решила вернуться в санаторий и лечь спать. День был непростой, а завтра будет ещё веселее и насыщенней!

Ночью ей не спалось. Приходили короткие дробные сны. Маленький Андрюшка, раскрыв ручонки в стороны, бежал к ней и кричал: «Мама! Мама!» Только она никак не могла встретиться с ним, он внезапно исчезал. Появлялся Сергей Анатольевич и выжидательно посматривал на неё, требуя: «В кафе? Пойдёмте в кафе!» Но его заглушал звонкий голос Артёмки с эффектом эха: «За-ве-ди се-бе маль-чи-ка!»

— Рита, угомонись! Спать мешаешь, прекрати стонать,—возмущённо крикнула соседка по номеру.

— Это всё нервы, шалят перед отъездом,—виновато произнесла нарушительница спокойствия и принялась считать верблюдов…

Вскоре наступило утро. Оно было суетливым и тревожным. Прибыв в аэропорт, путешественница посматривала по сторонам. После объявления посадки она двигалась в общей очереди вместе с семейными парами, с женщинами, с маленькими детьми… Одиноких мужчин поблизости не наблюдалось.

В полёте молодой стюард обходительно обслуживал пассажиров. Он приятно улыбался Маргарите, но это ничего не значило. Он улыбался всем. Вчерашнее предсказание не давало покоя одинокой женщине. Кто он? Где он?

Посадка «Боинга» в родном Емельяново закончила крымский отдых. Маргарита вызвала такси. Угрюмый водитель, загрузив её багаж, плюхнулся на своё сиденье и не обращал никакого внимания на пассажирку. Всю дорогу он не проронил ни слова, хотя женщина задавала ему вопросы. В ответ он только кивал или мотал головой, а потом включил дорожное радио на полную катушку. Силы покидали Маргариту. Она даже немного подремала под российские шлягеры, пока автомобиль не остановился возле её пятиэтажки.

Сердце забилось тихой радостью, когда путешественница вошла в старенький подъезд и стала подниматься по лестнице… Только какие-то странные звуки насторожили отпускницу. Подходя к двери своей квартиры, она поняла причину. Маленький щенок, свернувшись клубком, лежал на её коричневом коврике и тихонько поскуливал. Пластиковые ёмкости, расставленные неподалёку, были пусты.

— Ты кто?—спросила Маргарита, обращаясь к лопоухому созданию.

Щенок не ответил, а только ткнулся своей мохнатой мордочкой ей в правую кроссовку. Ключи поворачивались в замочной скважине, а тяжёлые мысли распирали голову усталой Маргариты. Стараясь не перешагивать через щенка, она медленно протиснулась боком в квартиру. Закрыв за собой

дверь, женщина прошлась по своей прихожей, заглянула в комнаты. Всё было как раньше. Только чувство одиночества стало ещё тягостней и мучительнее. Хотелось не плакать, а реветь! Опять вспомнились крымские карты Таро… Какая-то неведомая сила заставила хозяйку открыть входную дверь и выглянуть в подъезд. Щенок стоял на четырёх лапах и вилял ей хвостом. Маргарита улыбнулась:

— Эй, лопоухий, заходи! Будешь моим Мальчиком?

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Саша Казакова (10 класс)

Город великой реки

Некоторые мои знакомые говорят, что хотели бы жить в столице или даже в другой стране. Меня такие мечты никогда не преследовали. Я даже не предполагала такой возможности, ведь Красноярск — это город, где прошло моё детство и с которым связаны самые тёплые мои воспоминания. Мне доводилось путешествовать по миру, но в таких поездках мне слишком быстро надоедает обстановка чужого города, мысленно я невольно сравниваю его с родными местами, и, в конце концов, меня охватывает тоска по дому.

Красноярск действительно впечатляет меня. Чего только стоят его потрясающие виды! Даже из самого центра города можно увидеть захватывающий пейзаж: леса, горы и Енисей. Когда я смотрю на всё это, мне порой даже становится страшно, что вот вернусь я на это место через пару лет, а живой лес станет стеклянно-каменным, то есть окажется вытеснен новыми постройками и жилыми микрорайонами. К счастью, красноярцы с почтением относятся к лесу, Енисею и заповеднику «Столбы», в меру сил оберегают их от застройки. А наша природа в ответ бережёт нас.

Природный пейзаж и уникальная архитектура Красноярска прекрасно дополняют друг друга. Здания в Красноярске являются представителями разных эпох — от старинных деревянных изб до шедевров архитектора Чернышёва и сталинского торжественного стиля. Такие разнообразные улицы и виды соединяются в один большой город, облик которого не способна сломить даже точечная застройка, проклятие нашего века.

Моим самым любимым местом в городе является Коммунальный мост. Это не просто мост, объединяющий левый и правый берега. Он позволяет нам будто бы застыть над самим Енисеем и насладиться удивительным видом на горы, который ранее был доступен только птицам.

Нам открывается вид на Такмак, который приветствует горожан своей большой каменной ладонью. Я люблю просто так гулять по улицам Красноярска. На них царит особая атмосфера, отсутствует будничная суета. Так спокойно и неторопливо я не смогла бы гулять по улицам больших столиц, по которым вечно куда-то бегут деловые люди и туристы. Красная площадь, Площадь революции, парк Горького — тихие места, несмотря на то что они находятся в центре города. Тут можно сесть на лавочку или качели, задуматься о важном или погрузиться в любимую книгу.

По выходным, ранним утром, можно сходить на Ярыгинскую набережную. Там всегда красноярцев ожидают утки, готовые потешно соперничать за каждый кусок хлеба. Я стараюсь, чтобы всем хватило, и никак не могу уйти, пока не буду уверена, что все птицы получили свою долю. После можно сесть на лавочку и в тишине насладиться видом на могучий Енисей, а если повезёт, то компанию вам составит пара голубей или уток.

Спокойный и светлый город, который способен остаться в сердце навсегда и который для каждого особенный, город великой реки — Красноярск.

Антон Андреев

Аффект наблюдателя

…Реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы её или нет…
В. Гейзенберг. Физика и философия

Сержант ГИБДД Олег Прокопчик был сравнительно честным полицейским. Ему капитан Колосов из районного ОВД всегда так и говорил: «Дурак ты, Прокопчик. И не лечишься. Хотя медицина для нас бесплатная». Нет, деньги Прокопчик, конечно, брал. Но только иногда. Когда совсем уж никак не откажешься — иначе, например, придётся нарушителя прав лишать. А нарушитель — он тоже человек, и ему без прав как ездить-то?

Так что если и брал, то не ради корысти, а вот именно из человечного этого принципа. А деньги что? В деревне Ширяй, где служил (а до этого двадцать семь лет назад родился и постепенно вырос) сержант Прокопчик, больше пятисот рублей в день и потратить-то было сложно. Разве что в отпуск с женой Маринкой два раза в год съездить. И то — дорога туда-сюда за казённый счёт. Ну и на выходных «в область» на денёк смотаться за покупками. Ну, там — да, денег, конечно, надо.

Вот так и жил-был сержант, контролируя дорожную обстановку на вверенной ему территории Ширяевского района, пока не подкинули ему на участок вот эту самую штуковину. То ли регистратор скрытый, то ли датчик какой-то — не разберёшь, твою налево… Да и кто подкинул? Кому это в деревне сдалось? Но факт есть факт. А дело было так. В прошлом июле дело было.

Дежурил Прокопчик, как обычно, на свороте с железнодорожного переезда. Место было самое хлебное. В смысле отчётности. Месячный план тут можно было выполнить… нет, ну не за неделю и не за две. Недели за три можно было. На верочку — за месяц. Да, вот за месяц можно. А без этого переезда — прощай, план и квартальные премии. Потому как нарушать ПДД во всём районе было больше и негде — лес, поля, бездорожье. А тут хотя бы дорожные знаки стояли. Воткнули их как попало, так что не нарушить хотя бы один было просто невозможно.

К тому же в этом месте через Ширяй, с заездом в оба его продуктовых ларька, летом вечно тянулась вереница автотуристов. Ехали сплавляться по таёжной реке Мане, лазить по местным пещерам или просто по памятным местам — годах в шестидесятых тут на месте лесосек снимали кино с участием Высоцкого. Теперь вот даже фестиваль в честь него придумали проводить — турьё, сувениры, песни под гитару, вот это всё. Самогон местный, рыбалка.

Вот и в тот день — пятница как раз была — поставил сержант свою патрульную колымагу ВАЗ-2115 за переездом, так чтобы с дороги со стороны города не видно было. А сам прохаживался тут же, рядом, в теньке разросшейся ивы.

Нарушителя он услышал ещё издалека, как только городские заехали на бывшее совхозное поле, где теперь рос высоченный, в два метра ростом, иван-чай. Играла в салоне какая-то навязшая ещё с позапрошлого года песня про баклажан, слышались развесёлые крики.

Тормознул туристов Прокопчик по-ковбойски лихо, чуть приподняв жезл от бедра. Пока брусничного цвета «Санта Фе» тормозила, на лице водителя — парня лет двадцати восьми, трезвого, — можно было прочитать всю палитру быстро сменяющихся мыслей. Первую долю секунды он удивился, явно не ожидая увидеть инспектора за двести километров от города, потом на лице мелькнуло осознание того, что да, вот точно, стояли же в иван-чае какие-то дорожные знаки. Последней читалась мысль: «Встрял на пятёрку, не меньше». Автомагнитолу с «Баклажаном» тут же выключили.

Разговор, хоть и начался с формальностей, закончился уже через полминуты — водитель ничего не отрицал, кающейся интонацией начал тянуть что-то типа «командир, ну на отдых едем». Полез сначала в карман, потом в бардачок за документами. Пару хрустящих новеньких купюр ему передали с задних сидений.

Прокопчик потянулся уже было за свёрнутыми бумажками, внутри которых еле заметно рыжели торцы денежных знаков. Успел даже подумать, что было бы забавно дать городским ещё и сдачи. Потому как по-хорошему пятёрки было за глаза. И тут где-то со стороны переезда что-то защёлкало. Негромко так, но слышно. Как будто включилось, навелось, зашуршало, отстраиваясь. Потом начало тикать, что ли. Прокопчик сообразил сразу:

регистратор с оптикой как у фотоаппарата. Или просто камера скрытая. А может…

Рука сама ушла в сторону от протянутых документов. Сержант шагнул вокруг машины так, чтобы отвернуться от переезда. Заглянул зачем-то под переднее колесо, выпрямился и принял решение.

— На отдых, говорите? На речку нашу? Ну ладно, чего уж там, проезжайте. Счастливого пути! Спиртным не злоупотребляйте, особенно местным самогоном — садит так, что с непривычки можно и тятю, и маму забыть. Не нарушайте больше.

А у самого на спине промок, кажется, даже китель. Твою-то за ногу. Поставили. Кто? Когда? Кирпичная железнодорожная будка на переезде с девяностых годов была необитаема. Путейцы присматривали за ней, окошки были целые. Но никакого сторожа или смотрителя в ней не было. Да и оборудования тоже — переезд никак не регулировался. Прокопчик незаметно покосился на железнодорожную насыпь. Ну да, а больше-то негде. Тут же сообразил, что щёлканье и тихий скрежет уже прекратились. Ага, засняли, стало быть, и дистанционно отключили, чтобы зря не снимать пустую дорогу. Ну и дела. А камеру-то могли бы и бесшумную поставить. Работнички, мать их, всё-то у нас в России через… Хотя — и слава Богу, что такая попалась. Списанная, наверное. Кто ж новую камеру в деревню повезёт? Украдут же.

Сержант выпрямился, выгнул спину так, чтобы китель хоть немного отлип, и, помахивая как ни в чём не бывало жезлом, прошествовал к патрульной машине. Сел, для виду повозился в салоне, посидел, посмотрел на часы и не спеша тронулся к центру села, проехав и мимо ларьков, где тарились пивком давешние туристы. Строго посмотрел на них через правое боковое стекло, те потупили взоры и, побросав окурки в пыль поселковой дороги, стали понуро грузиться в свою «Санта Фе».

Весь день мыкался Прокопчик то по селу, то по дороге, мотаясь из края в край. Даже пообедал два раза. И всё это время размышлял.

Раз они эту штуку поставили, значит, всё равно сколько-то будет она там стоять. Раз она будет стоять, а его на переезде не будет, то начальство увидит как раз, что нарушения-то в районе есть, но никто их не пресекает. С другой стороны, как их будешь пресекать, если камера всё видит? Деньги уже не возьмёшь. А каждого проезжающего лишать прав — так и отчётность всю собьёшь. Да и вообще, вопросы возникнут: почему у вас одни лишения, мать вашу так-растак? А хуже того — вспомнят, что знаки-то на переезде никто и не ставил. Официально. А вкопал их предшественник Прокопчика, старший лейтенант дядя Коля Панаенков. И спецом так, чтобы не нарушить было нельзя. Большого ума был человек, всю жизнь ментом проработал в одном селе. Утонул потом, когда пьяный на лодке врезался в баржу на Енисее.

Ночью не спалось. Снился капитан Колосов. Суровый и молчаливый. Он ходил по огороду сержанта прямо в сапогах по грядкам, мял ногами перья лука и заглядывал в щели и замочные скважины сараев и всяких там пристроек. Даже в сортир заглянул через пропиленное в двери сердечко…

Проснулся сержант Прокопчик посреди ночи, как будто задыхаясь. Жена спала рядом. Выглянул в окно — на огороде никого не было, но лук, кажется, и впрямь был помят. Захотелось курить и выпить. Хотя сержант и не курил, и пил только по праздникам.

Последующие дни прошли словно в бреду. Как только сержант приезжал на переезд и останавливал там нарушителя, в железнодорожной будке что-то щёлкало, и слышно было, что идёт запись — то ли кассета какая шуршит, то ли переключатели какие переключаются. Одним словом, работает техника. И вроде бы тихо так. Но слышно.

Уже и нарушители сами стали обращать внимание на странного сержанта. Денег не берёт, настороженно стрижёт ушами по сторонам, оглядывается. Да и по селу слухи пошли. Даже жена Маринка стала допытываться.

— Ты чего? — говорит.

— Да так, по службе там, — отвечает Прокопчик.

— Ну смотри, а то к врачу бы сходил. Для вас всё равно бесплатно, — советовала жена.

С деньгами тоже началось. В один из дней Прокопчик поймал себя на том, что стоит в ларьке у тёти Клавы и пересчитывает мелочь, чтобы купить хлеба и пачку чая. Раньше не глядя кинул бы сотку да попросил бы рассыпных семечек на сдачу.

А ещё в августе в отпуск собирались в Крым, а с зарплаты и отложить даже ничего не получилось. Да и забор поправить хотел на неделе, а это сетку-рабицу надо, столбы покупать, краску. «Рублей» двадцать уйдёт. А где их брать?

В следующую пятницу приехал Колосов. Застал Прокопчика как раз у сельского озерца. Сержант сидел на чурочке возле капота патрульной машины и пил разливное пиво из трёхлитровки. Обдумывал, как бы зловредный щёлкающий регистратор обмануть, чтобы начальство не заметило. А начальство уже и само в гости пожаловало.

— Совсем уже ты, Прокопчик. Охренел, что ли? Ты ещё водку посреди села начни пить в служебное-то время и в форме ещё. Не зря передавали мне, что ты в своём Ширяе тут распустился — нарушителям потворствуешь, отчётность нулевая пошла…

— Вы, Игорь Прокофьевич, сами того, виноваты. Поставили мне эту штуку, ничего не сказали. А она щёлкает теперь.

Капитан, как оказалось, ничего про скрытую камеру не знал. Пиво допивать не стали, сразу

поехали на переезд. Остановились подальше, потихоньку между кустами прокрались к железной дороге. Штуковина молчала, и капитан уже начал намекать Прокопчику на «белочку» и на димедрол в пиве. Но как только тот для чистоты эксперимента тормознул «уазик» с пьяными лесниками из соседнего района, штуковина снова тихонечко защёлкала, захрустела микроплёнкой или дискетами, шурша, наводила объективы, но сама не показывалась.

Лесников штрафовать не стали: как говорят в народе, нечего плевать в колодец, если пригодится ещё лес на строительство или на дрова там рубить.

Постояли в кустах. Допили пиво.

— Да, мать иху так… Кто ж их надоумил сюда эту камеру тебе впендюрить?—гадал капитан.— Может, кляузу кто на тебя настрочил, а теперь проверяют? Хотя нет, кляузу всё равно на меня же и спустили бы, а я бы тебе передал. Ох, нечисто тут. Поеду выяснять.

И уехал. А Прокопчик остался один на один с этой штуковиной.

Дни тянулись своим чередом, и служба летела под откос. В самый рыбный сезон остался Прокопчик без нарушителей, по линии дисциплины начались взыскания: почему, мол, «палок» в журнале раскрываемости нет уж полмесяца? Жена, заглянув в комод, где хранили заначку на августовский отпуск, и пересчитав деньги, закатила скандал и уехала в Абазу к матери. Соседи уже не просто шептались за спиной, а откровенно крутили пальцами у виска: «Такой молодой, видать, спайсы эти городские нюхает».

Спать по ночам не получалось, днями прятался от жары по кустам и пил: до обеда—пиво, потом переходил на самогон, чтобы уснуть к вечеру. Но на таком нервяке не помогало. Колосов потерялся. Сначала на звонки отвечал односложно или двусложно максимум. Мол, нет никакой от начальства информации, кто камеру ставил и для чего. А потом и вовсе перестал отвечать.

Прокопчик отчаялся, но никаких действий не принимал. Да и какие тут действия? Перевестись в соседний район? А что толку? Сломать эту хреновину, ко всем богам? А что это изменит? Хотя-а-а…

Подобрав ночь побезлуннее, сержант одним залпом махнул из кружки граммов триста для храбрости, оделся, как в кино, в чёрное трико, чёрные носки, чёрные кроссовки и водолазку и огородами пробрался к переезду. Ни одна собака не залаяла, никто не попался на пути.

Переезд встретил мертвецкой тишиной. Стоял он всеми покинутый, наглухо затворённый железной дверью, с пыльными окнами и ржавой крышей. Прокопчик дважды обошёл здание кругом, осторожно посвечивая маленьким фонариком. Никаких отверстий или прозрачных поверхностей, за которыми могла бы стоять камера. Только на чердаке виднелось незаколоченное досмотровое окошечко—размером как раз, чтобы пролезть бочком и полулёжа. Выходило оно строго на дорогу за переездом. Туда, где стояли знаки-ловушки.

Сержант, как заправский японский ниндзя, засунул за спину под водолазку прихваченную из дома монтировку, закрепив нижний её конец под резинку трико, и, цепляясь за откосы, выступы и выщербленный кирпич, вскарабкался к чердачному окошку. Заглянул внутрь—никого, камер не видно. Минут пять ушло на то, чтобы втиснутся плечами вперёд в узкий проём и протащить туда всё остальное тело. Вдруг что-то знакомо щёлкнуло под крышей. Ага!

Прокопчик с полминуты лежал, почти не дыша, и прислушивался. Кажется, камера не засекла его. Он медленно приподнялся и огляделся, включил фонарик, вытряхнув его, привязанный на верёвочке, из рукава водолазки. В другую руку сержант покрепче ухватил монтировку. Ничего примечательного на чердаке не было, кроме ржавого электроящика на деревянной стойке, подпирающей стропильную систему посередине. Сверху к ящику шёл толстенный шланг электропитания. «Ага!»—снова подумал Прокопчик.

На цыпочках и чуть сбоку (чтобы не попасть в объектив сразу) сержант приблизился к ящику, осторожно приоткрыл его и заглянул внутрь. И вот тут началось что-то малопонятное. Ящик защёлкал и заскрежетал на все голоса, изнутри в лицо инспектору выпорхнуло что-то чёрное, кричащее, клюющееся, царапающееся. Инстинктивно Прокопчик наобум хватил монтировкой по ящику, посыпались искры, рука на одну миллионную долю секунды стала прозрачной и словно бы примагнитилась и к монтировке, и к ящику. В это же время, а может, и раньше, что-то хлопнуло—и ничего не стало.

Эту историю, в разной степени детализации, до сих пор можно услышать в том районе и конкретно в селе Ширяй. Стоит только заговорить с местными жителями и спросить их о каких-либо достопримечательностях. Каждый сразу вспомнит про Олега-мента. Который «кукушкой поехал».

Сержанта Прокопчика нашли на следующее утро. Он сидел на рельсах с обугленной монтировкой в руке и повторял как заведённый: «Сержант Прокопчик, Ширяевское РОВД. Почему нарушаем?» Его потом долго в городе лечили. Говорят, вылечили. На службу он не вернулся, занялся общественной активностью—теперь защищает права водителей, даже возглавил областное отделение Федерации автолюбителей России. Хвалят его как очень въедливого сутяжника по разным ДТП или по нарушениям дорожных служб, когда знаки неправильно ставят или ещё что.

А в сторожке той, на переезде, этим летом ремонт делали, и рабочие нашли на чердаке кладку яиц какой-то необычной птицы. Очень редкой—то ли чечевицы какой-то, то ли алтайского какого-то снегиря. Не просто редкая, а даже и малоизученная. Сама птичка маленькая, неприметная, а может подражать самым разным звукам и особенно хорошо почему-то техническим. Про это даже и в газетах писали. А яйца в краеведческий музей сдали—для коллекции.

ДиН симметрия

Алексей Кручёных

Декларация заумного языка

1. Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определённого значения (не застывшим), заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.).

2. Заумь—первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва—ритмически-музыкальное волнение, пра-звук (поэту надо бы записывать его, потому что при дальнейшей работе может позабыться).

3. Заумная речь рождает заумный пра-образ (и обратно)—не определимый точно, например: бесформенные бука, Горго, Мормо; Туманная красавица Илайяли; Авоська да Небоська и т. д.

4. К заумному языку прибегают:

   a. когда художник даёт образы, ещё не вполне определившиеся (в нём или вовне),

   b. когда не хотят назвать предмет, а только намекнуть—заумная характеристика: он какой-то эдакий, у него четырёхугольная душа—здесь обычное слово в заумном значении. Сюда же относятся выдуманные имена и фамилии героев, названия народов, местностей, городов и проч., напр.: Ойле, Блеяна, Вудрас и Барыба, Свидригайлов, Карамазов, Чичиков и др. (но не аллегорические, как то: Правдин, Глупышкин—здесь ясна и определена их значимость),

   c. когда теряют рассудок (ненависть, ревность, буйство…),

   d. когда не нуждаются в нём—религиозный экстаз, любовь. (Глосса, восклицания, междометия, мурлыканья, припевы, детский лепет, ласкательные имена, прозвища—подобная заумь имеется в изобилии у писателей всех направлений.)

5. Заумь пробуждает и даёт свободу творческой фантазии, не оскорбляя её ничем конкретным. От смысла слово сокращается, корчится, каменеет, заумь же—дикая, пламенная, взрывная (дикий рай, огненные языки, пылающий уголь).

6. Таким образом, надо различать три основные формы словотворчества:

   I. Заумное—
      a. песенная, заговорная и наговорная магия,
      b. «обличение» (название и изображение) вещей невидимых—мистика,
      c. музыкально-фонетическое словотворчество—инструментовка, фактура.

   II. Разумное (противоположность его—безумное, клиническое, имеющее свои законы, определяемые наукой, а что сверх научного познания—входит в область эстетики наобумного).

   III. Наобумное (алогичное, случайное, творческий прорыв, механическое соединение слов: оговорки, опечатки, ляпсусы; сюда же отчасти относятся звуковые и смысловые сдвиги, национальный акцент, заикание, сюсюканье и пр.).

7. Заумь—самое краткое искусство, как по длительности пути от восприятия к воспроизведению, так и по своей форме, например: Кубоа (Гамсун), Хо-бо-ро и др.

8. Заумь—самое всеобщее искусство, хотя происхождение и первоначальный характер его могут быть национальными, например: Ура, Эван—эвоет и др.

Заумные творения могут дать всемирный поэтический язык, рождённый органически, а не искусственно, как эсперанто.

Баку—1921 г.

Мария Ганошенко

Тень у школьного крыльца

I.

Тень у школьного крыльца в любое время года — холодная. Похожая на высотку, произвольно распавшуюся на ровные кубики, школа берегла тёмный лоскут асфальтового ковра для линеек и перекличек. Угрюмая конструкция мешала солнцу раскидывать свои жадные лучи. В спортивной форме сентябрьским утром до стука в зубах дрогли на линейках. Или это тёплый ветер, отталкиваясь от облезло-синих стен, вдруг закоченел? «Равняйсь! Общее построение всей параллели — на командира!» А командир в футболке с нашивкой «К» смотрит вперёд — один за всех. Наташке о такой футболке и мечтать нечего: она — «расчёт окончен», да ещё и рыжая, с веснушками, будь они неладны. Командира видно сразу. Ксюша — вытянутая, острый подбородок вверх, взгляд карих глаз крепкий, хищный. От последнего к первому — это строй восходит к ней. На мяч бросалась как на добычу — не всякий отберёт. Через козла прыгала первой, легко и твёрдо, он как приседал, пружинил и перекидывал её через себя. Дружить с такой было бы круто. И Наташа выпрямлялась и тоже задирала подбородок. «Химина, ты там что, ворон в небе считаешь?» Как глупо вышло, краем глаза на Ксюшу — заметила. Улыбнулась! Кажется, приветливо.

II.

Все кировские собирались в переулке, который спускался с центральной части города в низину, как в другой мир. В мир саманных домов и землянок, хлёстких южнорусских выраженьиц, острых на язык и скандальных баб, вязкой жёлто-бурой грязи вместо тротуаров, подванивающей речки, что выходила из берегов и затапливала подвалы. Но район в городе называли почтенно — «писательским»: улицы Ломоносова, Гоголя, Островского, Толстого, Чернышевского, как в плетёном пироге, переходили одна в другую. В испещрённом проулками и проездами переулке выбивался только один тупик, там и собирались в основном, кому по четырнадцать, малы́х из парка гоняли. Спустя четыре года после встречи на линейке они и познакомились, когда Ксюша неожиданно появилась в «тупарике». К десяти вечера компания редела, оставались, кто сам домой не спешил и кого не искали. Простывшие октябрьские ветры гнали домой, но если подкинуть веток, то можно и ещё посидеть. Кому какая разница? Скучно уходили в себя. Разговоры больше не тянули время, оно становилось тупиком, замирало и отражало костёр, трещавший вместо слов.

— Слышали, как заведующая кировского наорала на… Дашкину сестру? — зачем-то начала Ксюша.

Подняли глаза.

— Да серьёзно, просто так, ни за что ваще наорала. Девчонка эта аж разнылась.

И вот уже про заведующую магазина всплывали истории одна хуже другой. Возмущение цеплялось, как зараза, уже и забыли, с чего начали. Но обида, обида стала личной.

— Да, блин, это беспредел. Это типа она на каждого — вот на тебя, на меня, на него — может просто так наорать? Какая-то тётка может на нас наорать? Кто она такая? Мамка, что ли?

Наташе казалось, что Ксюша — борец за справедливость, прямо как Цой, таким и должен быть настоящий командир, не только на физкультуре. Нужно только научиться быть бесстрашными. Огонь налипал на лица, уже подсвеченное изнутри азартом — горы свернуть, свернуть тупик.

Бессмысленный кировский магазин очерчивался тупой злобой и хамством продавцов. Самый большой в округе. Ходили за хлебом каким или за солью, если у дома не купить. Из тупика по домам расходились до «писательского» — через Кировский как раз. Стоит груда кирпичей, что ей сделаешь? Заведующая — дома. Наверное, видит стянутые пищевой плёнкой сны. Ксюша подбежала и дёрнула ручку магазина. Верещит сигнализация, ей в тон подвизгивает заведующая, бежит в бигудях, замотанная в шарф, а за ней охранники с собаками сыплются с бугра. И это всё из-за нас! Зажимая рты руками, давились от смеха: куда? К остановке? Нельзя. Заметят. Кто же поверит, что так, мимо проходили? Свет в магазине — шерстят чего-то. Выглядывают из проулка. Ну-ну, что ты, будешь орать или охрипнешь, наконец, сирена? Просто так дёрнула — и не страшно ей! Ксюша не помнит страха. Кировские кирпичи прикрыли глаза, зевнули улицы, потекли привычно. Во второй раз ручку дёрнула Наташа и даже пнула дверь: получай, дура! Ксюша показала «класс»

и засмеялась в голос. «Мы как в отряде, только по-настоящему, мы с Ксюшей, у нас настоящее дело, она командир—и все за нами. Мы проучили „заведующую“, пусть теперь сигнализацией заведует,—наговаривала про себя Наташа.—А если бы нас поймали, отвезли бы в детскую комнату, папу бы с работы выгнали, а мы всё равно не забоялись. Ну не поймали же. Вот и всё. Не додумались бы между домами искать. Ксюша гениально придумала, вон их сколько, проулков».

Стоило им оказаться рядом, как идеи приходили сами собой. Приходили и допрашивали: а слабó—не слабó? До трясучки хотелось доказать всем на свете: «Я могу, я отвечаю за слова». Ксюша всегда отвечала. Они шатались по улицам, попрошайничали: на лимонад всё у того же кировского—кушать хочется, две копейки—на позвонить маме. Ради движения, чтобы задело за трусливое самое. Или однажды у чужого забора караулили утку: это же круто—украсть утку, а потом зажарить её! Представляли, как у всех глаза на лоб от такой новости, им-то силёнок не хватит. Но чем рубить утке голову—не нашли, и обе съехали с этой затеи. Если б нашли, то зажарили бы точно. А так… Только они с Ксюшей прятались в мусорных баках, когда играли в «казаков-разбойников», а эти тетери, сторожи всякие, да фиг кто найдёт.

Ксюша жила на Островского. За высоким зелёным забором не рассмотреть, сколько у них домов. Ни палисадников, ни скамеек у двора. Разве что вывеска про злую собаку. Собака сдохла, но вывески побаивались. У родителей—дом-работа, а сестра—на хозяйстве. Старшая, лютая была.

За Ксюшей не любили заходить, сестрица как зыркнет—и злой собаки не надо. Мать и отец её были очень похожи друг на друга—сухие, прыткие, с мелкими бегающими глазками, никогда не услышишь в ответ «здравствуйте», только «драссть» из тонких поджатых губ. Даже бабки не могли про них толком ничего рассказать, скрытные больно. «Но люди нечестные, честные—вони шо мають, то люды бачуть, а Буровки—та воных всё не як у людей».

Ксюши не было видно вот уже неделю. Наташа не заходила, не принято это было у них, встречались на улице, в школе или в тупике. На вторую неделю она решилась идти на Островского—вдруг что? Вдруг Ксюша пропала, или её угнали в табор, ищут? Ксюша вышла в платке:

—Вот, платок теперь. Я похожа на Марфушу. Да ладно, чё ты? Я же знаю, как это смотрится. Чего… Волосы выпадают у меня, вот и побрили. Из-за нервов, сказали.

От своих слов она спохватилась. Её волосы, каштановые густые волосы, собранные обычно в тугой хвост. Но когда она распускала их—поражали внезапной красотой. А теперь как будто Наташка выиграла её. Ксюшу увидели слабой, в куцем платочке, с глазами на мокром месте, несмотря на шутки. Она не выдавила больше ни слова. Хлопнула калиткой. До зимы.

Мишке, с Островского, мама зимой разрешала приглашать друзей в летнюю кухню, ей так было спокойнее. Ребята с других улиц всеми правдами и неправдами напрашивались к нему, знали: там будет тепло, нальют чай, притащат пряники и сушки, и можно сидеть хоть сколько. Но главное—там слушали Цоя. Заканчивалась кассета, переворачивали—и по новой. Островского—Ксюшина территория. Без неё посиделки не обходились: занимала лучшие места, могла перебить и перевести разговор на свою тему или долго рассказывать историю, до которой никому нет дела. Мишке не было до неё дела.

Ксюша была особенно заметна—её жесты были громкими, красивыми, все девчонки ею тайно любовались, в такую Ксюшу, наверное, влюбились и мальчишки. В тот вечер Наташа пришла с чёрными стрелками вокруг глаз, стащила у сестры карандаш и намалевала их неумело. Шутки были только о ней и о её нелепых стрелках.

—Ты как Цой,—смеялся Мишка, а потом даже сфотографировал на папин фотоаппарат.

Почему-то в эти зимние вечера Ксюша демонстративно с ней не разговаривала, смотрела как на пустое место, даже ни взгляда никакого обиженного. Наташа по ней скучала, но не напрашиваться же «в подружки», да и Ксюша уважать перестанет. Она просто ждала: обратит внимание?

Сегодня Ксюша предложила проводить Наташу, поздно уже. На Островского через Гоголя не совсем по пути—мостик развалился, и им нужно было обходить улицу с проезда. Но Наташе стало тепло от этих слов, она ждала от неё шага. Ксюша снова захотела с ней общаться. С ней—с Наташкой. Говорили о чём придётся, но и не вспоминали, как раньше, их выходки, не гадали, на какую крышу можно ещё залезть, что где умыкнуть для смеху. Ксюшины подружки зарылись в шарфы. «Ксюша вернулась»,—и восхищённые глаза видели командира, как тогда на линейке. У дома остановилась и в шарф протараторила невнятно, будто слова ещё не определились, стоит ли им быть произнесёнными:

—Зайдёшь за мной завтра? Вместе до Мишки пойдём, ладно?

Приятно, что Ксюша сама позвала её, эти-то подружки—они мямли, не почудишь с ними. Наташка—это другое, она—боец! На шестом, в девятиэтажке, люк не закрыт—можно по крыше ходить и даже на балкон к кому-нибудь залезть. Ксюше сто процентов понравится!

На следующий день Наташа подошла к её дому—и подружки у калитки уже. Стояли они как-то неестественно, приглушённые, как замороженные. Ксюша свела взгляд. «Надеялась, что не приду?» Не поздоровалась, махнула рукой за дом и держалась

с подружками, подальше. Что там, за домом? Может, дело новое? Тогда почему *с ними?*
— Ты сюда больше не приходи,— уже за домом сказала Ксюша.
— Почему? Что случилось?

Наташа не понимала, в чём дело.
— Давай драться. Быстрее.
— Ксюша, ты чего? Я не буду с тобой драться. Что происходит вообще? Я что-то не так сделала? Так ты мне скажи,— внутри сжалось от обиды.

Первый удар Ксюшин — быстрый, ненавистный. Наташа по инерции успела ответить. Она ничего не чувствовала, кроме снега на лице, под кофтой, кроме того, как удары размеренно и чётко очерчивали её тело. Тогда она вспоминала, что оно ещё есть — она его чувствует. Всё равно. Лицо горело, непонятно — от боли или от злости. Командир, командир — предатель, дура.
— А зря ты драться отказалась, ты мне сначала нехило врезала,— перед уходом бросила Ксюша.

Она сдерживала смех — расцвела, почти похожа на прежнюю.

Уже дома бабушка, увидев Наташину куртку, спросила:
— А що цэ такая у тебя куртка грязная?
— Я упала.

Лицо Наташи — один большой синяк, распухшими губами она нечётко говорила.

Но бабка сделала вид, что не поняла:
— Що ты так упала, що в тэбе сліды от ботинок на куртке? Що, по тэбэ ходили, шо ли?
— Потому что там, где я упала, были следы. Отпечатались.

Бабуся удовлетворилась ответом и пошла заниматься по хозяйству. А то ж «всэ одна, всэ на сэбе». Её ещё не хватало. Наташа поклялась, что выловит их по одной. Перед сном, чтобы снова не заплакать, она продумывала, как, где и когда встретит их и как они будут умолять её остановиться. Она крупнее, по одной они — пшик против неё. Дотерпев до утра, поехала к маме на новую квартиру, где мама жила с новым мужем — дядей Димой.

Плотно обитая мягкая дверь плохо пропускала стуки, и Наташа затарабанила, чтобы хоть как-то сдержать подкатившие слёзы. Мама открыла дверь и отшатнулась, вырвалось:
— О Господи!

Увидев, что Наташа сдерживает себя (гордая) и вот-вот расплачется:
— Ну, ничего! Что же теперь?.. За одного битого двух небитых дают,— скороговоркой сказала она.

Наташа не поняла смысла фразы, но раз двух небитых, то это вроде как хорошо, и у неё немного отлегло.

III.

Она сама не понимала, откуда оно — это одиночество, какое-то одичалое чувство,— в ней взялось. Оно жило глубоко и могло нежданно ворваться в самый её весёлый смех. Мнимо-беспричинное, оно отдельно рассеивалось внутри, отравляя течение вроде бы обычной, благополучной жизни.

Да, ей было девять. Мама и папа, папа и мама. Наташа слышала ссору, слышала — уходит, слышала шкафы, которые собирали мамины вещи. Ирка с Пашкой не решались зайти в комнату, жили-то тихо всегда, и они не знали, как быть. Ждали, что мама успокоится, замолчит надолго, папа уедет на месяц в командировку — и всё пойдёт как раньше. Но вещи складывались в сумку — в одну, вторую. Наташа сидела в углу комнаты, как паучок, о котором все забыли. Мама проваливалась, и через неё просвечивали тумбочки и окна:
— Мама, я с тобой!

На последнем автобусе они поехали к тёте Любе и стали жить у неё. В холодном и правильном тёти-Любином доме Наташа скучала по отцу. Ждала, когда же вещи и события вспомнят свои места, она проснётся дома и мама с раннего утра приготовит и уберётся, когда по одному запаху будет понятно: папа возвращается из командировки. Будут шутки и обнимания.

Мама сказала, что суд. Папа придёт, будет развод. Наташа была готова пойти куда угодно, только бы увидеть папу. Суд был похож на больницу. Мама попросила посидеть в коридоре. Они с папой заходили кабинет, и он подмигнул ей.
— Хоть в суд трезвый пришёл,— как не своим голосом произнесла мама.

В коридоре сиделось долго, стулья — твёрдые и все одинаковые. В кабинете тётя спросила приторным голосом:
— Девочка, а как тебя зовут?

Мама смотрела в окно, будто там было что-то написано, но она не могла разобрать и хмурилась. Папа стоял, опустив голову, и совсем на Наташу не смотрел. Он стоял как школьник, которого отчитывают.
— Наташа.
— Скажи, Наташа, а с кем бы ты хотела остаться жить? С мамой или папой?

Она смотрела на тётю и боялась сказать неправильный ответ. Как если бы все вокруг на математике знали решение задачи, а теперь спрашивали её, чтобы проверить.
— Наташа, послушай, тебе нужно выбрать: ты с папой или с мамой останешься жить? Ира и Паша останутся с папой, в доме. Ты можешь в новой квартире жить с мамой, если хочешь.

А как это мама останется одна?
— С мамой.

Она перед тётей отказалась от папы.

После этого жизнь разделилась на две половины. Разделив и Наташу на два разных человека, которые спорили и обвиняли друг друга тихо внутри. Она стыдилась ходить к отцу, принимать

его ласки. Повторялся сон: мама и папа висели над пропастью, держась за её руки. И она отпускала папу. И больше его не слышала.

IV.

Наташа жила с мамой и дядей Димой. Появился страх перед бабушкой: она рылась в карманах, и Наташе казалось, что бабка положит ей в карман крысу или отравит её чем. Мама говорила, что какая бы бабушка ни была, так нельзя думать. Наташа бабушку не любила с детства. Все вокруг бабушек обожали, а она почему-то нет. Ещё ребёнком от неё убегала, и когда та совала конфеты—их не ела. Бабки с улицы называли её «ведьмой». Что такое «ведьма», Наташа не знала, но после прихода бабушки хотелось снова собирать дом по кусочкам. И мама ходила расстроенная, и папа ругался. По наущению бабушки Наташа в тринадцать лет получала письма из Ставрополя от тёти Маши о малолетних проститутках и наркоманках. «Прожектор перестройки» просвещал массы.

С дядей Димой они жили спокойно: он до́бро так называл маму Тонечкой, и слова у него были мягкие и аккуратные, как на носочках. Мама работала в церковной лавке, в церкви они и познакомились, там и венчались. Дядя Дима был как хрустальный: тонкий, кожа белая просвечивала, плотно облегала лицо, когда он ел—были видны мышцы. После той зимы Наташа перешла в другую школу, поближе к маме, и они с Ксюшей больше не пересекались.

Улицы сдували мартовские ветры-астраханцы, от них иногда холоднее, чем зимой, они любили растекаться подолгу. Степь—дуй сколько хочешь, ни одно деревце тебе не помешает.

Однажды мама в коротких фразах попросила вернуться к бабушке—у дяди Димы нашли болезнь. Он угасал на глазах. Она сказала, что уже начались боли, и скоро он не сможет их терпеть. Умер в конце июня.

На пятом этаже июль замирал, и был такой горячий воздух, что, казалось, смола с крыши просачивалась вместо и прикидывалась им. Мама путала дни недели, ночь и день. Заходила в комнату и спрашивала: куда ушёл дядя Дима? В магазин? А когда вернётся, записочку не оставил? Почему так долго? Она пыталась жить обычной Тоней, но жизнь никак не продолжалась.

Наташа возвращалась от бабушки с продуктами, как в подъезде пахну́ло горелым, ближе—из квартиры. Мама сидела в зале на полу. Простоволосая, в ночнушке, она жгла свои платья. Наташа позвонила в скорую, и они не оставили таблеток, а забрали маму в Приютное, в больницу для душевных за шестьдесят километров от города. У бабки тогда собралась родня, и все они как заведённые сокрушались: «Упрятала мать в психушку, что за дочь такая». Наташа выбежала из дома и пошла куда глаза глядят, а глядели они плохо, солёно и мокро. Вокруг передвигались знакомые декорации.

В центре города, на правой стороне, там, куда рукой указывает бессмертный Ленин, сидит памятник домбристу на чёрном камне. Столько раз она проходила мимо, столько раз папа поднимал её на площадку перед памятником, и они играли в прятки. Но теперь она увидела, что он сидит—чёрный, прислушиваясь к музыке несыгранной домбры, как в конвульсии какой замер, изогнувшись навсегда. Нечто вырвало из его души домбру, аккуратно оставив на месте зияющий прохожими треугольник. Из центра, через аллею ветров, которая играла калмыцкими колокольчиками, она спустилась к речке, на Кирова. Пощипывало от растёкшейся туши, всё плыло, различался только завечеревшийся день.

— Наташа!

Это был знакомый голос. Слышно, как бежит. Ксюша.

— Наташа, я увидела, как ты… У тебя всё… в порядке?

— Мама…—сдержалась.—Мама заболела.

Ксюша стояла очень близко, довела Наташу до остановки. Сидели молча. Она хотела как-то помочь, но не находила слов.

— Мама выздоровеет, не переживай.

Наташа забылась, ей казалось, что она сидит на остановке одна и просидит тут все три месяца, пока не выпишут маму. Тело было тяжёлым, мысли—кучнистыми. Она почувствовала Ксюшино плечо и как та взяла её за руку.

Арина Орлова

Коренской житель

В летние каникулы, собираясь проведать бабушку, мы усаживались с мамой на фирменный ночной поезд «Соловей», который следовал от Курского вокзала Москвы до железнодорожной станции города Курска. Мы проезжали будто бы вовсе незнакомые нам станции, разглядеть в ночи их окрестности было невозможно, поэтому наша поездка каждый раз казалась нам совсем новой.

Уснуть в дороге никогда не получалось, хоть в поезде и всегда была тишина, слышался только стук колёс, такой завораживающий и в то же время успокаивающий. Мама отодвигала белоснежные шторки с фирменной печатью «Курский соловей», и мы наблюдали за пейзажами из окна. Фонарные столбы ярко освещали железную дорогу и местные перроны. В темноте на пути встречали другие поезда, нёсшиеся с противоположной стороны, приглушённый свет из их окон мимолётно мелькал перед глазами. Виднелись уже старые заброшенные деревеньки и, наоборот, густонаселённые местности.

Мы проезжали Тульскую, Орловскую, Курскую области. И уже через восемь часов, к утру, мы были на станции в Курске, где нас встречала бабушка. Она всегда говорила, что, пока ждёт нас на платформе, вдали всегда старается разглядеть зелёный поезд с жёлтой выкрашенной лентой: мол, знаю, это едете вы. Нам самим без труда удавалось разглядеть среди толпы нашу бабушку—уж сильно она выделялась. Встреча была настоящим праздничным днём, поэтому бабушка надевала выходное кримпленовое платье с фиолетовыми и жёлтыми цветами и красивым хлопчатым платком покрывала волосы.

Потом мы гуляли по Курску, по традиции заходили в магазин, где продаются лакомства местной кондитерской фабрики, в музей «Курский соловей», на базар на окраине города. Время всегда проходило так незаметно, что и не замечали, как снова нужно было расставаться. Бабушка, провожая нас, не удерживала слёз, всё приговаривала: «Куда вы так спешите? Чего же так мало побыли у меня? Остались бы ещё ненадолго». Перекрестит нас в дорогу: «Дай Бог дороги лёгкой»,—дождётся отправления поезда, ещё немного постоит, пока состав скроется из виду, потом уходит.

Как-то в зимние каникулы я уговорила бабушку поехать вместе с нами в Москву. Готовясь к поездке заранее, бабушка покупала мне раскраски, себе газеты, чтобы не скучать в пути.

В Курск зелёный с жёлтой полосой и с золотыми буквами, составлявшими гордое название «Соловей», поезд прибывал на главный первый путь. Когда мы ждали его на перроне, на вокзале с радиостолбов играла музыка советских времён, а отправлялся он в путь под песню Льва Лещенко:

И с полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога,
Впереди у жизни только даль—
Полная надежд людских дорога.

Бабушка знает каждую проезжающую «Курским соловьём» станцию: Свобода, Золотухино, Поныри, Малоархангельск, Глазуновка и Змиевка Орловской области. На каждой из них она выходила, будто бы хотела встретить кого-то. На станциях продавался весенний мёд. Бабушка обязательно покупала баночку мёда, приносила в вагон, и мы принимались за лакомство.

— Бабуль, может, попросим чаю принести?—предложила я.

— И правда, что-то я забегалась… Чаю с медком-то как хорошо сейчас!—отвечала бабушка.

Чувствовался терпкий аромат крепкого чёрного чая, который заваривали кипятком из титана, растапливаемого торфом. Проводница приносила чай в гранёном стакане и кусочки вкуснейшего сахара.

— Аринка, погляди, в каком красивом подстаканничке чаёк поднесли!—дивилась бабушка, разглядывая со всех сторон стакан.—Посеребрённый, с изображением нашего курского вокзала.

Я забиралась на верхнюю полку, потому что только там можно было прижаться лбом к холодному инеевому стеклу и следить за быстро меняющейся картинкой за окном или рассматривать вагон. Тусклый ночной свет заполнял пространство. Я разглядывала купленную мне мамой на счастье фигурку деревянного птенчика соловья с жёлтыми, красными, голубыми витиеватыми узорами. А бабушка, заскучав, сама того не замечая, уже раскрашивала детские раскраски, невольно улыбалась—уж очень увлекательным было это дело, за которым время дороги проходило совсем

быстро и незаметно. Раскрашивание успокаивало её, отвлекало от вечных болей, приходивших с возрастом.
— Бабуль, а помнишь, ты мне читала сказку про Илью Муромца и Соловья-разбойника? Есть поверье, что Соловей-разбойник с курской земли.
— Да, были слухи… Но ведь Курск — родина певчих пташек, соловушек, поэтому и назвали поезд дальнего следования Курск — Москва — Курск «Курским соловьём». Кому привезёшь сувениры? — спрашивала она у меня о приобретённых в одной из курских лавок разноцветных матрёшках, глиняных, стеклянных, водяных свисточках в виде соловушки.
— Маме в школьный кабинет поставлю, а её ученики любоваться будут.
— Гляди-ка, новёхонький совсем «Соловей»-то, шторки будто бы только купленные, — удивлялась бабушка, осматривая вагон.
— Чего разукрашивать бросила? — спрашивала я, смеясь.
— Надоело. Давай поговорим лучше. Раньше поезда совсем другие были, да и предназначались в своё время для других нужд, — говорила бабушка. — В годы войны мать отправили в госпиталь на колёсах из вагонов-теплушек. Работала медсестричкой в санитарном эшелоне. Когда под Курском бои были, то и дело раненых доставляли. Помню, как рассказывала, бывало, что к вечеру руки немеют от усталости, всем помочь нужно, вот целый день бинтами раны перевязывала, от одного раненого к другому то с водой, то с солёной перевязкой бегала.
— Почему с солёной? — спрашивала я.
— Раствор такой был. Вода с солью. Накладывалась на рану хлопчатая ткань, которую окунали в этот раствор, а соль обеззараживала. В вагонах-теплушках — нары да буржуйка, которая отапливала. Топили углём. Да мало его всегда было. В вагонах холодно, приходилось стирать бинты в ледяной талой воде. Руки сильно замерзали. Оттуда у мамки привычка появилась до самой старости прятать руки, скрестив их, в рукава телогрейки. Помню, она рассказывала, что, когда руки спрячешь, они отогреваются и покалывать начинают, а ведь от тепла и усталости в сон клонит. Так я, глядя на мать, тоже стала руки прятать в рукава. И налёты вражеских самолётов мамочка моя пережила, бомбёжки, — продолжала бабушка. — Чего только не было… Курская дуга её застала. Она рассказывала, что бомбёжки длились по девять часов, а иногда и целый день бомбят с четырёх утра. От взрывов оглушало всю окрестность. Все прятались, суетились. В некоторых вагонах хранились боеприпасы, топливо, военные грузы. Такой случай произошёл, когда после очередного налёта попала бомба в котёл и осталась на потолке топки. Машинист охладил паровоз, схватил бомбу и выбросил её оттуда. Как он не побоялся, никто не знает!.. После бомбёжек медсестрички засыпали землёй крупные воронки, путейцы за сотни метров носили шпалы и рельсы, чтобы восстановить дальнейшее движение поезда. К бомбёжкам уже так привыкли, что различали по звуку вражеские «юнкерсы», «хейнкели», «мессеры» и нашу двести пятьдесят шестую истребительную дивизию. Один раненый лётчик, попавший к нам в передвижной госпиталь, всё шутил, что остался жив после вражеских обстрелов благодаря сковородке, которую подкладывал себе на сиденье. Вот он тогда всех насмешил! Попадали к нам куряне и заброшенные по военной службе другие вояки, и ослепшие были, и контуженные, с изворочёнными руками, ногами. Страшно было; стоишь над раненым, а слёзы сами градом льются. А помочь-то всем нужно, раскисать некогда. В госпиталь привозили несколько пудов хлеба, яйца, а самое главное — мёд. Мёдом горло лечили.

Бабушка, когда это вспоминает, всегда плачет, да и я не могу удержаться.
— А после войны как жили? — спрашивала я.
— Уже после войны жили мы в Касторном. Мать с отцом устроились работать в школу. Отец, прадед твой, преподавал историю, географию, мать — учительница начальных классов. У нас дома на стене висела большая географическая карта России. Помню, как в детстве я просила отца поиграть со мной. Я называла первый попавшийся городок, увидевший на карте, и просила мне его показать. А отец с закрытыми глазами тут же мне его указывал пальцем. Знал каждую дорогу Курского железнодорожного узла, который содержал Воронежский и Центральный фронты. Назову мимолётно увиденный городок, например, Старый Оскол. Он сразу называл дорогу, проходившую в этом районе: Старый Оскол — Ржава, или Елец — Верховье — Орёл. Знал карту совершенно наизусть. Мог вспомнить любой отдалённый, забытый пункт, который и невозможно разглядеть. В семье нас четверо детишек. Я самая старшая. Родители заняты с утра до позднего вечера. Сначала работа, потом хозяйственные заботы. Жили совсем бедно. Одно спасение только — корову держали, её Мартой звали. С утра мать кулеша наварит, вот одно кушанье было на весь день. Не помню, чтобы хоть разок все вместе за столом сели, пообедали, не до этого было. Только к печке к чугунку подбегал каждый, зачерпывал половником наспех, кто есть хотел. Потом приходилось родителям место работы менять. Некоторое время жили в Воскресенске. Когда я подросла, мать стала просить меня в Москву на базар по выходным ходить. Дорогу я, конечно, не знала. Ориентировалась на железные рельсы, проходящие через Воскресенск на Москву. Так и добиралась. Куплю солёной в кадушке селёдки, возвращаюсь домой. Помню, идти долго, мороз жуткий. Пришла домой, хотела

чулки промокшие, промозглые снять, они будто окаменели. И как-то резко дёрнула, а ткань так сильно прилипла к ногам от мороза, что вместе с кожей рванула. Думаю, мать ругаться будет, строгая же, и чулки-то тоже порвались, а одёжи и нет больше никакой, и рассказывать-то боязно. Мама с работы пришла, я сижу с кровяными подтёками на ногах. И спрашивает у меня: «Где это ты кожу так содрала?» Ну, что делать, рассказала как есть. Она ругаться не стала, достала из сундука бараний жир, помазала ранки. Помню, как в Золотухино перебирались. В вагоне переезжали родители, четверо нас, ребятишек, корова тут же с нами, остатки соломы, вещи. Знаешь, Аришка,— обращалась она ко мне,—вся жизнь—будто бы дорога. В Курском районе ходила дрезина. Мы на неё садились, в город ездили, к родственникам, и зимой ездили; помню, что иногда сама кабинка была засыпана углём, нас машинист всё равно с собой прихватывает, но приходилось на открытой платформе стоять. И мороза будто бы не чувствовали. Потом дорогу перекрыли, а рельсы местные жители по дворам растащили. В Золотухинской школе познакомилась с девками из соседних деревень. Они уже долго здесь жили, кто-то и родился тут же. Они меня отводили к местам, где когда-то сражения в годы войны были. Стояли заброшенные машины, орудия. Севернее станции Поныри находилось целое кладбище немецких танков. Вся земля была пропитана машинным маслом, топливом. Запах гари кругом. Трава, и та долгое время не всходила. Пока до дома дойдём, вымажемся все. Всё было в осколках снарядов, фугасные бомбы повсюду. А однажды в такую даль забрели, что в окрестности разглядели кладбище немецких солдат. Здесь и дома разбитые были. Мы по чердакам лазили.

— И не страшно вам было?—прервав, спросила я.

— Не боялись ничего. Да бояться нечего. Пустота и глухота. На чердаках тех солома, уголь, опилки, чьи-то куры из жилых домов здесь неслись. Мы в подол соберём яйца, домой несём. На девятой неделе после Пасхи ходили в Коренную пустынь, чтобы пройти крестным ходом с чудотворной иконой Божией Матери «Знамение», а заодно из святого источника воды целебной испить да искупаться в ней. Народ туда сходился на Коренскую ярмарку: кто продать или купить, кто о деле поговорить, кто на людей посмотреть, кто себя показать, а кто и соловьёв послушать. Молва народная гласила, что они громче поют, если горлышко водицей промочат. А в Коренной она особенная, может, потому здешние соловьи своими песнями от всех других и отличаются. Курский соловей такие «коленца» выделывает—век не забудешь! Много ли, мало ли утекло коренской воды с тех пор, да только стал соловей символом Курского края.

Погостив у нас в Москве, бабушка, радостная и отдохнувшая от деревенских забот, уезжала снова на Курщину. Расставалась уже без слёз. Только теперь плакали я и мама.

— Бабушка, почему ты плачешь только тогда, когда провожаешь кого-то? Ты ведь у нас такая крепкая!—как-то спустя время, я спросила её.

— Не люблю проводы. Самой покидать дом намного легче.

Данила Ноздряков

Коэффициент света

Господи, и за что мне эти наказания?

Это же надо такое придумать — сосчитать, какова площадь пола во всех домах. Сколько выгребных ям. Сколько бань топится по-чёрному и сколько по-белому. Каково количество крыс и мышей в селе. Какой коэффициент света в каждом жилище.

С банями-то ладно — почти все по-чёрному топят. Даже наш медпункт. Оттого занавески каждый вечер стирать приходится.

Площадь пола смогу узнать. На глаз научилась уже определять, у кого какая избёнка.

Выгребных ям столько же, сколько и домов.

Но с коэффициентом света что делать? В окошки всем заглядывать? Вот умора будет.

И ведь просто так, наобум, не сделаешь. Всё-таки документ. По правилам заполнять надо.

— Ладно тебе переживать. Сходишь в сельсовет, у них там все данные есть, — сказала Вера Васильевна в райздравотделе.

Вера Васильевна — умная женщина. Всё знает и всегда поможет. Она тридцать лет только и делает, что людям помогает.

— Помни, деточка моя, что считать мышей и выгребные ямы — не самое главное для нас. Был такой философ немецкий, Гердер, он говорил, что человек создан для общества. И общество держится на нас. На библиотекарях и работниках клубов, на учителях и почтальонах, на милиционерах и врачах с фельдшерицами. Культура хрупкая, это тоже Гердер говорил, и может быстро рухнуть, если мы не будем её защищать. Мы — работники культуры.

— А я думала, что мы — работники здравоохранения, — сказала и поняла, что совсем не к месту ляпнула.

Взгляд у неё как скальпель — острый-острый. Сейчас мне от неё достанется за собственную глупость.

— Безусловно, деточка моя. Но на нас лежит куда бóльшая ответственность. Блюсти здоровье тела так же сложно, как и моральный дух. Падёт один бастион — и вся крепость тотчас станет добычей тёмной силы, — она сняла очки, и я увидела, что взгляд у неё совсем не острый. Усталый.

Я не совсем поняла про бастионы, крепости и тёмную силу. Подумала, что она войну вспомнила. Собравшись с силами, я вновь решила спросить:

— Значит, военные — тоже работники культуры?

Вера Васильевна тяжело вздохнула:

— И военные — тоже работники культуры. Только ты поменьше думай о военных, деточка моя. Лучше не забывай о юридической ответственности стороны дела народного здравоохранения.

Как забудешь, когда вона лежат красные листы. Рецепты на наркотики. Наркотики лежат в подполе медпункта. Прямиком под столом. Не дай Бог, кто узнает.

Тьфу ты... Второй раз кряду Бога помянула. Я же комсомолка и медицинский работник. Бегала на собрания в соседнее село. Мамка страсть как наругивала за грязное пальто. Не объяснишь же ей, что на обратном пути от каждого света фар пряталась по буеракам. Ночь-полночь уже, вдруг чего случится?

Работник культуры. Вера Васильевна — умная женщина.

Завтра обязательно схожу в сельсовет. Утро вечера мудренее.

— Дифференциальная диагностика гипертермии и лихорадки также не особенно сложна, если учитывать условия внешней среды, характер деятельности больного перед заболеванием.

Поди ты, не особо сложно. Учти условия внешней среды и характер деятельности больного. На бумаге-то всё просто, но забыли про овраги...

— Лидонька, подсобила бы таблеткой какой. Второй дён уже на двор не хожу, — отозвалась с койки бабка Захарчиха, готовящаяся отойти ко сну.

Я оторвалась от книжек.

— Бабулечка, я вам говорила, что это всё в пределах нормы. Не надо вам таблеток пить.

— Можа, лихорадка у меня, как в книжке твоей написано?

— Нет у вас, бабуленька, никакой лихорадки. Всё у вас хорошо, ещё нас всех переживёте.

— Ой, гляжу на тебя и нарадоваться не могу, что такая мне досталася. Такая ладная — бровь полумесяцем и коса густая и чёрная, как июльская ночка. Хоть прореживай. Только больно худа, всё бегаешь да учишься. Кушать больше надово да спать дольше на белых простынях.

Досталась. Это я тебя, бабка Захарчиха, достала, чтобы взяла меня к себе жить.

В сельсовете мне с первого дня, как я приехала к ним фельдшерицей, предложили дом. Я сказала,

дом мне не надо, дайте лучше бабушку одинокую. Буду у неё квартироваться. Думали, думали, к кому бы меня отправить,—надумали к бабке Захарчихе.
—И на кой ляд ты мне сдалася?—не очень рада она была меня поначалу привечать.—Я как мужика своего схоронила, Захара Свиридовича, чтоб ему пусто…
—Ты что такое несёшь, старая? Разь можно такое о звеньевом говорить? Лучшую коноплю в районе выращивал!
—Кому старая, а кому Аграфена Феоктистовна. Или бабка Захарчиха, по-уличному. Ты с им, председатель, не жил, тебе не знать, каким человеком он был. Ашедно слёзы наворачиваются, как вспомню его. Продыху от него не было. Только как помер, жить начала. И на простынях полежать белых, и вдоволь покушать, и в карты поиграть, и семечки пощёлкать…
—Ты мне тут аполитично порассуждай ещё. Человек к нам новый приехали. Мы-то привыкли, что ты ленивая, отчего тебе за дело доставалось от мужа порой.
—Несознательная. И деньги люблю.

Я тут поняла, что мне пора своё веское слово сказать.
—А я как раз выгодная жилица.

Бабка Захарчиха прищурилась. Истинная купчиха с картин прошлого века.
—И какая с тебя выгода будет?
—Три рубля квартирных государство мне даёт. Всё вам, бабушка, исправно отдавать буду. Семь телег дров мне полагается в придачу. И молоко я имею право по три литра за одиннадцать копеек покупать,—выстрочила я как из пулемёта.

Бабка Захарчиха явственно успокоилась, но некоторые сомнения продолжали терзать её душу.
—А ешь ты много?
—Что вы, бабулечка! У нас в деревне соседи были дюже бедные. Сын у них на фронте погиб. Дочку его сами воспитывали. Я к ним любила бегать. Накормят меня щами без мяса, забелёнными обратом. Самая вкусная еда была для меня. А сейчас больше всего на свете люблю меленькую картовинку со сливками и топлёным маслом.

Выговорили и замолчала. Вдруг чего лишнего сболтнула, отвернётся от меня бабка. И председатель недобро глядит.
—Сладко жить хочешь. Это я люблю. Чую, мы с тобой сойдёмся. Только готовить харчи себе сама будешь.

У меня отлегло на сердце.

Бабка Захарчиха, как оказалось, быстро нарушила своё условие. Готовила она и на мою долю.

Изба у неё была просторная. Две койки, одна мне досталась. Печкой и голландкой отделён умывальник. Мне там стелили прямо на полу, когда к Захарчихе приезжала дочь из города. Вообще, у Захарчихи было три дочери, но приезжала только самая младшая. Умывальник освещало маленькое окошко на стене. На окошке жил паук. Я прозвала его Захаром Свиридычем. Уважаемым пауком.

Бабка Захарчиха перепродавала почти всё молоко, что мы покупали. Раз в неделю тушила мне картошку с топлёным молоком. Сидели с ней, сумерничали, и она мне такое рассказывала о своей жизни, что стыдно даже пересказывать. Я помню, стихи учили в школе. Про золотое времечко, когда мужик с базара не милорда глупого, а Белинского и Гоголя понесёт. Гоголя все знали. Белинского я взяла первый том в библиотеке. И там точками заменены слова пропущенные, но всё равно понятно, что он по матушке сильно ругается. Вот тебе и времечко золотое. И бабка Захарчиха завсегда свои рассказы тремя точками пересыпала.

А дочка у Захарчихи хорошая. Мы с ней сдружились. Всё про город рассказывает, когда приезжает. У них там можно в кино ходить хоть каждый день. И эскимо есть. Только времени и денег не хватает.

И что это ночь так быстро пролетает? Уснула—и уже рассвет брезжит в окно. Ярко-то как светит, будто обед наступил.

Проснулась. Голова лежит на столе, книгу подпирает. В окно светят прожектора, вырывая из темноты кровати, печку, половик, дверь в сени. Бабка Захарчиха выругалась и в чём была юркнула за порог. С улицы доносился один лишь её голос.
—Ты чего, окаянный, середь ночи людей будишь, в окошки своим трахтуром спать не даёшь?

В ответ ей только «бу-бу-бу» нестройное раздавалось. Ни слова не могла разобрать. И не видно ничего, когда свет так слепит. За своей перепалкой забыли они совсем фары выключить.
—Откачнись от меня, ирод! Всё про тебя участковому расскажу, как ты хулиганишь по ночам.

И снова нестройное «бу-бу-бу». Пьяный, что ли?
—Гинь отседова, спасу от тебя нет. И от девки отстань. Люблю, самовар куплю. Вот сосчитаешь коифициент света во всех выгребных ямах, тогда и приходи. А сейчас не выпущу её никуда к тебе, к алкашу!

Не выпустит. Я сама уже собиралась выйти. Платок даже накинула на голову. Я не из робкого десятка.

В сенях столкнулась с бабкой Захарчихой. Развернула моё наступление и вернула на исходные позиции. Дом освещался одним лунным светом через окошко, вырывая из темноты на свет Божий кровать, часы настенные, стол с книжками и тетрадками моими и уважаемого паука Захара Свиридыча, показавшегося из-за печки.
—Куды намылилась?
—Интересно,—не нашла ничего умнее, что ответить.

Про паука я придумала. Захара Свиридыча видно не было.
—Всё тебе интересно. Ну, коль так, Федя-трахторист приезжал на машине своей. Больно ты ему

приглянулась. Я его отправила проспаться, а то срамоту разводит.

Не дождалась от меня никакого ответа.

— Он парень-то хороший, работящий. И пьёт не много, не смотри, что в таком виде заявился. Это он для храбрости. Мужики спокон веков для храбрости пьют. Но ты не думай чаво. Замуж иди только по любви. А то намучаешься, как я с Захаром Свиридовичем. Брешили, что дюже богатые они, я, дура, уши развесила.

Для храбрости они пьют. Потом молчат как в воду. Федька на следующий день даже не пытался заговорить со мной. Улыбался, как блаженный, и папироску смолил.

Да и не до него мне. Удумал любови какие-то. Как в кино, ей-богу. Тьфу ты, опять Бога вспомнила. Что за напасть такая?

Не до Федьки, в общем. У меня дел выше крыши. Так в сельсовет и не забежала справиться про количество бань по-чёрному. С утра полы надо вымыть в медпункте. Шприцы прокипятить не меньше сорока пяти минут. Всё как по инструкции полагается. Простыни и наволочки стирать, занавески стирать, халаты стирать, но это уже вечером.

Ещё утренний обход есть. Из соседней республики на молочную ферму приехали девушки работать доярками. По двести двадцать рублей в месяц получают, как в Москве напряжение в электрической сети. Без моего разрешения ни одна из них на смену заступить не может. Вот так я несу культуру в массы, как говорит Вера Васильевна.

— Ой, не нравится мне всё это. Ты бы съездила в город на профосмотр.

Все девчонки хорошие, но есть у них одна непутёвая. Клавка.

Даже в стаде всегда есть одна такая корова. Мамушка её воспитывает-воспитывает, объясняет, как себя вести надо, чтобы тумаки на неё не сыпались со всех сторон. Иногда переусердствовать может в деле насаждения культуры поведения. Для этого им рога обрезают в телячьем возрасте, чтобы не калечили друг друга.

— Манька поедет — и Клавка поедет, — прервала мои размышления на рабочем месте непутёвая Клавка.

Она всегда говорит о себе в третьем лице.

— Беременная ты, вот что. Я это всегда чувствую. Не думай мне тут, что само у тебя всё рассосётся, — пригрозила ей.

— Манька поедет — и Клавка поедет, — повторила она, словно не замечая моих слов.

Несчастная она. Связалась с тюремщиком, только что освободившимся. Весь посёлок знает, что он тот ещё ходок и ни к чему в жизни, кроме баб, выпивки и карт, интересу не имеет. И зарплату её всю на свои удовольствия спускает, небось. Доведёт девку глупую до греха. Боднула бы её корова в пузо, а то его только уголовник этот наминает.

Не забыть сказать Маньке, Марье Спиридоновой, чтобы взяла с собой товарку на осмотр в город. У нас посёлок пригородный: они ездят в город, я со своим медпунктом к райцентру прикреплена.

Паук Захар Свиридыч с утра показывался у умывальника. Даже насекомые мелкие понимают, что нужно гигиену соблюдать. Почему же люди не понимают, что культура, как говорит Вера Васильевна, и гигиена нужны во всём? И в отношениях между людьми тоже.

Манька, словно оправдывая своё имя, — маленькая ростом. Чернявая, бойкая и шустрая. Клавка уродилась высоченной блондинкой. По внешности и не скажешь, что такая дурёха.

— Тащила я её что было сил. Она взяла и сбежала от меня из автобуса в городе. Города не знает — куда собралась? — Манька чувствовала свою вину, что провалила важное и ответственное задание, и смотрела в пол.

Где мне за всеми уследить?

Гоша дрожит. Боится фурункул вырезать на шее.

— Да не боюся я, — бодрится Гоша. — Я за тебя переживаю. Испужаешься и помрёшь ещё со страху.

Старший из братьев Матросов всегда в бескозырке ходит. До самых морозов. Оттого их двоих прозвали Матросами. Дурачки они, но добрые и работящие. Старшего Матроса мучают ужасные головные боли — для него у меня по красным листам есть таблетки. Приходил в обед за ними.

Через них всех и не уследила за Клавкой. А зимой она родила.

Снегу намело тогда, что ни пройти, ни проехать. В клуб привезли первую серию индийского кино «Бродяга», почти что совсем новой картины. Обычно всякое старьё кажут. «Антон Иванович сердится» только раз двадцать крутили. Всё село собралось. Бабка Захарчиха пришла, хотя не любила кино смотреть. Но как такое пропустить? Тут индийские страсти творятся: богатый судья выгоняет из дома беременную жену, и сын у неё вором становится. И про любовь запретную.

У нас свои страсти творятся.

— Клавка рожает, — прибежала Манька в клуб, раскрасневшаяся с мороза, когда богатый судья увозил из города свою дочку, чтобы бродяга Радж с ней не виделся.

— В город надо ехать, — спохватилась я.

Они пытались меня уговорить, чтобы я приняла сама роды. Я наотрез отказалась. Сейчас другие времена. Под телегой в поле не родишь. Вера Васильевна говорила же, что мы должны помнить про юридическую ответственность. Это называется культурой. Если что-то пойдёт не так, не смогу спасти ребёнка. Нельзя тут рожать, и точка.

Нужен транспорт. Я могла бы попросить у Федьки, но он уже несколько месяцев после того случая старался не попадаться мне на глаза. Когда не под градусом, он оказался не шибко смелым.

— Клычков пущай ехает,— решила за нас всех Захарчиха.
— Я? А коль трактор застрянет где? Мне такова счастья не надо, ответственность на себя брать,— лысоватый Петя Клычков от возмущения вскочил с места.
— Ты, ты,— Захарчиха всем видом показывала, что возражений терпеть не станет.— Нинка твоя на сносях и скоро рожать будет. Лидия, как тебя по батюшке, Николавна тоже не захочет ответственность брать на себя.

Родила. Здорового крепкого мальчика на три пятьсот. Валеркой назвали. Я их навещала, когда они вернулись в село. Старалась исправно исполнять обязанности патронажной сестры. И жалко мне было молодую мамашку и её сыночка.

А тут замоталась в делах и не приходила две недели к ним. Клавка сама ко мне прибежала. Полупьяная.
— Валерка — всё. Неживой,— и улыбается во все зубы.

Зубов не хватает у неё, и под глазом фонарь.

Я шеметом махнула к ним домой.

Валерка лежал у окна на сквозняке. Май хоть стоял тёплый, но продувало сильно. Пригляделась к ребёнку и ахнула. Руки и ноги у него грязные, на теле опрелости, простыни ссаные и сраные, вонь от них идёт. Потрогала мальчика. Холодный. Но дышит ещё.
— Горячий и кашлял. Больше уже не кашляет,— вещала рядом со мной Клавка.

Она глупо улыбалась, наклонив немного голову набок. Зелёные глаза у неё были как болото — глубокие, но на дне ничего не ждало, кроме пустоты. Плюнуть бы ей в наглые зенки. Но я видела, что ей не просто плюнули. Мне глаза застилал туман, и я едва могла сдержать слёзы от злости и досады. Времени ругаться не было, нужно спасать ребёнка, пока не поздно. Укутала мальца в одеяло, схватила его на руки и бросила напоследок, направившись твёрдым шагом к дверям:
— Ты его мыла хоть раз? Ты про существования корыта, кулёма, знаешь?
— Горячий был. Клавка на окно положила Валерку,— заладила одно и то же.

И тут отозвалось пьяное чудище, сидевшее за столом. Паук Захар Свиридыч разросся до громадных размеров и собирался плюнуть в нас своей омерзительной паутиной. Вместо паутины из него извергался поток брани, как в письмах Белинского:
— Пошла отсюда, лепила! Не лезь в нашу семью!

Орёт, стол перевернул и, качаясь, шёл на меня. Я за несколько шагов чуяла, как от него спиртом разило. От одного дыхания можно было самой пьяной стать. Вжалась спиной в деревянную стену и смотрю ему в глаза, как хищному зверю. Взгляд у него мутный, и через эту мутность какая-то нечеловеческая злоба сквозит. Злоба паука, собирающегося поймать жертву.

Но я жертвой не буду.
— Только попробуй тронуть меня,— произношу отчётливо каждое слово.

А сама боюсь, как бы у меня голос не дрожал, чтобы не выдать свой страх и не показать слабину.

Не знаю, что на него нашло, но его наступление прекратилось. Я использовала момент и бросилась вон из избы. Клавка побежала за мной, крича, чтобы я ей немедленно Валерку отдала.
— Убьёт тебя насмерть! Мало тебе, эх...

Были бы руки свободны, махнула бы на неё рукой. Но на руках держала ребёнка.
— Своего мужика нема, счастью мешаешь,— кричала мне вслед Клавка.

На дороге поймала хлебовозку. Валерка не плакал и почти не подавал признаков жизни. Я винила больше всего себя в том, что случилось. Они же гаже всех в селе живут, а я их из виду выпустила. На две недели всего, и им достаточно. Не дай Бог, трагедия случится. Я себе этого не прощу. Какая из меня носительница культуры и комсомолка тогда получится?
— Что это, мамаша, ребёночек у вас чумазый, как мойдодыр?— улыбчивый молодой шофёр в военной форме отвлёк меня от тяжёлых мыслей.
— Это не мой ребёнок,— я ответила ему не сразу.

Шофёр присвистнул. Улыбка у него была очень приятной. Он, как артист кино, попытался придать своему лицу тревожный вид. Вышло у него нелепо. Я чуть было не рассмеялась, но вовремя вспомнила о свой тревоге.
— Украли? Вот дела: значит, я у похитительницы детей в сообщниках,— по голосу было слышно, что солдат совсем не верит в свои слова.

Посмотрел на меня и понял, что дело не до шуток. Сразу же изменился и стал серьёзным.
— Я — фельдшер. Везу мальчика в больницу. Плохо ему,— торопливо ответила водителю.
— Ну, тогда домчим до больницы — глазом не успеете моргнуть!

Шофёра звали Женей. Служил в городе при училище тыла и транспорта. Возил хлеб с хлебозавода. По объездной дороге через наше пригородное село до них быстрее добираться было. Только разбитая она вся, дорога. Я крепче прижимала Валерку, как родного, боясь, что его растрясёт.
— Ну что, думаешь, пожалею тебя? Нет, не пожалею. Я предупреждала, что если бросишь главную нашу задачу — охранять культуру, то всё превратится в хавос и немедленно разрушится. Недосмотрела за своим маленьким пациентом, вот и лишилась,— отчитывала меня Вера Васильевна.

За дело отчитывала.

Я ревела белугой. Год на селе выдался для меня непосильной ношей. В детстве маманька взваливала нам с братом по пудовому мешку муки

на мельнице и отправляла тащить до дома. Так нам в войну хлеб доставался. У меня спина по вечерам ноет, будто у бабушки пятидесятилетней. Надорвала этими мешками. И сейчас я надорвалась, только по-другому. Тело всё ломит, хотя давно по дому и огороду совсем почти не работаю.

— Не пони… не пони… маю… мать и так… к сы… к сыну,—пробормотала я, всхлипывая, сквозь слёзы.

— А ну-ка—это что такое? Немедленно отставить слёзы. Ты—военнообязанный человек! Не всё тебе выгребные ямы считать, сквозь трудности тоже нужно уметь проходить.

Осадила меня, как строгая учительница школьницу. Я ей и была. Спасти человеческую жизнь не умею, культуру насаждаю плохо и даже количество бань по-чёрному и коэффициент света могу посчитать, только взяв сведения в сельсовете. Хотелось, как пауку Захару Свиридычу после вылазки в жизнь, забиться в самую маленькую щёлочку за умывальником и сидеть там безвылазно. Но, как ни странно, строгость Веры Васильевны подействовала на меня, и слёзы перестали течь.

— Как мать может так относиться к своему ребёнку? Ведь это же главное предназначение женщины,—в этот раз я смогла сформулировать всё точно.

— Ты откуда знаешь про предназначение? Ты что—Господь Бог? Так вот что, деточка моя, Гагарин в космос летал и Бога не видал. Мы с тобой люди обычные, пусть и обязанные нести культуру и строить правильный мир. Появилась жизнь—мы должны всеми силами её сохранить. И свои недоработки не сваливай на чужие плечи,—отчитывала меня Вера Васильевна.

Вот и бабка Захарчиха туда же. Отчитывать—не отчитывала, но мнение своё сказала.

— Пробовала от Валерки-то она избавиться… Лучче бы стало.

— Разве так можно говорить? Вы, Аграфена Феоктистовна, мудрая женщина, целую жизнь прожили…

— Цельную прожила и хочу ищо пожить. Мудрая, оттого так и говорю. И Клавка пожить хочет, а с дитём никак. Чаво поделаешь, коль у нас в селе никаких развлечений нет, акромя этого дела? Кино—и то раз в месяцу привозят. Лишь бы не укокошил он её,—бубнила бабка Захарчиха, собирая на стол.

Скоро должен был Женя приехать. Мы с ним жизнь построим по-другому—на уважении и взаимопонимании. С бабкой Захарчихой он быстро нашёл взаимопонимание. Возит ей хлеб, она его в селе продаёт и навар получает. Однажды забыл фургон свой закрыть и растерял весь свой хлеб по дороге, который военным в училище тыла и транспорта вёз. Прихожу я с работы, сидит на крыльце бабка Захарчиха—обложилась буханками хлеба и плачет. Первый раз видела её в слезах.

— Что случилось, бабушка?—бросилась к ней и сама не понимаю, что творится.

— Растерял Женька твой весь хлеб. Кочка на кочке—всё и вывалилось,—рассказала Захарчиха.

Ладно, добрые люди собрали и принесли. Идут с работы и несут—кто булку городскую, кто буханку серого. Быстро всё село прознало про трагедию. Может, кто и умыкнул себе, но не хочу ни на кого грешить. Даже Клавка принесла, глаза б мои её не видели.

— Дочка, ты езжай в город на попутке, в училище-то его. Отвези всё, что собрали. Лишь бы его не посадили,—отправила меня бабка Захарчиха с мешком за спиной, как в детстве.

Приехала я в город, хожу у них под забором. А спросить не у кого. Вечер уже, смеркается, думаю, куда ночевать пойти. Угораздило послушаться Захарчиху.

На счастье, вышел солдатик молоденький.

— Ты не меня ждёшь, красавица?—глянул на мой мешок и присвистнул.—Да ещё и с подарками.

— Скажите, вы Евгения Савостьянова знаете?

— Женьку? Ну-ну. Знаю, конечно!

— Что с ним?

— Сидит…

— Под арестом?—я с перепугу схватила солдатика за руку.

— Чего это под арестом? Сидит машину чинит,—отцепил мою руку от своей.—Ты ему кем приходишься? Невестой, что ли?

Невестой, пусть так. Повёл меня солдатик к одному месту в заборе, где поговорить можно. Подозвал женишка моего и оставил одних. Женя обрадовался, что я ему мешок добра его принесла. Сказал, что пока никто ничего не знает о случившейся оказии. Всё ему с рук сходит всегда. И хлеб возит казённый, и с бабкой Захарчихой в доле.

Больно правильная я была, можно на кой-какие вещи глаза закрывать.

Схватил он меня крепко и засмеялся:

— Теперь я тебя никуда не отпущу! Переедешь, будем в городе жить!

Я отбивалась от него. Он ещё пуще раззадоривался.

— Пусти! Пусти! Увидит кто, несдобровать!

— И пусть видят! Пусть все видят, как я счастлив!—и давай кричать, как ненормальный.

Я ему рот затыкаю. Он мне руку целует и смеётся.

Ну куда от такого денешься?

Федька его побить хотел. Поди справься с военным. Всё обещался друзьям, да потом передумал. Протрезвел. Или так и не смог сосчитать коэффициент света в выгребных ямах.

Ксения Петрова

Октябрь на пристани

Ольховый листочек

Алёшка, как и все ребята и девчата его возраста, пытался казаться окружающим детям и взрослым гораздо старше, чем был на самом деле. Потому любил он всякие взрослые и трудные слова: «претендент», «резолюция», «разглагольствовать»,—не совсем умелым употреблением которых немало смешил тех самых окружающих детей и взрослых.

Любимым же его словом было «разнообразный» (и выговорить можно, и слушающие вроде уважительно начинают кивать). А любимым его делом—проказы (это уже совсем не по-взрослому, согласны?). Оттого он получил от своего дедушки, которого он звал просто—Деда (давайте и мы будем иногда так его звать) прозвище «разнообразник». Было Алёшке всего-навсего тринадцать лет.

А вот Алёшкиному дедушке было… Ему было… В общем, сам он говорит, что и царя Гороха видал, и перед императором-страстотерпцем Николаем Вторым благоговел, и Наполеона гонял. Вот вам и задачка: посчитайте сами, сколько же было лет Деде, если правда в этом всём только про царя-батюшку Николая.

Интересный он человек—Алёшин дедушка. И событий много в жизни перевидел, и намаялся с лихвой, да так, что на несколько добропорядочных жизней хватит (а ведь, как известно, мучаются только добрые люди, к злым беда редко пристаёт).

Провёл Алёшин дедушка всю свою добропорядочную жизнь в деревне, где славно трудился, за достатком не рядился, помощью не скупился. Единственно, в чём он был сдержан,—это в словах, приговаривая так: «Много балакать—часть плакать». А голос у него был—заслушаешься: музыка. Тут тебе и «о» вместо «а» и наоборот, и вечный спутник в самых неожиданных местах—мягкий знак, и распевные гласные, и… В общем, Деда говорил мало, мягко, музыкально и мудро. Да-а-а, болтунам и пустобрёхам достаются всё больше противные, посредственные голоса, а толковые и мудрые люди с дивными голосами всё больше помалкивают.

Хотя с внуком своим, с Алёшей, Деда поговорить любил. Да и с кем ещё разговор вести? Бабка его, почитай, с десяток лет как померла, Алёшка её и не помнит; единственного сына—Алёшкиного отца—вместе с матерью схоронили в прошлом году, а отчего, если спросите, Деда ответит вам: «А оттого, што в городи живали. Живали бы в деревне, дак…» На этом месте дедушка всегда начинал пускать скупую мужскую слезу, усердно пряча этот постыдный с его точки зрения факт под косматые брови. Так что Алёшка наш, ребята, как бы сказал его Деда, «без родителев оставши»…

Говоря короче, Алёша—городской ребёнок, с недавних пор не без удовольствия приобщающийся к радостям и хлопотам деревенской жизни.

Деревенские мальчишки сразу взяли Алёшку «в оборот». Он был хоть и городской, да крепкий, ловкий и смышлёный—Дедова порода. А «в обороте» стал ещё сильнее и проворнее. Теперь без него не то что на рыбалку или с совхозными пастушкáми в ночное—даже сено ворошить не шли (а это завсегда считалось девчачьим занятием, хоть и очень трудным).

Уважала его деревня от мала до велика за крепкий сплав да лёгкий нрав. Разве только над манерой разговора посмеивались, да и то не по злой привычке. Бывало, скажет Алёшка: «Я в городе был первый прентендент на победу среди всех школ по самым разнообразным соревнованиям!» И позу-то, позу-то принимал, что на обложке «Библиотеки пионера»! Да-да, той самой, где гордо, на фоне парусника и первого советского спутника, стоит пионер с книгой в руках…

Нет, никакой работе не противился Алёшка. Копать—давай! Сажать—годится! Поливать—ничего! Стог метать—вот это дело, мужское дело!

Но ведь и проказа та самая всё тенью за Алёшкой семенила. То совхозной корове хвост закрутить нашепчет, то соседского кобеля с цепи спустить науськает, а то и вовсе надоумит деревенских, до зубной боли болтливых, баб на «незапланированную» поселковую сходку собрать.

Так вот, отработав да отпроказив на совесть, мчался Алёшка под гору, где у давнего, невесть кем и когда выкопанного пруда сидел его дедушка.

—Деда, что у тебя нового?!—запыхавшись, почти прокричал ещё издалека Алёшка.

—Что нового? Да вот—спелый ольховый листочек только-только побеспокоил мутную гладь пруда. Теперь его крупная монетка почивает себе спокойнёхонько. Ветер дунет—кочать-укачивать

её станеть. А ты пошто, разнообразник, покой нарушаешь?—тихо и строго спросил Деда, не оборачиваясь на внука.—Ты, Ляксей, не Ляксей, а чисто́-о-ой воды Леший.

Деда нахмурил косматые брови и медленно-медленно затянул «Донской табак», от которого, помимо табака, сладко запахло жжёным черносливом.

— А разве лешие на свете бывают?—удивился внук.

— Бывают. Всякие-якие нечистые бывают. Да ты глазёнки-то не округливай. Раз бывает злое, значит, и доброе водится. Вот за него и держись, за доброе-то.

— А как за него держаться, руками, что ли? Всегда его за собой носить? Неудобно, наверное! Да и вдруг оно тяжёлое?

— Ни дать ни взять—чудак-человек,—Деда мотнул головой, снова затянулся с аппетитом и, как Горыныч, выпустил целый клуб табачного дыма.—Душой держись, сердцем держись, совестью держись. А руками работать надо.

— Ну и как узнать, где оно, доброе-то?

— А так и узнать: не разнообразничать и с разнообразниками не водиться, ни с молочными, ни со спелыми.

Деда взял паузу. И заклубился над прудом кубанский дым…

— …И ведь ты пойми, братец, какая штуковина: лист себе и лист, спелый себе и спелый, упал себе и упал,—вдруг перескочил Деда.—А я сижу приклеенный навроде, встать не могу—смотрю, смотрю…

— Может, Деда, у тебя ноги опять болят, вот тебе и не встать?

В ответ на это Деда лишь едва заметно улыбнулся самыми краешками губ да Горынычем опять заделался.

— Смотрю я так, Лёшка, цельными днями. До-о-олго смотрю, пока последняя ольхова монета не упадёть,—продолжал Деда.—Не могу я её, ольху-матушку, не отблагодарить за богатства несметные да да́рмовыя. Ведь ты подумай, разнообразник, она ж ничего взамен-то и не просит, знай себе делится кладом бесценным.

Пока Деда «кубанил», внук его, задрав ясные сизые свои глаза в такое же сизое, но хмурое осеннее небо, стал, точно жираф, думать о давно уже сказанном: кто такие разнообразники молочные, а кто такие—спелые? Но Деда прервал эти тяжкие раздумья:

— Ребятишки-то наши, Сазоньевские братцы, Дубохватов да Мишка-Шершень, говорят, тоже клад нашли—какий-то монетки серебря́ные. Тьфу да тьфу! У них клады под ногами, а они, точно мыши полевые, норовят землю грызть! Но то зверьё проворное, и ладно,—к зиме заготовляются, а оний-то чего…—и Деда с грустью поднял глаза и смерил благодарным и почтенным взглядом красавицу-ольху, на которой листочков-монеток становилось всё меньше и меньше.

— Да чтоб ребята да без меня пошли?! Когда это было? Где?—вдруг вскричал Лёшка, задрав крепнущие плечи и сжав ещё детские, но уже наливающиеся работой кулаки.

— Да штоб!—передразнил внука Деда.—Когда, говоришь? Да в читьверьг, што ли? Да-да, в читьверьг. Здесь, в Пряном Логе. Погляди-ка: чередная шкода—да мимо тебя прошла!

— Деда, но ведь если поразмыслить…—начал Лёшка, опуская плечи, разжимая кулаки и принимая позу для «Библиотеки пионера».

— Да ты перед собой посмотри и не по разу себе мысли, а по два, по три—сколько в тыковку твою уместится,—ехидничал Деда, указывая при этом своим старым кривым носом на такую же старую кривую ольху.

А Лёшка вроде и не обиделся. Понял, что Деда шуткует. Не только не обиделся, но и на дерево, к которому почти всё это время непочтительно спиной стоял, повернуться соизволил.

И тут… Взору Лёшкиному открылось такое!.. Большое старое кряжистое дерево, измученное, но стоящее крепко и даже гордо. Как Деда. А на дереве—ей-богу!—монеты! Самые настоящие! Самые драгоценные! Красъ! И под деревом, и на пруду—россыпь! Вот тебе и вправду клад…

— Ой! Ой! Монетка полетела! Ольховая монетка! А вон ещё! И ещё!—разребячился внезапно Алёшка.

А Деда сидит и вроде в ус не дует. А потому он в ус не дует, что он в ус улыбается…

Вот, кажись, и достучался до внучка-то. Дождаться бы теперь последнего ольхового листочка…

А внук Дедов тем временем приметил: некоторые листочки начали как будто вянуть, скукоживаться. Что ты хочешь, Алёшенька,—октябрь, он же листопад, он же капустник, он же позимник. Да-да, скоро зима…

…Хоронили Деду по первому крепкому снегу, когда листочкам ольховым было уже тепло под зимним одеялом. Весной одеяло оттает, ольховые листочки перепреют, а там, глядишь, лето распустит новые монетки, которые опять нальются к будущей осени спелостью.

Алёшка теперь каждую осень будет следить за Дедовой ольхой, до конца следить, до последнего листочка.

До последнего ольхового листочка…

Октябрь на пристани

По тихой бесприютной провинциальной пристани медленно кружились осенние листья. Это был, пожалуй, единственный звук, единственное движение.

Что здесь первым бросается в глаза? Тишина. Она не только слышима, но и видима. Всё пребывает в глубоком и скорбящем покое — разоблачённые деревья, послушно приближающие неизбежную зиму, мокрые кусты шиповника и резная беседка на горке, уставшие когда-то от сонма окололюбовных признаний, да ещё несколько неновых лодок, на которых хозяева не имеют более привычки выходить «в море».

Даже редкие чайки на давно брошенном дебаркадере стыдятся издавать свои привычные оскорбляющие звуки, а суровые бездомные псы и вовсе безразлично спят в вырытых, нестерпимо жарким летом ямах неподалёку, под беседкой. Что же они здесь делают? Да появляются по старой привычке, по заведённому когда-то обычаю (даже в холодных ямах спят по старой памяти), по обычаю, которому угрожает нестройное и немудрое течение суетной жизни в больших городах, что непременно отражается и на провинции.

Отразилась эта жизнь и на дебаркадере, старом, некогда статном. Он, видно, провинился в том, что долго и исправно служил, принимал и отправлял, встречал и провожал. Теперь стоит он, ржавый по низу, облупившийся по верху, пока что всё ещё о двух этажах и с непременным «чердачком». Верхняя и нижняя палубы его глухие, заколоченные. Дебаркадер открыт промозглому осеннему ветру, поддувающему будто бы исподтишка с сердитой по осени реки.

Река. Она задумалась, нахмурилась. Её не волнует хандра провинциального городка. Её теперь ничего не волнует. Воды реки потемнели, набухли и стали угрюмо-безразличны к окружающей меланхолии.

Вот оно. Вот это слово. Пристань художественно… меланхолична. Она — приют исписавшегося гения. Здесь, именно здесь можно вновь поверить в силу слова.

Стоя рядом с дебаркадером спиной к реке, носом едва-едва можно уловить дымок потухшего где-то невдалеке костра. Кто его правил? Видно, дворник, оставивший, нет, бросивший надоевшую метлу со словами или мыслями, скажем, такими: «На кой чёрт подметать? Всё равно разметает!» А листья и правда «разметает»…

Отдельная примета глубокой скорби осени: по бокам от входа на речной вокзальчик, со стороны городишка, стоят два прекрасных в своей обветшалой древности вазона в стиле ампир. В них безвозвратно, но гордо догорают невесть кем всаженные чахлые астры. Некоторые утверждают, что цветы умеют разговаривать. Но только не эти. Не теперь. Холод сковал их уста.

Холод. Друг он или враг? Не то и не другое. Он сам по себе. Его не видно и не слышно. И всё же он — непременный спутник. На масляном холсте октябрьского увядания должны остаться его следы.

А дворник так и не вернулся за метлой (теперь уж и не вернётся). Река по-прежнему угрюма, даже листопад боится долетать до её бесстрастных вод, чайки молчат, собаки видят тёплые и пахнущие сны, дебаркадер с умирающими цветами и наглухо заколоченным прошлым стоит немым укором на брошенной пристани…

Что первым здесь бросается в глаза? Тишина. Всё здесь застыло в ожидании скорой зимы. И только чёрными, беспризорными и холодными октябрьскими ночами будут с сухим звоном поддаваться редким шагам опалые листья.

Скворец обыкновенный

«Фи-и-и-и-и-и-иу-у!» — послышалось за окном чьё-то не совсем уместное удивление (впрочем, так мне показалось), к тому же сходное с храпом бабушкиного узконосого чайника (если бы чайники храпели во сне; если бы они вообще спали).

А удивляться было ровно нечему. Бабушка с тётушкой за утренними разговорами опять вместо двух кусков сахару в свои чайные кружки положили по четыре. Потом обе отшучивались: это, мол, надобно так, ведь в давние времена вот только так-де и подобало выглядеть приличественному чаепитию, не скупившемуся на сахар (тогда ещё колотый). И называлось такое чаепитие — «Сладостные грёзы». В такой момент каждый раз и бабушка, и тётушка с непонятным мне усердием начинали поправлять свои чепчики, больше похожие на незатейливые абажуры. А заодно они заводили своими поставленными на любительской (впрочем, более богатой на непосредственные таланты), театральной сцене голосами грустный романс о превратностях любви, в которой они, две старые девы, понимали «несумненно» (так говорил наш конюх Авдей) много, потому как «возраст видит всё».

«Фи-и-и-и-и-иу-у!» — снова услышал я из сада того, кто не верил этим кружевным басенкам.

Сперва мне показалось, что хотя я и ослаб от болезни, а всё же расту, и мне давит ночная сорочка, в которой, по причине всё той же болезни, мне разрешено было ходить и днём (хотя «ходить» — это я хватил, лежу ведь больше…).

Но нет, не это меня беспокоило. Мысли мои порхали выше. Они были рядом с тем чудесным для меня незваным гостем, о котором я так хотел узнать хоть что-нибудь. Прервав хрустальный романсический дуэт на не самой подходящей ноте, я без извинений влез:

— Тётушка, кто это?
— Кто?
— Нет, ты не поняла, это я тебя спрашиваю: кто?
— Что?
— Да нет, не что, а кто?
— Где?
— Не знаю.

— А если не знаешь, так зачем спрашиваешь? Как же я тебе отвечу «кто», если не знаю «где»?
— А вот где! — и я, поясняя, засунул указательные пальцы себе в уши.
— Боже!! — вскрикнули бабушка и тётушка, да так синхронно, что артистки канкана сняли бы перед ними свои…

А что им, право, снимать-то?.. (Стыдно признаться, но я в свои юные годы одним глазом видел этот «кордебалет» на дореволюционных фотоснимках. Такой вид «искусства» раз и навсегда научил меня, что такое стыд, причём стыд за совершенно незнакомого и, верно, давно умершего человека.)
— Боже! — повторила тётушка. — У тебя кто-то или что-то в ушах?

Говорила всегда всё больше тётушка, бабушка же была занята поглощением «завтрашней» (то есть относящейся к завтраку) пищи.
— Да нет же, — растерянно бросил я.
— Так и знала: он опять кривляется после бессонной ночи. Марш в свою комнату! — без права на апелляцию отрезала тётушка.

Уже из своей комнаты я услышал:
— Это весна, всё весна. Воды текут, соки текут, крови текут. Ничего, пройдёт горячка, пройдёт, — тараторила тётушка.

От бабушки доносилось только чрезвычайно занятое «Угу».

Сидя на мягкой, но тоскливой перине, окружённый моими любимыми (но всему есть предел) вазончиками с цветами на выцветших обоях, я, собравшийся было, грешным делом, окунуться в унылые мысли, услышал знакомый с этого апрельского утра звук: «Фи-и-и-и-и-иу-у!» А дальше… Дальше полилась самая настоящая песня, а не какой-нибудь вам романсик!

Что вытолкнуло меня из кровати? Вынужденное заточение или вольное любопытство? Всё вместе, думаю. Так вот, не выдержав, я засеменил (бегать по болезненной слабости не мог) по скрипучему паркету в столовую, не нарочно наступая на каждую рассохшуюся плашечку (как будто подо мной стонала старая испорченная скрипка, да к тому же сделанная одноруким мастером!).
— Кто это поёт?! — ещё в дверях выдал я на последнем дыхании.

К моему удивлению, бабушка и тётушка отреагировали мудро, не забыв, правда, попутно поперхнуться печеньем. Уморительно, неуклюже, но со всей тревогой и любовью заторопились они навстречу моей прислонившейся к стене фигуре, протянув вперёд четыре руки — две удивительно полные и две удивительно худые. Руки эти были покрыты, как и подобает пожилым дамам из порядочного общества и знатного рода, утренним туалетом с непременно длинным рукавом.
— Что ты? Что ты? — залопотали они, нежно теребя меня за слабые плечи.

Я показал пальцем на чуть приоткрытое, давно не крашенное окно (впрочем, его облупленность указывала на обжитость и старинность дома, в который оно вставлено, чем, безусловно, следует гордиться).
— Слышите? Поёт! Кто?..
— Фу-у-у. Это скворец. Обыкновенный скворец, — выдохнув, бабушка произнесла свою первую самостоятельную реплику в моём рассказе.

Выдохнула бабушка громко, близко и сильно. Не могу не сказать, что их с тётушкой дыхание всегда было для меня заменой тем горьким лекарствам и горьким воспоминаниям, которые преследовали меня бóльшую часть моей маленькой жизни. Их дыхание пахло тёплой заботой и малиновым вареньем. Но вернёмся к скворцу-певцу.
— Не так — не «обыкновенный скворец», а «скворец обыкновенный», — поправила бабушку тётушка, высоко задрав свой небольшой острый нос, помещавшийся на излишне строгом и излишне стройном лице. (Птичий нос!.. Вот откуда, наверное, она столько знает о птицах! У бабушки-то нос походит скорее на мягкую картофелину, видно оттого, что она много всего ест, и картошки тоже.) — Скворец обыкновенный, или Sturnus vulgaris.

Пожав круглыми и добрыми плечами, бабушка, полная (в прямом и переносном смысле) противоположность тётушке, неожиданно парировала:
— Вот именно. Вульгарщина какая-то. То ли дело тот романс, ты помнишь?..
— Где?! Где же он? — это я разобрался, как истинный джентльмен, с едва успевшим начаться малозначительным дамским спором.
— Скворец-то? Да вот же! — бабушка кивнула чепчиком-абажуром на яблоню, самую ближнюю к дому.

Поначалу я не увидел ничего ясного, как когда-то перед первым своим обмороком. Глаза, как всегда, заболели, и я отвернулся от редкого, но резкого дневного света, всеми правдами и неправдами пробиравшегося на мою погибель сквозь совсем ещё голые яблоневые ветви. Открыв глаза, я попробовал снова. Прищурился медленно, но в глазах и в висках снова закололо толстыми булавочками. «Нет, — подумалось мне. — Отчаиваться рано. Конечно, попытка в моём случае — пытка, но не сильнее ли любопытство? Сильнее!» И я в третий раз закрыл глаза, постоял, собрался с силами, открыл их, и, руководимый пожилыми дамскими пальцами, разглядел-таки на одной из верхних яблоневых веток птицу.

Птица как птица. Тёмный серый комочек. Немного пушистый. Не большой, не средненький, не маленький. Хвостик есть, и очень заметный: комочек попытался извернуть головку и почистить его — так тот расперился почти до павлиньего!

После передышки наблюдаю дальше. Так, клювик у этого скворца обыкновенного… жёлтый

вроде. Да, жёлтенький. Чудно! Лапки… красные вроде. Да, красненькие. Чудно! А сам-то, сам! Ах! Никакой он не серенький! (Вынужден принести глубочайшие свои извинения этому птичьему роду.) Его перья оказались чёрными, а по ним будто кто радугу разлил да солнечных капель накрапал. Диво! Истинное диво!

Бабушка и тётушка уже без тревоги наблюдали за моими закрывающимися на короткое время глазами и не закрывающимся ни на мгновение ртом (с закрытыми глазами ведь можно ещё и дофантазировать, а с открытым ртом это делать удобнее и интереснее).

Постояв около меня ещё немного, они обе заскрипели по паркету обратно в гостиную, допивать или допевать свои «Сладостные грёзы».

А я, уже порядком изучив внешность своего гостя, стал с таким же порядком прислушиваться к его звонкой весенней песне.

Кроме упомянутого мной куплета, скворец обыкновенный, оказывается, издаёт ещё много разных музыкальных звуков, совершенно отличных друг от друга. Даже соловей, который скоро придёт, а точнее, прилетит ему на смену в нашу старую фамильную черёмуху, тот куда более однообразен в своей, пусть и красивой, песне. Но не описывать песню скворца надо, а слушать её. И я слушал.

Не забыть бы мне рассказать вам, что скворец, между прочим, исполняя свои куплеты, удивительно вытягивает шейку, на которой — как будто воротничок из торчащих перьев (похож на лепестки хризантемы), а ещё он постоянно словно пытается похлопать себя по радужным бокам вытянутыми в солдатскую струнку крыльями. Это он так петь сам себе помогает.

Ну вот, не забыл, рассказал. Стою, слушаю дальше, ловлю в форточку звуки и запахи разыгравшегося на солнце апреля. К моему удивлению, глаза почти привыкли к непрямому солнечному свету, я их даже почти не закрывал, хотя виски ныли. Говорят, по весне виски и у самой природы ноют.

Но вдруг скворец внезапно перестал петь и замер на ветке. Я, как всегда, растерялся.

Я всегда теряюсь в любом обществе, даже если оно состоит из одних приматов. Приматами мои бабушка и тётушка называют гостей, которые бывают в нашем очень маленьком, но очень уютном доме, стены которого, совсем забыл сказать, увешаны изображениями других приматов, только разодетых с большим вкусом и достатком (я, конечно, о картинах). Собственно, наш дом слывёт по городишку картинной галереей, для чего и приходят одни приматы поглазеть на других да позавидовать им. Причём «несумненно» бесплатно. Не знаю, может, за деньги завидовать другим не так интересно? Но бабушка с тётушкой настаивают: «несумненно» бесплатно. Заодно эти «приматы» ходят «несумненно» бесплатно поглазеть и на меня, хилого отрока-недорослика с зеленоватым лицом, со всеми вытекающими отсюда не совсем светскими комментариями. Странно, чего же они не боятся заразиться от меня хилостью и зеленоватостью? Наверное, зараза к заразе не липнет.

Так вот. Растерялся. Стою, нет, вишу на облупившемся подоконнике. И тут от страха мне в голову ударило: «Он ждёт аплодисментов!» Я так же внезапно, как скворец перестал петь, захлопал что было сил в свои неокрепшие, но почему-то всё равно звонкие ладоши. Старался я самозабвенно, однако птица, на мгновение растерявшись (точь-в-точь как я), почему-то без объяснений вспорхнула с яблоневой ветки и исчезла. Моё самозабвение осталось неоценённым…

Нет-нет, далеко скворец улететь не мог — я бы увидел. Точно! Просто залетел повыше.

— Прости, скворушка! Прости мои глупые ладошки! Продолжай скорее!

Моя сердечная, искренняя просьба была исполнена незамедлительно, но уже с той, другой ветки, которую, казалось, скворушка успел обжить или обсидеть — не знаю, как правильно.

Да. Я стал называть его только так — скворушка. Бабушка с тётушкой не нарадовались на меня. Им иногда даже казалось, что вроде бы цвет моего лица был уже не таким зеленоватым, из-за чего они иногда, по старой привычке, затевали незлой спор. В наш дом продолжали приходить гости, которых допускали до прекрасных старинных картин нерасчётливые бабушка с тётушкой. Беседы гостей раз от раза не менялись и были такими же пустыми и ржавыми, как опрокинутые на зиму в саду бочки.

Всё это я слушал, как всегда, из своей комнаты со скучной периной и неприлично пузатыми вазонами на обоях. Но слушал с радостью, которую подарила мне удивительная птица — скворец.

Теперь по ночам мне спалось лучше. Даже во сне я, наверное, понимал, что стоит проснуться — а меня новый день встретит не тяжёлыми мыслями, а лёгкой песней, не дурным человеком, а доброй птицей.

Скворец ждал меня, а я ждал его. Вот он какой — скворец обыкновенный. И ведь никто его не учил быть таким необыкновенным… другом.

Елена Басалаева

Сказки девяностых

На том и кончилась сказка.
А вот теперь начинается чистая правда…
М/ф «Падал прошлогодний снег»

Предисловие

Я смутно помню тусклый зимний вечер, бесснежную мёрзлую землю под ногами и долгую дорогу через площадь до гастронома на остановке «Гордк». Помню каракулевую мамину шубу, к холодным завиткам которой я прикасалась щекой. Помню маленькую изящную куклу-балеринку — я сжимала её в своей руке, пока мы с мамой стояли в длинной людской веренице, ведущей к деревянному прилавку.

В декабре 1991 года мне было четыре года, и мама брала меня с собой в магазин, чтобы вместо одной курицы ей разрешили купить две, выдали гречку, творог, молоко и дивное лакомство — колбасный фарш в широкой круглой банке. Чтобы получить этот нехитрый набор, надо было, отстояв томительную очередь, предъявить продавцу голубоватые листочки — талоны. Талоны выдавались не только на продукты, но и, например, на мыло и стиральный порошок: порошка полагалась одна пачка на квартал, то есть на три месяца.

В дошкольном детстве я очень много рисовала, и в памяти моей ясно запечатлелось, как мамина подруга, тётя Люба, разглядывая один из моих «шедевров», с любопытством спросила:

— А что это такое, Леночка?

Рисунок мой, выполненный в сине-серых тонах, изображал около дюжины людей с растопыренными руками и раскрытыми ртами. Люди стояли вплотную друг к другу, а в конце бумажного листа упирались в какую-то стену с прямоугольником.

— Это хор? Они поют? — попыталась угадать тётя Люба.

— Это очередь, — вздохнула я.

Но уже в январе 1992 года талоны исчезли, и в магазинах неожиданно появилось всё: копчёная колбаса, икра, шоколадные конфеты, сыр всех сортов. Однако мало кто сумел порадоваться этому изобилию. Как я узнала много позже, в том самом январе 1992 года моя мама получила зарплату около четырёхсот рублей и потратила её всю до копейки ровно за две недели. Сахар тогда стоил одиннадцать рублей за килограмм, яйца — восемь, варёная колбаса — тридцать один. В апреле средняя зарплата составляла уже семь тысяч, но цены взлетели до небес: за килограмм колбасы приходилось отдать целых восемьдесят рублей.

Тогдашний наш президент Борис Николаевич Ельцин обещал по телевизору, что, если цены поднимутся больше чем в три-четыре раза, он сам ляжет на рельсы. Но цены увеличились в десятки раз. А Ельцина переизбрали на второй срок.

«Хочешь жить — умей вертеться», — вот какая пословица стала лозунгом тех лет. Ещё в советское время люди по-своему восстанавливали справедливость, потихоньку унося с предприятий то, чего не хватало в магазинах. А когда государство лишило их работы и отняло денежные вклады, которые обесценились за три январских дня девяносто первого года, растащили с заводов и фабрик свёрла и надфили, стройматериалы и автозапчасти, одежду и посуду. Потом воровать стало совсем нечего, от заводов остались одни пустые корпуса с битыми стёклами, и народ стал жить огородами.

Те, у кого не было дач, потихоньку ковыряли землю в палисадниках у подъездов, на задних дворах пятиэтажек и засаживали её картошкой, кабачками, тыквами, кое-где и кустами смородины. Самые смелые и находчивые заводили кур и кроликов, которых держали прямо на балконе, и в рассветный июньский час можно было услышать, как хрипло кукарекает заточённый в железную клетку петух.

А те, кто желал дорваться до власти и больших денег, терзали наш город, делили районы, оставшиеся работать предприятия, кафе и магазины, наводя страх на мирных людей. По ночам велись перестрелки. Я своими глазами видела следы от пуль на машинах. Лишний раз соваться в отдалённые дворы стало опасно: уже не крупные бандиты, а мелкая «братва», берущая с них пример, могла прицепиться и задать сакраментальный вопрос: «Ты с какого района?» У того, кто не в добрый час оказался на чужой территории, запросто отбирали кошелёк или куртку, а если ничего ценного у бедолаги при себе не оказывалось, то его оставалось только избить. Как говорят мои знакомые постарше, немало парней, впитав в себя бандитскую мораль «Кто сильнее — тот и прав», подались тогда в гоп-компании, стали «гулять по

району». Самые «лихие» из них лежат нынче на кладбище, другие прошли сквозь места не столь отдалённые, а третьи, слава Богу, переросли юношеские «увлечения», стали нормальными людьми и вспоминают былые похождения со стыдом, не веря себе: неужели это и вправду было?!

И многие, многие из тех, кто жил в девяностые, думают: да вправду ли миновали эти странные, страшные, залихватские годы, похожие на жутковатую сказку, в которой были и рыцари, и герои, и попавшие в беду принцессы, и злые колдуны, и парки, на глазах превращавшиеся в дикие леса? И чудеса—много-много чудес, начиная от целебной воды, которую «заряжал» по телевизору чародей Аллан Чумак, и заканчивая заполонившим рынки ярким многоцветьем китайской одежды. У каждого, кто был тогда взрослым, наберётся рассказов о тех временах на целую книгу.

А я была маленькой, но тоже кое-что помню…

Глава 1. Искра

Запах дома и мамы—запах горячего утюга. Мама аккуратно гладит бельё: сначала с одной стороны, потом с другой; разглаживает у блузок рукава, у юбок—складки. Моё нарядное платье, с букетиками, похожими на свечки, уже висит на спинке кресла. Я пролезаю в него, тёплое, почти горячее, и боюсь садиться, чтобы не смять: мама будет ругаться.

Вижу сумку, стоящую у входа, вижу, как мама докладывает в неё партию своих вещей, и ликую: значит, не ошибка, значит, всё-таки едем вместе! В прошлом году я одна лежала в больнице, мама навещала меня только вечером. Днём я ходила по палатам и всем желающим (и нежелающим) читала наизусть «Муху-Цокотуху», «Мойдодыра» и «Тараканище». Мне хлопали и давали конфеты. Конфеты были вкусные, но всё равно хотелось, чтобы пришла мама.

А сейчас мы едем в… как это слово?—про-фи-лак-то-рий «Искра». Мама будет там работать медсестрой, а я—ей помогать. Я ведь ребёнок, а дети всегда помощники.

Мы идём по парку до остановки, и всюду вокруг меня цветы: на клумбах, на аллее, на переливчатой маминой юбке. Я уже знаю, что нас должна забрать какая-то машина, но безмерно удивляюсь, когда вижу карету скорой помощи. Из неё выходит весёлый дядька в кепке, они с мамой о чём-то переговариваются, а я в нетерпении ожидаю, когда же мы поедем в «Искру». И вдруг мама говорит мне, показывая на зарешёченный ларёк неподалёку:

—Хочешь «Сникерс»?

—Лучше «Марс»,—говорю я.

«Марс» я полюбила не столько из-за вкуса, сколько из-за рекламы: телерекламу тогда и дети, и взрослые смотрели как полноценное видео и учили слоганы наизусть. В ролике про «Марс» мне нравились золотые хлебные поля и синяя река—такой красоты вживую я никогда не видела.

Получив монетку, я иду к окошечку, жду, пока мне выдадут шоколадку, а вернувшись на остановку, не вижу ни машины, ни мамы, ни даже дядьки в кепке. Метнувшись в одну, в другую сторону, я всё равно не обнаруживаю их, в растерянности кручу в руках шоколадку и, посчитав, что меня бросили, начинаю орать.

Тут появляется машина—оказывается, взрослые заезжали в соседний дом по какому-то делу, а мне ничего не сказали. Мама подхватывает меня, усаживает в карету скорой помощи, и мы едем: мимо длинной кирпичной стены, мимо двух толстых труб, мимо дома, выложенного зелёными стеклянными плитками.

—Это завод телевизоров!—показывает мама.

Она ещё что-то говорит про завод, уже знакомое мне, успокаивающее. Завод! Это слово я услышала ещё давным-давно. Завод телевизоров стоит рядом с нашим домом, на нём работала мама и разные знакомые тётеньки. И даже когда я лежала в больнице, где-то недалеко от неё тоже был завод. У нас—этот, а у тех людей, где больница,—другой. Но завод есть у каждого, это почти как дом, только там не спят, а служат.

И про-фи-лак-то-рий, куда мы едем,—он тоже *от завода.*

Профилакторий открывается мне за поворотом, и я предчувствием узнаю´, что это он. Мы с мамой выходим из скорой и неспешно идём по бетонным плиткам, а вокруг нас—всё радостное, зелёное!

Мне семь лет, я впервые вижу лес и влюбляюсь в него на всю жизнь.

Мы проходим по длинному коридору, где вкусно пахнет чем-то старинным (потом уже довелось узнать, что мебельным лаком), заселяемся в симпатичную комнатку с двумя кроватями, а потом мама, на сей раз дважды переспросив, поняла ли я, говорит, что ей нужно идти работать, а мне пока надо погулять на улице.

Я послушно спускаюсь вниз, от нечего делать обхожу кирпичный дом профилактория и вижу за ним разные листья, торчащие из земли. Внимательно приглядевшись, вижу и лилово-оранжевый краешек под пучком светлой зелени: ага, так это морковка! Я усаживаюсь на корточки и продолжаю изучать: вот тёмная, почти бурая полоска, а вот жёлтая…

—Ого!—восклицаю я, поражённая осенившей меня догадкой.—Так это и есть огород!

Огород я раньше видела на открытках про Оха и Аха и, кажется, в мультике о Простоквашино.

За изучением природы меня застаёт какая-то тётенька.

—Тебя как зовут, девочка?—спрашивает она.

Спрашивает тётенька будто бы вежливо, но шут её знает, кто она и откуда, поэтому я на всякий

случай решаю держать дистанцию и представляюсь официально:
— Елена Михайловна.

Бесполезно искали в списках Лену Михайлову: мою личность рассекретила только мама, когда сама пришла к педагогам сдавать документы.

Моя мама была медсестрой и больше пятнадцати лет проработала в медсанчасти на Красноярском заводе телевизоров, который основали в нашем городе после войны. Завод выпускал коротковолновые радиоприёмники, чёрно-белые телевизоры «Авангард», «Енисей», «Рассвет» и ещё — говорят, где-то под землёй — что-то секретное, военное.

Летом девяносто четвёртого года завод ещё не забрали в частные руки (до этого оставалась пара месяцев), и маме выдали бесплатную путёвку в заводской профилакторий, названный так же, как местное конструкторское бюро, — «Искра». Туда совершенно бесплатно могли ездить все заводские работники и их дети.

Я уже была в «Искре» в возрасте около четырёх лет, но ничего не помнила об этом, а теперь, в свой второй приезд, пришла в восторг от столовой, от её серебристых стен, изогнутых спинок стульев, огромных окон, от дразнящего запаха супа, от поделённого на две равные стопки чёрного и белого хлеба на каждом столе, от цветных салфеток, — от всего-всего.

Сам профилакторий казался мне дворцом. В первый день я только и знала, что спускалась и поднималась по лестницам, обследовала каждый уголок, чтобы ещё раз убедиться: дворец, не иначе! И лес вокруг него — сказочный, бело-зелёный.

Меня определили в младший отряд, и та самая тётенька, что спрашивала об имени, устраивала нам игры, конкурсы, водила на прогулку по лесным дорожкам, которые тогда казались мне длинными.

Мама забирала меня в комнату вечером, читала вслух задачки и заставляла меня их решать, чтобы натренировать мозги перед школой. Однажды — не могу сказать, сколько прошло времени от заезда, — она сказала, что через два дня в «Искре» будет концерт и я должна на нём выступить.
— Выучишь басню «Заяц во хмелю».

Я не знала, что такое «во хмелю», но решила не спрашивать: авось потом догадаюсь. И вправду догадалась, прочитав басню: оказалось, что это просто пьяный.

Мама продекламировала басню сама, изображая голосом и льва, и зайца, мне же скомандовала слушать и запоминать, как делает она. Я быстро переняла её голос и манеры, и, хотя сама басня не очень мне нравилась, была рада, что попаду на сцену. С самого раннего детства я любила петь и читать вслух. Когда мама уходила на работу и я оставалась одна с бабушкой, то ставила на проигрывателе советские сказки-мюзиклы «Приключения Буратино», «Про Красную шапочку», «Голубой щенок», слушала и пела вместе с героями.

В день концерта мама приготовила для меня самое лучшее платье — светло-сиреневое, пышное, усадила меня на стул и принялась крутить мои волосы на какую-то железку. Пахло утюгом. Я терпеливо ждала, не спрашивая, что же со мной делается, а когда заглянула в зеркало, то выдыхаю от удивления: мои прямые волосы вдруг превратились в кудрявые. Мама велела мне закрыть глаза и прошлась по ресницам какой-то жёсткой колючей кисточкой.

И вот, наконец, я выхожу на сцену и читаю свою программу как полагается.

Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного,
Но обожал… подхалимаж!

Перед последним словом я делаю многозначительную паузу, опустив глаза в пол, а «подхалимаж» произношу со всей возможной для семи лет игривостью, вильнув плечом и слегка запрокинув голову. Взрослые мне рукоплещут, а мама, сидящая в первом ряду, очень счастлива. Я вижу это по её глазам и улыбке и, поклонившись и сбежав с подмостков, сажусь рядом с ней, чтобы почувствовать её тёплую руку на своём плече.
— Молодец, — шепчет она мне. — Ты у меня будешь на сцене выступать.

Я тянусь к ней, прижимаюсь, мы сидим в первом ряду и смотрим остальные номера, и мама улыбается, и мне хочется, чтобы этот концерт длился вечно…

Но он, разумеется, закончился.

После него прошло ещё, наверное, несколько дней, и мама сказала:
— Почему ты почти не играешь с детьми? Всё ходишь за мной да воспитательницей. Иди к девочкам. Возьми свою куклу.

Куклу по имени Вероника мама подарила мне на пятый день рождения. Партию таких кукол выпустили в девяносто втором году, когда на всех экранах нашей страны показали мексиканский сериал «Богатые тоже плачут»: главную роль бедной девушки Марианны там сыграла актриса Вероника Кастро. Кукла была моим сокровищем. Я расчёсывала её каштановые локоны, поила чаем из своей кружки, поверяла ей все секреты и клала под подушку, когда ложилась спать.

Я взяла эту красавицу с собой и прошла весь коридор до самой дальней комнаты, где жили вместе с родителями две девочки — одна моего возраста, другая постарше. Когда я вошла в комнату, обе соседки сидели на одной кровати.
— Привет, — сказала я девочкам, не решаясь пройти дальше порога.

— Привет,— ответила старшая, одетая в ядовито-салатовые лосины и короткую чёрную майку.— Что это у тебя?
— Это Вероника,— произнесла я с гордостью.
— Покажи,— потребовала старшая девочка и жестом пригласила меня внутрь.

Я нехотя отдала им посмотреть своё сокровище, уже испытывая терзания оттого, что оно находится в чужих руках. Девочки покрутили куклу и вынесли свой беспощадный вердикт:
— Это не Барби. И даже не Диана.
— Ну и что?— возразила я.

Младшая девочка Даша, с такими же густыми каштановыми волосами, как у моей красавицы, и оттого почему-то неприятная мне, вдруг спросила:
— А пузырь из жвачки ты умеешь надувать?

Я, до сих пор, кажется, вообще не пробовавшая жвачку, кивнула: дескать, что же тут уметь? Пышноволосая девочка показала язык, как-то быстро и ловко растянула на нём жевательную резинку и надула целый пузырище.

Мне протянули пластик, я пожевала его и попыталась с такой же ловкостью растянуть языком резину, как девочка, но вместо шикарного пузыря у меня получилась всего-навсего жалкая петелька.
— Не умеешь!— обидно посмеялись надо мной девочки.

С досады мне захотелось чем-нибудь швырнуть в них, но я только сжала куклу в руке и убежала вниз, на улицу. Я ела горох в огороде, собирала берёзовые серёжки, ходила по горячим и холодным плиткам, поставленным на первом этаже профилактория, и всюду таскала за собой Веронику.

На другой день моя кукла исчезла. Пропажу я обнаружила после обеда. Заглянула под подушку— нет! В клетчатую сумку— нет! Даже в ванной Вероники не было. Убедившись, что её нет и на маминой кровати, я догадываюсь: ну конечно, её взяла эта гадкая Даша! То-то она сразу не понравилась мне. А ещё сказала, что это не Барби. Да моя Вероника лучше всех Барби на свете, другой такой не найти! Эта Дашка просто позавидовала и украла моё сокровище!

Ослеплённая горечью потери, я рванулась искать гадкую девочку, которая позарилась на чужое богатство. В комнате её не оказалось, в игровой тоже. Я вылетела на улицу, добежала до беседки и тут неожиданно столкнулась с мамой, которая шагала под руку с тем дядькой в кепке, который подвозил нас до профилактория.
— Лена, становись фотографироваться!— приказала мне мама.— Я как раз шла тебя искать.

Я помотала головой, всем видом показывая, что худшего момента для фотографии выбрать нельзя, но мама схватила меня за плечи и поставила между двух берёзок. Дядька настроил аппарат и запечатлел меня в нарядном платье: кулаки плотно сжаты, губы стиснуты, глаза зло прищурены— кадр на все времена!

Дашу я отыскала где-то на площадке, немедленно выхватила её за руку и выпалила ей в лицо:
— Ты зачем взяла мою куклу?!
— Ничего я не брала!— закричала она в ответ.— Пусти меня!
— Не пущу, пока не отдашь! Ты взяла мою Веронику!

Дашка всё отрицает, но я стою за свою правду: сразу не понравилась мне эта девчонка, значит, она и виновата! Она продолжает что-то верещать, и я в запале кидаюсь в неё поганым словом— пока единственным, которое знаю, и уже сама чувствую, что зашла слишком далеко, но остановиться не могу— злость управляет мной, злость и горечь потери.

Дашка убегает от меня и вскоре возвращается с мамой, точнее, с мамами— моя вскоре тоже появляется как из-под земли. Сначала возмущается Дашкина мама, и это ещё терпимо, но потом уже ругается моя, и теперь я совсем не слышу слов— никаких, кроме двух:
— Позоришь меня!

Я полыхаю уже не столько от злости, сколько от стыда и отчаяния. Меня заставляют просить прощения, и, выдавив из себя жалкое: «Извини»,— я заливаюсь слезами.
— Переобуйся!— кричит моя мама.— Мокро на улице, туфли испортишь, а они денег стоят! Кеды надень!

Икая от слёз, я иду в раздевалку, опускаюсь на корточки, чтобы достать кеды. Они лежат в коробке. Я открываю крышку и вижу... Веронику, которую в спешке сунула сюда перед ужином, потому что надо было срочно бежать в столовую.

Я качаю головой, не веря своему счастью. Она! Я прижимаю Веронику к груди, целую её в макушку, глажу по рукам и ногам. Ну, теперь уж я никогда не расстанусь со своим сокровищем!

Вдоволь налюбовавшись куклой, я вдруг вспоминаю про Дашку. Выходит, я обругала её зря? Наверное, да... Впрочем, она всё равно не нравится мне, и дружить мы точно не будем. И вообще, скоро мы все уедем из профилактория и больше не увидимся, так что и переживать не стоит.

Но в столовой я всё-таки украдкой смотрю на Дашу и невольно думаю о том, как она похожа на мою обожаемую куклу: такие же пышные каштановые волосы, немножко смуглая кожа и голубые глаза. Наши мамы после ужина собираются идти куда-то вместе, и мы увязываемся вслед за ними: идём каждая со стороны своей родительницы.

Мы неспешно прогуливаемся по лесу, и тихий шум берёзовой листвы понемногу успокаивает меня, заставляет забыть надуманную обиду.
— Как у вас со школой? Подготовились?— интересуется Дашина мама.

Моя начинает рассказывать, как мы с ней решаем задачки, читаем книжки и складываем «Уникуб» Никитиных, а Дашина слушает внимательно и по-умному кивает.

— А в какую школу идёте?—продолжает интересоваться она.

— Ну, мы, конечно, хотели в сто вторую попасть,—говорит моя мама.—Про неё разное говорят, но в основном всё-таки, что престижная.

— Ой, а я слышала, что там не учёба, а балаган. Мы тоже туда одно время хотели, а в итоге записались в тридцать третью.

— Я Ленку туда и туда записала. Сейчас время такое, трудно разобраться, куда ребёнка отдать, что́ ему потом пригодится.

Дашина мама говорит со знанием дела:

— В тридцать третьей математика не очень, но английский хороший… Там даже, говорят, испанский и французский есть. Мы там записались в «Б» класс. Говорят, учительница хорошая. Если что, приходите тоже туда. Вон, девчонки наши уже успели подружиться.

Я возмущаюсь: это мы-то подружились?! Да я эту Дашку терпеть не могу… Хотя… Она смотрит на меня так, будто и не вспоминает всего, что я ей наговорила. Может, и правда, забыть всю эту историю с куклой?

Мы долго молчим, никто не решается заговорить первой, пока, наконец, Даша не спрашивает:

— Можно я посмотрю твою куклу?

Я не очень охотно расстаюсь со своим сокровищем, но всё-таки протягиваю ей Веронику.

— Спасибо,—говорит Даша.

И, удивляясь самой себе, я предлагаю ей:

— Ты можешь взять её до завтра.

Даша согласно кивает мне в ответ, улыбается розовыми губами, и я уже ни чуточки не злюсь на неё, а, наоборот, улыбаюсь тоже. Между нами пробегает искра, и мы заранее чувствуем, что всё-таки окажемся в одном классе и—как знать?—когда-нибудь и в самом деле подружимся.

Глава 2. Роза красная моя

Первым мальчиком, которого я знала, был Вовка Шевырёв. Я встретила его в школе второго сентября. Школа была красно-жёлтая, как осень, пахла свежей краской и лаком и этим понравилась мне. Собственно говоря, я должна была пойти совсем в другую школу—большую, трёхэтажную, с серой крышей. Мама водила меня туда на занятия для дошколят. Но в августе, когда нужно было пройти какой-то непонятный *конкурс*, передо мной положили несколько листов бумаги с заданиями, и я запуталась в большом нарисованном лабиринте. Я заблудилась в нём и беспомощно чертила слабые линии ручкой. Хмурый старый человек забрал у меня листы, позвал маму, что-то сказал ей—и мама резко рванула меня за руку, вывела из класса, а потом, уже на улице, стала отчитывать за то, что я не справилась с лабиринтом. Мы шли по скверу, людей вокруг не было видно, так что мама не очень стеснялась в проявлении чувств.

— Ужас! Как можно было не сделать такое простое задание?! Обыкновенный лабиринт! Мы же тренировались дома!

Она шла очень быстро, а я спешила за ней, тяжело дыша, и оправдывалась:

— Мне бы дали ещё немножко времени, мам…

— Не пойдёшь теперь в эту школу, в хороший класс!—пугала мама.—Пойдёшь в обычный.

Мне отчего-то становится страшно. Хотя ничего опасного в слове «обычный» нет, печаль и страх сжимают моё сердце. Мама говорит, что это плохо,—так как же может быть иначе?! О, этот ужасный обычный класс!!

— Мама, ну прости!

Я часто моргаю, от горячих слёз лицу становится тепло.

— Прости, мам!—повторяю я, надеясь, что мама остановится.

Мама продолжает идти, не оборачиваясь.

— Не прощу!—бросает она.

Я кричу что-то, но мама как будто не слышит: молчит. Мы доходим до дома, поднимаемся на лифте. Мама открывает ключом дверь, и я хочу войти, но она отталкивает меня плечом, заходит сама и закрывается изнутри. Губы у меня дрожат, я уже ничего не говорю, только плачу и от слёз начинаю икать. Через пару минут мама пускает меня внутрь, через час—успокаивается и кормит меня ужином. Но на сердце у меня неспокойно: что-то теперь со мной будет?..

Ночь перед первым сентября была длинная. По потолку бегали полоски света от проезжающих мимо машин. Я долго не спала, смотрела на них и думала, что не одна я собираюсь в новую жизнь: вон сколько людей, которые куда-то едут!

Утром полил дождь. Всю дорогу до школы мы с мамой шли под одним огромным зонтом, и она очень переживала, что дурацкий дождь так и не закончится и помешает празднику. Но он закончился аккурат в ту минуту, когда мы поравнялись со зданием школы. Пёстро одетых ребят согнали около крыльца фотографироваться. Дети тыкали друг в друга пёстрыми букетами, кричали, галдели… Краем глаза я увидела свою знакомую Дашу, но поздороваться с ней не успела. Вдруг какая-то женщина в шерстяном коричневом костюме громким и уверенным, но добрым голосом позвала:

— Первый «Б»—за мной!

Женщина подождала, пока мы все рассядемся за парты, сказала, что её зовут Раиса Ивановна, что она будет нас учить и поздравляет всех с праздником—Днём знаний. У неё были коричневый костюм, чулки, туфли, коричневые кудрявые волосы, карие блестящие глаза. Вся она была коричневая

и такая милая, что мне сразу же захотелось ходить к ней учиться и завтра, и послезавтра, и всегда.

Раиса Ивановна раздала всем фиолетовые жестяные коробки с конфетами. Я была уверена, что учительница купила их на свои деньги, потому что она (сразу видно!) хорошая и хотела устроить всем настоящий праздник. Дома мы открыли эту прекрасную коробку и стали пробовать конфеты с дроблёными орехами, тёмной и светлой помадкой, фруктовым мармеладом. Я окунала краешек конфеты в горячий чай, чтобы расплавить шоколад, и потихоньку обсасывала сказочное лакомство. Как же хорошо, что я всё-таки попала в эту школу, к этой доброй бабушке, которая угощает детей! И у меня в классе уже есть одна знакомая девочка, и, наверное, найдутся ещё друзья.

Второго сентября мама разбудила меня без десяти семь. Весь первый класс я начинала день с тревожных рвущихся звуков, сквозь которые слышались чьи-то приближающиеся тяжёлые шаги, после чего замогильный голос медленно объявлял: «Чаша жизни».

«Чаша жизни», как я потом узнала, было названием передачи на радио, а беспокойная мелодия — темой «Спор Монтекки и Капулетти» из балета Прокофьева.

В классе Раиса Ивановна посадила меня за первую парту первого ряда и отлучилась куда-то. Я повесила портфель на крючок и стала с осторожным любопытством глядеть на приходящих одноклассников, но подойти ни к кому не решилась. Прозвенел звонок. Раиса Ивановна вернулась и привела с собой мальчика в пиджаке с большими плечами. Она легонько подтолкнула мальчика к моей парте, громко объявила всем:

— Здравствуйте, ребята!

Через несколько секунд мы сели. Раиса Ивановна стала читать вслух какое-то стихотворение. Я слушала её так, как в жару пьют воду: жадно, с наслаждением. Но потом, к моему небольшому огорчению, велено было открывать прописи и писать какие-то закорючки. Я с четырёх лет научилась читать, с пяти — писать и удивилась тому, что кто-то, оказывается, этого не умел. Однако учительницу надо было слушаться, и я продолжала рисовать загогулины в прописи, как вдруг меня легонько толкнули локтем.

— Ты кто?

Мальчик с золотисто-карими глазами, аккуратно подстриженной чёлкой внимательно смотрел на меня.

— Лена, — ответила я. — А ты?

— А я Вова. Смотри, какой у меня рюкзак — с Оптимусом Праймом! — он снял с крючка свою сумку и приподнял её, чтобы показать мне.

— Здорово, — шепнула я. — А кто это такой — Опиус Прайм?

Вова изумился:

— Ты что, не зна-а-аешь?

Я неловко пожала плечами.

Раиса Ивановна недовольно окликнула нас:

— Так, Вова и Лена! Работает рука, а не язык!

— Я тебе расскажу. Всё расскажу и покажу! — шепнул мне Вова.

Он и впрямь рассказал и показал мне так много, как никто другой. В тот первый школьный день после уроков Вовка спросил у Раисы Ивановны:

— А Лена тоже на продлёнке?

— Да, — ответила она. — Воспитатель через полчаса придёт, иди пока, покажи ей школу.

Я не знала, что такое продлёнка, но это было не важно. Вовка схватил меня за руку, мы вылетели из кабинета, промчались вверх по лестнице на второй этаж. Когда наш бег остановился, он, едва переведя дыхание, поведал мне с самым счастливым видом:

— Смотри! Это всё наша школа. Большая, да?! Вся наша!! Тут, в холле, лавки ставят и представления дают разные. А по стенам — кабинеты. Это кабинет музыки, это — математики, там дальше — истории… Потом английский…

Я смотрела на него так, как смотрела, наверное, Ева на Адама, когда Господь воззвал её к жизни в райском саду: как на человеческое существо, столь похожее на меня и в то же время дивно непохожее, равное мне и в то же время уже знающее об этом мире больше, чем я.

Обойдя кабинеты второго этажа, мы остановились перед белой дверью, состоящей из двух половинок.

— Тебе понравится, — таинственно пообещал Вова.

Я увидела широкую белую дверь, состоящую из двух половинок и, осторожно открыв одну из них, просочилась внутрь. Передо мной оказалась большая комната, по обеим стенам которой стояли шкафы с разноцветными корешками книг. Переднюю стену занимал ещё один шкаф с крупной надписью: «Музей».

— Можно посмотреть? — спросила я у Вовки шёпотом.

— Конечно! — разрешил он мне так легко, будто был здесь хозяином.

За стеклом находились засушенные морские звёзды алого и шоколадного цвета, затейливые раковины, соломенные куклы в народных костюмах, расписные чашки и горшки — чёрные с золотом и белые с синью, глиняные фигурки коровок, лошадок, человечков. У меня вырвался стон восхищения.

— Красиво? — довольно спросил Вовка.

Отвечать не было надобности. Полюбовавшись ещё на диковины за стеклом, я увидела лежащую на столе огромную книгу с серебряными буквами.

— «Книга рекордов Гиннесса», — прочитала я вслух.

Вовка торжественно раскрыл книгу и стал показывать мне картинки: вот человек, который

выше всех прыгает, вот женщина, переплывшая целую реку, а вот чудак — у него самые длинные ногти на руках.

Пока он рассказывал, я заметила, что из-за длинного книжного стеллажа вышла женщина в очках и стала за нами наблюдать.

— Вова, кто это? — немного испугалась я. — И где мы?

— Мы в библиотеке, а это Таисья Павловна. У неё можно книжки брать.

Я робко поздоровалась с женщиной в очках и попросила разрешения взять домой книгу рекордов.

— Гиннесса? Гиннесса нельзя. Да и зачем он тебе? Ерунда такая. Возьми вот лучше «Питера Пэна».

Я согласилась.

На продлёнке весёлая молодая педагогиня иногда показывала нам, как складывать фигуры из спичек, иногда заставляла делать уроки, иногда читала вслух стихотворения, но чаще всего отправляла гулять во двор, присматривая за нами из окна учительской.

Промаявшись на уроках, Вовка со счастливым криком: «Э-хэ-э-эй!» — стрелой вылетал во двор, рассекая воздушное пространство распростёртыми, как крылья, руками. В кулаке у него был обычно зажат трансформер, которым Вовка лавировал, доходя до компании мальчишек из нашего класса. Мне он, конечно, тоже хвастался своим войском:

— Лена, смотри! Это Крепыш Максимус. Самый сильный космокрейсер.

— Да-а, — соглашалась я. — А это что у него?

— Меч-повелитель!

Однажды, увлёкшись космическими битвами с мальчишками, Вовка оставил меня надолго одну. Я стала собирать с земли опавшие кленовые листья, думая не без грусти, что друг обо мне забыл. Но он подбежал ко мне, схватил за руку и притащил к приятелям.

— Пацаны-ы! — прокричал Вовка фальцетом. — Это Лена. Давайте она с нами будет играть?!

В его голосе звучала надежда. Серьёзный и толстый Вася Упиров из параллельного класса недоверчиво поинтересовался:

— А она нормальная?

— Ваще! — заверил мой друг.

Мальчишки пригласили меня залезть на рукоход. Я ещё никогда не забиралась так высоко и замешкалась. Вовка протянул мне руку:

— Давай сюда!

У одного из мальчишек был раскладывающийся робот, у Васи — фиолетовая коробочка с экраном, которую он называл «Тетрис», у двух других пацанов — трансформеры. У меня не было ничего.

— Ты что любишь? — спросил Семён Стружкин, намекая на пустоту в моих руках.

— Сказки люблю, — ответствовала я.

— Нам одну расскажешь? — попросил Вовка.

— А то! — обрадовалась я. — Жил-был бедняк — беднее всех бедняков! Одно было у него богатство — дети. Мальчика звали Хуанито, а девочку Урсулета…

Мальчишки приняли меня в свою компанию.

Во дворе нашей школы стояла огромная шаткая конструкция — высоченная наклонная лестница, верхним краем прикреплённая к турнику. Храбрецы поднимались по этой лестнице, осторожно перебирались на толстую перекладину, а потом, уцепившись ногами за одну из опор, скатывались вниз. Стружкин и Саша Котляренко решились на этот подвиг и остались живы и невредимы. Остальные только присматривались. В один из дней поздней осени мой Вовка, который в реальной, не космической жизни был невеликого роста и не самой большой силы, отважился покорить лестницу. Я стояла внизу, видела, как дрожали его побледневшие губы, и на каждый Вовкин шаг вверх шёпотом повторяла, зажав пальцы крестиком:

— Давай… Давай…

Он скатился, стукнувшись пятой точкой о землю и потеряв шапку. Мальчишки подбежали к нему, поздравляли, а я вытащила из портфеля положенную мамой булку с повидлом и разделила её по-братски на пятерых.

С мальчиками было хорошо, а девочки меня отчего-то не любили. И я, пожалуй, тоже недолюбливала их, потому что не понимала и боялась. Девочки были наряжены в тонкие белые колготки, красивые джинсовые сарафаны и джинсовые же юбочки с кружевами и надписью Lambada. Они приносили игрушки из киндер-сюрпризов, заплетали и наряжали кукол Барби, всё время хихикали и о чём-то шушукались. У меня была моя красавица Вероника, но я боялась брать её в школу, чтобы ненароком не потерять. К тому же Вероника была не сама по себе — она у меня играла роль внучки в большом семействе. Бабушкой в этом клане я выбрала старую куклу Катю с подбитым неоткрывающимся глазом и хромой ногой. У бабы Кати «выросли» три дочери — Аня, Надя и Маша. Машу я выдала замуж за белого медведя Петра, Надю — за собаку Филю, ну, а младшую, Анюту, за совершенным неимением женихов пришлось пока оставить холостой. Пётр приехал из ГДР, в нашей стране ему не слишком нравилось, и жизнь у них с Машей как-то не задалась. Ребёнок у них родился всего один — рыжий пёс Шарик. Зато у Нади с Филей семья была счастливой, потому и детей четверо — пышноволосая Вероника, Саша, Ваня и маленькая Катька, названная в честь бабушки. Я в глубине души была уверена: чем женщина добрей, тем больше у неё детей. Я обожала своих кукол, обнимала и гладила их, устраивала им дни

рождения. До школы они были едва ли не единственной моей компанией: в садик я не ходила ни одного дня. Но больше всего мне нравились Филя, Надя и их дочка Вероника: очень уж они были красивы. За красоту, верно, я и решила устроить им счастье.

Девочки в классе играли с куклами совсем по-другому. К зиме они открыто начали дразнить меня за дружбу с пацанами, высмеивать и говорить, что я совсем как мальчик. Это была неправда: общаясь с мальчишками, я никогда не ощущала себя такой же, как они. Да и мальчики—я чувствовала—видели во мне существо дружественное, но более нежное и потому отличное от них. Но девочкам это было не объяснить. Даже Даша, с которой мы познакомились в «Искре», почему-то отодвинулась, когда я хотела сесть рядом с ней в столовой. А Вика Иваницкая, стоило мне только случайно поставить свой портфель рядом с её сумкой, тут же выхватила его и громко сказала:

— Иди от нас к своему Вовочке!

Вовку дразнили тоже. Однажды на уроке, когда надо было прочитать какие-то слоги, он смешался, запутался и так и не смог произнести ни звука. Рыжая Сонька отозвалась недовольным насмешливым тоном:

— Ой, ну быстрей, что тупишь?!

Ни секунды ни раздумывая, я крикнула, защищая друга:

— Сама ты тупишь!!

— Тихо, тихо,—успокоила нас мудрая Раиса Ивановна.—Давайте пока Лёша Богданов прочитает.

Мама у Вовки была учительница в нашей же школе, и этот факт делал его отставание в учёбе позорным. Друг рассказывал мне:

— Мама учит со мной уроки и говорит: «Горе ты луковое! До сих пор буквы путаешь. Наказание моё!»

— А у меня бабушка про наказание говорит,—подхватывала я.—Они как с мамой поругаются, друг друга всяко называют, бабушка потом грозится: «Накажет тебя Бог! Накажет!»

— И что Бог, наказывает?—недоверчиво спросил Вовка.

— Не знаю… Вроде бы нет.

— Ну и не бойся,—уверял меня друг.

Но я всё же немного боялась—бабушки, а не какого-то неведомого Бога. Бабушку вместе с дедом мама привезла из алтайской деревни, когда они, с точки зрения мамы, сделались старыми и уже не могли как следует содержать дом. Дед умер за несколько месяцев до моего рождения. По словам мамы и её подруги тёти Любы, в городе он не находил себе места от тоски по деревне, быстро стал терять зрение и за полгода тихо угас. Бабушка осталась жива, дотянула уже до моего семилетия, но жизнь в ней поддерживало, казалось, одно чувство—всё та же неистребимая, неумолимая тоска по Алтаю, по родной деревне, по своему дому. Она отторгала всё здешнее, городское и продолжала жизнь в маминой квартире как будто через силу.

— Зачем ты меня забрала?—вопрошала она маму, зная наперёд, что вопрос останется без ответа.

Вслед за этим вопросом иногда следовал другой:

— Зачем я вместе с дедом не померла? Живу и маюсь… Господи, забери Ты меня отсюда!

Мама обижалась на эти слова, и они с бабушкой начинали долгую, нудную перебранку, во время которой мама кричала, что она работает, поднимает ребёнка и крутится как белка в колесе, а бабушка возражала тем, что мать и все нынешние люди заелись, не ценят малого и за то будут Богом наказаны в аду.

— У вас тряпок-то—чёрт крюком не достанет!—презрительно бросала бабушка.—И телевизер есть, и всё есть. А вы только на жись жалуетесь. Накажет тебя Бог, накажет! Ленка твоя ещё даст тебе наплакаться! В аду будешь гореть, вспомнишь мать.

Мне были неприятны, жутки бабушкины слова. Никакого особенного богатства в наших телевизоре, проигрывателе и китайских тряпках я не видела. Конечно, когда бабушка была молодой, люди и в самом деле жили хуже, так ведь тогда была страшная война, и ещё несколько лет страна восстанавливалась после неё. А в девяносто пятом никакой войны, кроме Чеченской, вроде бы не было, но по новостям передавали, что воры тащат не только технику, но даже еду. Да и без всяких новостей соседка с этажа, плача, рассказывала, что у них с дачи украли все закрутки—всё, что было заготовлено на зиму.

Бабушка сидела со мной от одного года до школы. В садик я не ходила никогда: мама считала, что я часто болею и не умею себя обслуживать. Бабушка варила мне картошку и кашу, кормила, переодевала и ни в коем случае не отпускала дальше площадки возле подъезда. Я возилась в песочнице вместе с другими ребятишками, прыгала с ними по колёсам, а если никого из детей не было—от нечего делать садилась на лавку и слушала разговоры старух из нашего подъезда, носивших старые, диковинные имена: Фая, Наина, Стеша. Мою бабушку звали тоже чудно́—Феня. Говорили часто про Ельцина, про свои скудные сбережения и особенно про дороговизну продуктов, и однажды я решила задать старухам вопрос:

— Бабушки, я вам загадку загадаю. Что растёт как грибы?

Они стали отвечать, что это ягоды, трава, листья; потом кто-то предположил, что это, наверное, дети; но я, рассмеявшись, ответила:

— Это цены! Сами же говорите: цены растут как грибы!

В холодное время года нам приходилось всё время сидеть дома (мама гуляла со мной около получаса вечером, когда возвращалась с работы). Утром мы с бабушкой включали чёрно-белый телевизор с красивым названием «Рассвет» и смотрели повтор сериала «Богатые тоже плачут», потом я скакала на паласе под ритмическую гимнастику, которую на экране показывали стройные женщины в купальниках и гетрах. Дальше передачи были скучные: начинались какие-то фильмы про историю, про разные взрослые дела, трансляции чемпионатов, и я обычно выключала телек. Я ставила виниловые пластинки, читала «Мурзилку» или толстую книжку «Писатели мира—детям», рисовала или лепила из пластилина, а бабушка отправлялась заниматься хозяйственными делами.

Годов бабушке было уже около восьмидесяти, видела она плохо, с трудом перешагивала даже невысокие пороги, руки у неё потеряли силу. Потому мать моей мамы и не отпускала меня от себя ни на шаг.

Разговаривала она со мной редко, только в минуты каких-то особенно светлых воспоминаний замирала, вздыхала глубоко и говорила:

— Хорошо чичас на Алтае, в степи… Ленка, вот бы хорошо!

Когда наступала тёплая погода, мы с ней выбирались на балкон и там начинали петь. Бабушка была уже в том возрасте и состоянии, когда мнение других людей значило очень мало, а мне жизненно необходимо было если не в слове, так в песне выплёскивать всё копившееся на душе. Оставшись одни дома, мы ели пригоревшую кашу и сразу отправлялись на балкон. Бабушка, с трудом перетаскивая одну, потом другую ногу с синими венами через высокий порог, шумно выдыхала и опускалась на старое кресло. Я опиралась руками на балконные перила и, уверенно окидывая взглядом весь наш двор, соседний садик и аллейку, ведущую к престижной школе, куда мне не удалось поступить, готовилась петь.

— Под окно-о-ом черёмуха колышется-а-а,—затягивала бабушка низким охрипшим голосом.

— Распуская лепестки свои-и-и,—старалась повыше тянуть я.

— Над рекой знакомый голос слышится-а-а, да поют всю ночку са-ала-авьи,—пели мы уже дуэтом.

Я видела, что проходящие внизу люди слышат нас, заворачивают головы вверх; что соседи с балконов тоже оглядываются, но меня это только веселило и радовало: пусть слушают, пока лето— наше времечко, будем петь! В нашем репертуаре были «Уральская рябинушка», «Когда весна придёт, не знаю», «Сон Степана Разина», «Когда б имел златые горы», «Хас-Булат удалой», «Бывали дни весёлые», «Стоит гора высокая», особенно любимая мной протяжная песня «Одинокая гармонь».

В холодные и тёмные времена бабушка тоже пела, но в комнате, и тогда мне почему-то не так сильно хотелось ей подпевать.

Мама, разумеется, ругала нас за эти самодеятельные концерты, повторяя свои обычные слова упрёка:

— Позорите меня!

Бабушка на её обвинения иногда отвечала ворчливо и упрямо:

— Попозоришься, умная такая!

«Умная» у неё в данном случае было слово ругательное.

Вечерами бабушка молилась: бормотала про себя на непонятном языке какие-то стихи про Бога, Богородицу, Николая, крестилась и прятала под подушку маленькую тёмную икону. Я не подходила к ней в это время, пугаясь странных нерусских слов, похожих на колдовской шёпот. Мне иногда чудилось, что бабушка давно отжила, отлюбила своё в каком-то далёком светлом краю, где у неё бывали радостные минуты, а теперь на её месте только призрак.

Бабушка и в самом деле на старости лет стала путаться в событиях, датах, именах и незадолго до того, как я пошла в первый класс, уже нередко утверждала, что она молода, ей двадцать лет и за ней ухаживает какой-то Витяша. Мама первое время только отмахивалась от этой фантазии, но бабушка навязчиво расспрашивала её, где же Витяша, почему он уехал. Мама кричала, что никакого Витяши нет; бабушка вдруг признавала в маме соперницу, твердила, что это она увела драгоценного Витяшу, и весь их разговор заканчивался руганью, а то и слезами.

До того как я пошла в школу, после этих перебранок мне было неизменно жаль одну только маму. Но когда началась учёба и мама стала заставлять меня переписывать каждую страницу, если там было много исправлений или не лучший почерк, я, невольно ища поддержки, стала поглядывать в бабушкину сторону. Один раз, смотря на то, как мама, уставшая после своих двух работ, стирки и готовки, пытается в двенадцать ночи втолковать мне решение каких-то примеров, бабушка с никогда от неё не слыханной жалостью взмолилась:

— Люба, ну чё ты её учишь да учишь? Брось!—и растерянно добавила:—Мне кажется, она и так умная…

Благодарная бабушке за эти слова (мама стала утверждать иное), я после мучительного учения присела на тёплую, пропитанную запахом сердечных капель кушетку и спросила свою неожиданную заступницу:

— А ты как училась?

Бабушка улыбнулась, растягивая в ниточку свои без того тонкие губы:

— Никак. Один класс отходила, маленько вот писать-читать научилась, потом учительша пришла,

грит: Феня у вас в школу пойдёт? Мать сказала: нет, надо с маленькими нянчиться… Так и не пошла…

Я не без гордости рассказывала Вовке, что бабушка у меня совсем старая, родилась ещё при царе и жила в далёкой-далёкой деревне, которой уже и на свете нет: все в ней вымерли.

У Вовки бабушка тоже имелась, но она была совсем другой: подвижной, весёлой, круглолицей. Зимой она, закутанная в бурую лохматую шаль, часто стала приходить за внуком в школу, и, видя, как он летит к ней навстречу, я тоже стала бежать к Вовиной бабушке со всех ног. Вовка много рассказывал ей обо мне, и она стала здороваться со мной, гладить по голове, угощать слипшимися леденцами «лампасье».

— Бабушка лучше всех взрослых,— уверенно говорил Вовка.

— И Раиса Ивановна,— добавляла я.

Вовка соглашался, но, впрочем, тут даже не обнаруживалось противоречия: по возрасту Раиса Ивановна тоже была уже бабушкой, и внучка у неё в самом деле имелась — она тоже училась в нашей школе, и мы были знакомы с ней.

Я любила Раису Ивановну, любила все её уроки, а своё чувство к Вовке даже не смогла бы назвать — оно становилось чем-то бо́льшим, нежели я сама. Я любила его голос, его падающую на лоб чёлку, его трансформеров и тетрадь, в которую он наклеивал вкладыши от жвачки «Турбо». Я знала наизусть рисунок на его свитере с надписью Boys: косичка, ромбы, две тонкие полоски, кресты, волна и снова косичка… Я чувствовала себя не в своей тарелке, если он не приходил, и знала, что он тоже скучает, когда меня нет. Но Вика Иваницкая, а по её примеру и рыжая Соня, и полная невысокая Диана, и даже моя несбывшаяся подружка Даша продолжали дразнить нас с Вовкой и иной раз обзывали довольно зло. Вовке доставалось за его неуспехи в учёбе, а мне — за дружбу с ним и за странность.

Во втором классе Раиса Ивановна не то заболела, не то отправилась на курсы, и нам дали на время другую учительницу. Пользуясь тем, что новый педагог никого не знает, девчонки, пока на улице была физкультура, не побрезговали поднять около мусорных баков подмёрзший трупик крысы и, примчавшись раньше всех в класс, положить его мне на парту. Я переодевалась долго, вошла в школу одной из последних, а крысу на парте заметила только тогда, когда едва не положила на неё учебник математики.

— Это тебе твой Вовочка подарил! — прокричала хором девчонки.

Я не успела ничего сообразить, как Вовка выскочил из-за парты и дал хорошего тумака отличнице Вике Иваницкой. Та заверещала, выбежала из класса. Остальные девчонки притихли и вытаращились на нас с Вовкой.

— Дуры!! — завопил он фальцетом.— Не смейте больше её обижать! Я вам эту крысу… вам из этой крысы… — он мучительно подбирал достойное наказание,— суп сварю! И есть заставлю!!

Он поднял крысу за хвост и у всех на виду выбросил её в мусорку.

Я не стала ничего говорить чужой учительнице и маме. И Раисе Ивановне тоже. Я теперь твёрдо знала: у меня есть друг. И с этой мыслью было ничего не страшно.

В глубине души я чувствовала себя даже счастливей, чем была до истории со злосчастной крысой. Каждому известно: в любой сказке героиня должна немного пострадать, а потом уж получить награду. Пока я ещё ходила в первый класс, каждый вечер в семь часов мы с мамой включали «Рассвет» и смотрели сериал «Дикая Роза». Я полюбила это кино так сильно, что вечером в воскресенье думала: завтра будет понедельник, и можно будет опять посмотреть на дикарку Розу и кудрявого красавца Рикардо. Над Розой всё время насмехались две гадкие сестры, а потом ещё и модница-блондинка, так похожая на Вику Иваницкую. Но Роза всё это могла стерпеть, потому что любила Рикардо.

Мексиканская актриса Вероника Кастро, которая играла Розу, казалась мне милой, очень красивой и доброй — быть доброй и некрасивой, по моим детским понятиям, было просто невозможно. Актриса для меня была то же самое, что Роза, а Роза в иные моменты — почти то же самое, что я. Кухня с фанерными шкафчиками в домике Розиной крёстной до боли напоминала нашу. В сериале часто варили на ужин бобы, а у нас постоянным блюдом была фасоль. Когда у нас отключали горячую воду (такое в девяностых случалось даже зимой), мы готовили кипяток почти в таком же баке, как в кино, причём мыться в тазике я тоже страшно не любила. На стенке у Томасы висела икона Богородицы, и у нас была похожая. Только нашей иконе мама почти не молилась, а Розина крёстная часто подходила к образу со словами: «Пресвятая дева Гваделупская! Позаботься о моей девочке!»

И красивая дева в зеленовато-голубом покрывале со звёздами как будто кивала, держа молитвенно сложенные руки у груди.

Бабушка тоже смотрела с нами сериал, но понять уже мало что могла: нынешние события всё хуже откладывались у неё в голове, она стала путаться и в прошлых. Вдобавок она сделалась очень неаккуратной и, передвигаясь по квартире, хваталась руками за лакированные шкафы, за обои, оставляя на них жирные следы пальцев. Мама постоянно ругала её за это, бабушка за словом в карман тоже не лезла. А я, чтобы не попасться им обеим под горячую руку, думала о своём: о сказках, школе и Вовке.

Научившись читать в четыре с половиной года, я к середине второго класса уже проглотила всю

имевшуюся в доме детскую литературу. Однажды во время уборки мама вытащила с антресолей какую-то коробку, где среди прочего обнаружилась глянцевито-блестящая книжка с красными буквами «Детям о Ленине». На обложке был нарисован весёлый человек в окружении мальчиков и девочек. Я схватила книжку и запоем прочитала её за воскресенье. Она меня потрясла: там говорилось о рабочих, которые работали-работали, да всё равно едва сводили концы с концами, о таких же бедняках-крестьянах и о том, как к тем и другим наконец пришёл Ленин и показал им, что можно жить иначе. Выходило, что этот Ленин был добрым как раз к таким людям, как мы с мамой. Разволновавшись, я решила завести с родительницей серьёзный разговор:

— Мама, ведь большевики принесли всем счастье. Крестьянам дали землю, а нам—завод телевизоров. Как же так получилось, что большевиков убрали? И по телевизору говорят, что Ленин плохой, и хотят снести его памятники.

Мама слегка удивилась и спросила, откуда я это всё взяла, а после моего объяснения сказала:

— Раньше так говорили, теперь эдак. Раньше всех нас учили, что Ленин святой, а теперь оказалось, что чуть ли не бандит. А вообще воровать много начали они, эти большевики.

— Да ты что?!—поразилась я.—Они же народу служили.

— Раньше, может, и служили. А потом стали тоже себе грести всё больше да больше, а людям—шиш. Вот возьми меня—пятнадцать лет проработала на заводе в медсанчасти. И где благодарность? Значок дали. Сейчас вовсе зарплату не платят по три месяца. Бросило нас государство. Выживает каждый кто как может. Мы вот благодаря бабушкиной пенсии существуем.

Мне сделалось грустно. На заводе телевизоров работал ещё и мой отец, которого я никогда не знала, и в моей голове всё связалось в один узел—Ленин, завод, отец. Выходило так, что пока заводы принадлежали народу, отец работал, делал телевизоры и был здесь, в Красноярске. А потом заводы отобрали какие-то предатели, и отец ушёл далеко-далеко… Где-то он теперь?

Мне очень понравилось, что маленького Ленина в книжке все звали ласковым именем Володя. Я начала называть так своего друга—правда, не на уроках, не при всех, а только когда мы оставались одни. Это бывало на переменах или на продлёнке, когда бóльшую часть детей уже разбирали и оставшиеся ребята парами или поодиночке разбредались на всём пространстве школьного двора.

— Володенька, что в стране-то происходит,—изливала я другу душу.—По телевизору показывают, что шахтёры бастуют. Маме моей зарплату не платят. Мы на бабушкину пенсию живём.

— Моей тоже не платят. А батиному брату выдали кирпичами,—делился Вовка.—А батя сам начал окорочками торговать и сахаром. Ездит в «уазике» по деревням. Так один раз тут его побили и деньги отобрали. Мамка ругает его, говорит: «Куда ты лезешь?»

— А он?—встревожилась я.

— Он ей говорит: «Молчи, мать! Что ты понимаешь? Я нас в люди выведу»,—Вовка нехорошо усмехнулся.

— А кто самый злой в стране у нас, как думаешь?—спросила я у друга.—Ельцин, наверное? Это же он у всех деньги забрал? У нас бабушка одна из подъезда говорила, что копила на смертное, а Ельцин всё отобрал.

Вовка подумал и ответил:

— Скорее всего, Чубайс. Такой рыжий, знаешь? Я слышал, Ельцин сам говорил по телеку: «Во всём виноват Чубайс». Он заводы себе захватил и везде свет отключает.

Я плохо помнила, как выглядит Чубайс, и представила его злым троллем с торчащим изо рта клыком, с волшебной палочкой в руках: к какому дому он ни прикоснётся палочкой—там и отключится свет. И ходит, ходит по Красноярску этот страшный Чубайс, и всюду, где он ни пройдёт, воцаряется темнота…

Я глубоко вздохнула, непритворно горюя за страну:

— И как вот быть, Володя? Если по-честному работать, всем зарплату задерживают. По два, по три, по пять месяцев даже!! Денег нет в стране. Я вот не пойму: мало печатают, что ли?!

Вовка секунду подумал:

— Видимо, мало. Надо организовать это дело.

— А как узнать, кому надо деньги выдавать, кому нет?

— Составить список с адресами. По телефону всех оповестить. Деньги допечатать и построить очередь,—быстро думал Володя.—Люди, такие как твоя мама, мои мама и папа, будут подходить в своё время, расписываться, получать пачку. И всем будет хватать. Мы печатать будем, бумагу только надо подкопить. У тебя бумага дома есть?

— Есть. Ты молодец!—я просияла от гордости за своего умного друга, способного решать проблемы государственной важности.—А я бы, знаешь, ещё что предложила?! Праздники отменить! Например, на Новый год была ёлка. Мы с мамой ходили. Я как посмотрела—там же, наверное, сколько денег убухали! На эту… иллюминацию всю, фейерверки…

Вовка покачал головой:

— Нет, Лена, здесь ты не права. Народу праздник нужен. Времена тяжёлые, как же без праздника?

Вздохнув, я согласилась, но в глубине души денег на народные развлечения мне было всё-таки жаль. Привыкнув к постоянной маминой экономии, да ещё постоянно слыша о трудностях

в стране из телевизора, я вправду начала ворчать напропалую, когда мама притащила меня на главную городскую ёлку и вздумала угостить шашлыком.
— Побереги деньги-то, не лишние будут,— осадила я её бабушкиными словами.— Какие шашлыки? Вон вчера в новостях говорили: ни мяса, ни молочных продуктов люди скоро не смогут купить… Будем работать в две смены…

Мама предложила мне ещё какую-то вкусность или игрушку, но я, держа в уме, что семейные деньги надо беречь, упрямо отказалась, и она с досадой воскликнула:
— Что это за ребёнок?! Никакой радости у неё нет!

Радости у меня, конечно, были, только больше тайные. Никогда не прося у мамы лакомств, чтобы не заставлять её тратиться, я с удовольствием брала их из рук Володи и его весёлой бабушки. Если же мама давала мне с собой в дополнение к школьному супу слойку с повидлом, пару бананов или шоколадку «Виспа», всё это богатство я делила с Вовкой и его приятелями Стружкиным и Котляренко. Продлёнка у нас во втором классе была уже какая-то невнятная, мы, кажется, были почти всё время предоставлены сами себе. Мальчишки забирались на рукоход, помогали подняться мне и слушали мои сказки, крутились на турниках, бегали друг за другом. Я вместе со всеми играла в снежки, и это было очень весело. Девчонки, наверное, устав меня дразнить, более или менее отстали.

Ближе к весне в нашем классе появилась чернявая долговязая Катя Мустяца. Только увидев её, Вика брезгливо отвернулась. Диана с Сонькой тоже демонстративно обходили её стороной и шёпотом обзывали «нерусью». Раиса Ивановна радушно встретила Катьку: она неплохо соображала в математике и с воодушевлением читала стихи, а кроме того, с первых дней предложила Раисе Ивановне свою помощь в уборке, сказав, что очень чисто умеет мыть доску и окна.

Мне полюбилась эта девочка, мы стали меняться с ней вкладышами от жвачки Love is, показывать друг другу альбомы с наклейками. Катька стала сидеть с моей старой знакомой Дашей. У той не заладились отношения с нашей классной «элитой», и скоро она примкнула к нам, а вместе с ней в нашу небольшую компанию включилась ещё одна девочка по имени Оля. Ольга приехала с Камчатки и удивляла нас рассказами о своей родной земле, где были вулканы, сопки, бирюзовые озёра и огромный магазин «Холкам», в котором продаётся всё-всё-всё. Причин, почему Олина семья решила уехать из этого сказочного края, насчитывалось много, однако главной было отсутствие света — опять постарался Чубайс. С большими перебоями в Петропавловск-Камчатский привозили танкеры с мазутом для ТЭЦ, и электричество каждый день включали не больше чем на двенадцать часов. Оля с затаённым восхищением рассказывала, как они выходили зимним вечером во двор разводить костёр в мангале, жарили хлеб и сосиски. Я зауважала её за то, что ей пришлось пережить приключения и она многое умела — готовить, стирать, разводить огонь.

Но больше мне всё-таки нравилось играть с мальчишками, а лучшим другом я, конечно, продолжала считать Володю. У нас с ним не было секретов — мы рассказывали друг другу всё.

Однажды я спросила у него:
— Расскажи, как это вы живёте с папой? Что он делает?
— Что и все,— пожал плечами Вовка.— У тебя же когда-то раньше тоже был папа?
— Он только успел меня родить, и больше ничего. Он ушёл, когда ушли большевики и плохие люди забрали завод. Теперь делает где-то далеко телевизоры. Оставил нам один телевизор, называется «Рассвет», и ушёл,— объяснила я.
— Понятно,— кивнул Вовка.— Значит, так. Утром папа собирается на работу. Деньги зарабатывать. Сейчас он, как мы, в семь встаёт, а когда на маршрутке работал, то вставал в четыре. Мама ему завтрак оставляла — и сама спать. Потом он целый день на маршрутке ездил. В одиннадцать придёт и скажет: «Всё! Вернулся с каторги». Бух — и спать! Один раз он у нас даже на кухне уснул.
— Бедный! — пожалела я Вовкиного папу, мельком подумав, что ему приходилось даже хуже, чем моей матери: моя хотя бы приходила домой в седьмом часу.
— Четыре дня он так работал, потом один день спал, а ещё один день просто отдыхал. Сейчас вот сахар да куриц ездит продавать. Всё равно иногда рано встаёт. Но уже поменьше катается.
— А когда он дома, то что делает?
— Спит. Телек смотрит, новости, сериал про королей сыска. С мамой ругается. Всё говорит ей, что она жизни не знает. Она обижается. Мне так тоже за неё обидно,— Вовка вздохнул и внезапно перешёл к другому.— А когда он отдохнёт, так мы ездим в лес сосиски жарить!
— Ого! Сами? — поразилась я.
— Конечно, сами. Даже иногда бабушку берём. Бабушка любит нас. Один раз она сказала: «Вот умру я, и Вовке квартира моя достанется, он там будет жить».
— Не надо ей умирать! — испугалась я.— Ты уж где-нибудь в другом месте проживёшь.
— Не надо,— согласился Вовка.— Это так просто она говорит, чтобы знали мы про любовь её. Она у нас ночует иногда. А если её нет, то у папы с мамой ночью интересное бывает.
— Что интересное? — полюбопытствовала я.
— Секс называется,— просветил меня Вовка.— Это, понимаешь, лучше показать, чем объяснить…

Один сверху ложится, другой внизу. И с виду похоже, что как будто балуются. Толкаются. Только раздеваться надо обязательно.

Я задумалась, пытаясь представить себе, как это может быть:
— Странно что-то…
— Надо бы попробовать! — предложил Вовка. — Мои думают, что я сплю, а я вижу. У них кровать возле окна стоит, а я за шторкой возле двери.

Я всё ещё не могла понять, в чём смысл этого причудливого занятия:
— И твои спали бы лучше… Устают же с работы-то.
— Да им весело, — сказал Вовка и озоровато подмигнул мне. — Как-нибудь и мы попробуем, хотя бы немножко, а? Я никому потом не скажу.

Мне было страшновато, но я верила ему как себе и пообещала, что когда-нибудь — обязательно.

Спустя некоторое время мальчишки стали говорить, что Вовка влюблён в меня, и я с неудовольствием думала, что Володька, пожалуй, растрепал что-то лишнее болтливому Котляренко. Вот уж кто не умеет держать язык за зубами!

Мы залезали с мальчишками на гаражи, крыши которых вплотную примыкали к забору школы, прятали и искали сокровища, играли в «Утиные истории» (я, конечно, была Понкой), иногда — в космических разведчиков и захватчиков. Однажды мне пришло в голову сказать Володе, что я на самом деле волшебная принцесса из другого мира, которая родилась на далёкой планете и была отправлена сюда, на Землю, в секретном звездолёте, чтобы посмотреть, какая тут жизнь, и, если получится, помочь людям сделать её лучше.
— Только пока никому не говори, — попросила я его.

И он не говорил — наверное, поверил, да и сама я иногда верила в эту придуманную мною же сказку.

В конце второго класса произошёл один неприятный случай. Моя мама, уж не знаю из каких побуждений — то ли потому, что больше никто не соглашался, то ли из желания завязать дружбу с председателем родительского комитета, нашей соседкой, — согласилась быть казначеем. По большей части она сама брала деньги у родителей, но иногда некоторую сумму приходилось передавать через меня. Я складывала деньги в пакет из-под молока.

Однажды этого пакета в моём портфеле не оказалось. Я вытряхнула на парту все учебники, заглянула в один карман, в другой — пакета не было. Полыхая от страха и чувства, близкого к отчаянию, я проверила полочку внизу парты, шкафчик, сумку для физкультуры.

Деньги не нашлись.

Цены тогда, в девяносто шестом году, измерялись тысячами и миллионами. Хлеб, как и молоко, стоил три тысячи, килограмм сосисок — двадцать три, проезд в автобусе — тысячу. На одну бумажку с надписью «100 000 рублей» можно было купить комплект постельного белья, а за четыре таких бумажки отдавали велосипед. Средняя зарплата была примерно два с половиной миллиона. Мама получала в поликлинике всего один. И как раз столько я потеряла.

Я пришла со своим горем к Раисе Ивановне. У нас оставался последний урок — труды. Она сказала мне, что надо надеяться, и, немного успокоившись, я села за парту, дрожащими руками приготовив всё нужное для урока.

Когда до звонка оставалось, наверное, минут десять, Раиса Ивановна сказала:
— Дети, у меня есть неприятная новость. У нашей Лены пропали деньги. Эти деньги ваши родители собирали для класса. Лена должна была отдать их своей маме, а теперь они пропали. Кто-нибудь видел их?

Все молчали. Я робко добавила:
— Они были в таком белом пакетике, с надписью «Молоко».

Раиса Ивановна молча оглядывала всех. Кто-то сидел не шевелясь, кто-то поправлял на себе рубашку или свитер.
— Дети… — выдохнула Раиса Ивановна. — Думаю, эти деньги взял кто-то из вас. Может быть, не посмотрел, что это такое, а потом… ну, почему-то не стал рассказывать. Так вот, это не чьи-то чужие деньги, это деньги всех вас, ваших родителей. Если кто-то видел, вы обязаны вернуть.

Никто по-прежнему не сказал ни слова. Только несколько человек покрутили головами. Сердце во мне ухало и готово было сорваться в пропасть.

Раиса Ивановна отвернулась к окну и помолчала несколько долгих секунд, а потом сказала:
— У Лениной мамы даже миллиона нет. Если мы не найдём эти деньги, ей придётся отдавать свои. Так что я очень жду того, кто их видел. Не обязательно говорить при всех, подойдите ко мне и скажите. И если вы знаете, кто это сделал, тоже надо сказать. Потому что тот, кто знает и молчит, тоже виноват — он помогает сделать плохой поступок.

И вдруг Стружкин выкрикнул с места:
— Я знаю, кто это! Это Вовка Шевырёв, больше некому!

Класс загалдел, как стая ворон:
— Точно! Шевырёв спёр! Больше и некому!
— Ленка, он возле твоего портфеля крутился! — кричал Стружкин.

Вовка вскочил:
— Кто, я? Отвечаешь?!
— В натуре, отвечаю! — не унимался Стружкин. — Ты после физры тут сидел, а она ещё не пришла.

Вовка махом схватил портфель и уже ринулся в драку. Их остановила только Раиса Ивановна — впрочем, кажется, только до тех пор, пока они не оделись и не вышли во двор.

Убитая горем, я вышла навстречу маме. Я искала глазами Вовку, чтобы найти в нём поддержку, но Вовка был на улице. Раиса Ивановна сама подошла к маме. Я наблюдала за их разговором из коридора, видя, как учительница разводит руками, а мама быстро кивает.

Вечер был ужасным. Мама кричала за ужином так, что мне кусок в горло не лез. Я бросила ложку и выскользнула в комнату, разложив все книжки и надеясь спастись от её гнева за уроками. Это, однако, не удалось. Наказав меня, она опустилась на диван, закрыла лицо руками и зарыдала. Бабушка молча смотрела на неё какое-то время, потом пальцем поманила меня к себе:

— Эдак она тебе все волосья выдерет. Садись, почешу.

Руки у бабушки пахли каким-то вонючим лекарством, расчёска была грязной, но я была рада посидеть немного под её защитой.

— Что за деньги-то пропали? — осторожно спросила она.

Я объяснила.

— Эх, девка, — вздохнула бабушка. — Казённые, значит. Ну, щас положим зубы на полку.

Скоро я узнала значение этого выражения. Мама отдала взамен потерянных денег чуть не всю свою зарплату, заняла у своих подруг и председателя родительского комитета. Мы стали печь пироги. Мама заводила тесто в громадной пятилитровой кастрюле, велела мне резать капусту, варёные яйца и репчатый лук. На ужин у нас были пироги, а к ним — отварная или жареная картошка, на завтрак — пироги с чаем, и с собой в школу мне тоже давался пирог. Не было никаких конфет, ни фруктов, ни настоящего масла, ни даже сосисок — одни пироги, маргарин «Рама» с пластилиновым вкусом, да ещё гречка и макароны.

Я делилась этими пирогами с Вовкой, но уже не давала ничего Стружкину и Котляренко: между нами пробежала чёрная кошка.

Я верила, что деньги украл не Вовка. Он тоже знал, что я верю ему, и поэтому не оправдывался. Но всё же мне было горько из-за одних павших на него подозрений. К тому же после этого случая мне стали приходить мысли: что, если бы я попала в настоящую беду — не мама, а именно я? Не отвернулся бы тогда от меня Вовка? Остался бы другом? У меня появились какие-то сомнения в нём.

В апреле, поднимаясь в школу, я почувствовала, что еле могу встать с кровати. Ноги были будто ватные, в голове стоял шум. Есть совершенно не хотелось, и даже немного подташнивало. Но мама стала поторапливать меня, и я пришла в школу.

Сидя на первом уроке, я чувствовала, что тошнота усиливается. Я стала дышать глубже, закрыла глаза и подумала, что со звонком выйду в туалет, чтоб освежиться холодной водой. Но вдруг резкая судорожная волна сжала мой желудок, и всё его содержимое выплеснулось на парту. После первой волны последовала вторая. Все мои и Вовкины вещи — всё, что лежало на столе, оказалось загаженным и мокрым.

Ребята испуганно заахали и стали брезгливо морщиться. Я растерянно посмотрела на Вовку. Он, ничего не говоря, протягивал мне кусок бумажного полотенца.

После болезни я вернулась в класс притихшая и уже приготовилась сесть за последнюю, свободную парту. Но Вовка взял меня за руку:

— Ты куда?

И сам повесил мой рюкзак на привычное место.

Осенью в третьем классе мы праздновали день рождения Раисы Ивановны. На уроке труда каждый рисовал то, что хотел подарить для неё. Дима Юмашев рисовал шестисотый «Мерседес», Котляренко — набор модных кастрюль компании «Цептер», Вовка — настоящий деревянный дом.

Я же нарисовала розу.

Я хотела нарисовать любимой учительнице что-нибудь очень красивое, а в моём представлении ничего красивее роз на свете не было. Вначале я думала изобразить кусты роз, поле роз, россыпи этих дивных цветов, чтобы от их изобилия не осталось свободного места на листке. Но потом я подумала, что, если уж хочешь создать совершенство, не надо гнаться за количеством.

Мне уже приходилось рисовать розы раньше, они получались неплохо, но тут я расстаралась так, что Вовка выхватил у меня рисунок и гордо начал показывать его всем одноклассникам. Моя красная роза и впрямь получилась дивно красивой, но она выглядела на листе так одиноко, что я решила нарисовать рядом с ней ещё кое-что: книгу.

Книга без надписи выглядела странно, и, немного поколебавшись, я аккуратно вывела на ней: «Сказки».

Раиса Ивановна была довольна всеми подарками и показала большой конверт, в котором собиралась хранить их. После уроков она пригласила нас на чаепитие. Мы с Володей, разумеется, сидели рядом, ели разноцветные безе, похожие на ёлочные игрушки, угощались домашним пирогом и ароматным чаем.

— Как хорошо с Раисой Ивановной! — шепнула я другу.

Он согласился:

— У нас самый лучший учитель. Знаешь, я боюсь, что закончится третий класс — и мы попадём совсем к новым учителям. Неизвестно, какими они будут.

Я попыталась успокоить его:

— Может быть, и нормальные попадутся.

— Но не такие, как Раиса Ивановна. Я хочу, чтобы третий класс никогда не кончался и Раиса

Ивановна всегда была с нами. Вот было бы классно, а, Лена?!

Я кивнула.

— Хорошо бы она жила в своём доме рядом со школой. Мама сказала, что она живёт в общежитии… А я ей нарисовал собственный дом.

На одном из ближайших уроков мы с Раисой Ивановной читали рассказ про трёх мальчиков, которые очень хотели иметь воздушного змея. Но у одного из них были только рейки и рыболовная леска, у другого — только мочало, а у третьего — ничего, кроме ленточек. Однако, собравшись вместе, эти мальчики всё-таки соорудили змея и договорились пользоваться им сообща.

— Хороший рассказ? — спросила Раиса Ивановна.

Мы закивали.

— А вообще, дети, всё это неправда, — неожиданно сказала учительница. — Вот сделали они змея — у кого он будет храниться? Всё равно у кого-то одного. Общего больше нет. Раньше говорили: «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Считалось, люди вместе могут за что-то отвечать. И жили ведь! А нынче что нам Ельцин говорит? «Обогащайтесь!» Значит, каждый сам себе… змея делает.

Я не поняла всех слов Раисы Ивановны, но вместо слов говорили её карие глаза, в которых отразились боль и растерянность. Похоже, она сама не знала, как следует жить: по-старому или по-новому?

Однажды, когда третий класс подходил к концу (четвёртого класса у нас в те годы беспрерывных школьных экспериментов не полагалось), мы с Вовкой стояли на мокром от дождя крыльце школы. Был апрель, дул свежий ветер, который окончательно должен был переменить погоду на тёплую, весеннюю. Ветер свистел в ещё голых ветках тополей, неистово трепал яркий российский триколор над входом школы и вносил в моё сердце странное чувство тревоги, смешанной с радостным ожиданием чего-то нового, неизведанного.

Вовка разложил на ровной земле клумбы несколько игрушек из киндер-сюрприза и внимательно смотрел на них.

— О чём ты думаешь? — спросила я его.

Он пожал плечами:

— Обо всём сразу. А ты?

Я запахнулась в свой голубой плащ, огляделась, нет ли кого рядом.

— Я думаю о нас с тобой. Знаешь, я думаю вот что: давай поженимся, когда вырастем?

Мне показалось, что Вовка долго молчит, и я добавила:

— Я красивая буду, как Вероника Кастро.

Мой друг слегка поправил:

— Ты и сейчас красивая.

— Нет, — не согласилась я. — Сейчас — это не то. Знаешь, Володя, я уже хочу иногда повзрослеть.

— А я — нет! — резко возразил он. — Что хорошего у взрослых? Даже моих папу с мамой послушаешь — как они друг друга называют, когда ругаются?! У нас сейчас здорово, мы не ссоримся. Захотим — залезем на гараж, захотим — через забор перелезем! И придумаем себе что угодно. Помнишь, мы возле беседки сокровища искали?

Я представила, как мы с мальчишками по очереди ковыряли землю железным совком и самые красивые камушки, кусочки стёкол и кирпичи складывали в нашу сокровищницу.

— Я не хочу, чтоб третий класс кончался, — упрямо проговорил Вовка. — Зачем ты говоришь про то, что будет потом?

— Потому что я хочу быть с тобой всегда-всегда, — сказала я. — Для этого, мне кажется, надо пожениться.

— Но мы и так с тобой как будто женаты, — ответил он мне истинно по-мужски. — Всегда вдвоём и помогаем друг другу. А Сашка с Семёном и с Васькой как будто наши дети. Ну, понарошку.

— Ага, — улыбнулась я.

Мы замолчали на какое-то время, а потом Вовка сказал:

— У меня бабушка заболела. Что-то с сердцем. Мама говорит.

Я сочувственно кивнула ему:

— Мы её не оставим. Когда она станет совсем старенькой, мы будем жить у неё и за ней ухаживать.

Вовка крепко сжал мою руку.

В первый день пятого класса школа предстала передо мной нарядной, сияющей свежей краской и — неожиданно маленькой. Внутри впечатление только усилилось. На стенах в холле изобразили каких-то древних беседующих мудрецов, лестницы покрасили в торжественный пурпурный цвет, обновили картины. Школа была праздничной и красивой, но она уже не казалась мне целым миром. Она стала просто зданием, пусть и близко знакомым. Я впервые увидела, что на первом этаже по правую руку всего-навсего четыре кабинета.

Перед уроками я подумала зайти к Раисе Ивановне. Дверь в её класс была открыта, и за первой партой, на моём месте, сидела маленькая девочка с двумя аккуратными бантиками, похожими на белые лилии. Моё сердце сжалось от болезненного ревнивого чувства. Я не стала заходить внутрь и поднялась наверх.

Первым уроком у нас была история. В кабинете, где она проходила, всю заднюю стену занимали фотообои с изображением гор. Эти горы почему-то понравились мне. За время урока я два или три раза оборачивалась на них. Горы были крепкие, высокие, утопали вершинами в чистом небе. С левого края чернели размытые силуэты елей, а впереди на лугу были пронзительно-синие

с жёлтой сердцевинкой цветы — яркие брызги радости на фоне суровости камня.

Учительница была ничего себе, вроде не злая. Она передавала по рядам какие-то фотографии с костями и картинки древних людей, рассказывала про раскопки. Однако я слушала её невнимательно, потому что место рядом со мной пустовало. В классе была Даша, сидевшая с Катей Мустяца, была Вика Иваницкая — в модном жакете с леопардовым воротником, вельветовой юбке и красных колготках, был кучерявый Котляренко. Но Володя не приходил. Я замерла, когда за дверью послышался какой-то стук, и думала, что он сейчас войдёт в класс. Но люди прогрохотали чем-то и ушли, и со мной осталась гулкая тишина мыслей.

На перемене я долго не выходила из класса, пока Мустяца не крикнула мне:

— Эй! Пошли отсюда, теперь уроки в разных местах!

Нехотя я попрощалась с горами и пришла во второй кабинет, на русский язык. Доставая с тяжёлым сердцем учебник и тетрадь, я уже подумала, что Вовка, может быть, сегодня не придёт. Кто знает, может, он вообще перевёлся в другую школу…

Но мой слух уловил его голос: он уже стоял в дверях и показывал какого-то трансформера Лёшке Богданову. Я встрепенулась от радости и тут же замерла: ведь теперь у нас началась новая жизнь, которой он так боялся. Теперь он может забыть обо всём, что было, и сделать вид, что никогда со мной не дружил…

Но он уверенно прошёл мимо парт и поставил свой рюкзак на соседний с моим стул.

— Вместе? — с улыбкой спросил он.

— Вместе, — ответила я.

Глава 3. Тётушки

На одной из чёрно-белых фотографий — пахнущих фиксажем, с отломанным уголком — меня, месячного младенца, держит на руках широколицая женщина с короткими волнистыми волосами. Она кажется слишком пожилой, чтобы приходиться мне матерью, и, судя уже по другим фото в этом альбоме, слишком непохожей на меня и для того, чтобы быть бабушкой.

Это — тётя Тома, подруга, или, как она всегда скромно себя называла, приятельница моей мамы. С матерью они познакомились в пионерском лагере, где моя родительница была фельдшером, а Тамара Николаевна — медсестрой. В какой-то момент я узнала, что в их компании была и третья подруга — некая Марина, которая умерла, попав под машину. О её смерти горевали и тётя Тома, и моя мама. Эта Марина смотрела на меня с другой фотографии, где все три приятельницы, обряженные в спортивные штаны и «дачного» вида кофты, сидели на пикнике, счастливо улыбаясь.

Тётя Тома была рядом с тех самых пор, как я появилась на свет. Мама родила меня поздно, почти в сорок, а её приятельница была старше на целых семь лет, и её сын Родион был уже взрослым парнем. Муж тёти Томы, бывший детдомовец, потерявший в Великую Отечественную войну обоих родителей, умер от инфаркта совсем молодым. Другого брака и других детей у тёти Томы не случилось, единственный сын был пока не женат, и всю нерастраченную любовь, все горячим ключом бившие из неё материнские, родственные чувства она обратила на меня и на мою маму.

Она приходила раз в две или три недели, раз в месяц — в крайнем случае. В первом классе у нас ещё не было домашнего телефона — узнать заранее, будет ли сегодня тётя Тома, я никак не могла, и с утра воскресенья до обеда находилась в сладком ожидании. Подъезды тогда не закрывались, железных дверей не было, и только негромкий стук в дверь вместе с ласковым раскатистым звуком моего имени: «Ле-ена-а!» — извещал меня о её приходе.

Тётя Тома всегда приносила с собой какую-нибудь снедь: оладьи из гречки, печенюшки на рассоле, консервированную сайру, салаку. Летом и осенью она часто привозила фрукты и хвасталась:

— Какую хурму я на базе оторвала!

Я поняла, что база — это какое-то чудесное место, где можно купить много вкусного совсем задёшево, и мечтала там побывать.

Приезжая к нам, тётя Тома обедала, всегда восхищаясь стряпнёй моей мамы, и неизменно спрашивала:

— Ну, Любочка, чем тебе помочь?

Мама немного сопротивлялась, но отказать тёте Томе было невозможно, и приходилось назначать работу. Тётя Тома то ходила в аптеку, то на Гордк за дешёвой картошкой, то делала салат «Мимоза» или винегрет, но чаще всего чинила бельё. Постельное у нас хранилось ещё восьмидесятых годов, дыр на нём хватало, и каждую прореху тётя Тома искусно закрывала кружевным цветком. Пока мама готовила или драила квартиру, тётя Тома вязала крючком и разговаривала со мной.

— Что ты читаешь? — спрашивала она меня.

Я показывала ей книгу — «Жёлтый туман» Волкова, «Уральские сказы» Бажова, «Сто один далматинец» Доуди Смит — и коротко объясняла, о чём она. Тётя Тома, в свою очередь, делилась со мной тем, что читала сама. И не знаю, какой литературой интересовалась она в молодости, но в переломные девяностые, когда вдруг оказалось, что дверь в иные миры существовала всегда и широко открыта, подруга моей мамы вовсю увлеклась мистически-оздоровительными книжками.

Она выписывала журнал «ЗОЖ» («Здоровый образ жизни») и приложения к нему, делала какие-то упражнения из йоги и учила меня правильно

дышать. В начале девяностых она, как и моя мама, смотрела передачи Аллана Чумака. Телевизионный целитель говорил, что на расстоянии заряжает воду, фотографии, «крэмы», и доверчивый народ приносил всё это прямо к экранам телевизоров, ожидая, что с голубого экрана польётся «положительная энергия». Тётя Тома долго пыталась лечиться «заряженной» водой, но потом разочаровалась в этой методике и решила обратиться, как сказали бы сейчас почитатели «Гарри Поттера», к травологии.

Она любила природу и стихи русских поэтов о природе. Весной тётя Тома собирала в пригородных лесах почки и листья мать-и-мачехи. Как сейчас помню бело-золотую, всю светящуюся радостью берёзовую рощу Студгородка. Тугие шоколадные почки ещё не начали распускаться, но тонкий острый запах свежего листа уже чувствовался, если наклониться к веткам. Мы отшелушивали берёзовые почки, ссыпали их в банку, собирали хрупкие серёжки ольхи, молодые сосновые иглы, однажды отыскали гриб чагу—у тёти Томы всё шло в дело, всё становилось лекарством.

— Ты посмотри, Лена, какая красота,—говорила она мне.—Когда у тебя будет возможность—всегда ходи на природу. Природа нас лечит. Вот прислонись к берёзе, обними её. Почувствуешь, как она тебе энергию дарит для жизни.

Мне, по правде говоря, куда больше хотелось обнять тётю Тому, но я послушно гладила белокорые деревья и как будто действительно чувствовала исходящую от них силу родной земли.

Мы ходили не только в лес. Тётя Тома впервые познакомила меня с театром. Она привела меня, ещё, наверное, дошкольницу, на представление в Гордк, а потом несколько раз в год покупала билеты в театр музыкальной комедии. Деньги на билеты и на пирожные в буфете давала мама, но спектакли выбирала сама тётя Тома.

— Ты столько работаешь, Люба, тебе надо отдохнуть,—говорила она маме сочувственно.—Посмотри телевизор, а я погуляю с Леной.

«Мускамедия» (так я слышала название этого театра в детстве, не понимая лет до одиннадцати, что это сокращённо от «музыкальная комедия») мне понравилась. Там были высокие потолки, мраморный пол, огромная люстра со множеством лампочек-свечек, и главное—музыка и песни, почти всегда весёлые.

И всё же ещё сильнее «мускамедии» я любила бывать дома у моей названой тётушки.

Она жила (и живёт до сих пор) на улице Калинина, куда и сейчас ходят только два автобуса и один весьма непостоянный троллейбус, а в пору моего детства ни пехотою никто не прохаживал, ни на добром коне не проезживал. Чтобы попасть к тёте Томе, мы доезжали на «рогатом» до «Космоса», высаживались, совершали рискованный переход через оживлённый перекрёсток с плохо работающим светофором и шли, шли, шли вдоль по серой улице Маерчака, где по одну сторону была тюрьма, по другую—дрожжевой завод, разносивший квасной запах зимой и летом. «Космос» оставался позади, а дальше начинался хаос—дикие места.

Мы проходили мимо магазина с отбитой буквой «СДЕЛАЙ АМ», мимо зелёных заборов с цветастыми афишами, через мостик на бурлящей и грязной Каче, мимо заброшенного дома с выбитыми стёклами.

Тётя Тома жила в кирпичной трёхэтажке, старенькой, уютной и пахнущей кошками. Кошачий запах стоял и у неё дома: в тёти-Томиной квартире обитала рыжая Мурза—красавица со своенравным характером, ревновавшая хозяйку ко всем приходящим людям. Мурза встречала меня недоверчивым шипением, но я всем видом показывала ей, что не претендую на её территорию, и прямиком проходила на кухню, шелестя самодельными занавесками, сделанными из скрепок и кусочков открыток.

Тётя Тома кормила меня щами из свежей капусты, в которые старалась положить побольше сметаны, оладьями (их в девяностые пекли из всего—картошки, моркошки, кабачка, гречки), орешками со сгущёнкой. Её фирменными блюдами были греческий салат, торт «Черепаха» и ананасовый компот. Но если салат и замысловатый торт готовились только по торжественным случаям, то компотом тётя Тома баловала близких частенько. Его секрет заключался в том, что ананасом в этом бюджетном чудо-напитке и не пахло. Он делался из обыкновенных кабачков, нарезанных кубиками и отваренных в крепком растворе порошка «Зуко». Этот ядрёный напиток в годы моего детства был страшно популярен: о химическом составе народ особенно не задумывался, а на сладкое и красивое был падок. Кроме ананасового компота, варили и виноградный—с изюмом, и яблочный—тут уж с настоящим яблоком. Но ананасовый был вкуснее всех.

— А пахнет-то как!—хвасталась тётя Тома.—Хо-хо!

Это «хо-хо» она произносила с интонацией удивления и восхищения, иногда—с оттенком лёгкой печали.

Изредка мы смотрели второй канал по чёрно-белому телевизору, но чаще разговаривали. Тётя Тома рассказывала мне о своём покойном муже, за которого она вышла, по меркам советского времени, поздно, лет, кажется, около тридцати, и через год родила сына:

— Жили мы, Леночка, в деревянном бараке, на первом этаже. Нам с Федей комнату дали пятнадцать метров. Печка дровяная из коридора топилась. Сыро там было, ой как сыро! По ночам мокрицы

ползали. И по стенам, и аж с потолка сыпались. Ой как я их боялась. Главное, боялась, что Родику в ухо или в рот заползёт мокрица. И Федя их ловил. Они лезут, а он их тапком, тапком. Я жалела его: ты наработался, спи, говорю. А он: нет, ты тоже за день с ребёнком устала, ты отдыхай, а я покараулю. Хороший он был, Феденька!

Слушая этот рассказ, который тётя Тома повторяла не раз и не два, я поверила в то, что мужчина может любить — может ради твоего покоя ловить мокриц по ночам в сыром деревянном бараке.

Меня поражало то, что когда тёти-Томиному Родику исполнилось всего три месяца, ей уже надо было выходить на работу. Они с мужем не захотели отдавать ребёнка в ясли и сочли за лучшее взять ему няню — недавно переехавшую из деревни женщину с тремя дочками. Эта женщина забирала утром Родика к себе, а вечером приносила назад.

— Хорошая женщина была, — вспоминала тётя Тома. — Однажды она меня от соседа защитила. Поселился у нас сосед, да что-то я ему не понравилась. И взял он моду — сапоги на кухне чистить. Я поставлю на буржуйке кашу варить, а он рядышком на табуретке пристроится — и давай по сапогу тряпкой шоркать. Шорк-шорк, а весь мусор, вся пыль в кашу летит. Я его просила: уберите, пожалуйста. И Федя просил. Но куда там. А вот нянюшка наша однажды зашла… и как это увидела, так взяла мою кашу и налила ему прямо в сапог. И так ему сказала… хо-хо, как она ему сказала! И ведь он понял. Больше он меня не трогал. И Тамарой Николаевной стал называть. Хо-хо!

Муж тёти Томы, любимый её Феденька, недолго зажился на свете и оставил жену с девятилетним сыном. Этого сына я, конечно, видела не раз — статного, высокого молодого человека с гагаринской улыбкой. Трудно было поверить, что и сына тётя Тома однажды чуть было не потеряла:

— Аппендицит вырезали — осложнение пошло, перитонит. В больнице лежал… Ему ничего нельзя было, Леночка. А как мне хотелось накормить его, принести ему что-то… Конфет, сальца… Всё, что он хочет. Но человеку иногда нельзя всё, что он хочет. Ему только бульона куриного разрешали по ложечке давать. И потихоньку, потихоньку вы́ходили.

В большой тёти-Томиной комнате стоял аквариум с разноцветными рыбками — как она их называла, гуппёшками. В аквариуме была красивая подсветка, водоросли, камушки. Однажды, когда мы были у тёти Томы в гостях вместе с мамой, мне вдруг страшно захотелось унести к себе хоть частицу этого волшебного красивого мира, уютного тёти-Томиного дома. Я выловила одну рыбку сачком, схватила полиэтиленовый пакет, плеснула туда воды и опустила гуппёшку. Дома я налила воду в пластмассовый оранжевый пенал и положила туда рыбку, насыпав ей чуток сухарных крошек. Пенал я спрятала в тумбочку.

Рыбка наутро умерла, потеряв краски. Глаз у неё стал одноцветный, серый, а брюшко вздулось. Украсть волшебство не вышло.

Можно было только самой стать его частью.

Я была безмерно рада, когда тётя Тома предложила нам с мамой встретить Новый год у неё. Тогда я уже училась в шестом классе, автобусы стали ходить лучше, и мама согласилась заблаговременно приехать к приятельнице и вместе приготовить ужин. Впервые я увидела, как делают своими руками пельмени, и даже раскладывала фарш. В полночь под бой курантов мы выпили по бокалу диковинного напитка «Спрайт», пожелали друг другу всего доброго, послушали песни в «Голубом огоньке». Я отправилась спать счастливой, ощущая себя частью очень странного, но всё-таки семейства.

У меня были и родные тётки — целых две. Но одна из них давно уехала на Дальний Восток и общалась с мамой только письмами, да и то редкими. Другая, старшая мамина сестра, жила в Красноярске и бывала у нас с мамой несколько раз в год. Иногда с ней был младший сын, мой двоюродный брат, который всю жизнь провёл с родителями. Старший его брат в двадцать лет решил уйти из дома и жениться, заставив мою тётку разменять трёхкомнатную квартиру. Сестра моей матери квартиру разделила, но простить подобной обиды не смогла. Долгих семнадцать лет они с сыном почти не общались, а потом он развёлся с женой и вернулся обратно в родительский дом, площадь которого когда-то уменьшил по своему желанию. Тётка впустила его, но простить не могла или не хотела. Она открыто говорила об этом:

— Сколько он мне горя причинил! Никогда его не прощу!

Я заочно жалела её старшего сына и хотела его увидеть, а саму тётку побаивалась. Она была сероглазой, с чёрными, тронутыми сединой, волосами, глядела строго и серьёзно.

Мне же и без неё с лихвой хватало серьёзности и куда больше хотелось праздника. А праздники мне дарила другая мамина приятельница — тётя Люба.

Она тоже находилась рядом со мной с самого детства. Нас с нею вскормили одной пищей. Мама, всё время боясь, что ребёнок недоедает, делала овсяную кашу на воде. Густой отвар отдавался мне, а жмых, чтобы не пропадать добру, съедала тётя Люба.

— Кормила-кормила тебя овсом, вон какую добрую лошадку вырастила! — подкалывала меня мамина приятельница.

Но это получалось у неё не обидно.

У тёти Любы имелись кассетный магнитофон и старый проигрыватель с целым ворохом пластинок. Мне нравилось разглядывать их обложки и, разумеется, слушать. Тётя Люба особенно почитала

Высоцкого, Утёсова, Визбора, Галича, но мне в детстве они были непонятны, тяжелы. Куда больше радовали душевный Ярослав Евдокимов и народные песни в обработке ансамбля «Яблоко». Особенно трогала меня песня про серую лошадку. Звенящим голосом Марина Капуро пела о пареньке, которого мать напрасно уговаривала остаться в доме:

Куда ж ты, маленький? Мир полон бед!

Мне казалось, что мать зовёт сына по имени — Мирполонбет. Как бы матушка ни упрашивала его не искать приключений, он, конечно, уехал далеко в поле на серой лошадке: не зря пословица говорит, что сердце матери — в ребёнке, а сердце ребёнка — в степи. Пропал без вести паренёк, и осталось бедной женщине только вспоминать сына:

Ну а он далече где-то затерялся,
На Пути на Млечном след его остался.

У тёти Любы тоже было дитя, затерянное где-то на Млечном Пути: ребёнок умер младенцем, и она в тихую минуту вспоминала о нём.

После первого класса, когда мама пожаловалась, что меня некуда будет отправить летом, тётя Люба тут же предложила съездить в деревню к её родственникам. Мы прибыли туда по Енисею на ракете «Заря», и я с самого выхода на берег полной грудью вдохнула свежий речной воздух, опьянивший меня ещё больше, чем впервые увиденный полевой простор. В деревне я с великим интересом наблюдала за тем, как растут овощи на огороде, как ведут себя свиньи, овцы и куры. Но с местной ребятнёй у меня не заладилось. Ловкостью я никогда не отличалась, и поэтому стоило им пригласить меня поиграть в мячик, как обнаружилось, что руки у меня дырявее старого ведра. Тётя Люба, увидев мой очевидный конфуз, обеспокоилась сохранением моего авторитета и выдумала целую затею со спектаклем. Соседского пацана она пригласила на роль короля и вручила ему скипетр из двурогой моркови, свою племянницу назначила королевой, меня — принцессой, их дочкой, а из числа других ребятишек выбрала принца, колдунью и уж не помню кого ещё. Реквизит мы отыскали за день, а зрителей в лице деревенских бабушек нашлось около десятка. В лучших традициях мексиканских сериалов королева потеряла память, меня похитили (в это время я пряталась в сарае), потом, после всяческих перипетий, счастливо обнаружили — правда, за это время я уже выросла и стала певицей. Тётя Люба накинула на меня цыганскую шаль с кистями, и я, к восторгу бабок, лихо заголосила:

Окра-асился месяц багря-анцем,
Где во-олны шумели у ска-а-ал.
Па-аедем, красо-отка, ката-а-аться,
Давно-о-о я тебя-а паджида-ал!

— Чисто Вероника Кастро! — умилялись старушки.

Выше похвалы для меня не было.

В деревне каждый гость после двух-трёх дней беззаботного отдыха должен хотя бы немного включиться в домашние дела. Баба Зоя, тёти-Любина мать, дала мне задание собрать фантики от конфет, шелуху от яиц и выбросить это в печку. Покрутившись в доме, я обнаружила ту печку, которую знала, — электрическую духовку — и не без сомнений выкинула мусор туда, чем до колик рассмешила бабу Зою. Скоро меня научили мыть посуду: мама не подпускала меня к кухне вообще, боясь, что я что-нибудь испорчу или разобью, а тут, в деревне, таких страхов ни у кого не водилось. Мне налили горячей и холодной воды в широкий таз, настрогали туда на тёрке хозяйственного мыла, и я стала протирать ложки, убедившись, что ничего трудного в этой науке нет.

Я обожала тёти-Любины дни рождения и ждала их больше, чем Новый год. Тётя Люба и в обычные дни была для меня красавицей, а на своих именинах казалась чудо как хороша. Она приносила с собой аромат духов и лака для волос, праздник и упоительную лёгкость. Если тётя Тома всегда выслушивала мою маму и сочувственно качала головой, то тётя Люба только смеялась над всеми проблемами.

Они обе были мне дороги, хотя общались между собой нечасто. Обе любили меня и мою мать, но не соперничали друг с другом. Каждая приходила тогда, когда была для меня нужнее.

Однажды на трудах мне задали какую-то поделку из шерстяных ниток. Мама, для которой всегда было важно любую работу делать или на отлично, или никак, тщетно пыталась выложить нужный узор и, наконец, разнервничавшись, велела мне отправляться к тёте Любе — та, рукодельница, точно должна справиться.

Я уже вышла на лестничную площадку, сжимая в одной руке свою неоконченную поделку, в другой — куклу Веронику, нажала на кнопку лифта и обнаружила, что он не работает. Нужно было спускаться на пятый этаж пешком. Осторожно заглянув в просвет между лестницами, я увидела, что электричества на двух ближайших этажах нет.

«Видно, поработал Чубайс», — подумалось мне. Я боялась темноты, но идти всё равно было нужно, и, прижав куклу к сердцу, я медленно стала спускаться. На первый лестничный просвет ещё хватало света лампы, но дальше начинался густой и холодный мрак. На улице была зима, по моим босым ногам дул сквозняк, и казалось, что зимняя стужа хочет выломать худые, сложенные из двух стёкол окна в форточках и взять в плен весь наш дом. Я выставила куклу впереди себя, ускорила шаг и благополучно дошла до пятого этажа, где горела яркая лампа дневного света.

Тётя Люба как раз была занята работой — плела из широких лент цветной коврик. На мою просьбу помочь она откликнулась охотно:

— Сделаем, сделаем! Только и ты мне поможешь: коврик доплетём, картошку сварим, крупу переберём — там и до твоей поделки очередь дойдёт.

Я никогда не считала себя хозяйкой и рукодельницей, но рядом с тётей Любой всё выходило на удивление просто: всё как будто варилось и сплеталось само.

Она предупредила мою маму, что я задержусь. Мы ужинали горячей картошкой с настоящим деревенским маслом, и я, смотря на готовый, лежащий под нашими ногами цветной коврик, выразила своё восхищение:

— Всё у вас красиво получается! Вы, наверное, всегда хотели швеёй стать.

Однако тётя Люба меня удивила:

— Нет, Ленок, не хотела. Я же учителем была. Математики. Была бы и дальше, да сама знаешь — зарплату совсем перестали платить. Вот я и сменила профессию.

Тётя Люба показывала мне свои драгоценности — браслеты, клипсы, бусы, заколки из разных поделочных камней, примеряла их на меня, называла меня красавицей и принцессой. В такие минуты я очень хотела быть похожей на неё. Она заказывала по почте журнал «Бурда Моден», шила по тамошним выкройкам одежду на заказ и на эти деньги жила, а в свободное время делала одежду себе самой. У неё были «варёная» джинсовая рубашка, кожаная чёрная юбка, зелёный пиджак с подкладными плечиками и много шёлковых цветастых блузок, которые я любила надевать на себя. По воскресеньям она надевала красные туфли на маленьком каблуке и ходила на танцы в Гордк, а иногда — в драмтеатр или оперу, и часто принимала гостей. Когда я впервые услышала слова «светская жизнь», то сразу решила, что это о тёте Любе.

Когда за окном был черёмуховый май или тёплый сухой сентябрь и меня особенно тянуло на улицу, приходила тётя Тома. Мы гуляли с ней по длинной, как вечность, улице Калинина, шли до Качи, до железнодорожного моста, встречая иной раз и цыган, и бездомных, которые привязывались к ней и клянчили денежку. Тётя Тома не боялась их, но и денег не давала, только угощала куском булочки или лаваша, если еда была у неё в сумке. До нынешней работы вахтёром в дк она служила медсестрой в тюрьме, и один Бог знает, сколько несчастных и обездоленных прошло через её добрые руки. Во время наших прогулок она рассказывала мне истории из своей жизни, похожие на странные сказки.

— В молодости ведь я на Севере жила. А там, знаешь ли, фруктов нет. Завоз один раз в год, считай, а потом всё — ешь что есть. Я один раз зимой в палатку захожу, а там туши какие-то висят. Это что, говорю, у вас? А мне отвечают: это собаки. Висят, знаешь, штук шесть в ряд, а сбоку — м-маленький такой собачонок. Как мне плохо стало, ка-а-ак я оттуда побежала! Ну, думаю, никогда-никогда такого в рот не возьму. И что ты думаешь, Лена? Заболела я в ту зиму туберкулёзом. А мне сразу говорят: от него верное средство — собачий жир. Так я этим жиром-то и вылечилась. И ничё, не брезговала больше. Корейцы-то вон собак едят — живые, здоровые!

— Однажды крысы у нас около дома стали бегать. Я в «зож» прочитала, как их травить. Смешала семечек с алебастром и разложила. Утром думаю: дай выйду, посмотрю. Выхожу раненько — нет никого. И вдруг вижу: крыса — шасть! Я сгоряча на неё: ах, проститутка! Дуй отсюда! Потом слышу: цок-цок-цок! Повернула голову — а рядышком девица бежит, такая нарядная, в чулках дырявых. Это, стало быть, она подумала, я её выгоняю. Хо-хо!

— Жители тюремные — они тоже заботы хотят. С виду страшные, а в душе тоже люди. Какие они красивые поделки из хлеба делали! Чётки делали — это бусы такие, чтобы одна за одной бусину перебирать и молиться. Избушечка ещё симпатичная была. А гномика с оранжевой шапкой помнишь, которого я тебе дарила? Это ведь тоже оттуда, делал один... Другой шкатулки вырезал. Они мне много дарили всякого да хорошие слова говорили. Один всё касаткой меня называл — ласточкой то есть...

В пятом классе тётя Люба сшила мне зелёное платье — блестящее, атласное, явно не для школы, а для выхода. Повод впервые надеть его скоро нашёлся: в Красноярск приехали известные дрессировщики, и мама дала тёте Томе деньги на два билета в цирк.

Мы приехали заранее, обошли и первый, и второй этаж, купили себе ведёрко попкорна, который нам ещё до сих пор не доводилось попробовать. И мне, и тёте Томе сладкий попкорн очень понравился; правда, на середине ведёрка её восторг резко угас: она сломала зуб о зерно кукурузы. Но даже это неприятное происшествие не слишком испортило нам настроение. Всё первое отделение мы смотрели на ловких медведей-канатоходцев, учёных гусей и собак, рукоплескали удивительным трюкам гимнастов. Тётя Тома восхищалась представлением ещё больше меня и азартно хлопала в ладоши.

Тот день оказался даже лучше, чем обещал быть, потому что во время антракта я увидела на первом этаже не кого иного, как Володю с его весёлой бабушкой. Заметив меня, он выбежал мне навстречу, тут же отрывая от своей сахарной ваты кусок и всовывая его мне в руки.

— Познакомьтесь, познакомьтесь, это Вова! — крикнула я тёте Томе, представляя друга.

— Так вот он, этот знаменитый Вова! — с улыбкой кивнула она, уже наслышанная о моём однокласснике.

Мы с Вовкой купили бинокли и всё второе отделение смотрели друг на друга: он сидел на левой половине зала, я — на правой.

После представления тётя Тома решила поехать к своим родным — внучатому племяннику Сашке и его матери Снежане.

— У меня ведь, Леночка, ещё одно дитё есть, — доверительно сказала она мне. — Тоже езжу к ним. Поедем со мной, я вас познакомлю.

Мы сели в плавно идущий по рельсам трамвай, ехали мимо незнакомых для меня, удивительных в своей новизне кварталов, и мне очень хотелось, чтобы этот день не кончался. Во мне было столько радости, что она выплёскивалась из берегов, и я больше всего на свете хотела поделиться ею с мальчиком Сашкой. Он оказался маленьким, большеголовым и показывал мне свои машинки. Тётя Тома на кухне убеждала его мать, что надо не пить, работать и переезжать в деревню, если там есть дом. Мы простились добрыми знакомыми.

Обе тётушки остались в моей жизни и тогда, когда я выросла. Повзрослев, я, конечно, узнала и поняла о них многое, о чём не задумывалась в детстве. Они не были идеальны, за каждой числились недостатки, причинённые кому-то когда-то обиды, но всё это было сущими мелочами по сравнению с тем теплом, которое они обе внесли в мою жизнь.

Когда мне исполнилось тридцать лет, тётя Тома, поздравив меня по телефону, решила спросить:

— А ты знаешь, почему тебя Леной-то назвали?

— Нет, — призналась я.

— Так это вот как вышло… Матушка же у тебя плохо кесарево перенесла, кровотечение открылось… ну, это ты уж, конечно, знаешь. Откачивали её, откачивали, полмесяца в больнице провалялась. Ой, бедная, сколько она перетерпела! Наконец выписали, мы с Любашей её встретили. Она потом дома-то лежит, я и говорю: «Ну что, как будем дочку называть?» А ей, бедненькой, уже ни до чего. С того света вытащили. «Не знаю», — говорит. Я спрашиваю: «Ну, варианты-то у тебя всё равно были?» Она мне: «Думала назвать Наташа, Лена или Ксюша». Я посмотрела на тебя тогда и говорю: «Давай-ка назовём её Лена. У меня мать была Елена — хоть не родная, а хорошая». Так и назвали. Образованная она была женщина, Елена Ивановна! В тресте работала. Матушка моя родная когда умерла, Елена Ивановна с отцом в Абакан переехали и меня взяли. Без них бы я на хуторе, может, так бы и прожила… Как она меня первый раз в театр свозила — будто сейчас помню. Спектакль «Ермак». Какая это была красота!..

Упокой, Господи, душу этой неизвестной мне Елены, мачехи маминой подруги — одного из многих пришедших в мою жизнь хороших людей.

Продолжение следует

ДиН ревю

Сергей Кузнечихин

Товарищи по несчастью

(невыдуманные рассказы)

Красноярск: «Палитра», 2021

Сергей Кузнечихин — автор многих книг, вышедших в Москве и Красноярске. При всей стилистической непохожести друг на друга их объединяет увлекательность и не проходящее стремление автора к жизненной правде.

«Товарищи по несчастью» в очередной раз подтверждают нежелание автора повторять себя вчерашнего и позавчерашнего. Подзаголовок «невыдуманные рассказы» указывает на автобиографичность книги, но автор пишет не столько о себе, сколько о «собратьях по перу».

Кузнечихин — принципиальный противник парадных портретов, сделанных для «доски почёта», поэтому у читателя есть возможность познакомиться с живыми людьми, с их достоинствами и слабостями. Герои книги не обязательно знамениты, среди них не только В. П. Астафьев, почётный гражданин Дивногорска В. Н. Белкин или классик эвенкийской литературы Алитет Немтушкин, но и поэт-изгой Николай Рябеченков, и другие талантливые люди. Книга будет интересна всем любителям красноярской литературы.

Вячеслав Лебединский

Во имя и вопреки

Гармония — это подчинение жизни, какой бы витиеватой она ни была.
Это ощущение, что всё схвачено и под контролем.
Л. В.

Самое страшное — это бессилие.

Если бы ещё во время зарождения заболевания я знал, что меня будет ждать, то сказал бы себе: «Мужайся. Настало время быть сильным».

Моё заболевание достаточно редкое. Суть его в том, что я не перестаю физически слабеть и ограничен в движениях, а значит, и в возможностях действовать. А ведь тот, кто уже что-то не может, опасается не мочь ещё больше. Нейромышечное заболевание Беккера на момент 2021 года считается неизлечимым. И, что хуже всего, прогрессирующим. То есть болезнь не оставит меня в покое до тех пор, пока я совсем не ослабну. Не успокоится, пока не добьёт. Что ж, я принимаю этот вызов.

Я живу со своими родителями. Порой им со мной нелегко, я это вижу и чувствую, и мне от этого печально. Они добры ко мне и очень помогают мне в жизни. Я люблю их всем сердцем. Даже в самые тяжкие моменты они не отворачиваются от меня. Им по-настоящему нет цены.

По правде говоря, мне уж очень не хочется лечь в кровать и больше не встать, не найти сил подняться. Опасаюсь недвижно и нескончаемо мыслить, тосковать и медленно в положении лёжа сходить с ума, не имея возможности даже вымолвить и слова. Хочется справляться, хочется не поддаваться жестокому року и именно что-то делать самому, без помощи. А теперь жизнь такова, что я не знаю, смогу ли в ближайшую минуту просто встать из-за стола.

Моя беда ещё в том, что мышцы безразличны к нагрузкам и посредством тренировок не развиваются. И даже более того — перегнув палку, можно навсегда их изнурить. Так я в школьные годы лишился силы в пояснице на одном из тренажёров в спортзале. Тут, оказывается, нужна золотая середина.

К счастью, я ещё могу перемещаться, используя руки, — без них никак, даже шагу не ступить, — поддерживая себя, подталкивая и подтягивая. Мои шаги становятся всё короче и короче. Поступь тяжёлая. Но это заболевание научило меня тому, что даже один маленький шаг вперёд — это очень хорошо. То же самое применимо и к достижению человеческих целей. Я считаю, продержавшись уже двенадцать лет с момента начала волн слабостей (сейчас мне двадцать восемь лет), что любое движение идёт человеку только на пользу. И написанное, и прочитанное предложение, а особенно глубокое — тоже. А ведь давненько ещё говорили в больнице, что скоро я ходить не смогу… Я способен вставать с единственного места в доме и даже на планете, но утренний подъём — это самое жестокое, что может со мной произойти. Мне может хватить сил встать эксцентричным способом лишь наполовину, а на другую сил, возможно, не хватит. Днём же зачастую справляюсь, но тело всё же может предать и испортить настроение. Иногда это столь чудовищно сложно, что, приняв вертикальное положение, я ощущаю, как тяжёлая кровь, гулко стуча в висках, вот-вот вырвется из черепа от перенапряжения.

Вообще, я потихоньку занимаюсь писательством и всеми вытекающими из этого занятиями. Хочу делать ставку на нечто необычное, так как обыденного в жизни хватает. Пишу в разных жанрах, на чём-то одном не зацикливаюсь. Учусь рисовать на графическом планшете, изучаю английский. Даю нагрузку телу для тонизирующего эффекта мышцам, чтобы они не обнаглели и не взбунтовались, ослабнув. Я знаю, что́ и сколько им надо. Всё это я познал на горьком опыте боли и увечий. Увы, я раб и заложник этого тела. Это просто надо принять. Но мы ещё поборемся — впереди третий раунд!

Некоторые мои мышцы так и вовсе не работают. Из-за этого у меня не совсем обычная походка (иногда приходится волочить за собой левую ногу), и для того, чтобы и вставать тоже, я научился использовать относительно рабочие мышцы и придумал совершенно другой способ подъёма, нежели обычный. Уж не знаю, сам ли я до этого додумался, или на то подтолкнул инстинкт выживания. Самые слабые мои мышцы — это передние части худых бёдер и поясница. Самые сильные — предплечья: они у меня как у моряка Попая.

Если все эти сотни падений и должны были меня чему-то научить, то им это до сих пор не удалось. Пропустив множество их через себя,

я не увидел в них смысла. Наверное, я необучаем в этом плане. Быть может, организм хочет сидячей жизни в коляске? Я не знаю. Давно ломаю над этим голову. Но буду против до последнего.

Постараюсь описать, как я встаю.

С левой стороны моего стола — стена и поручень. Я сижу на коляске или в кресле. Сажусь на их правый край. Мёртвой хваткой сжимаю выступ стола. Делаю рывок вперёд, ложусь торсом на правую руку. Левой рукой ползу по стеночке вверх благодаря перебиранию пальцев. Лбом упираюсь в стену, кренюсь телом вправо. Левой рукой цепляюсь за L-образный поручень. Так, полдела позади. И сейчас сил уже может не хватить на дальнейшее… А ведь победа так близка!.. Если чувствую, что силы есть, то чуть покачиваюсь вправо, делаю рывок влево — и тут у меня все надежды на левую руку, сжимающую поручень, подтягивающую меня. Тут я или выравниваю себя относительно по-лёгкому, или, чуть падая на стену и подтягивая себя вбок, помогаю носом или подбородком о поручень, выравнивая тело. Осталось только обалдевшие от внезапной нагрузки ноги выронить — и, можно сказать, дело в шляпе. Скорее всего, к этому моменту и вспотел. Но зато *сам!*

И кажется всё это немного противоестественным.

Человеку, а ближе того — писателю, важно до чего-то самому дойти умом, то есть понять нечто действительно важное в этой жизни. А ещё лучше — понять то, что ещё не понял никто. И отдать это. Я очень хочу знать как можно больше, стремлюсь через тяжёлые потоки лишней воды к знаниям, охотно впитываю то, что мне близко, и иногда мне удаётся благодаря внезапным озарениям что-то осознать. Такие моменты и полученные знания я очень ценю, но стараюсь не жадничать и делюсь ими в своих произведениях. Вообще уже несколько месяцев у меня из головы не выходят два предложениях великих: 1) «…Мой путь уныл, сулит мне труд и горе…» — и 2) «…Но я бедняк, и у меня лишь грёзы».

Многое я умел и многое разучился уметь, потому что это стало опасно и грозит падением, оттого что тело не выдержит минимальную нагрузку и я просто упаду. Увы, если я окажусь на полу, то нынче я не просто встать не смогу или хотя бы залезть на кровать (используя всё, что можно, и даже зубы о матрас, как раньше), но даже посадить себя на мягкое место. Проблема падений ещё в том, что они неконтролируемы, то есть тело в этот момент почему-то совсем всё вырубается, как от внезапной подсечки, будто обесточенное, и там уж дальше как повезёт. Когда оказываюсь на полу, ощущаю себя обречённым, почти как черепаха на спине.

У меня было три увечья на голове, три раза зашивали: два раза подбородок и один — затылок. Это были рассекающие раны о край стола и бок комода. Я пережил множество синяков (чёрных, синих, розовых, жёлтых), ссадин, шишек. Нынче уже полгода как хожу в боксёрском шлеме. Без него, нарезая круги до порога, чувствую себя не в своей тарелке. Он немного сужает обзор, но я привык. Человек вообще ко всему привыкает. Даже к вышеперечисленному, уж поверьте.

Также заболевание ударяет по сердцу и по речевому аппарату, затрудняя общение. Но я спокойно держу удар и стараюсь жить на позитиве. В этом моё спасение.

Дома раз в час мне желательно встать и походить (или просто делать шаги вперёд и назад у поручня), иначе потом от тела будет сложно чего-то добиться. В социуме можно просто постоять пару минут, чтобы кровь к ногам прилила, этого хватит. Если не делать этого, то позже дальнейшие движения дадутся мне с мучением. За один подход дома я трижды дохожу до порога, цепляюсь за всё, что можно, включая поручни, вмонтированные в стены, и в сумме делаю сто сорок четыре шага за десять минут. Прибавим сюда нагрузку на руки — это две минуты. Затем я обратно сажусь заниматься делами или отдыхаю.

С одной стороны, нагрузку давать надо, и я её даю около десяти раз в день, бродя и разминая руки, с другой — всё это грозит падением, ибо этому телу нужно совсем маленько, чтобы отказать мне. Мои зубы постоянно сжаты во время ходьбы. Всё это риск, но таков уж мой жребий. Когда хожу — предпочитаю не говорить, то есть не отвлекаться. В такие моменты о девушках, а особенно о запоминающихся, будоражащих кровь, лучше не думать — собьёт с толку.

Это была двоякая шутка.

И бывает, намаявшись, я не могу ответить перед собой на один и тот же вопрос: так что же — я для тела или тело для меня?..

У меня есть белоснежный европодоконник напротив самого входа в комнату. На нём с правой стороны стоит мой любимый, ещё совсем зелёненький, лимон, тянущийся прямо к солнцу. Он растёт медленно, но с упорством. Вытягивается он, распуская длинноватые листочки, — стараюсь и я, зрея, не отставать. Также подоконник используется мной вроде как стол под запасы еды, ибо на кухню мне вход закрыт, там не за что держаться руками. Часто в моём распоряжении есть шоколадки для подкрепления душевных сил, иногда газировки для поднятия настроения (и для писательства, ибо в них бывает кофеин и сахар), обязательно яблоки, изюм, печенье, орехи, чтобы голова лучше варила, как-никак моя стезя — интеллектуальная; порой встречаются чипсы и сухарики. На худой конец можно обратиться к помощи кипятка из кулера и сделать себе еду быстрого приготовления. Но я стараюсь не налегать на вредные продукты,

потому как желаю прожить как можно дольше. Сама жизнь—самое ценное, что у нас есть.

Иногда, когда совсем туго, мне кажется, что всё это моё сопротивление—не что иное, как отчаянные, тщетные бултыхания утопающего, которого нечто более сильное и враждебное уносит в тёмную и глубокую пучину морскую, из которой не выбраться, как и не вернуть упущенные силы назад. Моей воли всё чаще недостаёт, чтобы противиться предначертанному.

Увы, и речи быть не может о преодолении одной-единственной ступеньки. Тело не выдержит, рухнет, как подкошенное дерево. Так уже давно. Раньше, когда заболевание не так сильно ослабило меня, я мог мыть посуду, немного стирать, сам накладывать, греть еду в микроволновке и относить к себе в комнату. Теперь же мне помогают с этим. Сейчас я способен протирать в некоторых местах пыль, более-менее мыться (это при том, что руки вверх совсем не поднимаются, к примеру, к голове), бриться, чистить зубы, немного разбираться с вещами (это при том, что руки и вперёд особо не вытягиваются). Вообще приходится, одной рукой зажав предплечье, плечом помогать другой и верно направлять. Капризничающие конечности, можно сказать, говорят мне взвинченным голосом В. В. Жириновского: «Не буду! Не хочу!»

Для меня обычное дело быть дома неделями, не выходя в социум. Если чего-то и не хватает моей душе, так это вольных затяжных вечерних или ночных прогулок в осенний дождь. Когда-то давно они у меня бывали, и никогда мне не было так хорошо, никогда я не ощущал такого сильного единения с миром, как тогда. Вечер и ночь манили меня, я острее ощущал и замечал всё происходящее, и даже казалось, будто бы сумерки и тьма вселяли в меня силы.

Это заболевание повлияло на меня и физически, выгнув спину назад для баланса тела, и умственно, и духовно. Без него я был бы худшей версией себя. Жестокость и несправедливость тела хорошенько по мне прошлись и сделали меня устойчивее к трудностям. Чтобы достичь целей, я стал более напрягать голову и искать разные лазейки и тропы даже там, где их, казалось, нет. Ограниченности могут свести с ума, ну а я же обдумываю, как добиться малыми средствами (силами) своего. Думать мне помогают ясная голова и спокойствие. Я отказался от легкомысленности, этой черты, свойственной юным возрастам и ветреным людям, стал менее эмоционален (эмоции губили разведчиков), научился грамотно жонглировать временем и более верно, с пользой, его использовать. И всё же порой мне приходится обращаться к помощи или смирению, когда выхода действительно нет. Это спасает.

Я считаю, что в определённый момент у человека должны возрасти требования к себе. Иначе он будет лишь грезить мечтами, а не стремиться к ним.

Год назад моё заболевание, этот дамоклов меч, сильно нахлынуло. Мы многое перепробовали и в конце концов обратились в больницу к специалистам. Сил, увы, потерял достаточно. К великому счастью, уже месяц как на меня вроде бы не наступают волны слабости. Но точной уверенности в этом нет. Сейчас я живу, прислушиваясь к телу, испытывая лёгкое беспокойство от осознания того, что завтра я не смогу что-то, и это будет гудком к тому, что ничего не изменилось. А если и изменилось, если силы стали реже уходить, значит, препараты лишь замедлили действие заболевания. Отсрочили, так скажем. Но, возможно, новые медикаменты сказали болезни: стоп. Печально только, что ни один из множества препаратов мне ни на грамм не прибавил сил, хотя, по описанию, должны были.

С недавних пор я понял, что любая болезнь—это величайшее зло против человека. Но поддаваться нельзя. Впадать в уныние—тем более. Не дождётся! Не из того я теста. Адаптировался до этого—значит, и в дальнейшем как-нибудь выкручусь.

Не раз я был в тупике, и не единожды меня посещали отчаяние, бессильная злоба, разочарование в себе. Но они во мне не застаивались, так как я заостряю внимание на плюсах в жизни.

Особенно прекрасен тот день, когда я выполнил все дела с должной самоотдачей. Это и писательство, и положительно проведённое время с родными, и данная телу необходимая нагрузка, при которой я не упал и смог не раз сам встать из-за стола. И тогда, лёжа в кровати после молитв и чтения лёгкой книги для общей пользы, я шепчу себе перед сном: «Сегодня я смог».

Для меня это очень важно—мочь, бороться, и не поддаваться. И во имя, и вопреки.

Наталья Джурович

А деревья поют и поют

В эту землю

В эту землю кротко отцветаю
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется, как в мае.
Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.
Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдце,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.
Мир, как слёзы детские, правдив.
А другие разве столько значат?
Сын родится—Родина заплачет,
Никуда ещё не проводив.

Воспоминание

Тот же шустрый спорыш у калитки,
Муравей ползёт по рукаву.
Кажется, как детские улыбки,
Яблоки попадали в траву.
Мы колени все в пыли разбили,
Сколько хочешь на руках земли.
Как траву ту взрослые растили,
Кустики несли, несли, несли.
Если в полдень вдруг заморосило,
Как досадно было детворе!
Вы зачем-то дождь «благой» просили
И бросали веник во дворе…
В мареве с ума сходили осы.
Пыльные елозили штаны…
Корни, словно бабушкины косы,
Навсегда теперь заплетены.
Но уходят в прошлое поверья,
Как когда-то в вечность—сыновья.
Лишь осталось несколько деревьев
И четыре взрослых муравья.
Во дворе разросся подорожник,
Знатен наш тамбовский чернозём.
Только где же бабушка, о Боже?..
И цветы несём… несём… несём…

Алёше

Про кого тебе сказку, Алёша,
В эту ночь Рождества рассказать?
Младший сын в каждой сказке хороший,
Но его-то и любят ругать.
Наше скромное детское счастье
В своей песне сумел ты воспеть.
Ты не плачь—ну, хотя бы не часто,
Мы же выросли, нужно терпеть.
Мудрый царь говорил: «Всё проходит…»
Но навек—кипарис и миндаль!
Наше детство—смешной пароходик,
Навсегда уплывающий вдаль.
Оттого так неистово бьётся
Твоё сердце, без лат и брони.
Кипарисы, как амфоры с солнцем,
Ты всегда в своём сердце храни.
Да, сестрою была я неважной
И не вправе тебе завещать…
Как прощенье кораблик бумажный
Белый парус расправит опять…

Вишни

Прекрасны в одеяниях резных,
Слегка горчат мне вишни и алеют.
От этой важной, царственной весны
Ресницы, намокая, тяжелеют.
От самого короткого стиха
Заплачет сердце, и пробьётся корень.
Звончее, чем стихи, растёт ольха
С приветливою бархатной рукою.
Назвать себя—не нужно много слов,
Отечеством и отчеством не дрогну.
Мой дед Иван, тамбовский, Колмыков
На эту чернозёмную дорогу,
Как лист вишнёвый, снова упадёт
И станет изумрудною травою.
Здесь маленькая девочка пройдёт
С пытливою и русой головою…
…Но отчего-то снова мне горчит,
Как первая алеющая завязь…
А сердце то заплачет, то молчит,
Весенними абзацами терзаясь.

Брату

Хорошо, что с сердцем я не в ссоре,
Сердцу—биться, строчкам этим—быть.
Посмотри, как корчится цикорий,
Не умея горечь разделить.
Сколько лет прошло, десятилетий,
Сколько ветер обломал ветвей,
Сколько горьких высохло соцветий,
Сколько мы нахмурили бровей…
Гаснет тропка в травах, словно свечка,
Всё успело стихнуть и застыть.
Посмотри, как обмелела речка,
Что боялись мы не переплыть.

Гуси

Детство пахнет картошкой варёной,
Кострецом на зазубринах вил,
Нашей тихою речкой Вороной
И плотвою, что брат наловил.
Детство пряное; блёклые маки
Отцветают на грядке в росе.
Мы бежали в траве без оглядки
И травы не жалели совсем.
На просторном лугу, чуть подальше
От суровых гусей убежав,
Мы лягушек ловили бесстрашно
И гоняли пупырчатых жаб…
Замолчали крикливые птицы,
Заросли осокой берега,
Лишь лягушка из сказки мне снится,
И свирепое чудится: «Га!»
Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
Пусть колола бы пятки трава,
Лишь бы речка, как раньше, журчала
Там, где бабушка вечно жива…

В мае

Пусть смотрит день зелёным взглядом
И не спешит листвой шуршать,
Но вздрогнет вдруг моя душа
От завтрашнего листопада.
Тот, кто крылат, всегда гони́т,
И потому все птицы правы.
Как нервно шелестели травы,
Когда вчера я шла по ним!
Те травы ранят всё острей—
За то ль, что я их принимаю?
Быть может, ивы плачут в мае
От листопада в сентябре.

Деревья

И опять этот май неумело, но искренне всхлипнет,
Содрогнётся нечаянно в светлом дурманном чаду.
По аллее бреду, и грустит белопенная липа,
Или крохотной былкой в чужом прорастаю саду.
Припадаю к дорожным камням, словно каменной, грудью.
Здесь разносит твой ветер останки цветов, словно прах.
Я готова расти на камнях, отказаться от «будет»,
Возвращаясь, печальное имя качать на ветрах.
Мне теперь говорят, что дорога не «право», а «десно»,
И душа не отвергнет радушный и добрый приют.
Из шагов, как из ямбов, смотри, получаются песни.
…Замереть и стоять…
А деревья поют и поют…

Долина Сирени

В этом городе спрятаться сердцем мне негде.
Так в крыле своём гаснет ослабленный лебедь,
Что смирился с теченьем реки.
От обиды и тяжести улиц бетонных,
От бездонного взгляда и кошек бездомных,
От привета руки.
От сирени, что теплится ладаном детства,
От щемящего запаха кислого теста,
От воскресного долгого дня.
От того, что на небе следы самолёта,
От того, что в полёт этот взяли кого-то
И не взяли меня.
Это миг неизбежной сиреневой муки.
Мотыльками цветы опадают на руки,
И кончается день.
…От того, что весна—это лишь повторенье,
От того, что все улицы пахнут сиренью,
Что я тоже сирень.
Это горькая радость от слов «Йоргóване…».
Та долина—достойная дань расставанью,
Но тяжёл и несносен бетон.
В затаённом дыханье долина Сирени
Мне на помощь приходит, всего на мгновенье,
Выпуская бутон.

Ксения Савина

Этому миру

● ● ●

День потемнел, погиб,
Я лёг,
Но долго не мог уснуть.
Меня сводил с ума
Душный, беспредельный август.
В густом предгрозовом воздухе
Был омерзителен,
Невыносим комариный вой.
Я ждал, что ангел сна,
Ангел ночи
Молнией ослепит
Утомлённый мой ум—
Я усну.

Я уснул, и явился
Мне ангел ночи,
Ангел беспокойного,
Страшного сна.
Он сказал:
«Я преподам тебе урок,
Будет тебе наука.
Меняется всё,
Всему находится предел.

Вот сердце твоё возьму
И чужое возложу
На алтарь груди.
Ты проснёшься и не будешь знать,
Что в тебе стучит».

● ● ●

В такие ночи надо
Обнимать любимых.
Но что мне делать,
Если они не любимы?
В такие минуты
Нужно кого-то прижать
И к кому-то прижаться.
Но время моё всё равно
Ни с кем не разделить,
Не располовинить.
Однажды уйду, легка,
Как строка,
Ускользнувшая после сна.
Уйду, а этому дому оставлю
Слёзы, и все они мне зачтутся.

Alter ego

1.

Что нелюдим,
Не брани—
Над обрывом
Бродить
Кого призову?
Кто от неделимого
Часть возьмёт?

2.

И не встают полки
На стон строки,
И я одинок,
Не высоко и прекрасно—
Я одинок
Смертельно.

3.

Этому миру,
В котором лишён
Был и чести, и звания,
В котором были растоптаны
Знаки отличия,
Ничем не обязан.
Только жизнью,
Она теперь—милость противника,
Но будет—противника промах.

4.

Ещё кричишь: я соберу полки,
Ещё кричишь: я призову знамёна,
Но глядишь уже как старик,
И всё тебе больно.

● ● ●

В себя возвращаюсь,
Как в сапоги по ноге
Из испанских сапог.
Что с того, что
Сношены
И где-то всё равно
Туги?
Легки, легки!

Дмитрий Русин

Россия, осень, утро. Обнимаю

● ● ●

Молодые, сильные закрывают глаза
навсегда, и руки не успевают
зачерпнуть на память хотя бы са-
мую малость того, что тут называют:

«Счастье моё добытое, найденное моё».
Барабанят по крышкам слова и жесты.
А ты, печаль моя,—не стал ты ещё землёй…
И снова не то, и снова неинтересно.

● ● ●

Россия, осень, утро. Обнимаю
Крепко-крепко верный радиатор,
И над городом клокочущую стаю,
И ужасную ноябрьскую дату.

Холодно в стране моей угрюмой,
В армию кого-то забирают.
Облаков кочующие тюрьмы
Переполнены до самого до краю.

И вода над всеми, слушай, нами!
Льёт и льёт бессмысленно и ровно,
Словно ничего не понимает,
Словно и невинные виновны.

Наш лейтенант

Когда мой прадед умирал
(И немецкий танк его хоронил),
Смоленскую землю в руках сжимал
И с ней как с девочкой говорил—

Говорил секунду или же две,
Пока лейтенантские кубари
Уже тонули в густой земле:
«Вот нá тебе звёздочку, не реви…»

И даже если не говорил,
И даже если кричал, молчал,
Он эту звёздочку подарил.
И вот горит на окне свеча.

Война была очень давно—вчера
Об этой войне говорила дочь…
Смотри, как ровно горит свеча—
Так наш лейтенант охраняет ночь.

● ● ●

Берёзка на крыше советской пятиэтажки
Просто растёт и не старается показаться
Каким-то намёком в сторону «этой Рашки».
А люди внизу, кажись, начинают драться.

А люди внизу уже все лежат вповалку
И верят на слово всякому Цицерону.
Берёзка на крыше растёт, и ей никого не жалко.
Вернее—жалко, но как-то вот по-другому.

1 января 1995 года

«Дед Мороз, Дед Мороз, я хочу автомат!»—
Это я так просил для себя в ноябре
В девяносто четвёртом, и с боем курант
Дед Мороз приходил с автоматом ко мне.

«Та-та-та! Та-та-та!»—целый день во дворе.
И о том, кто был ранен первей,
Мы ругались уже в январе… в январе…
На игрушечной нашей войне.

А потом были сводки, как сальный бушлат,
И чумазый солдат на броне
Говорил журналисту, сбивался на мат
И не знал ничего обо мне.

Новогодние праздники—тёмные дни.
Раз пришёл—не шуми, проходи.
Это всё-таки старшие братья мои.
Не тревожь их теперь, не буди.

● ● ●

Когда огромный кыстыбый
На автостанции в Дюртюлях
В руках, и ехать ещё по степям Башкирии,
Нет почему-то печали о новостях—
Вообще обо всём, что творится в мире.

Это небо не трогает самолёт
(Во всяком случае, хочется в это верить).
Путник, без вариантов, душу здесь подождёт—
На старом автобусе, с опозданием,
Но она приедет.

* * *

У всякого счастья имеется привкус грядущего.
Так в окружённом городе смотрят кино и поют, как прежде.
Грядущее пишет послания всюду прозрачной тушью,
и мы ничего не видим, и нет никакой надежды,

что нас вот минуют как-нибудь перемены,
что город проснётся, и нет канонады фронта.
Нет, не надейся ни капли на эти родные стены.
Просто оставь им в рамочке своё золотое фото.

Грядущее ставит с размаху жирные точки в наших
ещё не написанных, не придуманных предложениях.
Точки за точками—младше ты, или старше,
или в прекрасном возрасте скорби и сожаления.

Грядущее комкает лирику в мокрый смешной платочек
и говорит под руку: «Послушай меня, послушай!
Только в одном направлении вовсе не встретишь точек—
это когда на земле ещё торопятся к Богу души».

Август

Дорожный молитвослов, закладка из тысячелистника:
«Сподоби мя, Господи, ныне Тя возлюбити!»
Всё переменится к лучшему—или не к лучшему:
Строители, журналисты, правители, истребители…

Пока облака размашисто пишут своё священное
И верного шифра к сердцу не знают ещё предатели,
Всё далеко не такая уж и бессмыслица,
И звёзды близко, как маленькие прощения…

На память

Это кто это там перешёптывается за спиной?
Обернёшься, как в фильме,—только сухие листья
Перекатываются на ветру, договариваются со мной:
«Запомни, запомни нас, мало ли что случится!

Холодная осень—блистательный Тамерлан—
Пришла, сожгла нас и выбросила на землю…
Набери нас побольше, набей нами свой карман
И царствуй как хочешь, владей нами безраздельно».

Случайная фотография

Архивная фотокарточка: последние пионеры—
на уроке три пары блестящих о чём-то глаз,
восьмидесятые. Качество фотки скверное.
А впереди ещё вечный январь, Кавказ.

И снова домой, и снова—к порогу школы,
и с портретом к школе прикручивают гранит.
На груди гранита орден большой наколот…
И только фоточка старая правду ещё хранит.

Илья Новиков

Разрастаясь, восходит новая эра

Ложная вера

Сколько хлеба взойдёт из свинцовых семян?
Сколько дыма развеет огарок свечи?
Как душа вслед за телом скатилась в карман?
Где тревогу забили земные ключи?

Что вершится на троне, сокрытом от глаз?
Кто проснётся во чреве нейронных глубин?
Чьим сигналам покорны движения масс?
Куда тянутся нити земных пуповин?

В олеандровом платье, ломая печать,
Разрастаясь, восходит новая эра.
Продолжая губить нашу общую мать,
Крепнет запахом денег новая вера.

Бога можно менять, Богом можно сорить,
Прогорая сердцами в заре золотой.
Бога горько терять. Богом можно убить,
Запятнав свои руки кровавой росой.

Богом нужно спасать! Бога нужно дарить,
Ожидая рассвета под красной звездой.
Неизбежно страдать, но священно любить,
В негасимой борьбе очищаясь душой.

Когтистый век

Деревья—зонтики укропа,
Пристанища чумных ворон,
Безвкусные плоды хип-хопа,
Метафорический гудрон.

Зима просверливает панцирь,
Врезаясь в сердце пустотой.
Любовь прилипчива, как канцер,
Не убивается иглой.

Снуют под шапкой закавычки,
И бесы колют в хлипкий нерв;
Выносят «правду» за кавычки,
Доспех души до дыр изъев.

А ты, подобно белой льдине,
Дрейфуешь в гуще чёрных вод.
Твой капитан на бригантине
К штурвалу пьяным телом льнёт.

Когтистый век в железной башне
Рождает новую войну.
Где наш покой? Где край домашний?
Как скоро встретим мы весну?

Я осознал себя животным

Я осознал себя животным,
Кусая шею нелюбимой.
Я осознал себя животным,
Затравливая тех, кто слаб.
Я осознал себя животным
Во власти ярости звериной.
Я осознал себя животным,
Увидев отпечатки лап.

Я осознал себя животным,
Продав на рынке свою тушу.
Я осознал себя животным,
Спасая шкуру от плетей.
Я осознал себя животным,
В тени подъезда сделав лужу.
Я осознал себя животным,
Бросая собственных детей.

Я осознал себя животным,
Украв медаль у ветерана.
Я осознал себя животным,
Пообещав, что изменюсь.
Я осознал себя животным
В плену двуногого тирана.
Я осознал себя животным
И осознанием давлюсь.

Наша весна

Смыло снег весенним дождём,
Ободряя замёрзших птиц.
Мы теперь с тобою вдвоём,
Веет светом от наших лиц.

А меж рук расцветает сад,
Что возделать нам предстоит,
И его терпкий аромат,
Как вино, нас с тобой пьянит.

Каждый день я иду к тебе,
Тяжелея ещё на грамм,—
Это чувство растёт во мне
Соразмерно моим шагам.

И, казалось бы, я тяжёл;
Я, наверное, грохочу.
А потом я смотрю на пол—
И… скорее к тебе лечу!

Быть матерью

Быть матерью на пригорелой кашке,
На заспанных всевидящих глазах.
Быть каждой пуговкой в петле рубашки,
Быть теплотою в любящих губах.

Распутывать клубок девятисотый,
Делить минуты, множить маету,
Быть голосом, терпением, заботой,
Во всё вокруг вселяя доброту.

Обиды горечь разбавляя лаской,
Быть неприступной для капризных слёз.
Сердечно улыбаться над коляской;
Встать маяком на каменный утёс.

Быть зонтиком в осенний день дождливый,
Панамкой стать в воскресный солнцепёк.
Быть матерью, а значит—быть счастливой,
Спасая твой некусаный бочок.

Предназначенная

Распахнула она окно,
Улыбаясь апрельской неге.
По ногам загуляло тепло,
Закружились витые серьги.

В перекличке весенних птиц
Запорхали рыжие пряди.
Ухватился за плечи ситец
В обертонах цветастых ссадин.

Нагадает ей жизнь походку
И дарует жаккардовый шарм,
Лёгкой сложности пряную нотку
И косой сексуальный шрам.

Нагадает ей жизнь дороги,
Разобьёт вдоль околиц шатры,
Чтоб её загорелые ноги
Покоряли мужские миры.

Нагадает ручьи лесные
И горячие горы песка
Там, где бабочки золотые
Не коснутся её живота,

А упрямый разбойник-ветер,
Всякий раз вознамерясь схватить,
Лишь царапнет пустые клети
И сорвётся в ущелье—выть.

Вдалеке её ждёт оазис,
Окружённый живым миражом.
Там под сердцем забьётся радость
И заснёт младенческим сном.

Я её отыскать пытаюсь,
Мы друг к другу всю жизнь идём.
А пока она, улыбаясь,
Дышит первым апрельским днём.

Сад

Мой изуродованный сад
Рождает мёртвые цветы.
Всегда в нём сломана скамейка…
Но нет в уродстве красоты,
Лишь к жалости людской лазейка.

Сад, изуродованный мной,
Цветёт зимой и пахнет злом;
К весне становится осклизшим…
В нём я лицом к лицу с врагом,
Чинить скамейку запретившим.

Под лиственницей

Посвящается
М. Е. Кильчичакову

Вдали от городов больших,
Среди холмов и леса,
Златых усов полей ржаных
Есть памятное место.

Оно, сокрытое от глаз
Подобно первоцвету,
Ветвями крепкими не раз
Приют дало поэту.

Казалось, будто под корой
Царило вдохновенье.
И даже воздух был другой
Под лиственничной сенью.

Слепой туман, ветра и зной
Не трогали ветвей,
Как будто бы шаман степной
Заснул в узле корней.

И в этой благостной тиши
На свет рождалось слово
Из человеческой души,
Из лиственного крова.

Оно летело на крылах,
Играя содержанием.
Цвело в читательских сердцах
Природным дарованием.

И музыкой заветных рун
Звучало в переводе.
Неслось как тысячный табун,
Вещая о народе.

Уже минуло много зим,
Но слово не забылось.
Мы с гордостью его храним,
Чтоб память сохранилась.

Под лиственницей проседи…
Она грустит о птицах,
А дымный сахар осени
Горит в её ресницах.

Марк Перельман

В небо, в небо…

●●●

Не пробивай в пустом пространстве брешь,
раскинься лесом влажным и цветистым
и расскажи мне, где граница меж
разбойничьим и соловьиным свистом.

●●●

бесшумный вал сиреневой волны
накатывает мягко, словно валик,
вдали чернеют камни, валуны,
собратья мелких камешков и галек.
все, бывшие на пляже, разбрелись
напиться перед сном зелёным чаем,
пар вьётся, поднимаясь в синевысь,
к туманному крылу прибрежных чаек.
оставшись одному на терпкий вкус
воды солёной, и вина, и хлеба,
понять, что знал не только Иисус—
любой ребёнок знал, взглянув на небо,
услышав зов созвездий в облаках:
на внешней стороне любого века
мы—альфа, жизнь в бесчисленных веках,
на внутренней—лишь сон, её омега.

густеет ночь, смыкается прилив,
податливый издревле Моисею;
Икар здесь падал, крылья опалив,
и памяти морской—нет, не посмею
я пожелать ни другу, ни врагу,
и остаётся лишь, прикрыв глаза, мне
морской звездой лежать на берегу,
пока вода обтачивает камни
да острый прищур битого стекла
для тех, кого обычно ранят стёкла
и дети их—бутылки, зеркала;
в одних моя душа насквозь промокла,
а во вторых видна почти насквозь,
почти—поскольку зеркало немного
лжёт, ибо делит душу вкривь и вкось
с предметом; впрочем, скатертью дорога
любым попыткам вечность разделить;
пока созвездий участь разделять я
могу—земля и море мне кровать,
по крови и воде мои собратья.

Про/зрение

А в городе так просто потеряться,
нащупать путь, пойти—и заблудиться,
как в лабиринте фавнов и зверей.
Не абонент мобильников и раций
и вовсе не приверженец традиций
засесть в гудящем баре и напиться,
что для иного проще и верней.

Но лучше бы найти безлюдный дворик
подальше от любых людей и тварей,
от светофоров, вывесок и схем.
Не важно, кто пространство мониторит,
не важно, крестик на груди иль нолик.
Ты частый гость на сером карнавале,
ты—эхо безразличия систем.

Но изредка ты смахиваешь ересь,
надеясь, что внезапно грянет буря;
задумчив, тихим знанием свечась,
кристальней неба и святей лазури,
на солнце смотришь трезво и не щурясь
и снег вдыхаешь как в последний час.

В небо, в небо…

…мне было пять:
я на трамвае не уставал летать.
знаете, жёлтый такой трамвай,
я говорил ему: «в небо, в небо!..
только не уставай».

и трамваи не уставали,
в небо лилась их гибкая сталь,

потом я услышал…
вернее, мне рассказали:
это горизонталь.

также и дальше
дороге виться
под чей-то говор,
под крики птичьи,
собачий лай.
лишь повторяется—
в пять и в тридцать:
«только не уставай».

* * *

песня алтарных птиц недоступна эху,
так бессловесно заделывают прореху
в области духа, и слышится клёкот райский,
чистый, прозрачный, без примеси и окраски.

злится лишь тень, не достигнувшая предела,
если пространство сузилось, поредело,
если весь город в мужском или женском роде
сам разодел себя по последней моде.

да, эта тень попадает сама в тенёта,
к ней не пробьётся живая душа, и нота
песни алтарной не прозвучит ей в полдень
как отголосок мысли о райском плоде.

песня алтарных птиц предо мной порхает:
тень—это тень, не хорошая, не плохая.
только на плоскости тянутся, пламенея,
улиц изгибы, принявшие облик змея.

* * *

Люди закутались в улицы, словно в плащ,
ветхий, змеистый, тянущийся и долгий.
а поперёк им стелется синий плач
талой воды от Невы и до края Волги.

Город не голем, но жизнь его на просвет—
дымный очаг бетона, стекла и стали,
вот и выходишь на торс, на его проспект,
руки и ноги—ветвистые магистрали.

В этот безумный, безумный, безумный век
ты догадаешься разве что вдруг, случайно,
глядя в своё отражение в синеве:
сердце не made of steel и не «made in China».

* * *

твой беглый взгляд в окно—блик из окна,
он тянется, застыв на перепутье,
и застаёт деленье клетки на—
не надвое, а лишь на дверь и прутья.

на всём неясный отблеск слюдяной:
куда ни глянь, любой предмет и место,
плывя в глазах, вид обретёт иной,
и это всё, что подлинно известно.

не улица—пространства чёрный клок,
не дельтаплан летит, а просто птица
о четырёх крылах, и диалог
любой в устах разомкнутых двоится.

не кисть, а ветвь белеет у лица,
лишённого знакомых черт и краски,
и только снег—по-прежнему пыльца,
слепящая и лепящая маски.

Увертюра

Ты—флейта мира,
Ты—его свирель,
Волынка… что-то духовое;
Оркестр с пьяной головою,
Чья музыка—лишь акварель
Сердец,
И рук,
И голых нервов,
Обёрнутых одним плащом.
Ты музыкой умрёшь… и, верно,
Родишься
Заново
Ещё.

* * *

лишь пыльная взвесь,
ни капли воды.
но зелень и здесь
давала плоды.
я шёл, нелюдим,
сквозь яблочный стук,
сквозь вишенный дым
от призрачных рук.
и солнце, копьём
пронзавшее грудь,
увидело: пьём
не воду ничуть,
и к нёбу прилип,
дыханье любя,
не лиственный всхлип,
но крик воробья.

Птичье

кашель больного утра
пар над водой пруда
крякает мимо утка
крикну в ответ куда

тянется крик до точки
до голубой луны
лёгкой ночной сорочки
к шёлку её прильни

чтобы уже не чаять
пуха и тополей
крики белёсых чаек
рыжей весны теплей

заколотили двери
заперли на засов
крылья глухой тетери
неотразимье снов

Наталья Бочечко

Руки

К подъезду, озираясь по сторонам, подошли двое. Высокая крепкая старушка и мальчик. Мальчик шёл на руках. Ног не было. Совсем. Были туловище, голова и мускулистые руки в бело-красных рабочих перчатках. Такие покупают для работ в огороде или для ремонта машины. Серая майка, брючины спортивных брюк закреплены крест-накрест на спине. Мягкий овал лица. Серо-голубые глаза — такие у многих бывают. На голове ёжик из белых жёстких волос, сквозь которые просвечивает розовая кожа головы. Брови белёсые, едва очерченные. Руки ловко передвигали его по тротуару и даже шагали по лестнице. Как ноги, только руки.

«В общем-то, не красавец, но милый», — так определила для себя Катя. Отсутствие ног её сначала удивило, но не сильно. Ну идёт, ну на руках — просто такой человек.

Она успела заскочить вместе с ними в подъезд. Старушка заметила худенькую девочку с пакетом «Пятёрочка» и придержала дверь. В руках у старушки были ключи от квартиры и домофона, хотя Катя раньше никогда её тут не встречала.

— Спасибо, — сказала девочка и, взглянув на старушку, поймала её ласковый улыбающийся взгляд.

Улыбался именно взгляд — не губы. Губы вытянулись в строгую тонкую линию.

«Лицо у неё какое доброе», — невольно подумала Катя. Что делало его добрым — трудно сказать. Может быть, опущенные уголки глаз, внимательный взгляд, но больше морщинки, сложившиеся на лице за долгие годы в определённый рисунок. В молодости, когда ты красив и модно одет, легко притвориться добрым. Упругая гладкая кожа тебя не выдаст. Но к старости злость, которая прёт изнутри, не скрыть. Как и доброту, и всё остальное, чем ты на самом деле наполнен. Мимика день за днём незаметно прокладывает дорогу к истинному характеру человека, колдуя над податливой кожей лица.

В лифт зашли вместе.

— Вам на какой? — спросила Катя.

— На седьмой, — ответила старушка.

— Ой, так это под нами.

— Я не вижу, где тут семь? — не ответив, сощурилась старушка на табло с нумерацией этажей.

— Я вам уже нажала.

— Спасибо, — тихо послышалось снизу.

Катя удивлённо взглянула вниз на мальчика. Так он говорит! Удивилась и тут же приняла как данность. Почему бы ему и не говорить? Не ногами же люди говорят.

— А вы в гости? — спросила она.

— Да, к двоюродному брату Юрочки, — сказала старушка, взглянув вниз на Юрочку. Катя тоже посмотрела. — До августа поживём в вашем доме. У него родители на юг уезжают, просили присмотреть за сыном.

— Да? Сашка ничего мне не рассказывал. Мы в одном классе с ним. А он почему не с ними?

— Медовый месяц у них, — улыбнулась старушка.

— Какой медовый месяц? — опешила Катя. — Для медового месяца ведь папа нужен, а у Сашки его нет.

— Теперь есть. Леночка снова выходит замуж.

Катя сразу поняла: Леночка — это Елена Петровна, Сашкина мама. Но почему Сашка не сказал, вот что странно.

— Заходи в гости, — сказала, выходя из лифта, старушка.

Мальчик, привычно перебирая руками, вышел следом.

— Я зайду, — успела ответить Катя прежде, чем дверь лифта захлопнулась.

Катя позвонила в дверь Сашкиной квартиры в то же вечер. Открыл он сам.

— Привет. Во-первых, почему не рассказал про… — начала Катя и осеклась.

Получилось возмущённо, сразу пожалела. Сашка стоял перед ней босиком, в домашних трениках и помятой футболке. Осиротевший какой-то. Он, открыв дверь, тут же потупился и как-то весь съёжился. И мамы рядом нет, и теперь ещё Катя знает все его секреты.

— Сашенька, к нам гости? — выглянула из кухни старушка из лифта.

— Здрастье, — Катя, встав на носочки и выглянув из-за Сашкиного плеча, кивнула ей.

— А мы уже виделись сегодня. Идите чай пить. У нас сегодня торт.

— Сейчас, бабушка, — откликнулся Сашка и мельком взглянул на Катю.

— Да ладно ты! Что такого? Сейчас замуж даже в шестьдесят выходят, — примирительно сказала Катя.

Ей стало жалко, что Сашка так смутился.

Сашка вскинул на неё недоуменный взгляд.

— Так ты про маму-то с дядей Серёжей? — оживился он.

— Да, а что ещё? — Катя задумалась на секунду и вдруг вспомнила: — А-а-а! У тебя же брат ещё! Я не знала.

— Юрок-то? Ну да, — Сашка опять замялся. — Он не был у нас ещё. Мы сами ходили. Он, понимаешь, как это…

— Да виделись мы уже. В лифте вместе ехали, — весело сказала Катя. — Пустишь, или так и будем стоять? Меня вообще-то твоя бабушка на чай приглашала.

Сашка смущённо отступил в глубь квартиры.

— Проходи. Тапки дать?

Катя скинула сандалии и, не ответив, пошлёпала босиком по прохладному гладкому линолеуму. За маленьким прямоугольником советского ещё стола сидел Юрок. Перед ним уже стояло блюдечко с тортом. Бабушка хлопотала, расставляла чашки, гремела ложками.

Пили чай, говорили про погоду и Елену Петровну: как она там на море? Потом бабушка принялась мыть посуду, а ребята прошли в Сашкину комнату. Катя здесь чувствовал себя как дома и с разбегу плюхнулась животом на кровать. Сашка залез на стул и стал что-то искать на полке.

— Мама перед отъездом прибралась, теперь ничего найти не могу, — ворчал он себе под нос.

— Ищи-ищи, месяц жду, — весело откликнулась Катя, листая журнал.

Вдруг вспомнила про Юрка и обернулась. Он по-прежнему стоял посреди комнаты и смущённо молчал. Тогда Катя слезла с кровати и присела рядом с ним на корточки. Её лицо оказалось на уровне его лица.

— Ты в школу ходишь? — спросила она.

— Я дома учусь, — заставив себя поднять глаза на девочку, ответил Юрок.

Открыто смотреть ей в лицо оказалось легко, хотя с другими ему это давалось с трудом.

— Нравится?

— Не особо.

— А что тебе нравится?

— Да не знаю, — Юрок пожал плечами.

Не говорить же, что больше всего ему нравится рубиться в «Танки»? Он продолжал смотреть на Катю. Ему понравилось на неё смотреть. Что-то в её лице было такое, что смотреть хотелось.

Со сверстниками он общался мало, а с девочками так вообще не приходилось. Обычно говорить с ним боялись. Не то чтобы даже боялись, а как-то не знали, что ему сказать. А Катя разговаривала. Так она, наверное, разговаривала бы и с любым другим мальчиком, с которым только что познакомилась. И как-то сразу Юрок поверил, что ей действительно интересно узнать, что́ ему, например, нравится. Её серые глаза, такие же как у него, только темнее и с зелёным около зрачка, смотрели пытливо. И ему хотелось сказать что-нибудь такое особенное. Что вот, мол, я увлекаюсь астрономией или, там, интересуюсь народами Африки, но на ум ничего не приходило, и он молчал.

— Во, нашёл! — радостно воскликнул Сашка и спрыгнул со стула.

В руках он держал книгу в твёрдой бело-голубой обложке. Катя взяла книгу, раскрыла её на середине и пробежала глазами несколько строчек.

— Что это? — спросил Юрок.

— Мария Парр, — пояснил Сашка, — как говорят критики, вторая Линдгрен.

— Как это «вторая»? — не понял Юрок.

Честно сказать, он и про первую-то понятия не имел, но показать не хотел.

— А так: такая же, только современная. Та-то, первая, умерла давно, а эта младше наших родителей. А пишет… — Катя закатила глаза: мол, обалденно пишет.

Юрок не мог этого понять. Сам-то он читал, только уж когда совсем припрёт. А так даже сочинения по литературе писал, не читая книг. Скачает из Интернета, переделает по-своему и сдаёт. Ну не любил он книг, и всё тут. Прямо засыпа́л над страницами.

Ему больше нравилось собирать модели. Комната его была вся уставлена и увешана самолётами, танками, автомобилями. Руки, носившие на себе его тело, годились и для кропотливой работы. Юрок молчал. «Это девчонкам неинтересно», — мрачно думал он.

Катя приходила почти каждый день. Они с Сашкой то спорили об очередном фильме, то обсуждали книги, то просто дурачились. Чаще всего Юрок просто присутствовал рядом: смеялся вместе с ними, мямлил что-то невразумительное на Катины вопросы, но больше молчал. Он любовался ею: её светлыми непослушными волосами, которые часто лезли ей в глаза и рот, её длинными худыми руками, которые не держались на месте, а порхали по воздуху. Когда Катя говорила, она постоянно что-то показывала ими, размахивала в разные стороны. Один раз даже сбила со стола вазу. Ваза грохнулась на пол, но не разбилась, а только больно ударила Сашку по ноге.

Через месяц приехали Елена Петровна с дядей Серёжей. Все шумели, радовались, рассказывали наперебой новости, впечатления. Накрыли праздничный обед. На него случайно попала и Катя — заскочила к Сашке узнать домашнее задание, да так и осталась.

Ближе к вечеру бабушка с Юрком засобирались. Дружной компанией отправились провожать их на остановку. Юрок улучил минутку и подошёл к Кате.

— Приезжай ко мне в гости, ладно? — краснея, спросил он её.

Катя смутилась, но быстро оправилась. Она решительно встряхнула головой, так что несколько волосинок опять угодило ей в глаза и прилипло к губам. Девочка присела около Юрка и прямо взглянула ему в глаза:
— Ты знаешь, не обижайся, но я не приеду. Я могла бы сказать, что приеду, да только не хочу врать. Зачем мне приезжать? Ну что мы будем делать? Я ведь к Сашке приходила, с Сашкой мы дружим, нам интересно. Ну зачем?

Юрок молчал. Он ещё больше покраснел и сильно сжал зубы. Зла не было, жёг стыд. Хотелось провалиться сквозь землю или сейчас же сесть в автобус. «Проклятый урод,—думал он про себя,— ненавижу себя, ненавижу!»
— Автобус!—закричал Сашка.

Все засуетились. Юрок резко развернулся к дороге и чуть ли не уткнулся в бабушкину юбку. Он поднял вверх голову и, увидев её застывшее лицо с приоткрытым ртом, понял: слышала.

Всю дорогу до дома Юрок молчал. Дома упал на кровать вниз лицом и натянул на голову подушку. Лежал он так часа два. Наконец, бабушка не выдержала:
— Если ты сейчас же не придёшь на кухню и не попьёшь со мной чаю, я не буду есть три дня.
— Не хочу,—послышалось из-под подушки.
— Вставай, хватит киснуть!—гневно крикнула бабушка.

От неё это было слышать странно, она никогда не кричала.
— Если бы я по всякому случаю кисла, ничего бы не вышло! Ты посмотри на себя: ты же сильный! Да твоим кулаком стену прошибить можно. Ты же без ног, понимаешь ты это, без ног! А ходишь. Как нормальный человек живёшь. Ты всё это сам сделал. Нет, если уж всю правду говорить, это мы с тобой вместе сделали.

Бабушка присела на край кровати, голос её с гневного перешёл опять к мягкому, вкрадчивому, только дрожал немного от волнения.
— Думаешь, когда мама твоя умерла, мне вот так вот под подушку головой не хотелось? Хотелось. Да где уж там. Ты малёхонький, ног нету. В детский дом уж оформлять стали, а я как вцепилась в тебя-то. Не отдам, кричу, какой детдом, пока бабка родная жива? Оставили. Ух и побегала я с документами. А потом? Думаешь, легко было? Ты погремушкой трясёшь, смеёшься, а я гляжу на тебя да реву: как же ты, родимый, жить-то будешь, если я помру? Погоревала, поревела да и взялась за тебя. Тебе-то сподручней было ползком, а я тебя на руки ставлю. Ты ревёшь, я реву. Реву, а ползти не даю—на руки ставлю. Думаю, пусть даже ненавидеть меня станешь, а на руки тебя поставлю. Вот и поставила. А ты молодец—не возненавидел.

Бабушка замолчала. Юрок сел в кровати, обнял её. Словами он жалеть не умел, только так—руками.
— А шоколадка к чаю есть?—спросил он, заглядывая бабушке в лицо.

Бабушка накрывала на стол, что-то тихонько напевая. Всё снова стало буднично и привычно. Почти всё. Оставалась одна недосказанность. Ведь там, на остановке, бабушка всё слышала. Эту недосказанность ощущали оба. И обоим было неловко. Надо было поговорить об этом один раз и оставить эту тему навсегда. И бабушка заговорила:
— Ты же хотел, чтобы к тебе относились как к равному. Если хочешь знать правду, она единственная, кто так к тебе и отнёсся. Не захотела жалеть… Ты посмотри на неё и на себя. Ей четырнадцать, а она уже «Войну и мир» читает, а у тебя до сих пор комиксы про человека-паука под подушкой. Ты просто не понравился ей как человек. Вот и всё. Скучно ей с тобой, и ноги тут ни при чём. Тут в голове дело.

Юрок молча смотрел куда-то за окно, через заросли герани, разросшиеся в горшках на подоконнике. На бабушку смотреть пока не хотелось. Его сильные руки неподвижно лежали на столе.

Дарья Лакиза

Мягкие уши

— Гри-иша! — едва показавшись из машины, закричал Женя.

Спешно вытащил вещи, взвалил на себя сразу все пакеты и побежал, роняя по дороге вылетающие из тетрадей листы.

— Деда слушайся, Женя! Слышишь?! — нёсся вслед мамин голос.

— Слышу, слышу! — ответил он.

На секунду остановился, чтобы удобнее взять сумки, и помчался дальше.

Дедушка уже встречал его у порога в стойке вратаря — готовый поймать сумки. Женька на ходу бросил их в руки деду, а за ними к крыльцу полетели и шлёпанцы. Женя так устал от обуви!

— Гри-иша! — снова закричал Женя.

И застыл на секунду: неужели не слышит? Или, чего хуже, забыл его Гришка?..

Но ответ пришёл очень быстро. Сначала — звонкий отклик, и сразу за ним — общий недовольный гул.

Женя подлетел к воротам амбара, распахнул их и тут же радостно вскрикнул, протягивая руки к длинной Гришиной шее:

— Гришка!

Его смех слился с радостным фырканьем коня.

Гриша сделал несколько шагов вперёд, а Женя, изнемогая от смеха, закинул на его холку ноги. Он мог бы провисеть так хоть вечность, хоть всю жизнь, всё лето! Но сзади заинтересованно заворочались лошади, поэтому пришлось слезть, чтобы закрыть ворота.

— Эх, Гришка! — едва задвинув засов, вновь заулыбался мальчик.

Радость стала потише. Гриша кротко мотнул головой, и Женя нежно приобнял его морду. Рыжегривый глубоко дышал, и горячий воздух обдавал голые Женины ноги. Мальчик подул между глаз коня. Гриша усиленно заморгал, когда чёлка подлетела вверх.

— Вот теперь ведь лучше, правда? — пригладив её за ухо, ласково спросил Женя.

Гриша благодарно прикрыл глаза, будто соглашаясь со своим городским другом, которого он верно ждал весь год.

Назавтра, едва проснувшись, Женя заглянул в дедушкину комнату: спит ли? Дед всё ещё мирно похрапывал. Ходить по едва освещаемому дому было очень интересно — переступая скрипучие половицы, щурясь в утреннем полумраке, наугад вытаскивая из шкафа печенье: какое попадётся, тому и быть. Надо было спешить — солнце всходило рано…

Лес ещё спал. Приятная прохлада стояла под высокими дубами. Изредка где-то далеко вскрикивала птица, и опять всё утихало. Друзья тоже не шумели, чтобы не нарушать умиротворение вокруг. Тихо шли, прижимаясь друг к другу: Женя держался за Гришино плечо, а конь помогал ему забираться на гору. Гриша был сильным, помощь маленькому другу была для него проста и приятна. А Женя в благодарность приглаживал его холку и чесал под гривой.

А когда они, наконец, взбирались на гору, Гриша позволял Жене то, чего не давал делать ни одному другому человеку. Он наклонял голову, и мальчик осторожно почёсывал его мягкие уши.

Так они встречали рассвет. А уже потом завтракали, щурясь взошедшему солнцу. Женя угощал Гришу сладкими печеньями, а тот всё пытался поделиться с ним яблоками дички. Мальчик отталкивал его, и конь дурашливо мотал головой, брызгая сладкой пеной во все стороны.

Женя вскакивал и отряхивался, нарочито громко ругая Гришу. Но тот не обижался — подходил сзади и толкал Женю в спину.

А потом мальчик взбирался на его спину, и Гриша мчался вниз по склону. Крепко сжимая колени, Женя откидывался назад и широко разводил руки — и будто крылья отрастали у него за спиной.

Июнь пролетел быстрее рыжегривого коня. Прошли чудесные летние дожди, и наступило настоящее знойное лето. Оттого ещё лучше жить у леса, в котором всегда стоит приятная прохлада. Именно в июльские дни к дедушке чаще всего приезжали желающие покататься на лошадях. Обычно, когда дедушка занимался с ними, Женя с Гришей смотрели издалека либо вовсе уходили в лес.

Но в этот раз всё получилось иначе, потому что приехали Миша и Гена.

Врагов у Жени не имелось, а вот неприятелей хватало. И эта компания стояла не на последнем

месте. Когда Женя рассказывал в классе, что он дружит с конём, по-настоящему дружит, и тот его во всём слушается, и что они — не разлей вода, Миша с Геной так смеялись… И всегда, при любом удобном случае, напоминали об этом Жене. Обзывали сказочником. Книгу предлагали написать «с таким-то талантом».

Поэтому сейчас Женя чувствовал, как горячеет его кровь — ездил-то он на Грише без седла и уздечки. И Миша с Геной это видели.

Женя подъехал к ним поздороваться, чтобы они точно разглядели всё как следует и чтобы потом не говорили, что он сказочник и всё наврал.

— Привет, — улыбнулся он, наблюдая за ними свысока.

— Здоров, — неуверенно ответили они. И, кажется, смутились.

— Ну как вы? Куда ездили? Я вот у дедушки всё лето, вместе с Гришкой, — сказал он и с силой провёл по макушке жеребца рукой.

Гриша недовольно мотнул головой.

Быстрее Генки пришёл в себя Миша. Прикрыл глаза, сложил за спиной руки и посмотрел на одноклассника как будто и без интереса.

— Это вот с этим? Это Гришка?

— Больше таких лошадей тут нет, — горделиво заявил Женя.

Конь медленно заложил уши.

— И что, это ты его так выдрессировал?

— Я! — с готовностью ответил мальчик.

К разговору подключился Гена:

— Погоди, а как он его выдрессировал? Просто сесть на лошадь и поехать любой дурак может.

Женя вспыхнул.

— А я не только ездить на нём могу! Ещё и скакать!

— Ну, удивил, — протянул Миша. И даже зевнул для вида.

— Ничего сложного, — подтвердил Гена.

— Да-а-а?! — аж привстал от возмущения Женя. — А я! Я прыгать на нём умею, вот!

Вот тут они заинтересовались. Предложили показать. Женя ударил Гришу по бокам, и тот зацокал в круглый манеж, который дедушка называл «бочкой». Одноклассники взобрались на его брусья и оттуда наблюдали за Женей. Он спрыгнул с коня, чтобы поставить несколько препятствий.

— Это маленькие! — закричали с ограды, когда Женя ставил «двоечку». — Больше что, не можешь?

— Будет сейчас вам больше… — сердито процедил он и пошёл к самым дальним стойкам. Из них он сделал «тройник».

Гриша наблюдал за ним с тихим ужасом. Прыгать? Через вон ту огромную штуковину?

Женя подошёл к нему и попытался рывком сесть. Рукой он, сам того не заметив, больно взялся за холку. И очень разозлился, когда не смог залезть с первого раза. За спиной послышались ехидные смешки, и Женя поднял на Гришу сердитый взгляд. Искреннее недоумение в его глазах ещё больше рассердило мальчика, и вторым рывком он всё-таки оказался наверху.

Одноклассники смотрели с неподдельным интересом, и Женя не стал заставлять их ждать. Поддал шенкелей, завёл жеребца на препятствие. Гриша лихо взял «единичку». Ребята снисходительно закивали: неплохо, неплохо. Женя ещё раз повторил заход для закрепления и пошёл на «двойку». Гриша взял и её. Раззадоренный Женя развернул его, ударил по бокам и уверенно погнал на «тройник»…

Рывок! — Гриша в последний момент обошёл препятствие и поскакал галопом по «бочке». Женя, остолбенев, глядел ему в затылок, пытаясь справиться сначала с внезапным страхом, а потом с нахлынувшей яростью.

— Ты что?.. — зарычал он. С силой дал по боку и снова повёл на «тройник». — Только попробуй не прыгнуть!

Гриша скакал, и чем ближе становилось препятствие, тем сильнее напрягались его уши, тем резвее он шёл. Три метра до препятствия! Два! Один!..

Гриша резко остановился, всеми копытами уперевшись в рыхлое покрытие манежа. Женя улетел прямо на «тройник», начисто сбив все перекладины.

Гриша помотал головой, отгоняя испуг, и подошёл к мальчику: не сильно ли ушибся его друг? Но едва он наклонил голову, как тут же почувствовал резкую боль. Женя схватился за его ухо и потянул на себя, смотря в самые глаза Гришки. Из разбитой губы показалась кровь.

— Ах ты… Вот ты… Да я тебе сейчас… — пыхтел он, всё сильнее и сильнее сжимая в ладони мягкое Гришино ухо.

Конь рванулся, и теперь уже Женя не держал его. Испуганно отталкиваясь от земли, он быстро полез под нижний брус манежа, спасаясь от острых копыт Гриши.

— Бешеный! — закричал мальчик.

Конь ещё несколько раз встал на дыбы и теперь зло поглядывал на Женю.

Подлетели Миша с Геной, отряхивая Женю и помогая ему встать. А он, сам того не ожидая, вдруг стал жаловаться и твердить, что это не его вина, что это Гриша с ума сошёл. Ребята ему поддакивали и соглашались.

Разговорились. Смеялись даже. А потом Женя вовсе ушёл с ними, оставив коня одного. И весь день провёл с одноклассниками. И оказались они не такими противными, как ему казалось.

Уехали ребята только под вечер. К манежу Женя вернулся, когда дедушка выводил оттуда Гришу.

— Нет! Стой! — подлетел мальчик. — Оставь его здесь!

— Почему? А накормить?

— Он не будет есть! Он наказан!

— Это кем же?

— Мной!

Дедушка удивился.

— А ты кто такой, чтобы его наказывать?—весело поинтересовался он.

Женя опешил. Весь покраснел, сжал кулаки и зло ответил:

— Я хозяин! Это моя лошадь!

Женя никогда не видел дедушку сердитым. Что бы внук ни вытворял, дед всегда оставался весёлым, а если и вздыхал, то нечасто.

А сейчас он вдруг нахмурился. Сурово посмотрел на Женю. И сказал серьёзно и тихо:

— А я думал, вы друзья.

Женя смотрел, как дедушка уводит Гришу в конюшню, и молчал. А потом развернулся и убежал в дом, в свою комнату. Дедушка к нему не заходил. А Женя, пытаясь заснуть, то и дело приподнимался на кровати и выглядывал в окно. Почему-то он надеялся увидеть Гришу. Но вдруг разозлился сам на себя, улёгся, обнял одеяло и сердито засопел. В самом деле, что он мается? Как будто у него своего достоинства нет!

Ночь была долгой. Женя ворочался, тяжело дышал то ли от жары, то ли от чего-то ещё. Наступления утра он ждал с нетерпением и потому радостно прищурился, увидев, что за окном уже светло. Он сел в кровати, потянулся, выглянул на улицу… и остолбенел. Со двора на него смотрел папа.

— А вот и он! Женёк, собирайся, поедем!

— К-куда? Куда?!—открыв окно, закричал Женя.

— Мы с мамой путёвки в Сочи купили! Поехали, отдохнём!

Женя почувствовал, как больно засосало у него под ложечкой.

— Я-я не поеду!—крикнул он.

Папа нахмурился.

— В смысле—не поеду? Мы уже запланировали, все твои вещи взяли. Вылезай, сыч!

— Нет!

— Женя!—крикнула из машины мама.—Мы всего на недельку, а потом обратно тебя вернём!

— Не поеду я!

— Евгений,—уже сердито сказал папа.—Вылезай, не то я за тобой пойду.

Женя не двигался. Папа решительно двинулся в дом. Дождавшись, когда послышится скрип ступеней, мальчик двинул створки, ласточкой выпорхнул на крышу, пробежал по карнизу и добрался до конюшенного окна. В нём и исчез.

— Хо! А где уже?—удивился отец.

— Он прыгнул! Прыгнул прямо с крыши! Туда, в амбар!—спешно вылезая из машины, испуганно ответила мама.

Дед открыл двери и впустил их внутрь. Было совсем тихо. Даже лошади не фыркали—стояли, встревоженно поглядывая из-за ограды.

Оглядев общий загон и не увидев в нём сына, отец вопросительно оглянулся на дедушку. Тот почесал затылок и медленно обернулся на денник, в который вчера поставил Гришу.

Женя забился в самый уголок. Укрывшись за конём, он глядел с испугом.

Но, кроме Жениного взгляда, в папу упёрся ещё один—Гришин. Он был куда серьёзнее.

Папа нахмурился.

— Евгений. Хватит цирк устраивать. Вылезай сейчас же,—потребовал он и уже сделал шаг, чтобы вытащить мальчика… но тут же отошёл назад.

Послышалась хрипота. Не злая, но предупреждающая.

«Только тронь»,—говорил его выразительный взгляд.

— Да вы что, смеётесь?!

Отец ещё раз попытался добраться до сына, но теперь Гриша с силой ударил копытом по земле. Ещё раз. Громко фыркнул.

— Это что такое? Папа! Сделай что-нибудь!

— Я не могу,—пряча улыбку, ответил дедушка.—Гриша слушается только Женьку.

Папа сдался, треснув по калитке рукой. И пошёл к выходу, возмущаясь по пути:

— Ничего-ничего, мы подождём. Выйдет, куда денется… Дожили! Уже собственного сына не отдают! А кто? Лошадь!

Они вышли. Дедушка прикрыл калитку денника. Но Гриша не успокоился. Он ещё несколько секунд стоял в напряжении, пока голоса совсем не стихли.

— Гриша…

Прижавшись к тёплому боку коня, мальчик вновь позвал его по имени. Гриша коснулся мокрой Жениной макушки, а он, сбиваясь, прошептал:

— Гриш, не слушай… Ты вовсе не лошадь!

Женя заплакал, закрыв ладонями глаза. Гриша примкнулся к нему головой, и мальчик с готовностью обхватил её, порывами выдыхая горячий воздух прямо на звёздочку во лбу. И долго-долго обнимал своего друга. И осторожно гладил мягкие Гришины уши.

Полина Смородина

«Не палю»

Во дворе брянской таможни две упитанные крысы набрасывались на зелёный мусорный бак. Единственный фонарь, словно издеваясь, направлял туда свой тусклый свет. Я сидела напротив, закутавшись в фиолетовый шарф, рядом — дорожная сумка, на дне которой завёрнутый в три тряпичных слоя кусок сала. Вокруг темно, холодно, морось в воздухе, и мне грезится, будто сало выдаёт моё присутствие этим страшным крысам, источая лёгкий копчёный аромат вопреки всем преградам. Вдруг за колючей проволокой надрывно лает овчарка, и я не сразу слышу женщину, вышедшую из маленького неуютного домика и обратившуюся ко мне:
— Жена задержанного, пройдёмте.

Я помню Украину солнечной. Тёплые плиты, по которым бегу босиком, после чего ноги — в чернильных пятнах шелковицы. Бабушка кричит вслед, отрываясь от полевой печки, где закипает её фирменный, с абрикосами и фасолью, борщ:
— Полюшка, надень панамку, голову напечёт!

Но я преследую стрекозу с переливающимися крылышками и её не слышу.

Стрекоза перелетает забор, и я нетерпеливо распахиваю калитку, за которой видны Днепр (много воды и солнца), плывущая по нему баржа и дедушка с удочкой. Бабушкина царапучая кошка Мотя трётся о дедушкину ногу в ожидании серебристого тельца рыбки, уже показавшегося из речных глубин. Так вот, оказывается, как выглядит счастье, почему-то осязаемое лишь через много лет.

На этой станции в Брянске совсем не солнечно (да и какое солнце, когда ночь?). Впрочем, это уже российская сторона и российская таможня, не захотевшая пускать нас домой.
— «Жена задержанного» — вы мне? — непонимающе оглядываюсь в темноту.

Тогда я действительно мало понимала в происходящем, и эпизод на таможне это лишь снова утвердил.

В тот приезд вся Украина и мои любимые Черкассы встретили нас неприветливо и отстранённо, заставляя стучаться в обшарпанные казённые двери и уходить с пустыми руками, в натянутом на глаза капюшоне. Самой звенящей нотой, после которой хрустальными осколками рассыпалась моя наивная вера в добро, не имеющее границ, стал поход к нотариусу. Пышная дама, с фамилией на «…зюк», говорила на чистом украинском, и этот тёплый обычно язык кололся о моё сердце, как ёжик о протянутую к нему ладонь. Выхватывая из её речи лишь отдельные слова, пыталась вставить их в привычные фразы, но получалось плохо, и я наконец решилась:
— Пожалуйста, не могли бы вы по-русски?

Она посмотрела на меня сверху вниз и ответила по-русски:
— Учите украинский. Я не обязана вам помогать.

Помог её коллега в соседнем кабинете, теперь уже «…щук», но и он во второй наш приезд, хоть по-прежнему объяснялся на нашем родном, вдруг пошёл на попятную. Я не понимала, что происходит, хотя уже знала в подробностях, что «нерезиденты», «доли» и «наследников же двое» существенно затрудняют дело. Через несколько дней приехал из Москвы дядя, в отличие от нас, двадцатипятилетних, опытный в «наследственных» делах. Его отец женился почти в восемьдесят, и после его смерти молодая жена претендовала на московскую недвижимость. Не тут-то было. После нескольких судов в дедовской квартире поселился мой двоюродный брат Илья.

С порога дядя протянул «…щукý» пакет со спиртным и дорогими закусками:
— Скоро Новый год (через два месяца, отметили мы про себя), мы бы хотели вас поздравить. И когда закроем этот вопрос, будем очень вам благодарны. Очень.

Лицо нотариуса понимающе просветлело, и наше дело хоть и со скрипом, но покатилось по другим кабинетам. Уезжая, дядя учил, слегка искажая букву «р», как действовать дальше:
— Нужно достать паспорт с вложенными в него купюрами и помахать веером, показать: деньги есть, и они могут стать вашими.

На самом деле московские родственники применяли свои навыки не только против нотариуса и «молодой супружницы». Бабушкина квартира должна была достаться маме, а после её смерти, случившейся за полгода до бабушкиной (ненадолго она пережила младшую дочь), — мне, а дача на берегу Днепра — Илье. Но тётя решила, что им недостаточно, и прислала бабушке письмо

с требованием половины городской жилплощади, обещая засудить и лишить меня доли в случае отказа. Бабушка не стала спорить и переписала завещание, разделив квартиру между нами за две недели до своей смерти, которую я застала, а тётя нет.

В первые полгода после своей смерти (трагической и неожиданной для нашей семьи, но вполне объяснимой и предсказуемой для врачей) мама снилась мне очень редко, и если всё-таки появлялась в моих снах, то обязательно в простом платочке, больная и уставшая. Её тонкие морщинки и тронутое лихорадочным румянцем лицо показывались мне ненадолго, и я обязательно просыпалась от горячих слёз, катившихся по щекам и мешавшим дышать, а потом долго не могла успокоиться, уснуть, сидела на кухне или просто лежала в темноте, отгоняя взявшихся за меня ночных призраков. Но в ту ночь, где-то за две недели до бабушкиной смерти, мне приснилась другая мама — не та, слабая и больная, причинявшая боль одним своим безысходным видом, а моя прежняя, из детства, — с лёгкой полуулыбкой (она никогда не улыбалась широко) и своим добрым, глубоким, всё понимающим взглядом карих глаз. Она крепко обняла меня, и сквозь сон я ощутила прикосновение её рук, её тепло, которое я почувствовала не только душой, но и телом. Я проснулась мгновенно, но слёз на щеках не было, а только ощущение тепла родного человека рядом.

— Жена задержанного, сюда.

Я заглядываю в кабинет, где муж, не поднимая головы, заполняет какую-то длиннющую анкету. Мне его жаль, в этой тусклой конурке он — заложник, как и заложник во всей ситуации последнего неподъёмно-мрачного года.

Начальник смены звонит в Москву по стационарному телефону, зажав грязно-бежевую трубку в кулак. На другом конце ему что-то отвечают, и он хмурит брови. Женщина, проводившая меня, указывает на ободранный стул в углу, куда послушно опускаюсь.

В соседней комнате допрашивают украинцев с просроченными штампами в паспортах, их тоже ссадили с нашего поезда. В отличие от нас, они к этому морально (а может, и материально) готовы, хоть и надеялись на авось. А ещё говорят, что мы не братья!

Когда таможенники дошли до нашего вагона, поезд стоял в Брянске уже пятнадцать минут. Два часа ночи, хочется спать, но горит свет, и нужно выглядеть приближённо к официальной фотографии — хотя бы пригладить волосы и разлепить глаза. Наконец они добрались до середины, где мы полулежим на наших удобных местах, специально купленных заранее. Паспорта по очереди проверены, данные вбиты в электронное устройство, похожее на рацию. После этой процедуры документы возвращают всем, кроме мужа, его паспорт, обёрнутый в российский триколор, уносят с собой. Таможенники переговариваются, кому-то звонят. Муж спрыгивает с верхней полки, бежит за ними по проходу, пытается вернуть документ, но тот уже скрылся в чьей-то чёрной папке. Ничего не объясняя, велят:

— Собирайте вещи — и на выход.

— Да что случилось-то? — не можем понять мы, ловя на себе сочувствующие взгляды соседей.

— Быстрее, поезд отходит.

Хватаем сумки и спешно вываливаемся в промозглую последождевую ночь. Из поезда меня окликает проводница, протягивает фиолетовый шарф, забытый на полке.

Едем на «газели» в Киев. Как странно здесь водят машины. По встречке, обгоняя почти впритык, так что даже хочется зажмуриться. Но осеннее солнце как-то приятно, ласково светит в стекло, и я смиренно смотрю на дорогу, на особенную, южную (по сравнению с нашей) природу.

Дела закончились быстро, и время до обратного автобуса ещё есть. Проехав несколько остановок в старом вагоне метро, вышли на одну из киевских улиц и, не успев ничего понять вокруг, увидели толпу молодых людей, движущихся навстречу нам. По лицам видно: возбуждены и одержимы. Вот только чем? «Рядом Майдан», — догадались мы, пока ещё только смутно слышавшие какие-то первые весточки по новостям. Наконец они приблизились, словно нарастая с каждым шагом, и мы уловили, что они идут к автобусам, ожидающим их на соседней улице. Один парень из толпы неожиданно подскочил к мужу, попросил сигарету. Флагшток в его руках почти достал до земли.

— Не курю.

— Москаль? — мгновенно ощетинившись, спросил он, и я почувствовала хмельную волну, исходившую от него.

Взгляды обратились к нам, часть толпы остановилась и развернулась.

Спасла нас тогда девушка с хвостом русых волос и голубыми ясными глазами, подбежавшая к парню и крепко обхватившая за плечи. Пока она что-то говорила ему на ухо, он отвлёкся, а мы быстрым шагом пробежали по узкому тротуару, спотыкаясь о неровную брусчатку, но не оглядываясь. Уже потом, обсуждая и рассказывая местным друзьям, мы узнали, что по-украински нужно было ответить «не палю», а лучше вообще промолчать, помотав головой или показав на пустые карманы.

Как я любила бабушкину комнату в детстве! Она казалась мне волшебной, как из сказки про мумитроллей. Наверное, из-за цветка, протянувшего свои стебли через пространство, со свисающими

конусами мелких розовых цветочков. Или из-за аквариума, в котором я искала между цветных рыбок радугу. Всё здесь родное, знакомое. Письменный стол у окна, этажерка с бумагами, ковёр на стене, картины, фотографии, фарфоровые фигурки, камушки с моря.

А теперь, после частичного опустошения, комната смотрелась сиротливо: пустые стены с одиноко выпирающими гвоздями, нет цветов, рыбок, и только полки с книгами напоминают о её прежнем виде.

— Куда их теперь?—спрашиваю сама себя.—Бабушка собирала всю жизнь. Жалко.

Тётя увезла в Москву только красочные детские для внуков.

— А с остальными делайте что хотите.

А что я хочу—и сама не знаю. Предложить знакомым? Отдать в библиотеку?

Остался ещё целый чемодан советских открыток и писем с её почерком и знакомыми фамилиями, при виде которых у меня щемит сердце. Понимаю, что, даже будь мой дом рядом, я не смогла бы забрать всё—в этих вещах целая жизнь, но нужно же уместить куда-то и свою.

И всё же для очистки совести мы узнаём про грузовой контейнер, про машину до Саранска—но, как и предполагалось, это какие-то невозможные усилия и деньги.

— Что сможем унести, возьмём,—вздыхаю, а муж отворачивается, и хоть я не умею читать мысли, но с грустью догадываюсь, что он сейчас думает.

Бабушка подходила к вопросу сбора в дорогу с душой. И я даже ждала отъезда, чтобы отведать нежнейших котлет из белого сомьего мяса, спрятанного между зажаристых вафель, или румяную куриную ногу в остроконечных укропинках. С собой мы тоже набирали всякого—и сушёных абрикосов, и кровянку, и знаменитого украинского сала, и маковый рулет (когда в начинке много-много сладкого мака). И в этот раз перед отъездом мы забрели на Седова, где уютный маленький базарчик и пахнет раскрошенным над домашней колбасой чесночком и вытекающим из неё жиром. Увы, сейчас не до того. И всё же мы долго разглядывали сало, прохаживаясь между мясных рядов, и никак не могли определиться, какое взять. Женщины за прилавками голосили и махали руками, расхваливая товар, но мы держались на расстоянии, словно, наученные горьким опытом, боялись сделать шаг навстречу. Наконец подходим к одной, она оживляется и показывает аппетитные куски, но всё не то, и сало почему-то безвольно повисает на её раскрытой ладони.

— Нам такое, чтобы понравилось родным в Саранске,—зачем-то выдаю я, и с удивлением наблюдаю, как меняется её лицо.

— Так вы из Мордовии?

— Да.

Не все жители России знают о Мордовии, а тут—нá тебе! Скоро всё объяснилось.

— А у меня муж оттуда! Из Ичалковского района! Знаете такой?

— Конечно!

Мы рассказываем какие-то последние наши новости—кажется, про праздник «тысячелетия единения мордовского народа с русским», про новый Дворец водных видов спорта и что-то ещё… С Галиной мы теперь на одной волне, и она доверительно и даже с гордостью достаёт нам душистый шматок из-под прилавка.

— Вот, этот точно понравится мордовским родственникам. Как масло! Берите, не пожалеете!

Фиолетовый гроб на специальной каменной тумбе в старинном, с колоннами и лепниной, Доме траура на бульваре Шевченко. И кто-то что-то говорит, но я ничего не помню и не понимаю: кажется, это её ученица Ира с крупными снежными шарами хризантем? А вон тот седой, грузный, с густыми бровями—писатель, с которым бабушка поначалу спорила по национальному вопросу, а потом сдалась и просто дружила, не вступая в политические дискуссии. Он вытирает слезу, ему жаль. А это соседи по даче, дядя Броня и тётя Вера, стоят в сторонке. Пока идёт отпевание, они, как и все, держат свечи, но и потом не торопятся их загасить, словно защищённые тёплыми огнями от холодной правды.

Всю жизнь у бабушки был такой весёлый, озорной вид из-за рыжих кудрей и смуглой кожи, но в гробу лежит седая осунувшаяся старушка с бледным застывшим лицом, которую я не могу узнать и, похоже, совсем мало знаю. Как она доживала последние полгода, одна, здесь, за тысячи километров от родных, с этой невыносимой горестной потерей в материнском сердце? А ведь в ней течёт (текла) моя кровь, и это именно моя ниточка—мама-бабушка, родная, близкая, понятная, что оборвалась, когда остановилось теперь и бабушкино сердце. Ну и как же быть, в какую сторону мне разматывать этот оставленный ими клубок, выплетая дальше нашу общую линию?

Думаю об этом, и предыдущие дни, с бабушкиным замедленным всхрапывающим дыханием и последней вспышкой карих глаз, с подвязыванием челюсти белым платком, протокольной фотографией обнажённого мёртвого тела, смешиваются в один бесконечный похоронный процесс во главе с тамадой, читающей чужие грустные стихи и якобы плачущей под тёмными очками. И этот финальный поминальный удар от бабушкиных друзей:

— А зачем ты прислала ей фотографии с похорон твоей мамы?

— Она же очень просила…

— После этого ей стало хуже. Так её смерть казалась далёкой и ненастоящей, где-то там, в Саранске, а фотографии её в ней убедили.

Всё смешалось в голове в тот страшный приезд, и уже тогда на каком-то мистическом, подсознательном уровне закрыли для меня обратную дорогу.

— Что же не так с моими документами?
— Всё в порядке. Мы уточнили.
— Так теперь всегда будет?—врываюсь я из угла.

На меня шикают. Здесь не принято задавать вопросы начальству, но для меня этот вопрос самый животрепещущий. Нам же возвращаться через две недели, чтобы дооформить бумаги. Я боюсь ехать одна в другую страну, боюсь жить в пустой квартире, где сначала умер дедушка, а теперь, двумя годами позже, бабушка. И как справлюсь с этими тягостными походами по официальным кабинетам? Или всё-таки смогу, выдержу, научусь? Ведь теперь в моём обновлённом опустевшем мире стоит рассчитывать только на себя!

— Соберите все справки, что не судимы, нет долгов. И с ними к таможенникам сразу подходите, просите проверить первыми. Тогда, возможно, вас не ссадят, уточнят по телефону прямо из поезда. Выбирайте дневной поезд.
— Да он же один…—вклиниваюсь я, а муж перебивает нетерпеливо:
— Так в чём же всё-таки дело? Две недели назад, когда мы въезжали на Украину, всё было в порядке.
— У меня нет такой информации. Возможно, проблемы у вашего полного тёзки, вот база и выдаёт.

«Кто же этот таинственный тёзка моего мужа, и что он натворил такого, что мы застряли на границе между двух стран?»—думаю я, пока мы идём по тёмному перрону в блестящих пятнах луж. В кассе, где за маленьким окошечком скрывается полная приветливая женщина, покупаем новые билеты на ближайший поезд, которые нам, конечно, никто не возместит. И едем, снова едем, правда, теперь в душном старом вагоне рядом с туалетом. И полдня таскаемся по Москве с тяжеленными сумками, где не только сало, но и книги, и бабушкины вышивки, и дедушкины медали, благополучно преодолевшие границу из одного мира в другой. И потом нам ещё ехать ночь в поезде, и на автобусе, и на такси. А через две недели снова возвращаться с ворохом бумаг, чтобы уже знакомый таможенник, дежуривший в этот день, в последний раз впустил, а потом и выпустил нас из страны моих воспоминаний, с дежурной улыбкой пожелав на прощание: «Счастливого пути».

Посмотри на тополя

Бабушка Маша подошла к окну. Посмотрела на огород, где «на картошке» трудятся её дочь с зятем, а вокруг кустов смородины беспечно кружат внучка с мужем, уже час пытаясь заполнить ягодами маленькое красное ведёрко. По всему видно—весело им там, дружно в июльском мареве. Перебрасываются между собой взглядами, по-доброму подначивают друг друга, и всю округу покрывает звонкий заразительный смех Тони.

Бабушка Маша прищурилась, чтобы рассмотреть её получше. Взрослая стала, с длинными смоляными волосами, статная, высокая—красавица. Когда только вырасти успела?..

Старушка поправила занавеску и тяжело опустилась в кресло перед телевизором. Раньше и она проворно сновала по огороду, не только распоряжения отдавала, как теперь. Она бы эту смородину вмиг собрала, варенье душистое наварила, а потом бы за картошку принялась! Но нет, теперь «глаза не видят, ноги не ходят»…

Спасибо, есть занятия—телевизор да телефон. Ну, ещё курочки разве что—к ним она выходит понянчиться: «Цып-цып-цып»…

От громкого звонка бабушка Маша подскочила в кресле, разыскала в кармане телефон и поднесла к глазам. На экране высветилось крупными буквами: «Антон».

— Алло, Мань!—загромыхало в трубке.

Она сама глуховата, а уж он—и говорить нечего! Каждый разговор между ними теперь приносил не радость, а раздражение.

— Антон, привет!—как можно громче, с усилием, произнесла она.

Трубка в ответ зашуршала посторонними звуками и выдала вопрос:

— Какие новости у вас?
— Да какие новости? Тоня с Павликом приехали. Лида с Юркой картошку окучивают.
— И у меня внуки приехали, а Толика на картошку заслали, он вчера маненько перебрал—теперь отрабатывает.
— А ты чего делаешь?
— А чего мне делать? Посиживаю, газеты почитываю и вот что думаю, Мань… Вот в наше время…

Так и поговорили, покричали в трубку—и про своё время, и про сегодняшнее. Время, время… Как же оно быстро пролетело, протекло сквозь пальцы прохладной дождевой водой. Помнит она Антона в расцвете сил—председателем колхоза. Хорош был собой, жена Таня не успевала за ним с палкой бегать. А к ней, соседке Маше, дружно в гости ходили—песни пели, в карты играли, наливочку дегустировали в праздник. Это ещё при её Витьке было, да и после его смерти продолжилось. А теперь нет и Тани. Маша по немощи в дом к дочери переехала на другой конец села, Антона на зиму в город забирали, так что виделись с ним редко. И у него ноги слабые стали, сам не дойдёт: шутка ли—за девяносто! Да и чего видеться-то? Песни кончились. Время ушло.

Бабушка Маша поднялась с кресла. Надо узнать, как работа идёт—из окна деталей не разглядишь, да своим от Антона привет передать.

Вышла на крылечко, за палочку взялась, а навстречу Тоня с Павликом с полным ведром

ягод идут, улыбаются счастливо. Ну наконец-то насобирали!
— Бабулечка, ты куда?
— Пойду проверю, чего там мамка делает.
— Может, не надо? — улыбнулась разрумянившаяся под солнцем Тоня. — Иди яички поищи лучше. Может, снесли курочки?
— И правда! — вспомнила бабушка Маша свою главную обязанность.

Зашла за заборчик и потихонечку, почти на ощупь, сквозь пернатую шеренгу пробралась. Приговаривала ласково:
— Цыпуленьки мои!

Посреди гнезда, сооружённого из свежего пахучего сена, оказалось маленькое тёплое яичко. Бабушка Маша огладила его, обсмотрела со всех сторон и, довольная, пошла обратно. Тоня всё на крыльце вертится, красуется перед мужем — на пруд собрались.
— Стой-ка! — тянется рукой к внучкиной голове.

Тоня покорно опускает голову, смоляные волосы почти касаются земли. Бабушка трёт яичко о внучкину голову, приговаривая:
— Сколько волос, столько яиц пусть курочка снесёт! — и объясняет удивлённому горожанину Паше: — Когда молодочка первое яичко приносит, так положено делать!

Тоня улыбается:
— Бабулечка, хочешь к деду Антону? Завезём по дороге на пруд!
— Да чего мне там делать? К Антону тоже внуки приехали… Чего его отвлекать?

Молодые уезжают, включив на всю мощь радио, а бабушка, тяжело преодолевая пороги, возвращается в свою комнату, бережно кладёт яичко в коробку и снова берётся за телефон.
— Надо Ире позвонить, похвастать! — говорит сама себе и кошке Муське, чёрной растрёпанной тенью распластавшейся у ног. — Как она там в своей квартире поживает?

Иру Маша никогда не видела. Даже на свадьбе Тони и Павлика они не встретились: у свахи подскочило давление, и она не пришла. Она вообще никуда не выходит уже два года: ноги больные, отекают, что хуже — сердце прихватывает. А свадьба — волнение сплошное, все болезни обострились. Позвонила как-то Пашина бабушка Тониной, и стали с тех пор общаться. Общие темы есть: внуки, возраст — по восемьдесят обеим, болячки опять же обсудить, передачи, да и просто, когда тоскливо, словом перемолвятся. Вот только Ира в городской квартире живёт, а Маша — в деревенском доме. Порой её завидки берут: у Иры все удобства под боком, врача можно вызвать в любой момент, да много чего в городе хорошего есть — она знает, двадцать годков там отработала на бетонном заводе! Ира тоже в деревне родилась, но в городе прижилась, свою жилплощадь заимела. Но чего уж под старость лет жалеть? Как сложилось, так и есть…
— Ира, здравствуй!
— Здравствуй, Маша! Как дела?
— Всё в порядке. Молодочка первое яичко снесла!
— Пёстрая которая?

Поговорили о курах. Ира свой совет дала: чтоб не забывали цыплятам толочь яичную скорлупу в еду — витамины. Маша соглашается: мол, да, надо, — как будто сама не знала.
— Детки приехали? — это Ира про Тоню с Павликом.
— Приехали!
— А чего делают?
— Смородину собирали, а теперь на пруд поехали.
— Хорошо. Привет передавай! — и тоскливо так добавила: — Когда уж ко мне заедут, не знай…

Маша пообещала передать, а потом спросила:
— А ты чем занимаешься?
— Сегодня щи варила в три подхода, да вот силы кончились. Сижу на кровати и в окно гляжу. У меня тополя под окном растут, вижу, как их ветер качает. Такие они зелёные, такие красивые, листочки у них на ветру трепыхаются. А когда они наклоняются к окну — кажется, здороваются со мной.

Маша оценила: Ира против неё учёная, вон как про тополя красиво выразилась. А ещё внутри где-то почувствовала, что ей, Маше, Ира сейчас позавидовала. В семье, при дочери она. А у Иры сын да Павлик, раз в неделю продукты привезли и уехали по своим делам.

Привет Тоне с Павликом передала. Павлик засмеялся, ласково схватив отделившуюся от него жену за руку:
— Баб Ира ревнует, к твоей чаще ездим.
— Так тут не только бабушка, ещё мама с папой и огород! И дом, в котором я выросла, — Тоня опять выхватила свою руку и, обняв бабушку, громко чмокнула в прохладную щёку. — Заедем к баб Ире на обратном пути.
— Не в этот раз. У нас планы, забыла? — лёгкая морщинка залегла у него на лбу.

А обласканная внучкиным порывом бабушка Маша вышла на крыльцо. На противоположной стороне дороги, у соседского дома, тоже росли тополя. Но ей их уже не разглядеть — далековато, не для её глаз. Мир стал намного меньше, чем раньше. Пожалуй, размером с её комнату и тропку в курятник.

Села на лавочку, Муська тут как тут — у ног. Как в детстве — радостно и хорошо на душе, словно Тониным счастьем заразилась и помолодела лет на пятьдесят! Вот когда из сердца песня просится — она бы сейчас спела, сиди Антон рядом. Как раньше: «Потеряла я колечко…»

На следующий день, когда провожали Тоню с Павликом в город, бабушка Маша вышла к дороге. Погрузили в машину красное ведёрко со смородиной, пупырчатые пузатые огурцы, тугие зелёные

пёрышки лука и другую зелень, перевязанную простой нитью, ячейки с яйцами. Есть здесь передача и для Иры: после недолгих пререканий Паша всё-таки согласился заехать к бабушке. Просигналив, машина тихонько тронулась с места. Тоня улыбалась и посылала воздушные поцелуи из открытого окна. Лида с Юрой почти сразу в дом зашли, позвав её с собой пить чай. Но бабушка Маша ещё долго стояла у дороги, махала рукой вслед и крестила удаляющееся чёрное пятно машины, приговаривая:

— Лишь бы у них всё было хорошо!

А потом вернулась на крылечко, присела рядом с нежащейся на солнце Муськой. Достала телефон и набрала Ире. Надо же сказать, какая радость её ждёт!

А тополя по-прежнему одобрительно качали головами, как будто вновь и вновь по привычке приветствовали друг друга…

Мангуста

Когда я увидела Мангу у подъезда — она была совсем молоденькой кошечкой. С неба летели первые снежинки и падали на её голову и вздрагивающие от холода чёрные уши. Мне показалось, что ей очень грустно одной под снегом. Я потащила её домой — зная, что в квартире только мама. Манга не сопротивлялась, послушно свесив кофейные лапки. До того как папа (гроза домашних животных и наших с мамой инициатив) пришёл с работы, её, сытую от пуза, отправили обратно на улицу, и я с тоской наблюдала с шестого этажа, как она, поджав грациозные лапы, легла на крышку канализационного люка, по краям которого бил горячий пар. Тогда-то я и придумала ей это имя. Манга — почти как экзотический заграничный плод манго, который я в то время даже не видела. Потом добавилось ещё одно, более уважительное — Мангуста, и сокращённое, любимое, домашнее — Гуся.

Каждый день мы с мамой «работали» по одной схеме: возвращаясь из школы, я забирала Мангусту домой, где она наедалась и передыхала от бродяжнической жизни, а перед папиным приходом — выпроваживали на улицу. Однажды мы не смогли (или забыли) отловить её вовремя. Ключ повернулся в замке, опустилась дверная ручка, а мы с мамой с полными ужаса глазами метались по комнате, жестами показывая, кому с какой стороны дивана заходить. Но было поздно! Мангуста оказалась умной кошкой и нас не выдала — просидела весь вечер в укрытии. Когда папа о ней узнал, она уже жила с нами недели две, а то и месяц. Ну не выгонять же нашу собственную кошку на улицу? Впрочем, подозреваю, папа догадывался о её существовании и раньше, каждое утро отчищая чёрный вельветовый пиджак от шерсти. Как шутила мама:

— С начёсом теплее.

Как бы то ни было, со временем папа смирился и даже принял Мангу. Иногда она приходила к нему на колени.

— Признаёт авторитет, — медленно оглядывая нас с мамой, говорил он.

Тем не менее в наказание за разного рода шалости в Мангусту летел именно его тапок. Благо папа использовал его не для битья, а для запугивания. Манга, заносясь на поворотах подобно гоночному автомобилю, убегала прочь от папы и его тапков — в мою комнату, под мою защиту.

Я всегда любила ею любоваться. Её голубые, с тающими льдинками, глаза с годами стали выражать глубокую мудрость. Я обожала её пушистую грудку и мягкое пузико. Зароешься в шёрстку, как в подушку, — и тепло, и пахнет каким-то особым уютным запахом. Сколько слёз она впитала в себя, сколько взяла на себя моих глупых детских забот. Она часто сворачивалась клубочком на пледе, и я замыкала её в кольцо своих рук. Как хорошо нам было вместе! Мур-мур!

Со временем у Манги появился домик — обыкновенная коробка из-под пылесоса, в которой мы прорезали вход, постелили на дно кусочек старой шубы, — и Мангуста с удовольствием забиралась в свои пенаты, когда хотела побыть одна. Не тут-то было. Мои руки отовсюду достанут — даже если для этого нужно раскрыть крышу!

Надо сказать, Мангуста приносила нам не только радость, но и хлопоты. Однажды, когда я томилась в деревне, она царственно восседала на балконной раме, вцепившись в деревянную жёрдочку тонкими длинными коготками. Видимо, при развороте, Манга не удержалась и сорвалась вниз. Первым пришёл с работы папа. Ещё у подъезда соседка остановила его вопросом:

— Не ваша кошка сегодня упала с балкона? Кружилась на одном месте, а потом в подвал подалась.

Папа пожал плечами, но ускорился. Дома тщетно выкликал кошку, используя все три её имени и «кис-кис». Выбежал на улицу как был, в белых брюках и рубашке, и полез в подвал. И там, забившись в угол, под трубой лежала окровавленная Мангуста. Папа бережно взял её на руки, и они с мамой выхаживали её целый месяц.

После этого случая дверь на балкон плотно закрывалась. Но не у наших соседей по первому этажу во главе с моей одноклассницей Олей, к которым мы переселили Мангусту на время отъезда в отпуск. Вернувшись, обнаружили нашу кошку гораздо упитанней, чем прежде.

— Вот это щедрые люди! Мало того, что кошку согласились взять на время, так ещё и откормили до размеров панды, — удивлялась мама, поднимая потяжелевшую Мангусту.

Так случилось, что мы снова уехали из города через три месяца, и снова Мангуста осталась на первом этаже. Забирали мы её уже не одну.

В придачу нам выдали четыре уменьшенных копии, ползающие по огромной картонной коробке. Оля смеялась:
— Только вы уехали — она родила, прямо на следующую ночь!
— Да как так могло получиться-то? — недоуменно спросила мама.
— Мы разве не говорили? — весело отвечала Оля. — Она же убегала через балкон, когда вы в первый раз её оставляли. Два дня искали.
— А… Ну понятно, — протянула мама с улыбкой и принялась звонить в газету — подавать объявление.

В тот раз котят разобрали быстро, а потом ещё месяц раздавались звонки заинтересованных лиц, и мы по очереди бегали к телефону с извинениями и объяснениями.

Следующий, уже спланированный, приплод уходил медленней. Дольше всех задержался самый толстый, круглый, как шарик, котёнок с белым пятнышком на лапке. Видите ли, всем нужны чистокровные, а наш — помесь! Но и он, мой любимый Плюша, обрёл новых хозяев.

А потом Мангуста заболела и всеми возможными способами сигнализировала об этом. Натыкаясь на пахучие знаки на подушках и одеялах, мы свирепели и огорчались. Постираешь — через неделю то же самое. Дом пропитался устойчивым кошачьим запахом и стал похож на осадную крепость: всюду — плотно закрытые двери. Наконец кто-то умный посоветовал кошку стерилизовать: мол, помогает.
— Ей уже двенадцать, а можно ли в таком возрасте? — сомневались мы.
— Можно, — уверили нас.

Мы с мамой записались на приём и, загрузив сопротивляющуюся Мангусту в спортивную сумку, поехали на окраину города. В ветклинике оказалось полно народа. Животных хозяева принесли в корзинах на белых пуховых шалях и в специальных сумках-переносках. Мы же, освободив Мангусту и красноречиво переглянувшись, спрятали потрёпанную сумку под лавку.

Напротив стоял огромный аквариум, и Мангуста заворожённо смотрела в него. Мы вздохнули облегчённо: ни о чём не догадывается.

Наконец Мангу забрали. Измерили температуру (повышена!) и приступили к операции. Она лишь раз мяукнула громко и затихла. Через час из белой пластиковой комнаты вышел молодой хирург, на руках — окровавленные перчатки. Ему навстречу поднялся знакомый:
— Ты что, убил кого-то?
— Наоборот, спас! — довольно произнёс он.

Обессиленную Мангусту нам вернули в специальной попоне. Оказалось, благодаря операции выявили ещё одну серьёзную проблему. Вот о чём кричали кошачьи проделки, в нашем непрофессиональном переводе означавшие: «Я вас не люблю!» и «Так вам и надо!».

От наркоза она отходила долго. Вставала и валилась на бок. Но со временем всё пришло в норму. Мы смазывали её шрамы зелёнкой, а по истечении десяти дней мама бесстрашно выдернула нитки пинцетом. И дальше пошла обычная совместная жизнь со своими радостями и горестями, которые мы всегда делили вместе. Моя жизнь менялась, я выросла, выучилась и вышла замуж, но Мангуста продолжала быть рядом. И по-прежнему, как на кнопку положительных эмоций, я нажимала на коричневую упругую подушечку на её лапе. В ответ послушно вылезали острые коготки, но никогда не царапали, не обижали. Так было, пока Мангусте не исполнилось двадцать и она не заболела — теперь уже всерьёз. Сначала появился маленький шарик на животе, расплывшийся со временем до огромной кровоточащей раны. Посещения ветеринара ни к чему не привели. Нам предлагали операцию — с разрезом через весь живот.
— Смысл только в эстетическом эффекте, всё равно конец один. Но, возможно, она просто умрёт от наркоза. Возраст…

Посоветовавшись со всеми кошатниками в округе («Людей-то вылечить не могут, чего ты хочешь!»), решили операцию не делать.
— Сколько проживёт — столько проживёт, — советовали опытные люди.
— А ей не больно? — задавала я наивный вопрос.
— От боли кошки кричат по ночам и беспокойно себя ведут. Если этого нет, значит, не больно.

Мангуста вела себя спокойно: ночью спала, днём хорошо кушала и находилась то в кресле, то в своём домике. Шерсть её потемнела, пахла ветхостью и выглядела соответственно — как поеденная молью шуба. Когти в огрубевшие подушечки уже не втягивались, и она цокала ими по линолеуму, зацеплялась за коврики и долго ворочала лапами, чтобы вырваться из плена. Из открывшейся раны текли кровь и гной, а у меня всё ещё не поднималась рука, указующая на усыпление. Тут-то я, наконец, поняла, о каком «эстетическом эффекте» говорил врач. Мангусте отвели отдельную комнату, всё там было застелено подстилками и газетами, и всё пропитано больничным духом. И опять осадное положение с закрытыми дверями, к которому прибавилась гнетущая атмосфера ожидания её ухода. Она часто сидела у закрытой двери, словно ждала, что время для неё потечёт вспять.

Одним утром она перестала есть. Я повезла её к ветеринару, и он, как всегда, поставил перед выбором:
— У вас два варианта — либо усыпить, либо попробовать помочь, чтобы она ещё немножко пожила.
— Если есть шанс, как я могу отказаться?
— Тогда три раза привозите на капельники. Если не помогут, усыпляйте.
— Хорошо, — согласилась я, глядя на тощее кошачье тело.

Манга уже не в силах была сопротивляться и убегать и просто сидела, сжавшись в облезлый блёклый комочек, на железном столе. Когда ей обрили лапу и воткнули туда капельник, я пожалела о принятом решении. К чему опять эти мучения? Но было поздно. На следующий день процедуру повторили, но есть она не начала. Сидя рядом с её домиком и не зная, как помочь, протягивала попеременно ладонь то с говяжьим фаршем, то со сметаной. Решила, что в третий раз к ветеринару не повезу, что пора её отпустить.

Утром следующего дня Мангуста съела из моей руки горсть фарша. Я снова плакала, но от счастья, протягивая ей тарелочку с водой, которую она охотно полакала. К обеду кошка вышла из домика и, покачиваясь, дошла до своего лотка. С того момента, в моей голове прозванного чудом, она тихо и спокойно прожила ещё два месяца.

Вернувшись вечером домой, я привычно глянула в темноту комнаты. Мангуста обычно уже не выходила в коридор навстречу, но светила огнями глаз из своего укрытия. Не в этот раз. Я подошла к креслу и увидела застывшую на нём кошку. Голова её безвольно свесилась, тело неестественно распласталось. Цепочка красных пятен тянулась от кресла до двери комнаты.

Укутав затвердевшее тельце в простыню, поехали в лес. Шёл первый ноябрьский снег, мороз впервые в этом году схватил землю предыдущей ночью. Бросив машину на дороге, спустились к деревьям. Разбили землю молотком и выкопали ямку. По дороге пролетали машины, и я представила, как эта картина выглядит со стороны: двое в лесу с фонариком закапывают труп.

Дома я долго отмывала комнату и даже прибегла к специальной службе—химчистке мягкой мебели. Выбросила кошачьи вещи, домик уехал на мусорной машине почти сразу. В комнате стало стерильно чисто, как будто ничего и никого там не было.

Подруга сказала в утешение:

— Моя Анфиса приходила ко мне по ночам, я чувствовала её мягкую шёрстку под опущенной с дивана рукой. Мангуста тоже придёт к тебе. Жди.

И действительно, на следующую ночь мне показалось, что кто-то цокает по линолеуму в тёмном коридоре. Но она не зашла в комнату. Моя старая мудрая подружка и теперь не захотела меня тревожить, остановившись перед закрытой дверью, переставшей быть для неё преградой. Промучившись бессонницей, утром я выглянула в окно. Начинался обычный серый ноябрьский день, и только снег добавлял белых красок. Он кружил и кружил всё сильнее, слой за слоем покрывая землю. На улице не было ни души.

Массаж

Утром вступило в плечо. Да так сильно, что пошевелить левой рукой стало настоящей проблемой. В троллейбусе старалась беречь руку, но куда там, когда час пик? И троллейбус, конечно, тащился медленней черепахи по заснеженной улице, и кондукторша, далёкая от модельных параметров, раз пять через набитый салон протискивалась. В общем, когда приехала на работу, была на грани нервного срыва.

Но и на работе легче не стало. Плечо после активной поездки разболелось сильней. Компьютер не включался, а когда, наконец, соизволил—завис. За окном хмурилось, и вообще, шёл самый тягостный и нелюбимый мой месяц—ноябрь. Да ещё как вспоминала, что дома Мурзик, замотанный в бинты после операции, и Милашка с огромным пузом и вот-вот случится очередной выводок котят, которых некуда девать, а убить рука не поднимется, вздох только и вырвался.

— Чего такая грустная?—сочувственно поинтересовалась коллега.

Я тут же выложила свои беды.

— Так иди, наконец, на массаж! Сколько тебя уже отправляю к своей подруге! Берёт недорого, делает добросовестно. Ну, звоню?

Я вспомнила, что в кошельке всего сто рублей на обратную дорогу и хлеб, и расстроилась ещё сильней. Надо было именно в этом месяце, помимо лечения Мурзика, заказать любимую банную косметику и потратить на неё все свободные от обязательных платежей и средства? А ещё задумано тёплое платье, для которого нужна хорошая, качественная шерсть…

— Нет,—покачала головой,—я без средств.

— Не беда!—тут же отозвалась коллега.—Я у тебя всё-таки решила босоножки выкупить. Которые ты дорогущие купила с премии, а потом оказалось, что у тебя в них мизинец жмёт! Это для начала. А потом и аванс будет.

Марина смотрела выжидающе, и я даже не успела понять, как согласно кивнула, обрадованная пристроем ненужных босоножек.

— Звоню Жене!—она проворно отыскала номер и договорилась на понедельник.—Только ты сама к ней в обед ходить будешь—она недалеко живёт. И…—она помедлила.—Не обращай внимания, у неё там… муж и дети.

Последние слова пропустила мимо ушей. Что с того, что муж и дети? Да и когда ещё понедельник! Лучше заранее не думать о том, что надо тащиться к кому-то домой, спеша в обед, общаться там (ведь по знакомству, по дешёвке!) и вообще… Ох, как же это всё затруднительно!

— Ну, хоть из дома куда-нибудь выберешься!—напутствовала Марина.—А то приросла уже к тапочкам и халату.

Я посмотрела на неё поверх очков. Что она знает о моей жизни? О том, как живу в своей крохотной квартирке, где всё рушится и требует ремонта? Нет, квартирку свою я люблю и жаловаться на

неё не буду—в ней уютно и тепло. Свернёшься на диване калачиком рядом с кошками, ноги под себя подожмёшь, как маленькая,—и хорошо. И ничего больше не тревожит! Только разве что крики за окном раздражают. Но это внешние факторы. А дверь на замке.

К понедельнику плечо стало болеть чуть меньше, рука начала потихоньку подниматься, и идти на массаж я передумала. Деньги за босоножки мне и на другое пригодятся.

Коллега в ответ на протянутую коробку с босоножками отдала купюру и сказала, улыбаясь радостней обычного:
— Звонила Женьке, она тебя ждёт. Уже детей распихала на час.

Я смутилась и нахмурилась, пряча деньги в кошелёк, но решила быть честной:
— Ты знаешь, я, наверно, не пойду. Мороз на улице, и плечу лучше.

Марина изменилась в лице, но тут же взяла себя в руки.
— Хорошо, но позвони ей сама. Напрямую откажись, а то мне неудобно—я человека всколыхнула.
— Ладно, ещё подумаю,—грустно ответила я, внутренне скукожившись.

От перспективы объясняться с незнакомой женщиной, которая «уже детей распихала», стало тошно. Внезапно снова разболелось плечо, словно услышав мои мысли, и через три часа, так и не договорившись с совестью (ждут же!), всё-таки решилась идти.

Марина обрадовалась (я увидела одобрение в её глазах) и объяснила, как найти нужный дом. Дом оказался старой панельной пятиэтажкой. На фоне серого неба и прорезающей город железной дороги он имел особенно удручающе-унылый вид. Внутренне смирившись с неизбежным, позвонила в домофон.

Дверь мне открыла молодая приятно-полная женщина с измученным лицом, но приветливой, какой-то ласковой улыбкой. Она держала на руках полугодовалого мальчика, тут же вперившего в меня свои голубые глазёнки.
— Добрый день!—поздоровалась она.

Я повесила верхнюю одежду и, обернувшись, увидела мальчугана лет четырёх, выбежавшего из комнаты с криком:
— Мама, мама! У меня дисбактериоз!

Он остановился, глядя на меня.
— А это кто?

Я не замедлила с ответом:
— Я—Наташа. А тебя как зовут?

Мальчик засмущался и попытался спрятаться за дверью. Но всё же ответил:
— Артём.

Женя прикрикнула на него, чтоб занимался своими делами в комнате, меня проводила в соседнюю. Вот так «распихала» детей! Идя по коридору, краем глаза заметила мужчину. На вид ему было хорошо «за пятьдесят», и я подумала, что в гости пришёл Женин папа, но вскоре поняла, что это и есть её муж. Вид у него был недовольный, он наотрез отказался заниматься детьми, потому что ещё не пообедал. На кухне гремела посуда и слышалось занудное ворчание:
— Мне нужно поесть. Ты свои планы напридумывала, а у меня тоже работа.

Женя, стиснув зубы, промолчала.

Оказавшись на кушетке, я почти сразу почувствовала горячие сильные руки на своей спине. Откуда у неё только силы на массаж остаются? Прикусила губу, чтоб не закричать, когда она коснулась больного плеча, а потом лопатки.
— Здесь у вас узел, надо над ним поработать.

И поработала хорошенько. Не обманула Марина: Женя делала массаж на совесть.

Правда, в середине сеанса Юра заплакал в соседней комнате, и после нескольких минут пронзительного крика Женя, извинившись, убежала к нему. Принесла сына в комнату, сопровождаемая ворчаньем мужа. Я не выдержала и спросила:
— Жень, а где ваш муж работает?
— Да он тоже массажем занимается. Но сейчас у него клиентов нет. Временно.

Юра подполз к кушетке, и в проём для лица я с ним разговаривала весь оставшийся сеанс.
— У кого такие голубые глазки? У Юрочки… У кого такие пухлые щёчки? У Юрочки…

У Юрочки действительно всё было ладное—и щёчки румяные, и глазки небесно-голубые. И так он мило улыбался мне, что даже в сердце защемило слегка. Но я списала это на действие сорокаминутного массажа и начало рассасывания узла—того, что под лопаткой как раз.

Взяла с меня Женя сумму совсем скромную, учитывая нынешние расценки. Оправдалась бытовыми неудобствами. Я не возражала.

Каждый день, когда за окном сгущаются сумерки, выхожу на улицу и иду по направлению к разноцветным огням торгового центра. Это традиция, многолетняя привычка. Там всегда празднично, в разные стороны снуют люди, товары меняются то и дело, и посреди всего этого многообразия на время забываешь, что ты одинок. Вот камушки мои любимые, вот платки шёлковые новые завезли, вот маленькая сумочка с золотым замочком прямо под моё пальто, вот соседка—словом перемолвиться…

Сегодня я снова пришла в отдел для рукоделия полюбоваться на своё будущее платье. Свежезавезённая итальянская пряжа висела прямо по центру. Бледно-голубой нежный оттенок—под цвет глаз, и тонкая интеллигентная серая ниточка между других нитей. Как бы прекрасно подошло мне новое вязаное платье, которое задумала. И как раз успела бы связать к Новому году. Если б не

массаж! Теперь нужно ждать следующую зарплату, чтобы купить пряжу. А вдруг до этого времени её «уведут»? Может, больше не ходить? Достаточно одного раза? Жила ведь без массажа раньше и теперь проживу. Надо подумать. Крепко!

Ночью я спала, прижавшись к холодной стене, продуваемой ветрами. Всю остальную часть моего небольшого лежбища занимали израненный Мурзик и будущая мать Милашка. Не могла же я их выгнать на кресло в таком состоянии? Поэтому я нисколько не удивилась, что плечо разболелось с новой силой. Обречённо в обед пошла на массаж.

Сегодня в квартире у Жени было тише: старшего Артёма отвели в садик, а с Юрочкой согласился посидеть муж в соседней комнате. Правда, теперь характер решила показать другая Женина подопечная. В начале сеанса к нам в комнату влетела маленькая трёхцветная кошечка—точно моя Милашка в молодости!

— Прелесть какая!—изрекла я в проём кушетки.

— Ох уж эта прелесть!—рассмеялась Женя, растирая моё больное плечо.—Вчера уронила два цветка с подоконника, пока мы с Юрочкой гуляли. И кормить её надо постоянно,—Женя запнулась, засмеявшись.—Сил моих нет с ней!

Кошка действительно оказалась непоседливой—бегала-прыгала по комнате, пока не добралась до меня. Её очень заинтересовало моё лицо, словно застрявшее в проёме кушетки. Она решила дотянуться до него когтистой лапкой. Поскольку руки были заняты, я на неё дула и таким образом отбивала атаки. Наконец Женя заметила наши игры и прекратила их, выставив питомицу за дверь. Я поделилась с Женей переживаниями по поводу будущего потомства:

— Взяла Мурзика с улицы, думала—молод ещё для таких дел, кастрировала поздно. И видите, как получилось!

Она поддержала:

— Не переживайте! Надо объявление дать на сайте, в газете. А я у своих клиентов поспрашиваю, может, кому котята нужны.

Я горячо поблагодарила. Есть кому-то ещё дело до моих бед!

На работе мы разговорились с Мариной про Женю. По поводу возраста мужа коллега ответила философски—видимо, сама не раз на эту тему размышляла:

— Всё из детства идёт... У Жени ведь отца не было, умер много лет назад—пил. Мама—работяга, всю жизнь на заводе проработала. Потом отчим появился, с того же завода. Человек хороший, но жёсткий, грубоватый. Женя всегда мечтала, чтобы муж интеллигентным был, чтоб поговорить не только о бытовом. Пошла на курсы массажа и встретила его.

— Он тоже учился?

— Нет, руководил. Он ведь массажист отличный, только устал от работы. Трудится от случая к случаю—по теченью плывёт. Когда-то был тяжёлый развод, потом болезнь, сам себя на ноги поставил, все методики изучил массажные. Вот и Жене передал опыт, только ей некогда заниматься. Она ведь прирождённая мать. Мечтала буквально с детского сада о детях. Книжки читала по воспитанию ещё в школе.

Я промолчала. Хороши мать с отцом—оба работать не хотят, получается. Или не могут?..

В третий раз я к Жене шла с чувством, что меня там ждут. И даже радость какая-то появилась от встречи. Юрочка при моем появлении ручки вскидывать начал и улыбался беззубым ртом. Женя кивнула приветливо. Муж из комнаты выглянул поздороваться—видимо, был сегодня в настроении. Или просто успел пообедать. И даже кошка о ноги потёрлась. И свои рублики после сеанса я отдала без прежней грусти—им действительно нужнее.

А ещё лежала на кушетке и слушала, как Женин великовозрастный муж Юре на губной гармошке играет. И как-то это так трогательно было, что слезинка на пол капнула даже. Но я опять списала её на то, что Женя на узел нажала—там, под лопаткой.

Так и прошли все десять сеансов массажа незаметно. Быстро пролетели. Плечо стало болеть меньше, хоть до конца не прошло—случай-то запущенный. Но с первоначальным состоянием—не сравнить. Теперь хоть жить можно.

И про Женину семью я узнала больше. Мама с отчимом её выбор не одобрили, несколько лет не разговаривали с ней. Правда, когда Юру в честь отчима назвали—оттаяли немножко, и Артёмку к себе в гости зовут, и сельхозпродукцию завозят иногда. А Женя духом не падает: у неё есть её вымечтанное счастье—дети. И хоть с мужем сложно, и с деньгами—проблемы, ничуть она о своём выборе не пожалела.

А через три дня в моём доме тоже пополнение случилось—разродилась наконец Милашка. Четверых на свет принесла: трёхшёрстную девочку—свою копию—и троих мальчишек серо-полосатых—в Мурзика. По совету Жени я объявление дала: мол, «котята в добрые руки»,—и двоих забрали почти сразу. А потом ученица Жениного мужа «трёхшёрстку» запросила—и девочка к ней «уехала» жить. Так что к Новому году только один остался не пристроенный, но надежды я не теряю.

А ещё меня всё-таки дождалась небесно-голубого цвета итальянская пряжа! Какая же она мягкая и нежная оказалась на ощупь! Я на неё любовалась сначала, а потом всё же решилась и принялась за работу. Как и задумывала, из неё получилось два прехорошеньких детских костюмчика—один побольше, а другой совсем маленький. Как раз к Новому году...

Сергей Чернов

Шушуны

В тот вечер Артёму особенно не хотелось жить. Всего его скручивало. Сердце билось во вздувшихся венах на шее. Да ещё канистра, оттягивающая правую руку, нестерпимо воняла бензином так, что даже порывистый полевой ветер не отгонял, а, наоборот, бросал запах в лицо: на, мол, кушай! Но он шёл—упрямо, набычившись, глядя, как ноги топчут пожухлую коричневую с прозеленью траву. Шёл, а хотелось упасть и умереть. Или просто упасть и лежать, раскинув руки, лицом вниз. Время от времени Артёма мучила мелкая, противная похмельная дрожь.

— Она, может, где-то тут рядом и будет. В четыре полосы,—резкий голос оказывался то чуть впереди, то сбоку, но всегда слева, там, где самая боль.—Вот тут всё и заживёт!.. Это же такие люди серьёзные! Это же лиу-у-уди!

Артём посмотрел на Тоху: высокий и худой, на полголовы выше Артёма, вышагивает, будто лёгкость в нём пружинистая. Потёртые джинсы и камуфляжная куртка. Коротко стриженная голова. И вечное выражение—будто он в детстве съел что-то кислое, да так и остался с осквернённым то ли гримасой, то ли ехидной ухмылкой лицом.

«Надо же, живчик,—с завистью подумал Артём.—Огурец! Наравне же пили… Да когда ж ты заткнёшься?!»

Но знал: не заткнётся, хоть в харю бей. Таков он—Антон, Тоха-Паха.

— Вот как пыхнет, и ветер огонёчек маслицем размажет!—хитро сощуренные глаза у Тохи блестели.

Артём понимал: то были не его слова. Ещё с давних школьных лет—хоть они и не дружили-то никогда, так, заносило в одну компанию,—никогда Артём не замечал раньше, чтоб Тоха-Паха так слащавил. А тут, стало быть, выпил с этими «лиудьми» по стопке да нахватался, аж губами причмокивает.

— Чего они… тца… жить-то мешают? Какой от них прок?

До домов было ещё далеко. Неровное, вытоптанное коровами поле тянулось к горизонту, низкому из-за сплошных серых облаков, и где-то там, вдали, смыкалось с ним. И ничего-то вокруг не было. Только неуместно торчал, качая большой медной головой, подсолнух с выклеванной птицами сердцевиной—широкие сухие листья его были опущены, точно он в нерешительности пожимал плечами,—да поднималась время от времени до колена ломкая трава. И больше ничего, лишь они—с канистрами в руках.

Тоха забежал вперёд, едва не споткнувшись о какую-то кочку, и, заглядывая Артёму в лицо, выпалил:

— Я им говорю: есть у меня человек, друг—это ты!—и мы вдвоём! Только чисто надо,—и, вновь поравнявшись:—Таких людей нельзя подводить. Это же люди!

Время от времени—не так часто, как хотелось бы,—его голос куда-то пропадал. И ветер гудящий пропадал. И пульсация в голове. Артём оказывался на блаженные мгновенья в тишине, только чувствуя, как при каждом шаге земля бьёт в пятки,—засыпал он, что ли?

— …Стоят тут никчемушные. А городу жить надо… тца… развиваться! Ему надо, чтоб люди счастливы. Понимаешь—счастливы! Чтоб им за хлебушком не в магазин, а в торговый центр! И чтобы заправочка. Тут столько людей проезжать будет—весь мир на нас полюбуется. Разрастёмся!

Артём попытался представить, как город будет разрастаться, но представилась какая-то муть—бесформенная масса, наползающая в поля.

«Ага,—раздражаясь, думал Артём.—Разрастаться! Это они расти будут и пухнуть, эти твои „лиуди“… А, не один ли хрен, лишь бы с деньгами не обманули».

Ему вспомнилось, как сам он так же горланил там, на квартире, кивал головой, повторяя одно и то же—про дорогу, про магазины, свет электрических фонарей и про сумму, что ляжет в карман,—стараясь переплюнуть в этом Тоху. Как опрокидывал стакан за стаканом, не чувствуя опьянения, лишь приятно шумело в висках, да хотелось перегнуться через стол и обнять эту худую фигуру, крепко хлопая по плечу. А ещё хотелось музыки и совсем не хотелось спать. И только в один короткий момент Тоха вдруг устало откинулся на спинку стула, понизил голос до шёпота:

— Только… это… тихо надо. Чтобы ни одна душа. Я, если что, второй раз-то на зону не хочу…

Артём тоже откинулся на спинку стула.

В окно прокуренной комнаты билась пустая, оглохшая ночь.

Нет, он, конечно, трепло, этот Тоха. Кошкаровка—город небольшой, и каждый в округе знал, что Тоха-Паха ни на какой зоне не был, а только на пятнадцать суток ходок. И даже наколка с якорем у него на плече набита по дури, так как моря он и в бинокль не видел. Но теперь Артём с отчётливостью понял, что неспроста всё—веселье, галдёж. На дело идут. И если что—решётка. Артёму сделалось страшно и душно.

Но вот снова водка забулькала в стакан. В голове приятно загудело. Снова смех, шум голосов, поддакивающих и одновременно перебивающих друг друга. И так—пока не пришлось расходиться по койкам, хватаясь за всё, что попадётся под руку, потому что пол качался, как табуретка под ногами самоубийцы.

«На дело,—и сейчас подумал Артём, отвлекаясь от назойливого голоса.—А деньги-то хорошие. На них жить можно хоть до зимы. А может, в ход пустить—ведь как-то пускают деньги в ход. Осточертело жить от попойки до шабашки».

Холодало. Правая рука у Артёма замёрзла, и он взял канистру в левую. Надо было кофту надеть, да какое там—когда уходили, он вывалился из подъезда точно из духовки, в которой его медленно тушили. Он даже распахнулся, а шапку, скомкав, сунул в карман застиранной до бесцветья куртки. Тогда ему было душно, солнце напрягало больной затылок. А погода испортилась—не до ноября же теплу стоять. Артём сунул руку в карман, но шапки не было—выпала. С досадой Артём провёл закоченевшей ладонью по русой, начавшей лысеть голове.

—…Сами виноваты… тца… Была бы земля ничья, а так иди, найди этих собственничков. И все денюжку заламывают. А когда слух дойдёт—так и вовсе заломят! Это ведь мы с тобой образованные люди—а они так, пиявки колхозные, шелупонь жадная. Переселяй их!.. А витрины-то будут гореть—от одного вида слюна потечёт!..

«Нет,—всё думал Артём.—Не подписали бы трепло на такое дело. Может, ещё кто-то был, да сдулся, не захотел по тигулям лазать—перекинул на дурака. Жаль. Может, денежек побольше было бы. Ну и то хорошо, что столкнулись вчера, пузырь взяли—сам хоть подвязался. А Тоха этих людей своих, может, и в глаза-то не видел!»

Так, провалившись в громоздкие, как земляные глыбы, мысли, Артём не сразу заметил, что на горизонте появились дома—щербатая линия пеньковатых зубов, прикусивших взбухшую губу небес. Улица Первомайская, по местному—Шушуны, отходила от города вдаль, по касательной, словно расправленное крыло в забытом стремленье взлететь. Где-то там, по плану (Тоха эти слова говорил значительно: «По плану!»), и должна пройти трасса, раскидывая вокруг кафешки и заправки, мотели и гамбургерные, раскидывая вокруг деньги, которые кто-то знает как собрать.

При виде домов у Артёма на душе стало тоскливо, будто всё это время он не сам шёл, будто его вели как телка́—непонятно куда, в неведомые дали. Чтобы хоть как-то отогнать это ощущенье, Артём попытался вернуться к мыслям о деньгах. Но больше не думалось.

—Тоха,—позвал Артём, поражаясь хриплости собственного голоса; язык шкрябал по сухому нёбу.—Антон, ты с деньгами что делать будешь?

Спросил и тут же себя отругал.

Тоха выпучил глаза:

—Я ж говорил—я на них жить буду! Я, знаешь ли, не какой-то там алкаш! Куплю себе чего-нибудь… Ну, перво-наперво обмою—так грех не обмыть. Но я не это, не алкаш какой-нибудь. У меня образование! Я, может, тоже в больших людях мог гулять! Но это… Там всё… Там же всё куплено! И между своими—попробуй пролезь! А задницы я лизать не умею—не такой я человек. У меня совесть и принципы! Никогда до такого не опущусь!.. А так я, может, тоже в кабинете мог сидеть!.. Ну, обмою… Коньячок там… Ты коньяк пьёшь? А там… Мне к зиме ботиночки—вторую пару. И телефон хочу, чтоб фото, всё такое. А ты—как?

Артём почувствовал, что тоже хочет и ботинки к зиме, и телефон, но хороший—они у него не задерживались: всегда ломались или терял. Ну и, конечно, обмыть—не водкой из-под полы и не самогоном, от которого раздирает изжога. И чтоб закусывать не яичницей. Но ответить хотелось иначе, не по-Тохиному, а чтобы выше, чтобы он умылся своими мечтами.

Он наморщил лоб, ощущая в голове пустоту, звенящую, как будильник. Но тут вдруг всплыло совсем забытое—неожиданно, как спасательный круг в бурунах.

—Подарок куплю,—выпрямив спину, сказал он.—У меня дочь есть.

—У, которая с Ленкой осталась?

Артём прикусил язык и у себя в голове Тохиным голосом продолжил: «Да, и фамилия у неё теперь не Михнова, и подарок твой ей и к чёрту не нужен». Но внезапно возникший образ его дочери—отчего-то не лицо, а затылок, белеющий широким пробором, оттянутым толстыми косами с большими белыми бантами, школьная форма и синий, с Микки Маусом, рюкзачок,—какое-то время плыл перед ним, пока не стал тускнеть, превращаясь в редкую серую траву.

—Тёмыч!—шёпотом в самое ухо.

Тоха вцепился Артёму в руку, дёрнул вниз. Они оба повалились на землю. Канистра выскользнула, в ней громко бултыхнулось.

Ошарашенный, Артём не успел и охнуть. В гневе ему захотелось вскочить, вмазать с ноги по ухмыляющейся роже. Но вид напряжённого лица Тохи тут же остудил. Он только чуть приподнял голову над невысокой травой.

Дома значительно приблизились. Отчётливо виднелись чёрные столбы электропередач. До Артёма донёсся нарастающий стрёкот моторов. Артём различил, как там, чуть ближе, чем сами дома, мчатся два красных пятна — мотоциклы, «Явы» или «Ижи». Ему показалось даже, что он различил и подростков, что сидели на них; показалось, что к спине одного прижалась девчонка. Даже — сквозь расстояние и звук движков — что они перекрикиваются между собой.

— У-у-у, — злобно протянул Тоха, вставая и отряхиваясь. — Местные. С Юрасовки. Шакалятся тут!

— Почему шакалятся? — спросил Артём, садясь.

Ему стало обидно — и за себя и, отчего-то за этих ребят. Хотя с юрасовскими у него всегда была напряжёнка, но вот таким же вот пацаном он и сам гонял по полям на своём «ижаке». А сзади, прижавшись всем телом, прильнув горячей щекой к его шее, — Ленка…

Ему тут же захотелось сплюнуть, да во рту было сухо. И зачем только вспомнил про неё? Променяла. Всю жизнь разорвала, как штанину на тряпки…

Звук моторов стихал вдали.

— Хорошо. Вот пускай теперь докажут… тца… что это не шелупонь юрасовская спичками баловалась. Может даже, эта вон самая…

— Почему шакалятся? Что за слово такое? — ещё раз спросил Артём, но Тоха не ответил.

Вставать Артёму не хотелось. Только сейчас он почувствовал, как с непривычки гудят ноги и нудно тянет в пояснице. Но он всё-таки встал, поднял блеснувшую алюминиевым боком канистру и поплёлся вслед за Тохой, угрюмо глядя себе под ноги. В затылке запульсировало с новой силой.

Темнело — казалось, что мир, и без того серый, становился всё тусклее. Время от времени отрывая взгляд от земли, Артём видел, как приближаются дома — их редкий деревянный порядок расходился в стороны, как мехи баяна. Уже отсюда была видна их старость. Заросшие палисадники — то кустами одичавшей малины, то жёлтыми оползнями хмеля, то совсем непонятно чем. Голые деревья растопыривались узловатыми ветками: яблони, груши, сливы — отсюда не определить; лишь выделялись на фоне серости белые, как в мыльной пене, берёзки. А из всего этого плетенья стеблей и веток торчали железные колпаки крыш, да кусками порванных картинок виднелись фасады — некогда яркие, синие или красные, а теперь словно оттёртые пемзой. Вот выглядывал из кустов чёрный стеклянный глаз окна в толстой подводке резного наличника. Тут — аккуратная ставенка. Кое-где на повёрнутых к улице фронтонах зияли небольшие провалы чердачных окошек. Вот сорванный жёлоб отлива повис нахмуренной бровью. Изредка проглядывались резные узоры на причелинах и еле видные отсюда зубцеватые «серёжки» на подзорах. Маленькие крылечки по-щенячьи прижимались к домам, сами напоминая маленькие домики — двухскатными крышами, резными стойками.

Артёму уже было видно, что от рогатых столбов электропередач только к некоторым домам тянутся провода. Да, жизнь в Шушунах была редкой, разрозненной. Многие дома пустовали, а те, что не пустовали, заполнялись лишь в летние месяцы, на неделю-другую, когда из дальних больших городов приезжали дачники — попить пива, пожарить шашлыков, сходить с удочками на Червянку или, поддавшись трудовому зуду, поковырять лопатой землю или прибить какую-нибудь доску к дому, что достался от матерей, а то и от бабок. Но и дачников было с каждым годом всё меньше. Сейчас здесь и вовсе было пусто. Улица походила на что-то летаргически-сонное, будто вступающие в права сумерки упокоили каждый дом, все их тесины и брёвна, оставив в глухонемом вселенском безлюдье — до бесконечно далёкого теперь лета. И только они, Артём и Тоха, двигали прямо к центру застывшего уличного порядка — ведь если не всё сгорит, может, ещё придётся сходить, ещё доплатят…

Тоха зашёл на новый круг, повторяя о красивой жизни, ровном асфальте. «Здесь будет город-сад!» — только и вонзилось Артёму в ухо. Но чем ближе они были к домам, тем голос у Антона становился всё тише, превращаясь в невнятный шёпот, а шаг быстрее, и Артёму поневоле пришлось приноравливаться, чтобы не отстать. Задыхаясь от непривычного хода, Артём обратил внимание: Тоха теперь сгорбился, будто некая сила заставляла его хорониться на ровном месте. Он и сам вдруг понял, что втянул голову в плечи не только из-за холода.

Дорогу они и вовсе перебегали, точно та обстреливалась. Хотя и дорога-то была — две еле заметные полосы.

Они повернули за заросший сухой крапивой палисадник и упёрлись в высокий, чёрный от времени забор.

Тоха остановился. Артём опустил на землю канистру и принялся растирать озябшие руки, вовсю дуя на них горячим, сиплым от усталости дыханьем. При этом он медленно оглядывался, тупо подмечая, что и палисадник-то не палисадник, а так — жердины обвалились, из заострённых штакетин осталось, дай Бог, две-три. А дом ближайший чем-то отдалённо напоминает его отчий, что был когда-то на улице Столовой. Вот так же слегка подседал он к одному краю, где фундамент начинал сыпаться. Вот так же фронтон поднимался высоким синеватым лбом, и что-то общее было в запертых на крючок ставнях. Только наличники в его доме, кажется, были простыми, а не как тут, волной, с вырезанными сердечками посередине. Артём глядел на дом, и ему вдруг подумалось:

если полы внутри не вздулись, не пошли кривым плясом — в таком вполне ещё можно жить.

Он поглядел вверх: тучи грузно скреблись о печную трубу. Ветер крепчал, становился ледяным.

«А ведь так огонь до Юрасовской улицы догонит», — пришла вялая мысль.

— Тоха, а ты взял?..

— А как же! — не дал закончить Антон. Будто прочитав его мысли, он вытащил из кармана джинсов синий кирпичик кнопочного телефона. — Во! — и, переходя на какой-то пародический бас: — Вот если разойдётся — в пожарку! И город не сгорит, и хлопцы, глядишь, медальку какую получат. И всем хорошо. Только без лишних слов: горит, мол, и всё! И телефончик — в огонёк... Эх, — сказал он уже своим голосом, засовывая телефон в карман. — Такую дрянь... Получше-то пожалели.

— Да, — откликнулся Артём, от холода лязгнув зубами.

Тоха вернулся к работе — всё это время он возился с забором, поочерёдно давя плечом на каждую доску. Одна из них наконец-то хрустнула, переломившись пополам. Тоха свернул одну часть, отодрал вместе с гвоздями другую.

— У, гнилушка, — недовольно просипел он, взвешивая деревяшку в руках. — Давно пора это всё...

Но фразу он не закончил — отбросил кусок доски, поднял канистру, полез в образовавшуюся щель.

Артём тоже нехотя взял свою канистру и протиснулся вслед за ним.

Двор встретил ветками, что, словно в защиту, старались ткнуть прямо в лицо. Весь он зарос худыми сорными клёнами со сливово-фиолетовыми верхушками, на которых вместо листьев висели сухие крылатки. Антон ломился через этот нарождающийся лес, как медведь, отощавший за долгую зиму. Тихими выстрелами ломались гибкие ветки. Где-то поодаль шумно взлетела стайка воробьёв, будто их горстью подбросили в воздух. Артём шёл, прикрывая свободной рукой голову, стараясь, чтобы согнутые Тохой ветки не хлестали по лицу. Под ногами шуршал ковёр из коричнево-жёлтых листьев.

Тоха остановился — Артём едва не ткнулся ему в спину. Здесь было чище — свободная от клёнов прогалина шага в четыре. Лишь в самом центре его торчал невысокий орешник с не успевшими облететь янтарно-красными листьями.

Задняя сторона дома оказалась рядом — вся обитая плитами дсп; от дождей они разбухли, щедро осыпавшись стружкой. Сиротливо выделялись только замкнутая на висячий замок дверь да маленькое, в две ладони, оконце. Через ветки проглядывались бесформенные груды сараев, точно выползшие из мерзлоты спины мамонтов. Тоха, постояв мгновенье, с хозяйской сноровкой полез в их сторону. Артём пошёл было следом, но сделал только пару шагов, как Тоха вернулся с охапкой досок и свалил их у орешника. Он снова куда-то пошёл, теперь в другую сторону. Артём и тут успел всего пару шагов сделать — полая, как дудка, гнилуха полетела из Тохиных рук в кучу. Тогда Артём поставил канистру на землю, сунул руки в карманы. С бестолковой, тупой, как пинок, тревогой Артём понял, что не знает, что ему делать и куда себя деть. Они ведь даже не говорили об этом, всю ночь напролёт пьяно строя планы на не заработанные ещё деньги да восхищаясь не видимым ещё юным городом... Да он и сам ни разу не подумал: «А как будем жечь?»

Ветра тут не было — не проходил сквозь заборы и ветки, но Артёма уже трясло так, что стучали зубы, протряхивало до самой сжавшейся вдруг души. В сухом горле саднило. Ледяные мурахи бегали по спине.

«Ну вот, — со злобой подумал он, — соплями изойду».

Груда веток и досок поднялась меж тем чуть не до пояса. Тоха подгрёб сухие листья ногой, взялся за канистру.

— Ну, — сказал он, размыкая её железное горло.

Синеватая жидкость плеснулась на кучу.

Суетясь, Тоха опять полез в сторону сараев, почти пропал там, затем неожиданно появился у дома, щедро поливая бензином и стену, и маленький, в три ступеньки, порожек. От кучи потянуло резким, прошибающим до затылка запахом.

Тоха вернулся к Артёму. Крышка канистры с металлическим щелчком встала на место. Тоха похлопал себя по карманам и наконец нашарил спичечный коробок. При виде спичек Артём с удивлением подумал: всё это время — сколько они там шли, час, полтора? — он так ни разу и не закурил. Язык начал пухнуть — так захотелось втянуть в себя тёплый табачный дым.

Тоха чиркнул спичкой — маленький огонёк загорелся в согнутой ковшом ладони. Тоха поднёс его к раскрытому коробку — тот с шипеньем превратился в огненный шарик, который тут же полетел в кучу.

Огонь вспыхнул, громко охнув. Артём отпрянул, но тут же приблизился вновь. По сторонам бросились тени. Мир будто бы дрогнул, сделал невидимый поворот вокруг оси, в центре которой горел костёр. Рыжие языки, приплясывая, потянулись вверх, пытаясь взобраться на небо. В лицо Артёму дыхнуло жаром. Ему вдруг стало легко, будто огонь разом выбил из тела и холод, и похмельную тяжесть. Ушла из затылка боль, и весь он распрямился, подался вперёд, чувствуя как расходятся в неясной улыбке губы. Щёки его враз раскраснелись. Он протянул огню руки, и в них начало приятно покалывать — будто старой кожей слезал с них уходящий холод.

— Ну, — довольно протянул Тоха, — как?

—Хорошо,—искренне ответил Артём, чувствуя, как здорово дышать горячим воздухом, как приятно втягивать его в лёгкие, раздувая грудь так, будто он никогда ими и не дышал.—А я тут чуть не околел!—усмехнувшись, добавил он.

—Что? Да я для тебя такой костёр сейчас забабахаю! Да я ради тебя… Ты ж друг мой—мне для тебя ничего не жалко. Не такой я человек, чтоб друзей в беде бросать!

«Эх,—подумал Артём.—Жалко всё-таки, пузырь с собой не взяли. Сейчас бы накатить да пройтись по этой улице в пьяную обнимку. Да орать во всю глотку песню—один пёс, какую!»

Огонь гудел, потрескивал. Языки его дрожали, то взлетая, то опадая, переливаясь от жёлтого к оранжевому, от оранжевого к пурпурному, от пурпурного к багровому,—и плясали, плясали, плясали. Струя дыма текуче поднималась по орешнику, и оттуда, из чёрного нутра, сыпались красные листья, вспыхивая на лету.

От тепла у Артёма заслезились глаза. На душе становилось всё веселее, всё развязнее. Он вновь распахнулся, едва не сорвав пуговицы. Он по-дружески ткнул Тоху в плечо, заметив, что и тот ухмыляется в тридцать два зуба. Огонь бросал на Тохино лицо гротескные тени, от которых глаза казались бездонно впалыми, а нос—непомерно большим. Артём чуть не заржал в голос.

А мир за кругом огня, наоборот, показался Артёму теперь тусклым, будто там и не было ничего. Он поглядел вверх. Дым загибался в вышине кочергой; там, где ветер подхватывал его, в сторону невидимого, а может, и не существующего города тянулась чёрная, широкая, как трасса, полоса, будто пропаханная в тёмных облаках. От зрелища чёрного давящего небосвода у Артёма закружилась голова.

Тоха как-то медленно, опасливо вытащил из огня палку, горящую с одного конца, как факел. Он помпезно вытянул её вперёд, словно только что своронанный Прометеев огонь.

—Ну,—громко сказал он.—С Богом!

И швырнул её в сторону дома.

Палка стукнулась о стену, плюнулась искрами и, совсем потухнув, упала на бетонную отмостку.

На какой-то момент Артёму показалось, что ничего не произойдёт. Но тут на шершавой, как старческая кожа, стене возникла красная змейка. Огонь разлился, пополз всё выше и выше.

Тоха вытянул из костра ещё одну головню, кинул в ближайшие кусты. Там тоже закраснелось. Какая-то полая будылка засвистела свистом, переходящим в вой.

Но тут дым от костра неожиданно побледнел, опал горьким удушливым облаком.

—Тёмыч,—кашляя, выдавил Тоха.—Ходу!

Они похватали канистры и, согнувшись чуть ли не до земли, попытались вырваться из объятий дыма—дым всё никак не кончался. Ничего не видя, Артём налетел на толстый, в ногу, ствол. Часто моргая, он пытался привыкнуть к щиплющей темноте, залившей глаза после яркого огненного мерцанья. Но вот, наконец, вечерний холод обдал сыростью. Артём различил новый невысокий забор с широкими прорехами. Откуда-то взялась сила—густая, пружинистая, приятным жаром заполнившая всё тело. Выдыхая целые дирижабли пара, он первым нырнул в прореху забора.

Этот двор оказался теснее из-за сараев и каких-то бестолково сколоченных кильдимов. Повсюду валялись коляски неколотых дров. Артём открыл свою канистру и с оживлением, даже азартом стал поливать всё—и землю, и дрова, и столбы, и бока сараев. Бензин с глыканьем плескался наружу. Заметив в траве черепаший горб алюминиевого таза, Артём с досадой успел подумать: «Надо было пройтись сначала, собрать всю железку—хороший бы вышел прибавок,—и одновременно удивился:—Неужто юрасовские сюда не лазали?» Артём разошёлся так, что даже плеснул бензином на бетонные вьюшки колодца, прикрытого шифериной.

Следующий забор был крепким, тесины прижимались друг к другу вплотную. Не сговариваясь, они с Тохой попытались выбить одну из них, одновременно пнув. Тесина поддалась только со второго удара. Они пролезли в образовавшееся отверстие—спеша, не желая пропускать один другого.

Новый двор был просторней, чище. Травы тут, кажется, не было вовсе. Земля рассекалась линиями утоптанных дорожек, а между ними в рыхлом па́ханом грунте рядами торчали привязанные к кольям мумии помидорной ботвы и похожие на кулаки подгнившие капустные вилки. По стенам забора стояло несколько аккуратных сарайчиков, деревянный нужник и пара клетушек на высоких ножках—видимо, когда-то держали кроликов. Слева от Артёма поднималась утёсом прикрытая клеёнкой поленница. Сам дом и отсюда, со двора, щеголял резными причелинами и витиеватыми наличниками на окнах. Голубоватая краска на стенах облупилась, но осыпаться ещё не успела. На фронтоне, под самой крышей, висел лосиный рог телевизионной антенны. По всему видно—дачники гостевали тут летом.

Артём плесканул бензином на поленницу. Тоха ринулся к сараям.

В канистре у Артёма осталось меньше трети. Он не стал транжирить—подошёл к дому вплотную и, стараясь не проливать на землю, начал обрызгивать стены, красную дверь, невысокий порожек. От запаха бензина во рту сделалось горько. Артём пытался не смотреть назад, но и так чувствовал, как через двор вовсю уже трещит, вовсю гудит и ухает огонь. Мир с того края будто подсвечивался

яркими жёлтыми фонарями. Краем глаза он всё-таки замечал тюрбаны пламени, время от времени взлетающие выше заборов. Огонь будто змеился, завороженно плясал, как вызванная факиром кобра. Дым плыл над головой так низко, что до него, казалось, можно было дотянуться.

Тоха возился на другом краю двора, обливая бензином кроличьи клетки.

— Тоха!—крикнул Артём неожиданно сломавшимся голосом.—Стой!

Артёма пригвоздило к месту. Ему показалось, что не чьё-то лицо пялится на него из-за перекрестья оконной рамы, а сам приговорённый к сожженью дом смотрит…

Какое-то время Артём так и стоял—согнувшись, прижав канистру к груди. Затем, не отдавая себе отчёта, бросил канистру, перемахнул через порог, рванул дверь на себя. В лицо ударило домашним, пахнущим блинами теплом. Артём ввалился внутрь, ударившись бедром о зазвеневший стеклом сервант, завернул в правый дверной проём. Так и есть: там, у окна, развернувшись теперь к нему, сидела то ли на табуретке, то ли на каком-то ящике старуха—худая, с узким, сморщенным, как сухое яблоко, лицом. Беззубый рот у неё был сомкнут. Под правым глазом, размером с пятак, краснело неровное родимое пятно.

И ничего больше Артём вокруг не видел. Кажется только, что под потолком, покачиваясь от ворвавшегося потока воздуха, горела тусклая лампочка, да прошмыгнул под ногами рыжий кот. Артём не мог оторвать от старухи взгляда. Он видел, что одета она в тёплый плотный халат неопределённого цвета, поверх которого—вязаная серая безрукавка. Голову обрамлял шерстяной платок, завязанный под подбородком. Сложенные в замок костистые ладони покоятся на коленях. А глаза—водянисто-голубые, почти прозрачные—глядят ему в лицо, не мигая, со звонким испуганным напряжением.

Артём услышал, как, топая, в дом ворвался Тоха и теперь, тяжело дыша, глядел поверх его головы.

Артём не знал, что ему делать. Его сковало—он, кажется, даже и не дышал. В голове стало как-то отчаянно пусто. Какая-то непонятная муть полезла ему в глаза. Но тут губы его сами собой разомкнулись, и он, будто против воли, тихим безжизненным голосом вывел:

— Мать, уходи отсюда. Пожар.

Но она не шелохнулась, даже не моргнула—так и сидела, будто вырезанная из дерева идолица.

— Она же…—Тоха сдавленно дышал ему в ухо.—Она же видела, как мы…

«Господи,—подумал Артём.—Что она, глухонемая, что ли?»

И уже громче, настойчивее добавил:

— Уходи! Пожар тут!

Он почувствовал, как тяжёлая рука впилась ему в локоть, с силой развернула. Они оказались с Тохой нос к носу. Артёма обдало горячим, как кипяток, Тохиным взглядом.

— Ты что, не понимаешь? Она же видела, как мы… Это же решётка!

Артём понимал. Он понял это сразу, как только увидел лицо за стеклом, и понимание бельевыми прищепками вцепилось ему в кадык. Понимание—будто к сердцу привязали груз, и оно, надсадно стуча, стало медленно, холодно опускаться куда-то вниз. Решётка. Потные—не продохнуть—камеры. Жёсткие шконки. И на долгие, тянущиеся, как кисель, годы—небо в клетку…

Артём, набычившись, вырвал свой локоть из Тохиных рук, вновь повернулся к старухе.

— Вставай!—крикнул он ей.—Уходить надо! Погорим тут все!

Артём услышал, как Тоха, топая, выскочил из дома, но тут же вернулся.

— Пойдём уже,—теряя терпение, как ребёнку, сказал Артём.

Но старуха всё сидела, видимо, от испуга не в силах пошевелиться.

Артём понимал, что должен сделать к ней шаг, поставить на ноги, но приближаться ему было страшно. Было страшно приближаться как к горю, к жёсткой полумёртвой судьбе. И словно какая-то сила—старше его, сильнее его—старалась выдавить его из дома наружу. Будто чей-то шёпот лез ему в ухо: «Ничего этого нет и не было никогда! Уходи, кажется тебе».

Артём, наконец, смог разглядеть, что в дальнем конце комнаты на стене висит узорчатый ковёр, а под ним поднималась кровать на высоких ножках, прикрытая белым пухлым одеялом. А старуха сидит всё-таки на табурете, а рядом с ней стол, на другом конце которого немая коробка выключенного телевизора. По левую от Артёма руку оказалась не стена, а выбеленный бок печки, от которой вовсю тянуло теплом.

Артём, наконец, решился—стряхнув невидимые, непомерно тяжёлые оковы, сделал шаг. Но старуха, видимо, всё-таки поняв, что от неё хотят, стала медленно, дрожа подниматься сама. Одной рукой она оперлась на край стола, другой достала стоявшую за спиной палку с выструганным под ладонь сучком. Артём заметил, что за оконным стеклом начало светиться, будто там, среди тёмного уже вечера, загорался робкий, неясный рассвет.

— Тоха,—сказал Артём сухим бесцветным голосом.—Звони. Пускай тушат.

— Тушат?!—сорвался на крик Тоха.—Тушат?!.. Да брось ты её! Это же решётка!.. Ты что, не видишь, она уже своё!.. Ей, может, жить два дня и осталось!

Артём всё-таки взял старуху под локоть, ощутив, будто под рукавом халата и нет ничего—так, одна тонкая косточка. Глядел Артём себе под ноги—жутко было встречаться с её беспомощным испуганным взглядом, жутко было глядеть в лицо.

И какой-то тугой, не проглатываемый ком перекрыл ему глотку. Оборачиваться не хотелось, и уж тем более не хотелось отвечать, но опять, будто зацепленный рыболовным крючком, язык зашевелился помимо воли, и Артём сквозь зубы выдавил:

— У меня тоже мать есть,— и тут же поправился:— Была.

Старуха встала — сгорбившаяся, оказавшаяся ему по грудь. Артём осторожно потянул её за собой, не глядя, спиной выходя из комнаты. Что-то белое и пустое раздувалось в его голове. «Решётка,— подумал он,— решётка». Он ещё раз постарался сглотнуть ком в горле, постарался не думать — ни о чём не думать.

Однако сильнее всего не хотелось наткнуться сейчас на Тоху. Не хотелось видеть его, ловить на себе бешеный взгляд. Хотелось, чтоб он, наконец, ушёл или просто исчез. И на какой-то момент ему и впрямь показалось, что Тохи нет рядом.

Но тут крепкая рука с дикой силой развернула. Артём почувствовал, как в бок что-то ткнулось.

Тоха отшатнулся. В узком просвете между ним и собой Артём с фотографической ясностью увидел блеснувшее, как серебро, лезвие ножа.

Небольшое, в палец длиной,— ровное, чистое, без капли крови.

«Промазал»,— подумал Артём.

— Су-у-ука!..

Но тут накатила боль, будто там, прямо в кишках, что-то разорвалось.

Артём раскрыл рот, не в силах ни выдохнуть, ни вдохнуть.

— Ну и подыхай теперь тут,— отчётливо донеслось до него.

Тоха быстро сунул ножик в карман и, резко развернувшись, выскользнул в открытую дверь, в густые дымные клубы, что уже заволокли мир,— растворился в них, будто и сам состоял только из режущего глаз дыма.

Перед Артёмом всё затуманилось, поплыло. Он запустил ладонь под рубаху, и хоть рана оказалась выше, а жидкость из неё сочилась горячая, густая, он с огорчением подумал: «Вот, обмочился».

Дым лез в дом, волной струился по потолку — всё Артёму виделось как через воду. Он развернулся к старухе, чуть не повалившись. Старуха попыталась отступить, но Артём крепко ухватил её за тёплую сморщенную ладонь. Сгибаясь от боли, прижимая рану рукой, он вновь потащил её, теперь в другую сторону, ведь где-то там, ведь должна быть другая дверь — на самую улицу.

Слеповато моргая, он налетел на какое-то ведро, ударился ногой о трюмо с распахнутым в объятьях зеркалом — но практически не почувствовал этого. Тело его стало бесчувственным, глухим, как соломенная набивка; только одно жило, жадно вопя, горя и пульсируя,— рана, будто в неё сунули горящую головню.

Артём упёрся в дверь, надавил плечом — та не поддалась. Из глубин, от самой диафрагмы, поднялась паника, но он тут же сообразил, что дверь нужно тянуть на себя.

Петли заныли. Дверь, скребя об пол, тяжко отползла и застряла, не раскрывшись и наполовину. Дверная ручка, густо измазанная теперь кровью, скользнула под слабыми пальцами.

Артём сгрёб старуху и, поражаясь её лёгкости, будто это был слабо дрожащий, обёрнутый в халат пучок сухих веток, полез в образовавшуюся дверную щель.

С крыльца он чуть не упал, промахнувшись мимо ступени, но чудом смог сохранить равновесие — он только сильнее прижал хрупкое тело к себе.

Узкая тропинка — разросшийся голый крыжовник предательски цеплялся за штанины.

Калитка скрипнула хрусткой пружиной.

Артём чувствовал: силы его отходят. Перед глазами дробилось и множилось. Ноги по-пьяному гнулись.

Ощущая, что больше не может идти, он толкнул старуху впереди себя, а сам повалился на землю, обессиленный окончательно — раскинув руки, лицом вниз.

Бешено, до скулежа хотелось жить.

Земля была холодной, как лёд. Трава пахла сухостью. Сиплым свистом из горла выходил воздух. Артём лежал, но всё чудилось ему, что он падает. Казалось, что мир вокруг него дрожит и кружится, издавая дикий, сводящий с ума гул. Всё нарастающий гул огня, с жадностью, с хрустом пожирающего старую, как кровная память, улицу. «Господи, за что? Пускай всё закончится!» Ему чудилось, что ноги и спину обдаёт уже жаром. И ещё — отчётливее всего — он чувствовал, как с каждым надсадным ударом сердца напрямик утекает в землю, выходит из тела густая горячая его жизнь. И что-то громко трещало, будто миру ломали кости.

«Да я ради тебя!.. Здесь будет город-сад!.. Решётка... Это же лиу-у-уди!..» — бессмысленно и тупо билось в голове.

Тут ему начало мерещиться, что земля стала шевелиться, уползать, скребясь буграми травы о пульсирующую дикой болью рану. Артём хрипло застонал, почувствовав, как какая-то сила переворачивает его лицом вверх. Чернильное небо заглянуло в полные слёз глаза. Небо было похоже на угольную плошку, с одного края расцвеченную кроваво-красным. А с другого края неба смотрело на него перевёрнутое, бледное как мел лицо. Над верхней губой на фоне бледности выделялся тёмный пушок.

— Звони,— не размыкая губ, умоляюще протянул Артём.— Пусть тушат...

Но понял, что не услышат,— сам себя не услышал.

Он поводил глазами и увидел, что поодаль стоит девчонка с двумя чёрными косами. Она

истерично, захлёбываясь, рыдала, прикрыв рот тонкими ладонями, глядела куда-то в сторону, и огненные блики ложились на щёки ярким румянцем. В ней Артёму неожиданно померещилась его дочь — такой взрослой, какой он никогда её и не видел… С лопающимся сердцем ему захотелось как-то утешить, чтобы она никогда-никогда больше не плакала, никогда больше так не пугалась.

«Ну перестань, — мысленно сказал он ей. — Куплю я тебе подарок на деньги эти проклятые…»

И тут он увидел старуху. Две спины, две фигуры: одна — худая и юная, другая — сгорбленная, еле переставляющая ноги. Юноша с длинными лохматыми волосами вёл её, поддерживая под руку, принимая на себя вес сухого старого тела, к стоявшим поодаль дребезжащим «Ижам». При виде старухи на душе у Артёма стало, наконец, спокойно — ощущение сытым домашним теплом разлилось по его груди.

«Ничего, мать, — сказал он ей мысленно. — Мы ещё поживём. Отстроим всё как было. Вот теперь — поживём».

И ему вновь захотелось сказать, вложив последние силы и всю свою боль, всем и неизвестно кому: «Пусть тушат!» Но в голове окончательно спуталось: кто тушит, что тушат?

Он только услышал, как где-то далеко — за гулом и треском пожара, за звериной песней мотоциклетных движков, за истошным девичьим рыданьем — сухо, барабанисто прокатился гром.

И, уже теряя сознание, Артём почувствовал, как на лицо упали первые капли холодного осеннего дождя.

ДиН ревю

Александр Евсюков

Двенадцать сторон света

Москва: «Формаслов», 2021

Книга Александра Евсюкова «Двенадцать сторон света» — это сборник рассказов и эссе, в которых жизнь запечатлена в самых разных её проявлениях. Колоритные края — от Болгарии до Байкала и от Крыма до Финляндии, — характерные персонажи и сменяющие друг друга эпохи — с конца XIX до начала XXI века.

Перед вами не картонные декорации и не случайные герои, а масштабные художественные образы: парадоксальные, трогательные, вызывающие интерес, узнавание и сочувствие. Сложная мозаика разнообразных историй и размышлений о мире, отражённом объёмно и подлинно. Пружинно пойманная взаимосвязь времени, места и героев поможет понять нечто важное и о самих себе.

Для людей, привыкших к четырём сторонам света, «Двенадцать сторон света» представляются чем-то мифологическим, загадочно беспредельным, пугающим и завораживающим одновременно. Читая книгу, я ещё раз утвердился в мысли, что художественное слово живёт за пределами видимого мира, — это история несбывшегося. Парадокс, да? Ведь вроде всё пишешь о себе, о том, что прошло через твою жизнь, через твой дом и твоё сердце… Но Художник поднимается над землёй, ему Бог дал это право полёта, которого лишены те, что живут «горизонтально» в четырёх сторонах света.

Тульский край не случайно явил такое дарование литературному миру, вооружив первородным, глубинным русским языком, с потрясающей по точности образной системой. У меня дырявая память на сюжеты, они забываются, но, если это Литература, в душе остаётся клубок магического чувства, который через много лет можно вытащить из глубины души и распустить нить, на которую автор навязывал дорогие слова. Зато точные образы, вписанные в повествование органично, мимо которых, казалось бы, должен «проскользнуть» глаз, заставляют вздрогнуть от восторга точности и запечатлеваются навсегда.

«…*Их сосед, животастый и самодовольный, как тюлень, колыхается на ступенях лестницы*….» «*Оранжевая лысина буйка*…» и пр… и пр…

В этих рассказах мышление прозаика, а воплощение поэтическое. Это мало кому дано. Я путешествовал с автором не спеша, боясь пропустить красоту и свет восходящих слов.

Константин Скворцов

Ксения Кошелева

Жилец

Дом стоял на краю оврага, за своротком. Полоса отчуждения начиналась в двух шагах от него, и когда под окнами проходил поезд, в буфете дрожали тарелки, а в стаканах — ложечки, и казалось, трещины в стенах расходятся сильней с каждым разом. Металлический голос диспетчера, отражавшийся многократным эхом, уже не будил по ночам, но вплетался в сны, давно наполненные скорыми, товарно-пассажирскими и курьерскими.

В шкатулке ещё оставалось немного денег, но Ева всё же достала из комода чистую тетрадь в клетку, разогнула скрепки и на каждом листке крупными буквами вывела: «Сдаётся комната». Клея и кнопок не нашлось, поэтому Ева взяла комок красного пластилина, окаменевшего, как древний моллюск, и вышла на улицу, сжимая его в кулаке, а в зубах сжимая сигарету.

Последний лист унесло ветром, пока Ева пыталась приладить его к столбу церковной ограды. Чертыхнувшись, Ева прижала пальцы к губам и взглянула опасливо на шпиль, с которого на неё смотрела сорока. Листок же мягко поднялся в воздух, перелетел на середину дороги и спланировал плавно в лужу, подёрнутую ледком.

— Ты что здесь?

Ева мотнула головой и опустила глаза, вместе с тем подняв ворот пальто. Вздохнув, отец Пётр прислонил метлу к оградному столбику и сам привалился к нему боком. Из кармашка жилета он вытащил очки, надел криво на нос и сказал вполголоса, не глядя на Еву:

— А я думаю, чего мне Бланка приснилась? Думаю, может, и Еву увижу… Может, придёт в церковь-то.

— Пойду я.

Отец Пётр снял очки и повертел их в пальцах.

— Господь наш добр, — сказал он, и Ева, ничего не ответив, двинулась с места, вжимая голову в плечи.

Клетчатый лист, намокший уже на две трети, слабо дёрнулся от налетевшего ветра и влип совсем — слова на нём растеклись, и нельзя было разобрать ни единой буквы.

Из крана не вытекло ни капли, и Ева завернула вентиль обратно, вытирая слёзы рукавом. Сняв с крючка полотенце, она прижала его к лицу и стояла так, наверное, вечность, пока в дверь не постучали — два удара, за ними ещё два. Ева обернулась к проёму, часто моргая, и только тогда поняла, что стучат не в дверь ванной, а во входную. Взяв подсвечник с полочки у зеркала, по-прежнему завешенного наволочкой, она вышла в коридор.

— Мне хочется знать, — заговорила пани Влашува, соседка, сразу же заходя в прихожую, — мне хочется знать, когда всё это кончится. Ведь в прошлый вторник приезжал инспектор. Ведь смотрели все щитки, все трубы. Входили в подвал и смотрели трещину. Входили ко мне и смотрели трещину! И что?

— Что? — эхом отозвалась Ева, поднимая подсвечник так, что заколка в пучке волос на макушке пани Влашувой блеснула, как бриллиант.

— Теперь они перекрыли нам воду!

Ева опустила подсвечник, и пани Влашува сокрушённо покачала головой, прижимая тонкие пальцы к вискам.

— Нет, моё сердце не вынесет. Мало нам горя с Тиной — они нас словно изводят… Невозможно существовать в таких условиях, понимаете?

Осторожно кивнув, Ева стала бездумно грызть ногти, пока соседка жаловалась на неповоротливость бюрократической машины и разгильдяйскую бесхозяйственность управы.

— В том году говорили про три комнаты. Разве можно нам в трёх? Потом Ваца встретил Тинку, и нам обещали четыре… А Тинка сбежала от Вацы — и вот опять! Нет, нет, в таких условиях просто невозможно существовать, я умру, непременно умру…

Ева тупо уставилась на неё, а затем отвернулась. Пани Влашува открыла рот, намереваясь прибавить что-то ещё в том же духе, но, поняв внезапно смысл сказанного, извинилась и поспешно вышла из Евиной квартиры, закрыв за собой дверь. Взглянув на узкое зеркало, задёрнутое старой скатертью, Ева ушла в свою комнату, задула свечу и легла ничком на кровать.

Колёса стучали за окном, звенели ложки в буфете, и подрагивали стеклянные капли на люстре, за обоями шуршали тараканы.

Ева лежала лицом вниз, вжимаясь в сырую подушку, а когда в дверь вновь постучали, прошептала коротко:

— Уходи.

Но стук повторился вновь, и тогда Еве пришлось сесть, спустить ноги с кровати и вдеть их

в растоптанные домашние туфли. Эти действия заняли у неё, казалось, столетие.

На ощупь она выбралась в коридор, задержалась на мгновение у запертой комнаты и, наконец, раскрыла входную дверь. На пороге стоял человек в чёрном пальто, замотанный в чёрный же шарф грубой вязки. В одной руке он держал обтёрханный саквояж вроде докторского, в другой—сложенный вчетверо клетчатый лист.

— Добрый вечер,—сказал он немного в нос и, развернув листок, показал его Еве.—Это вы сдаёте комнату?

Ева посмотрела на выведенные ею утром буквы и кивнула.

— Только у нас нет света,—сказала она глухо, показывая пальцем на лампочку над головой гостя, и добавила:—И, кажется, отключили воду.

Человек кивнул—его, видно, не пугали никакие сложности.

— Тобиаш,—представился он, разворачивая немного шарф так, что наружу показались костистый покраснелый нос и усы торчком.

— Ева.

В гостиной, показывая Тобиашу диван, на котором ему предстояло спать, и шкаф, в котором он мог разместить свои вещи, Ева заметила вдруг, что вещей-то у него особенно и не было.

— Я обхожусь и так,—кротко пояснил тот, ставя саквояж у ножки стола, и на душе у Евы, сомневавшейся до сих пор, что он согласится, стало чуть легче: саквояж на полу—словно якорь в порту.

— Воду, может быть, скоро включат,—сказала она неуверенно,—а свечи возьмёте в комоде.

Тобиаш сунул руку в брючный карман, доставая ворох купюр, как смятых и истрёпанных, так и новых и согнутых впервые. Отсчитав новыми ровно ту сумму, которую Ева просила за месяц, он прибавил ещё столько же и отдал ей.

— Я… Я могу готовить,—севшим голосом сказала Ева, разглядывая деньги в своих руках.

— Я тоже могу,—ответил Тобиаш.

Спрятав наполнившуюся шкатулочку сначала за подушку, а потом под кровать, Ева поправила наклонившуюся набок свечу и тут же схватилась за ухо пальцами, обожжёнными воском.

Голос за окном призвал обходчиков на вторую платформу, и Ева подошла к окну, разглядывая сходящиеся и расходящиеся рельсы, ярко освещённые фонарями. От водонапорной башни двинулась стайка обходчиков, скрывшихся за стоящим составом старых цистерн.

Тихо падал снег, первый в этом году.

Ни звука не слышалось из-за стены справа от Евы и ни звука—из-за стены слева. Ева взглянула на остановившиеся часы с кукушкой и задула свечу.

Под самое утро приснилось, что в окна, дверные проёмы и трещины в потолке и стенах хлещет вода и Еву вместе с её кроватью увлекает водоворотом в бесконечные бездны. Раскрыв широко глаза, Ева увидела над собой жёлтую рогожку, вылезшую из потолочной трещины, и перевернулась на живот, вытирая углом простыни взмокшую шею.

Звук льющейся воды, впрочем, не исчезал, и Ева в конце концов поняла, что раздаётся он из ванной.

Выбравшись из постели, она мельком взглянула на будильник, стоявший на стуле у кровати,—десятый час. На подоконник села синица, деловито заглянув в комнату, и тут же улетела—Ева махнула ей рукой и набросила на плечи халат. Сунув концы пояса в карманы, чтоб не мешались, она выглянула из комнаты в коридор.

Дверь в ванную была раскрыта настежь—Тобиаш мыл голову над раковиной, фыркая, как норовистый конь.

— Доброе утро,—сказала Ева, и Тобиаш выпрямился, роняя на кафель мыльную пену и зажмуривая левый глаз.

— И правда, доброе—воду дали…

Тобиаш вздрогнул всем телом—струйка с затылка стекла ему за ворот майки.

— …Только холодную. И в душе она не идёт.

Ева издала неопределённый звук. Посмотрев на наволочку на зеркале, она перевела взгляд на узкое окошко под потолком, кое-как освещавшее ванную, и сказала:

— Может, и электричество вернут. А в душе давно лейка не работает.

После банных процедур оказалось, что Тобиаш действительно не лгал насчёт готовки—в отличие от Евы. Сейчас она не могла ни есть, ни готовить и потому не сразу поняла заданного вопроса о завтраке, а когда Тобиаш повторил, стушевалась.

Она не знала, что оставалось в доме из еды,—вспомнила о каких-то закрутках в кладовке и о том, что все сковороды стояли грязными. Оценив ситуацию, Тобиаш перешёл к активным действиям.

Он решительно раздвинул шторы в кухне, заглянул сначала в кладовку, где действительно оказались помидоры десятилетней выдержки, затем отпер маленький шкафчик в стене, что под подоконником, и нашёл там мышиный помёт. Наконец, будто зная, что его там ожидает, Тобиаш зажал нос и открыл холодильник.

Ева же о холодильнике и о том, что без электричества он работать не способен, забыла, за что поплатилась, чуть не упав в обморок.

Раскрыли ещё и окна.

— Где у вас тут, говорите, магазин?—спросил Тобиаш гнусаво, сжимая пальцами ноздри.—И где помойка?

Ева навалилась животом на подоконник и махнула рукой.

— Купите сигарет,— прохрипела она, жадно вдыхая воздух, пахнувший снегом и пропиткой для шпал.

Тобиаш обернулся за полчаса.

Ева вышла встречать со свечой и глазела на снег, стремительно таявший на носах его стоптанных ботинок, пока тот разматывал свой шарф.

— Знаете, Ева,— сказал наконец Тобиаш, забрасывая шарф на полочку,— мне всю ночь казалось, будто я еду в поезде.

— Да?— спросила Ева скорее из вежливости, чем из желания поддержать разговор, и Тобиаш кивнул, скидывая ботинки.

— Потом на меня упал таракан, и романтика кончилась.

Не найдя что ответить, Ева выдавила:

— Они тут… такие.

Отложив вилку в сторону, Тобиаш вытер губы салфеткой и нарушил, наконец, молчание, продолжавшееся без малого полчаса.

— Скажите мне, Ева, почему на вашей улице два дома? Седьмой и семнадцатый… Где остальные?

Тишина повисла вновь. Ева слышала, как тикают часы на руке у Тобиаша и как вдалеке стрекочет сорока.

— Остальные снесли,— ответила она наконец, тоже откладывая вилку.

Тобиаш посмотрел на не тронутую почти яичницу в её тарелке и подпёр голову рукой.

— Нас тоже сносить обещают,— продолжила Ева, ковыряя пальцем прожжённое пятно на столешнице.— Всё обещают и обещают… Инспекция на прошлой неделе приходила.

— Инспекция?— переспросил Тобиаш, выпрямляясь.

Ева кивнула.

— Делали замеры, обмеры. Так говорят. Я не видела. Меня не было… Не было дома.

Ева опустила голову, смаргивая слёзы, а когда подняла глаза, Тобиаш разглядывал трещину над самой своей головой.

— Свет вам перед сносом отключили?

Сглотнув, Ева взяла вилку и ткнула ею в жёлтый глазок на тарелке.

— Нет. Авария.

И — тишина. Ева ковыряла яичницу, Тобиаш глядел в потолок, из крана капала вода, а скорый пассажирский следовал без остановок.

Когда Тобиаш посмотрел на Еву, а Ева на него, слова родились сами собой.

— Вы так быстро меня нашли… Я ведь только вчера расклеила.

— А я только вчера приехал,— пожал плечами он и обхватил себя руками, сунув ладони в подмышки.— У вас милый город. Лес, река. Рельсы вот.

— У нас шапито летом приезжает,— сказала Ева и вновь уткнулась в тарелку.

Пока Тобиаш мыл в кухне посуду, Ева стояла у запертой двери в коридоре и глядела на пришпиленный к ней календарь с белым котёнком, а котёнок таращил глупые свои глаза на неё. Она слышала, как Тобиаш напевает себе под нос песенку без слов, и мелодия была ей смутно знакома, но уловить её и вспомнить она не могла. Когда глядеть на котёнка стало совершенно невыносимо, Ева отвела подсвечник в сторону и осветила скатерть на зеркале, а вместе с ней — большого таракана, медленно шевелившего рыжими усами.

Усы. Вчера они у Тобиаша были, как была и короткая борода,— утром он побрился, а она, так занятая своими мыслями, или, верней, пустотой внутри, и не заметила.

Наверное, это всё и не важно.

В дверь постучали, и вода в кухне тут же прекратила литься. Ева отперла дверь, увидев перед собой Адека, старшего сына пани Влашувой.

— Здрасьте,— он приподнял вежливо кепку.— Мать сегодня печёт сборный пирог. Приглашает вас на ужин. В шесть. Просила, чтобы вы пришли обязательно.

— Обязательно,— повторила за Адеком Ева, и тот ещё раз приподнял кепку.

— Бывайте,— бросил он и пошёл вверх по скрипящей лестнице.

Входя в кухню, Ева не сразу заметила Тобиаша — тот стоял почему-то между шкафом и стеной, держа в руках посудное полотенце и кружку, из которой пил за завтраком чай.

— Чего это вы прячетесь?— спросила она, и Тобиаш усмехнулся.

— Я совершил убийство.

— Интересно,— сказала Ева, а Тобиаш указал ей на раздавленный тараканий труп на половицах.

— Где у вас веник?

— За дверью. Меня позвали есть пирог в шесть. Вы пойдёте? Это недалеко — этажом выше.

Тобиаш, заметавший уже таракана в совок, замер.

— Что за пирог?

Пожав плечами, Ева села за стол и вынула сигареты из кармана халата.

— Сборный.

— Спасибо, подумаю,— ответил Тобиаш и замёл в совок луковую шелуху, валявшуюся неделю под столом.

— Я тоже ещё подумаю.

Тобиаш сбросил мусор в мусорный ящик.

— Вы всегда открываете дверь, не спросив, кто там?

— А?

Тобиаш повторил вопрос и добавил:

— Опасно одной.

Ева сунула руки в карманы халата, не находя слов.

О пироге Ева вспомнила в половине шестого, когда в квартире над ней заскрипели половицы — Адек

и Ваца раздвигали стол. Перевернувшись на спину, она протёрла глаза кулаками и прислушалась к их глухим голосам, но слов не разобрала.

Тобиаш обнаружился сидящим за кухонным столом с ворохом газет. Свечу он воткнул в горлышко бутылки из-под купленного утром кефира — не растерялся, но растерялась Ева, вспомнившая, что где-то в квартире был ещё один подсвечник.

Кажется, в закрытой комнате.

Наверное, Тобиаш справился и так.

— Красивое платье, — сказал он, поднимая глаза от газеты, и Ева слегка покраснела, сбросив с рукава пёрышко.

— С-спасибо, — пробормотала она. — Вы идёте?

Тобиаш покачал головой.

— Боюсь, что нет. У меня своя культурная программа, без пирогов: сейчас я дочитаю газету и лягу спать. С вашего позволения. Если что, есть ещё яйца, сыр и колбаса. И картошки я взял.

Ева, моргнув, кивнула, и Тобиаш, улыбнувшись ей, перевернул страницу.

Дверь открыла Мира, жена Адека.

— Ева пришла, — крикнула она, оборачиваясь назад, и отстранилась, пропуская. — Приветик!

— Привет, — буркнула Ева, втягивая ноздрями воздух — запах пирога она почуяла ещё на лестнице.

Из кухни со свечой в руках выплыла пани Влашува, накрашенная так, что на лице её, казалось, было в два пальца румян и пудры.

— Добрый вечер, дорогая, — пророкотала она, расплываясь в улыбке. — Прошу, входите в зал. Все уже собрались.

В гостиной, названной пани Влашувой залом, было жарко и накурено. Центр раздвинутого стола, накрытого праздничной бордовой скатертью, украшал букетик сухих цветов. Рядом стояли две бутылки вина и несколько разномастных тарелок с нарезкой колбасы и сыра. Со стены на стол взирал покойный пан Влашув, снятый в военной форме на фоне фальшивых гор и нарисованного моря.

Ваца и Адек встали из-за стола одновременно.

— Садитесь!

— Проходите.

— Не сюда — тут мама сядет.

— Тут ножка шатается.

— Вам налить?

Ева покачала головой, и Ваца, оказавшийся рядом с ней, наполнил свой бокал.

— Хорошая сегодня погода, да? — сказал он, пригубив вино. — Свежо так, чисто.

— Чушь, — сказал Адек, сдвигая брови. — Всё уже тает, грязь одна. Возьмите колбасы.

Пани Влашува, толкнув слегка сына бедром, поставила перед Евой тарелку.

— Не ворчи, Адек. Ева, вам уже предложили вина? Ваца достал на станции. Вы знаете, что у него, как у сотрудника буфета, есть свои привилегии…

Адек усмехнулся в усы, а Ваца, зардевшись, наколол на вилку маленький солёный огурчик.

— Что да, то да, — сказал он многозначительно и положил огурчик на Евину тарелку.

Ева чуть сморщилась, но ничего не сказала. Сгорбившись, она расправила складки на платье.

Пани Влашува, кашлянув, села во главе стола, поправила одну из свечей в большом бронзовом подсвечнике и, кашлянув ещё раз, подняла бокал.

— Сегодня день рождения отца, — провозгласила она, указывая на портрет мужа. — Дмитр всю жизнь работал на благо своей страны, своей семьи, своих друзей…

На этих словах пани Влашува чуть повернулась, кивнув Еве, и Адек с Вацой тоже посмотрели на неё. Ева почувствовала тошноту. Запах пирога, пробудивший в ней если не волю к жизни, то её отголосок, сейчас показался ей невыносимым. Поняв, что идея прийти сюда была ошибкой, Ева лихорадочно стала придумывать манёвр отступления — но в «зал» заглянула Мира. Вытерев руки о передник, надетый прямо поверх выходного платья, она спросила, близоруко щурясь:

— Заносить пирог-то?

— Заноси, — позволила пани Влашува.

После того, как от пирога остались лишь крошки, Адек, нисколько не стесняясь дам за столом, распустил брючный ремень и закурил. Ваца же, сначала досаждавший Еве пустыми разговорами о погоде и примолкший после замечания от матери, тоже засмолил сигаретку и снова раскрыл рот:

— Чудесный пирог, не правда ли? Вы ведь любите готовить? Если хотите, мама поделится с вами рецептом.

Ева поглядела на половину куска на своей тарелке, искромсанную едва ли не в пыль, и медленно кивнула. Пани Влашува же расплылась в улыбке.

— О-о, меня научила свекровь… Вы заметили, что тесто тает во рту? Там есть небольшой секрет, но я расскажу вам его только с глазу на глаз.

С этими словам пани Влашува встала, забрав тарелку у дымящего Адека, у Вацы, и, взяв свою, подмигнула Еве:

— Оставим мальчиков наедине с их разговорами.

Ева поднялась на ноги, вытирая вспотевшие ладони о подол платья, и последовала за пани Влашувой.

— Мира, отдохни, — сказала пани Влашува невестке, заходя в кухню, и та, пожав плечами, слезла со своей табуретки и вышла.

Составив тарелки в мойку, пани Влашува отёрла руки салфеткой и, повернувшись к Еве, потрепала её по щеке. Невольно отстранившись, Ева пробормотала слова извинения, но пани Влашува покачала головой.

— Я понимаю, как тебе тяжело. Я потеряла мать в шестнадцать. Тебе двадцать лет…

— Двадцать три,— прошептала Ева, ковыряя шов платья.
— Конечно, всё это случилось так не вовремя,— продолжила пани Влашува.— Адеку тоже грозят увольнением — он вчера сказал мне, что с фабрики выставили ещё сорок человек… Ты не нашла ещё работу?
— Не нашла.
Смахнув с клеёнки на столе просыпанную муку, пани Влашува мягко улыбнулась:
— Ты всегда можешь попросить у нас о помощи, Ева. Помни это. Мы не бросаем друзей.
Потерев ладонью затылок, Ева исподлобья взглянула на лицо соседки, слабо освещённое стоявшей на плите свечой и похожее на вырезанную из дерева маску.
— У Вацы на станции есть связи,— напомнила пани Влашува.— Он уже приготовил место для Адека, если что-то случится. Он устроил Миру. Я думаю, можно устроиться даже в буфет. Ближе к еде ведь лучше, правда?
Тошнота подступила к горлу Евы, в глазах потемнело, но дурнота отступила так же, как и пришла.
— Правда,— выдавила она.— Спасибо. Я… я жильца себе нашла, он мне платит.
Пани Влашува изогнула бровь.
— Как это — жильца?
— Так,— ответила коротко Ева.
Пройдя к окну от Евы и обратно, пани Влашува присела на табурет.
— Это высокий такой? С саквояжем? В чёрном пальто?
— Он.
— А я думала, кто у нас ходит во дворе?.. Ты его знаешь? Он хороший человек?— заговорила она обеспокоенно, пристально глядя на Еву.
Ева и сама толком не понимала, хороший ли человек её жилец, и не могла сказать, что знает о нём хоть что-то, кроме того, что зовут его Тобиашем, в город он приехал на днях… А лет ему сколько? Наверное, до тридцати.
И готовит. Картошки вон взял.
— Хороший,— подтвердила она после паузы.
— Бумаги-то у него взяла?— недоверчиво спросила пани Влашува.
— Взяла,— соврала Ева, но соседка не успокоилась.
— Будь осторожна,— сказала она, подняв поучительно палец.— Если что, беги сразу к нам:Ваца занимался боксом…

Вернувшись домой, Ева сразу завернула в кухню и выпила залпом три стакана холодной воды подряд. Голова трещала, и Ева не могла понять: вокруг не видать ни зги, потому как в глазах потемнело или потому, что доходит восьмой час?
Утерев губы ладонью, Ева присела за стол и увидела свёрнутую газету — одну из тех, что её жилец читал днём. В глаза ей бросились чёрные рамки. Приглядевшись, она поняла, что это были сплошь некрологи. Отодвинув газету в сторону, Ева закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Свет локомотивных фар пробился сквозь задёрнутые шторы, заставив Еву уткнуться лбом в стену. Через секунду свет пропал, но появился вновь, заполняя комнату и пролезая под плотно сомкнутые веки. Раскрыв глаза, Ева увидела, что люстра под потолком зажжена, и услышала не голос диспетчера, а бормотание заработавшего приёмника на подоконнике.
— Там не было ничего трагичного,— пробубнил Тобиаш, встретившийся Еве у гардероба.
Поставив саквояж на обувную тумбу, он стал разматывать шарф.
— Вы…
— Ничего трагичного,— повторил он.— Странно, что электрик не справился.
— Он и не приходил вообще…— смущённо сказала Ева, и Тобиаш едва не выронил шарф.
— Как это?
Ева запнулась, задумавшись над тем, говорить ли Тобиашу правду: кто знает, не возьмёт ли он сейчас свой саквояж, не завернётся ли снова в шарф и, что самое главное, не заберёт ли деньги обратно?
— Нас ведь списали со счетов, скажем так. Там что-то хлопнуло, и свет вырубился. Мира… Это соседка сверху. Мира пошла в управу за электриком, ей пообещали, что он придёт, а он не пришёл. Знаете, чудо, что провода всё же не перерезали. И дают воду. И…
Ева замолчала, почувствовав себя так, словно выговорила только что все слова, какие были у неё в запасе на день или даже на неделю. Тобиаш покосился на неё, вешая пальто на крючок.
— И тепло,— заметил он.
Ева с облегчением выдохнула. Переведя дух, она с надеждой спросила:
— Может, вы и часы можете?
— Могу,— подтвердил Тобиаш.— Но потом. Я очень устал. Извините меня.

Ева затушила сигарету, подкрутила немного звук у приёмника и продолжила наблюдение за тремя путейцами на дрезине: теперь и они, и снежинки, медленно падавшие с неба, двигались под звуки вальса. Постояв ещё немного у окна, она заглушила приёмник совсем, набросила халат на кресло и полезла в шкаф за рейтузами.
— Я проветриться,— сообщила она Тобиашу, пившему в кухне кефир со своими газетами.
Он вытер молочные усы и указал пальцем на одну, лежавшую перед ним:
— В прогнозе заморозки и ледяной дождь.
— Я возьму зонтик,— ответила, не подумав, Ева, и Тобиаш рассмеялся.

Ева посмотрела на него, на капли кефира на его щеках и тоже засмеялась — кажется, впервые за последние дни.

На лестнице она столкнулась с пани Влашувой, нёсшей неощипанную курицу.

— Проснулась у них совесть! — заявила она, указывая на горящую на лестнице лампочку, и зло тряхнула курицей. — Проснулась.

— Это жилец мой починил, — не без гордости сказала Ева, и пани Влашува часто заморгала.

— Жилец? — протянула она. — А как он попал к щиткам-то? Там же на замок закрыто. А ключ у меня.

Об этом Ева не подумала.

— Там не в щитках дело было, — сказала она глухо и спустилась на пару ступеней вниз, но пани Влашува преградила ей путь, угрожающе выставив вперёд курицу.

— А в чём же тогда?

— Я в этом не разбираюсь, — честно призналась Ева и отвела руку соседки в сторону. — Пропустите... Пожалуйста.

— Ева, это ведь не игрушки, — свистящим шёпотом произнесла пани Влашува. — Будь аккуратней. А если он квартиру обнесёт? Или...

— Или? — переспросила Ева, сверкнув глазами.

Пани Влашува раздула ноздри.

— Я беспокоюсь за тебя, Ева. Ты совсем одна.

Ева посмотрела на курицу, безвольно висевшую в руке соседки.

— Я сама по себе. Пустите.

Пани Влашува посторонилась и, когда Ева спустилась уже вниз, бросила:

— Тем, кто сами по себе, три комнаты не дают. Одну в лучшем случае.

Ева замерла на месте. Развернувшись, она взглянула на соседку, заслонившись рукой от яркого света лампочки.

— Это как?

Курица качнулась в руках пани Влашувой.

— А вот так. Управа считает метраж по человеку. Когда Тинка...

Пани Влашува боязливо обернулась на двери соседских квартир и продолжила, понизив голос:

— Когда Тинка окрутила Вацлава, нам ведь приписали ещё одну комнату. Она ведь сунула им справку, что беременна, — она и нас ею обманула, у неё тётка работает в госпитале... Склеила справочку, а потом сбежала с трубачом. Подала на развод — пришла на той неделе телеграмма, я говорила твоей маме... Как нам в три комнаты? А если Мира забеременеет после сноса, нам четвёртую никто не даст. Ева, а тебе ведь дадут одну, ты понимаешь? Бланки больше нет. Если ты сама по себе, тебе придётся заезжать в одну комнату со всей мебелью, со всеми вещами. Ты понимаешь?

Палец Евы вдруг пронзила боль, отозвавшаяся даже в локте. Только сейчас она поняла, что до этого сжимала палец зубами. Взглянув на него так, словно видела его впервые, Ева спрятала руку за спину и хрипло сказала:

— Хорошо. Хорошо. Я потом над этим поразмыслю. Сейчас мне нужно прогуляться. Развеяться.

— Я понимаю, — согласилась пани Влашува, облокачиваясь на перила. — Заходи ко мне потом. Может, что вместе и придумаем. Ваца, кстати, сегодня выходной, — как бы между прочим заметила она. — Сварю ему курочку, как он любит. И ты заходи.

Между двумя рябинами была натянута верёвка, а на ней сушились бельё и полосатый половик. Закурив, Ева отёрла со скамьи под одной из рябин снег и присела на самый краешек. Окно её кухни выходило во двор, окна комнат — на железную дорогу, поэтому Ева их сейчас не видела, чему была на самом деле рада: задёрнутые шторы запертой комнаты матери ей сейчас видеть не хотелось.

Пальцем накрыв упавшую на колено крупную снежинку, чтобы та растаяла мгновенно, она сбросила пепел под ноги и подняла ворот пальто, глядя перед собой — а на самом деле в никуда.

Истошный вопль раздался из подъезда, и Ева выронила сигарету. Судорожно вцепившись пальцами в скамью, она с ужасом увидела выбегающую во двор курицу. Курица улепётывала со скоростью света, перья её летели во все стороны; наконец, свернув за облетевший куст, она скрылась, а из дома медленно вышла пани Влашува, бледная, как полотно. Мелко крестясь, она прислонилась к косяку и только затем увидела сидевшую под деревом Еву.

— Мне кажется, я сошла с ума, — замогильным голосом произнесла пани Влашува.

Ева облизала пересохшие губы. Соседка медленно, пошатываясь, подошла к ней и присела рядом.

— Мне кажется, я сошла с ума...

— Что такое?

— Мне сказали, что курица свежая... Я покупала свежую курицу...

— Она и правда свежая, — сказала Ева и захохотала так, что пани Влашува подскочила на месте.

Ева смеялась, когда пани Влашува, теперь уже краснея, скрылась в доме, и смеялась, когда снег пошёл сильней, а затем как отрезало.

— Так быстро проветрилась? — спросил Тобиаш, когда Ева вошла в кухню.

Ева не ответила, а прошла к буфету, вынула три стакана, наполнила каждый водой из графина и выпила один за другим, не останавливаясь.

— Ветер был сильный, — сказала она наконец. — Ты слышал крик? Я...

Ева осеклась, удивившись тому, как внезапно она перешла на «ты» со своим жильцом. Тобиаш же поглядел на окно.

— Кто-то скрёбся под дверью, я подкрался и выглянул в глазок. А там тётка с курицей.
— Это моя соседка сверху. Я про неё говорила… Пани Влашува.
— Я так и понял. Очень любопытная пани. Она стала смотреть в щёлочку, заглядывать в замочную скважину, прикладывать к двери ухо.
Ева сглотнула и вылила в стакан остатки воды.
— А ты?
— «Пошла ты, старая курица», — подумал я. И она удрала.
— Чего?
Тобиаш развёл руками.
— Я сказала ей, что сдала комнату, — пояснила Ева, споласкивая стаканы. — Наверно, она хочет с тобой познакомиться.
— Наверное, ей лучше этого не делать, — осторожно сказал Тобиаш, обхватывая себя руками.
Ева повернулась к нему:
— Почему это?
— Она нервная — я напугал её одной силой мысли. А что будет, если она меня увидит?
Ева фыркнула и составила стаканы обратно в буфет.
— Во-первых, она тебя уже видела, когда ты был во дворе. А во-вторых…
«…Её напугала курица», — хотела сказать Ева, но вспомнила вдруг разговор на лестнице и сказала совсем другое:
— …Как ты добрался до щитков, если они закрыты, а ключ у пани Влашувой?
— Там было открыто, — сказал Тобиаш, глядя на Еву кристально чистыми и бесконечно честными глазами. — А какие часы нужно починить?

Как всё это вышло, Ева не поняла и сама.
Вот она сидит, а вот упала, и перед глазами — не Тобиаш, ковыряющийся в шестерёнках, а бездна.
Мягкий голос позвал из тьмы, повторив её имя раз и другой, и Ева потянулась к нему, хватаясь за воздух и плача от счастья и облегчения — наконец она пришла, наконец вернулась.
Мама.
— Мама…
— Тише ты, ну!
Когда бездна растаяла, а комната вернула себе очертания, Ева обнаружила себя на своей кровати. Рядом на коленях стоял Тобиаш, встревоженный и взъерошенный.
— Ты чего падаешь? — спросил он, хмурясь.
Ева чувствовала, что во рту у неё пересохло, а язык казался куском наждачной бумаги.
Тобиаш встал, отряхивая коленки, и прошёлся взад-вперёд по комнате, заложив руки за спину.
— Ты ела сегодня? — спросил он вдруг, останавливаясь напротив.
Ева не помнила точно, что было на завтрак и как она вела себя за ним, не помнила, съела ли что-нибудь за обедом, а помнила только стакан горячего чая… Или она выпила его вчера?
Или не пила совсем?
— Так нельзя, — припечатал Тобиаш. — Так нельзя, слышишь? Есть надо каждому человеку, каждой твари земной — это закон природы. Есть надо, иначе умрёшь.
— Я не хочу, — прошептала Ева, отворачиваясь.
— Есть не хочешь?
— Жить.

Наскоро сварив бульон из кубика, Тобиаш налил его в кружку и заставил Еву выпить.
— Можно туда ещё булку накрошить для сытности, но и так хорошо, — сказал он, присаживаясь на край Евиной кровати. — Жаль, что та курица убежала, — пригодилась бы. Да ведь?
Ева чуть сморщилась и откинулась на подушку, разглядывая потолок. Тобиаш покосился на неё и продолжил:
— Я кое-что понимаю в голоде. Есть надо, Ева. Видел я человека, который объявил голодовку, — держался ровно тридцать дней, а потом всем это надоело. Его взяли и накормили. Через трубочку. И вся голодовка его кончилась.
Ева ничего не ответила, и Тобиаш чуть покраснел.
— Тебе ещё повезло — трубочку-то ему в зад вставили…
На это Ева не ответила тем более.
Немного помолчав, Тобиаш поглядел на свои руки, затем на часы, лежавшие на письменном столе Евы, и заявил:
— Я тебе так скажу: это всё осень. Меня она вгоняет в смертную тоску, а как я представлю, что впереди холод и морозы… Всякое желание жить пропадает. А весной наоборот. И сбежать хочется.
— Сбежать? Куда?
Тобиаш поскрёб слегка щетину на подбородке и нахмурился.
— Куда глаза глядят, — сказал он наконец.
Прикрыв веки, Ева плыла на границе сна и яви, чувствуя, как тепло в желудке от бульона и как тепло её бедру от спины Тобиаша.
— А ты откуда сам? — спросила она, открыв глаза, и Тобиаш сгорбился.
— Ниоткуда, считай, — отрывисто сказал он, разглядывая ногти на руках. — Деревню мою в войну сожгли, а теперь там яблони растут. И нигде я больше не жил. Максимум на год задерживался. Или полтора. Как выйдет.
Приподнявшись на локтях, Ева уставилась на Тобиаша.
— А семья твоя?
— Под яблонями осталась.
Рухнув на подушку, Ева сложила руки на груди и тихо сказала:
— Оставайся у меня.

Тобиаш фыркнул и поднялся с кровати, отчего пружины жалобно взвизгнули.
— Я съезжать-то и не собирался пока,— сказал он, разглядывая распотрошённые часы.
— А ты насовсем оставайся,— сказала Ева ещё тише.— Нас, может, снесут скоро… Если ты скажешь, что со мной живёшь, тебе комнату дадут. И мне дадут. И будешь ты наконец где-то жить. Хочешь?

Тобиаш посмотрел на неё в упор, и Ева только сейчас заметила, какие у него глаза — зелёные, как крыжовник.
— Заманчиво, конечно. Только тебе в этом какая выгода? Комнату ведь мне дадут, а не тебе, и деньги за съём, выходит, платить я не буду.

Нужные слова подбирались плохо, но Ева всё же попыталась:
— Мне одной страшно.
— Так.
— Страшно мне. Мыслей никаких в голове нет, а какие есть — о смерти. И живу я на автомате. Как заведённая. А как завод кончится — я упаду.
— Ты уже упала,— напомнил Тобиаш, садясь за стол, и Ева кивнула, сдерживая подступающие слёзы.

Со слезами полились и слова.
— Я не знаю, что мне делать… Мама… Мамы нет, и… А эта Влашува — она… Она сватает меня за своего Вацу, думает, что так будет лучше, если я съедусь с ними… А кому лучше-то? Кому? Они получат комнату, а куда деваться мне?
— Может, этот их Ваца не такой и плохой. Ты меня не знаешь, а он всё-таки сосед тебе, не чужой человек.

Ева замотала головой.
— Нет… Я ведь его не знаю совсем. Мы сюда пять лет назад въехали, отцу дали квартиру… Он служил на станции с паном Влашувым. Отец умер. Мы остались одни… И никогда я не говорила с Вацей больше, чем «привет». А ты… Ты ведь хороший. Ты мне помог.

Тобиаш криво усмехнулся.
— Хороший… Я искупаю грехи,— сказал он, взяв в руки маленькую шестерёнку.— А тебе совет простой: ты ешь побольше, спи и отдыхай от всего. Особенно от мыслей. Особенно — о смерти. Выход, Ева, есть всегда, даже из карцера он есть. Ты спи, а завтра подумаем.

Ева вытерла слёзы и завернулась послушно в одеяло, а Тобиаш погасил свет и вышел из комнаты.

На следующий день дела пошли лучше — Ева осилила половину завтрака.

Влезши на подоконник, она завернулась в старую шаль и смотрела осоловело, как Тобиаш моет тарелки, напевая под нос ту мелодию, что она никак не могла уловить, а затем спросила:
— Что ты будешь делать?

Отерев тарелку полотенцем, Тобиаш пристроил её на полку и сказал:
— Посплю немного. Нет ничего лучше сна после завтрака.

Ева невольно улыбнулась.
— Нет, я… я про вообще. Ты сюда приехал за работой? Или просто так?

Завернув вентиль, Тобиаш повесил полотенце на крючок, заправил обратно майку, выбившуюся из-за ремня брюк, выдвинул себе табурет, сел на него и только тогда ответил с полуулыбкой:
— Как карта ляжет.

Ева запахнула потуже шаль и уставилась в окно.

Снег падал, укрывая рябины, скамью под ними и медленно бредущего по двору Адека Влашува, шатавшегося из стороны в сторону. Кепка его съехала набекрень, пальто было расстёгнуто — Адек был явно пьян.
— Ой,— вымолвила Ева и сползла с подоконника.

Тобиаш встрепенулся и настороженно взглянул на неё.
— Что там?
— Адек… Соседкин сын… Старший. Идёт. Пьяный.

Тобиаш цокнул языком.
— Что же этот Адек, соседкин сын, себе думает? Если воскресенье — значит, можно с утра на рогах?

Ева медленно покачала головой, глядя, как Адек прижимается к фонарному столбу лбом и что-то ему жарко шепчет.
— Он не выходной сегодня. Мы с ним работали в одну смену… Пока меня не рассчитали. И его рассчитали, наверно.

Отвернувшись от окошка, Ева опустила голову, разглядывая свои стоптанные домашние туфли.
— В одну смену?
— Ага. На фабрике.
— И что делала ваша фабрика?
— Табак…
— Табак дело у твоего Адека, если и его рассчитали,— сказал Тобиаш, поглаживая подбородок.— Большой, смотрю, у вас город: фабрика, железная дорога, шапито. А весной красиво?

Ева задумалась, потому как весна была так давно, так давно — едва ли не в прошлой жизни.
— Весной яблони цветут. И каштаны. Лаба разольётся… На лодке кататься можно. Папа нас катал.

Тобиаш раскрыл рот, но сказать ничего не успел — над их головами раздался страшный грохот и дикий вопль. Вздрогнув, Тобиаш соскочил с табурета, глядя на потолок так, как если бы тот грозил обвалиться ему на голову.

Крик повторился — и затих.
— Ч… что это? — прошептала, бледнея, Ева, а Тобиаш раскрыл ящик стола, выхватил поварской нож и так замер.

Резкий звук дверного звонка прорезал тишину, отчего Тобиаш сжал нож так, что побелели костяшки пальцев.

— Открывать не стоит,— предупредил он вполголоса, качая головой, и Ева кивнула было, но после второго звонка бросилась к дверям.

Вдруг нужна помощь?

Вдруг что-то случилось, и только она сможет помочь?..

Пани Влашува кулём обвалилась к ногам Евы и застонала:

— Господи… Господи… Он… Он…

Ева опустилась к ней, пытаясь помочь соседке подняться, но тело ту не слушалось, и, хватаясь руками за Еву, она едва не уронила и её.

— Что случилось?— спросила срывающимся голосом Ева, и пани Влашува, захлёбываясь, выдала:

— Он убил.

Ева обернулась назад, беспомощно глядя на Тобиаша, высунувшего нос из-за двери кухни, и тот, едва столкнувшись с ней взглядом, тут же пропал— но пани Влашува успела его заметить.

— Пан!.. Пан, помогите!— воскликнула она, и Тобиаш медленно выступил в коридор.

Глаза его блестели от ярости, он стиснул зубы так, что по скулам заходили желваки, и сжимал кулаки— ножа в его руках уже не было.

— Так,— сказала Ева, пытаясь успокоиться самой и успокоить соседку.— Так. Нужно бежать на станцию. Звонить в неотложку. Звонить в…

— Никуда пока звонить и бежать не нужно,— перебил её Тобиаш и, шагнув к пани Влашувой, помог ей подняться на ноги.— Кто кого убил?

— Адек,— просипела пани, вытирая слёзы,— Адек Вацу…

— Чем убил? Ножом?

Пани затрясла головой.

— Нет… Он табурет схватил и по голове его ударил…Ваца рухнул как подкошенный…

Тобиаш посмотрел на Еву, затем вновь перевёл взгляд на пани Влашуву и буркнул:

— Ну, пошли, поглядим, что там с вашим Вацей.

До тела Вацы добраться сразу не удалось: уже в прихожей дорогу Тобиашу, решительно шедшему впереди, преградил вдрызг пьяный Адек с ножкой от табурета в руках. При виде сына пани Влашува вскрикнула и сползла на пол вдоль стены, а Адек заорал, разбрызгивая слюну:

— Меня учить? Меня учить будете? Я вам покажу… Я вам всем…

Замахнувшись на Тобиаша деревяшкой, он, однако, ударить не успел— быстрым тычком кулака в грудь Тобиаш обезвредил его в одно мгновение и прошипел:

— Ты чё, бык, базлаешь? Где братишка твой?

Адек часто заморгал.

— Я ему чё, сторож?..

Тобиаш, стиснув зубы, пихнул его ещё раз, другой и затолкал, наконец, в квартиру. Насмерть перепуганная Ева осталась на лестнице вместе с обессиленной пани Влашувой и стояла, не дыша и не шевелясь, до тех пор, пока голос Тобиаша не позвал их в квартиру.

Осторожно заглянув в кухню, Ева увидела сначала навзничь лежавшего Вацлава, рядом с ним— то, что было раньше табуретом, затем нависшего над телом Тобиаша и, наконец, Адека, сгорбившегося в углу и вытиравшего струйку крови, сочащуюся из носа.

При виде распластанного сына пани Влашува завизжала так, что у Евы едва не лопнула перепонка в ухе.

— Тихо!— рявкнул Тобиаш, делая страшные глаза.— Тихо, пани… Рано поднимать гвалт. Прошу вас, не устраивайте истерику раньше времени. Держите себя в руках, хорошо?

Прижав ладони ко рту, пани Влашува медленно кивнула, и Тобиаш кивнул ей тоже. Присев на корточки, он прижал два пальца к шее Вацы и прикрыл глаза.

Спустя целую вечность он поднялся на ноги, бросил на Адека взгляд, полный презрения, и, взглянув теперь на Еву и пани Влашуву, сказал:

— Ну что, нужен холод, и срочно. Льда из холодильника либо снега соберите и положите ему на голову.

— Он…— прошептала пани, и Тобиаш закончил:

— Жить будет, мозг не задет. Да и голова цела— просто оглушило.

Словно в подтверждение его слов Ваца застонал, и Тобиаш, переступив через него, позвал Еву:

— Пойдём скорей.

Но пани, вновь рухнув на колени как подрубленная, вцепилась в его руку и стала осыпать её поцелуями.

— Спаситель! Спаситель! Воскресил… Господи… Спаситель наш…

Коротко ругнувшись, Тобиаш вырвал руку и быстро сказал Еве:

— Прошу, идём…

Ева раскрыла гардероб и вынула зелёное платье в мелкий цветочек. Окинув его придирчивым взглядом, она вернула его назад и вытащила полосатое— то, в котором она ходила к Влашувым на пирог.

Надев его и расправив складки, она повертелась немного, сняла с плеча невидимую пылинку и вышла в коридор.

— Тобиаш,— позвала она, остановившись у раскрытой двери гостиной, но Тобиаш не ответил— он спал на своём диване, свесив руку на пол.

Минуту Ева неотрывно глядела на его лицо с правильными чертами, на мягкие волосы пшеничного цвета, спускавшиеся на высокий лоб, а затем прикрыла дверь и ушла в свою комнату.

Переодевшись, она накинула пальто, сунула сигареты в карманы— и тут же выбросила пачку обратно на тумбу.

Карета скорой помощи уже выруливала из оврага, когда Ева вышла во двор. Пани Влашува повернулась к ней и, промокнув красные глаза платком, сказала:

— Спасибо тебе.

— Мне?—удивлённо спросила Ева, разглядывая следы шин на свежем снегу.—За что?

— Ты знаешь.

Ева не слишком понимала, о чём речь. Подняв глаза, она увидела в окне Влашувых фигуру, которая тут же скрылась, и, повернувшись к пани Влашувой, тихо спросила:

— Что на него нашло?

Губы соседки задрожали.

— Он не хотел. Не хотел. Адек тонкая натура, он тонко чувствует, он гордый… Грех сказать, но… Ваца устроился лучше него по жизни, а Адеку больно. Ему сложно. Он этого не переносит.

Ева нахмурилась. Тонкая натура! Адек всегда напоминал ей борова с усами кавалериста, но спорить с матерью, особенно в те минуты, когда её сына везли в больницу на неотложке, она не собиралась.

— Они всегда такие,—продолжила соседка, качая головой.—Грех сказать, но они всегда спорят. Всегда спорят. Младший устроился лучше, вот старший и завидует. Дрались, когда мальчишками были,—а Адек человек горячий…

Пани Влашува прерывисто вздохнула.

— Его с фабрики вышвырнули сегодня, Адека-то. Как собаку. Он выпил немного… С горя. Так расстроился, как пришёл. Ваца сказал ему, что устроит его в буфете. На станции. А Адек… табурет взял и по голове его ударил.

— За что?

— Не хочет он от брата зависеть. Я не знаю. Я чуть с ума не сошла…

— Ещё бы,—сказала, сгорбившись, Ева, и пани Влашува вдруг взяла её за руку.

— А я ведь думала, что жилец твой—вор,—зашептала она быстро, широко раскрыв красные от слёз глаза.—А тут стою, вижу пёрышко, и словно свет зажёгся, всё встало на свои места… Как было, когда мы читали с Мирой молитву.

Ева отстранилась.

— Не понимаю… Какой свет?

Пани Влашува внимательно посмотрела на неё.

— Мира сказала: «И остави нам грехи наши»,—и стал свет.

— Что?

— Мы молились с ней утром, и люстра сама зажглась.

— Это Тобиаш починил щиток.

— И стал свет. Я думала, что он вор,—сейчас я знаю, что он святой человек.

Ева замотала головой:

— Какой?..

— Святой. Ваца лежал мёртвым—а он дотронулся до него и воскресил. И курица… Господи, так глупо с этой курицей—то был знак, а я его не поняла… Как не поняла и свет… Он сказал курице: «Встань и иди»,—и она ожила в моей руке. Я думала, что он вор… А когда шла к вам, во мне теплилась надежда, что если у него саквояж докторский—может, он доктор? Сейчас я ясно вижу, что он святой.

— Извините, но я пойду,—резко сказала Ева и зашагала прочь, поднимая ворот пальто и ничего вокруг не видя.

Она решительно не понимала, что происходит, и жалела теперь, что не взяла с собой сигареты.

Поднявшись с трудом по обледенелой лесенке на пригорок к рощице, успевшей вырасти на месте снесённых уже домов вроде её дома, она вывернула на разбитую улочку и, перепрыгнув через лужу, едва не оскользнулась. Удержавшись на ногах, она прибавила ходу и не останавливалась ни на шаг до того, как не вышла к жилому району и не добралась, наконец, до кинотеатра.

Там, привалившись к столбу, она отёрла вспотевший лоб и уставилась на потрёпанные афиши, рисованные от руки.

«Кровь и песок».

«Гость в доме».

«Носферату. Симфония ужаса».

— Ева?

— Здравствуйте,—выдавила она, и отец Пётр кивнул, поправляя очки.

— Тридцать лет они их крутят,—сказал он сумрачно.

— Что?—не поняла Ева.

Отец Пётр указал на афишу:

— Эти фильмы они крутят тридцать лет. Я однажды сбежал с уроков в кино, на Руди Валентино. Знаешь, кого встретил? Бланку.

— Маму?..

— Маму. Так она любила Валентино, что продала потихоньку все марки, какие собрала, чтобы покупать билеты в кино. И так плакала, когда он умер…

Отец Пётр замолчал, глядя на перекошенное землисто-серое лицо на покоробленной бумаге афиши, совсем не походившее на давно умершего красавца.

— Отец меня потом выпорол. Ремнём. Считал кино низким жанром…

— За низкий жанр выпорол? Или за уроки?

— В совокупности,—туманно ответил отец Пётр.—Его можно понять. Он любил меня и хотел, чтобы я стал ближе к Богу. Но на многие вещи взгляды у нас расходились. Я считаю, что Бога можно показать и в кино. Обращаться, понимаешь, к молодым на их языке. Понимаешь ведь?

Ева с тоской взглянула на табличку «Билеты проданы» в окошке кассы.

Разговор начал её тяготить.

Мимо с фырканьем проехала машина, и Ева, проводив её взглядом, открыла было рот, чтобы попрощаться, как вдруг в голове её что-то щёлкнуло.

— А как выглядит Христос?

— То есть как выглядит?—не понял отец Пётр.

Ева пожала плечами.

— Какого цвета его глаза? Какого он роста? А волосы? Кто знает, как выглядит Христос? Если вы хотите снять про него кино, то должны знать.

— Прекраснее всех сынов человеческих,—ответил отец Пётр кротко.—Ева, что именно ты хочешь узнать?

— Каким он будет, когда вернётся. Может, у него зелёные глаза? Как крыжовник?

Отец Пётр крякнул. Потерев замёрзшие ладони, он бросил ещё один взгляд на потрёпанные афиши и медленно произнёс:

— Технически… Технически он родился в Иудее. И выглядел, я думаю, как иудей. А каким он станет, когда вернётся,—тебе я тут не отвечу.

— Ясно,—сказала Ева, вытирая нос.

— Ты к матери идёшь? Или в кино?

Повернув голову, Ева отыскала глазами церковный шпиль, видневшийся из облетевших крон кладбищенских деревьев, и сглотнула.

К матери.

Маленький холмик, и крест на нём.

И снег.

На кресте.

Невозможно представить, что мать там.

— Ей же холодно,—вырвалось у Евы, и она вдруг закашлялась, почувствовав, что весь воздух выкачали из её лёгких.

Одной рукой обняв её за плечи, отец Пётр быстро заговорил:

— Тело ничего не чувствует. Ничего не чувствует. Ему не может быть сейчас ни холодно, ни жарко. Забудь о нём. Помни о душе и о её спасении. Молись. Слышишь?

— Хорошо,—прошептала Ева.—Я буду молиться…

— Какие ты знаешь молитвы?

— «Отче наш, иже еси…» И другие. Я пойду. Мне нужно домой. Извините.

— Хорошо,—ответил отец Пётр, отпуская её.—Приходи, если нужна будет помощь.

— Тут сосед твой безумный заглядывал. Который дерётся табуретками.

Ева повесила пальто на крючок и недоуменно взглянула на Тобиаша:

— Адек?

— Он самый.

Надев домашние туфли, Ева скрестила руки на груди.

— Искал меня?

— *Меня*,—сказал Тобиаш хрипло, крутанув пальцем у виска.—Я б на его месте проверил голову. А знаешь, что он хотел?

Ева мотнула головой. Уставившись на скатерть, по-прежнему закрывавшую зеркало в прихожей, она неуверенно потянула её за край.

— Чтобы я помог его жене.

Скатерть соскользнула с зеркала.

— Что?

— Его жена не может забеременеть, и я должен помочь.

Рассматривая своё бледное лицо с синяками под глазами, Ева перевела взгляд на отразившегося в зеркале мрачного Тобиаша и спросила со смешком:

— И как же ты ей поможешь?..

— Молитвой или наложением рук. Он сумасшедший.

Сворачивая скатерть, Ева сунула её под мышку и вошла в кухню. На столе беспорядочно валялись газеты, и взгляд её вновь выхватил чёрные рамки некрологов на одной из полос, край которой почему-то был оборван. Отвернувшись, она бросила скатерть на стул и села рядом.

— Ты ему отказал?

— Я даже вида не подал, что слышу!—воскликнул Тобиаш и сдвинул брови.—Он позвонил, и я подошёл к двери, но не стал ни открывать, ни отвечать… Слушал, как он бубнит, пока не надоело. Он разговаривал с дверью, как будто это я. Или у него зрение—рентген, и он меня за ней видел. Он психический?

— Не знаю.

— У тебя все соседи такие?

— В доме только мы и Влашувы остались,—сказала Ева, кусая палец.—Половину расселили—в квартире, что напротив нашей, никто не живёт. И подо мной никто не живёт.

— А вас когда?—спросил удивлённо Тобиаш.

Ева посмотрела на потолочные трещины.

— Вот ждём. А ты кино любишь? Из жизни матадоров.

Тобиаш, откупорив бутылку кефира, сделал глоток.

— Мы обязательно сходим, когда я закончу свои дела,—пообещал Тобиаш и поднял бутылку так, как если бы это был тост.

О каких делах шла речь, Ева спрашивать не стала, хотя и не понимала, чем он на самом деле занимается. То пьёт кефир и листает газеты, то готовит, то спит, то уходит, замотавшись до самых глаз в шарф, за продуктами. Затем снова спит. Слушает радио. Вздрагивает от шагов на лестнице.

Совсем замучили его Влашувы, если на скрип ступеней Тобиаш вострит уши. Видимо, у них семейное помешательство.

Ева посмотрела на скатерть, покосилась на некрологи. Доктор Франтишек Лукаш скончался в Литомержице пятого ноября. Пани Ольга Кубинова скончалась в Дечине четвёртого ноября. Пани Бланка Гавелова…

Подняв глаза на Тобиаша, вытиравшего молочные усы, Ева спросила:

— Ты ведь не святой, да? Ты людей не воскрешаешь?

Тобиаш отрицательно покачал головой.

Дома за свортоком, на краю оврага, не стало ещё до полудня.

Груда кирпичей ощетинилась переломанными досками и разорванными трубами, а над ней возвышались две уцелевшие чудом стены со слепыми окнами — в одном даже сохранились стёкла. Торчавший почти вертикально кусок перегородки с весёленькими жёлтыми обоями, которые в родительскую комнату выбирал ещё отец, притягивал взгляд Евы, и она никак не могла оторвать от него глаз, всё смотрела и смотрела на него, пока усатый сержант не дотронулся до её плеча.

— Пани?..

— А?..

— Пойдёмте в машину.

— Куда?

— Отвезём вас в гостиницу.

— Куда?..

Сержант повторил, и, сняв фуражку, вытер лоб. Ева медленно кивнула и послушно последовала за ним, кутаясь в чёрное пальто.

Уже у машины она бросила взгляд на одинокие следы на снегу, ведущие от вытоптанной у рябин площадки к рощице.

— Так и знал, что развалится, — сказал шофёр, глядя на Еву в зеркало заднего вида. — Он на ладан дышал. Я в девятом ещё до войны жил — такая трещина в подвале была, что рука целиком проходила... Вот те крест — не вру. Погиб кто?

За окнами пробегали чёрные деревья, и, кроме них, Ева ничего разглядеть не могла.

— Не знаю. Влашувы в больницу пошли, а больше никого в доме нет.

— Влашувы? — переспросил шофёр. — Дмитра Влашува, что ли, семейство? К кому в больницу, к Дмитру?

— Он умер давно.

— Во дела, — сказал шофёр, приподнимая брови. — Это повезло, что никто не погиб. В прошлом году газ на Каспаровой улице рванул — восьмеро разом. А ты как выскочила?

— Не знаю. Я услышала треск. Он сказал мне бежать. Мы побежали.

— Он? — переспросил шофёр, приподнимая брови.

Ева не ответила.

Тобиаш как сквозь землю провалился.

Он кинул ей пальто, и выскочил из квартиры, и бежал по лестнице вслед, но во дворе — во дворе она его уже не увидела.

Срывая голос, она кричала до тех пор, пока, рыча и воя, к останкам дома не влетела пожарная машина, за ней — неотложка, и с ними — полиция.

Не было и Влашувых, словно на всём свете осталась одна Ева — и полиция, врачи да пожарники.

— Господь добр, — сказал многозначительно шофёр, выворачивая руль.

Закрыв дверь номера, Ева сунула машинально руку в карман пальто, ожидая найти там сигареты, но в пальцах оказались какие-то бумаги. Вытащив их наружу, она увидела своё объявление и оторванный кусок газетного листа. На одной стороне размещались некрологи, с другой из-под заголовков «Криминальная хроника» и «Разыскиваются в Устецком крае» на неё взглянуло такое знакомое лицо.

Тупо уставившись на чёрно-белый полусмазанный снимок, она всё же узнала его глаза, его нос, его скулы, пробежалась по заметке под фото и затем разорвала листок пополам, ещё пополам и ещё пополам.

Никакого отношения к её жильцу некий Шандор Мадьяр, двадцати семи лет, разыскиваемый за убийство и кражу со взломом, не имел, и такие скулы, нос и глаза — у каждого второго парня. Может, у каждого третьего. И ведь фото нечёткое — по такому не понять.

Клочки бумаги она спустила в унитаз, а когда вода перестала бежать, услышала вдруг стук в дверь.

Открыв её, Ева едва не свалилась наземь — пани Влашува набросилась на неё с воем и слезами, покрывая лицо Евы поцелуями:

— Ева!.. Евочка! Ты жива!..

— Жива, — прохрипела Ева, отстраняясь, и пани Влашува, заламывая руки, вознесла благодарения Богу.

— А где пан жилец? — спросила она, наконец успокоившись и оглядываясь, как если бы Тобиаш мог скрываться в шкафу или за светильником.

Ева запустила пальцы в волосы.

— Не знаю, — выдавила она.

Пани Влашува широко раскрыла глаза.

— Как?.. Он...

— Не знаю, — повторила Ева, вспоминая ведущие к рощице следы. — Мы выскочили из дома, и он пропал...

Пани Влашува тяжело задышала. Присев в кресло, она сцепила пальцы и, прикрыв глаза, прошептала:

— Он ведь спас нас...

— Чего? — спросила грубо Ева, и пани подняла палец вверх.

— Если б Адека не выгнали с фабрики, он бы не напился, а не напейся — не ударил бы Вацу... И Ваца не отправился бы в больницу... И мы бы все остались дома и погибли.

— Вас Адек спас, выходит, — уточнила Ева. — Все почести ему... Или тем, кто выставил его с фабрики. Или тем, кто продал ему водки. Или Ваце — за длинный язык.

— Ты не понимаешь, — обиженно протянула пани Влашува и встала с кресла. — Не буду тебе докучать. Мы здесь, в двадцатом номере.

— Хорошо, — отозвалась Ева, и пани слабо улыбнулась.

— Ваца спрашивал о тебе. Знаешь, он хороший человек и стал бы тебе опорой. Теперь, когда отступать некуда... Подумай.

Ева не ответила.

Ольга Одинцова

Виниловая пластинка для Рикки

Глава 1

Италия, 1964 год

Ей было семнадцать, когда она впервые услышала эту песню. Семнадцать солнечных и сладких лет. Это случилось в один прекрасный летний вечер… и всё тогда свалилось на неё, словно снег.

Дул тёплый южный ветер, приподнимая в своём лёгком порыве вьющиеся каштановые волосы девушки и пробегая волнами по тонкой ткани её платья. Рикка стояла на балконе, опершись локтями на перила, и мечтательно смотрела то вверх—на бездонное небо, то вниз—на залитую приторно-оранжевым закатом улицу. Это место находилось в удалении от туристического центра города и было усеяно малоэтажными домиками с такими же совершенно «кукольными» балкончиками, изогнутые прутья которых обвивал густой виноград. Бордовая черепица крыш излучала тепло очередного знойного дня.

По брусчатой улице задребезжал подержанный велосипед с тонкой коричневой рамой. За изогнутый руль держался смуглый мальчишка лет четырнадцати. Стоя на педалях на прямых ногах, он мчал с горы и, заваливаясь то на левую сторону, то на правую, взбирался вверх по улице в обратном направлении. Велосипед был ему сильно велик—вероятно, принадлежал отцу. Вцепившись обеими руками в мальчика и сидя на неудобном и жёстком подпрыгивающем багажнике, но будто совершенно не замечая этого, ехал его тринадцатилетний брат—такой же худощавый, темноволосый и с вечно разбитыми коленками. Они вновь неслись вниз по улице, велосипед набирал скорость и отчаянно дребезжал на каждом камешке. Мальчишки улыбались, сердца их гулко стучали, а волнистые волосы развевались на встречном ветру. Так они проводили почти каждый вечер, и в этом состояло их счастье. Остаться хотя бы на один вечер дома, чтобы помогать родителям, было величайшим горем для них обоих и не меньшим счастьем для соседей, которые уже устали слушать дребезжание старого велосипеда.

Сейчас же был очередной сеанс вечернего катания. И всё шло как по маслу, как казалось мальчикам, и (что было совершенно очевидно для жителей домов)—по брусчатке, от которой трещала каждая деталь велосипеда, и этот ужасный звук раздавался эхом по всей улице, отталкиваясь от стен домов.

На время катания звук радио и телевизоров всех жильцов намеренно делался громче в попытках заглушить треск и детские возгласы, раздававшиеся с каждым разом всё задорнее, веселее и немного даже—нахальнее. Так казалось пожилым людям, которые здесь жили. Иногда ребята даже специально—в отместку—привязывали к велосипеду железные банки, чтобы вовсе разрушить и полностью заглушить «вражеские» радиоприёмники. В этом они находили какое-то необъяснимое удовольствие, счастье и радость. Доставалось ли им за это хулиганство? Конечно, доставалось. Но не так часто, как того бы хотелось соседям.

Их родители редко бывали дома—всё больше на работе и в командировках. Но когда соседи заставали их, уши у ребят становились красными. И не только уши. Однако сейчас их родители снова были в отъезде, и пока что свобода мальчишек только росла.

Иногда наблюдала за ними с любопытством и Рикка, жившая с мачехой и совсем уже отбившаяся от рук. Заставить её, например, помочь по дому мог только родной отец. Поэтому довольно часто она сидела на балконе с какой-нибудь очередной книжкой про любовь, изредка срывая по ягодке спелого винограда или разглядывая цветы в кашпо.

Сейчас к ней подошла её мачеха Даниэлла и в очередной раз попросила сходить к соседке в дом напротив и отнести ей какую-то вещь. Рикка пропускала её слова мимо ушей, совершенно не внимая, что от неё требуется. Девушка с невозмутимым видом продолжала листать книгу—страницу за страницей. К слову, мачеха от безысходности уже давно перестала ругаться на Рикку. И так проходил вечер за вечером. Всё изменилось на следующий день.

Глава 2

Вечер начинался как обычно: мальчишки Лео и Маттео выкатывали на улицу отцовский велосипед, а жильцы готовились включать радио на полную громкость. Но сегодня этому пчелиному рою, состоящему из громкой смеси альбомов Челентано и звуковых дорожек фильмов Феллини или

Висконти, впервые за долгое время «жужжать» не пришлось.

Маттео оттолкнулся ногой от земли, прокрутил пару раз педали, а Лео обхватил руками брата. Велосипед плавно, но стремительно набирал скорость, и вот ребята уже неслись с горы, наслаждаясь ощущением полёта. Они вылетели на узкую часть улицы перед поворотом, и вдруг им навстречу, прямо на середину дороги, вышел ничего не подозревавший человек с двумя огромными чемоданами. За долю секунды ребята успели понять, что он был не местным, иначе бы он шёл вдоль стены, как все жители этих домов, привыкшие ко всяким неожиданностям. За следующую секунду мальчишки уже слетели с велосипеда, который врезался во что-то жёсткое, и оказались на влажной от недавнего дождя брусчатке. Лео и Маттео держались за разбитые коленки и локти, а опомнившись, устремили свои взгляды на велосипед—у него было погнуто переднее колесо, руль тоже выглядел как-то неестественно.

Молодой человек с чемоданами и округлившимися от ужаса глазами тут же бросил свои пожитки и подбежал к ребятам справиться об их состоянии. Он чувствовал огромную вину за случившееся, а потому сказал мальчишкам, что всё исправит сам. Даже заменит колесо велосипеда. Лео и Маттео, конечно, воодушевились таким проявлением заботы от незнакомца и даже помогли ему донести его огромные чемоданы.

Молодого человека звали Дженарро, и он как раз собирался въехать в одну из квартир в доме напротив того, в котором жили ребята. Это был высокий парень с носом с горбинкой и чёрными, как уголь, волнистыми волосами.

Надо сказать, жители домов, приготовившиеся слушать радио на полной громкости, были сильно удивлены отсутствием шума на улице. Все вышли на свои балконы, выглянули из окон и, увидев грустных мальчишек, идущих вверх по улице: одного—с тяжёлым чемоданом, а другого—со сломанным велосипедом,—возликовали и закричали от радости. И счастью их не было предела. Кто-то даже вышел из дома, чтобы пожать руку молодому человеку, благодаря которому вечер пчелиного роя не состоялся, а заодно и познакомиться с новым соседом.

Дженарро вошёл в свой новый дом и начал понемногу обустраиваться. На самое почётное место—на тумбочку у окна—он поставил свой любимый проигрыватель виниловых пластинок, а под стол—огромную картонную коробку, доверху заполненную музыкальной коллекцией новинок. Из второго чемодана он доставал одежду (надо сказать, по последней моде) и раскладывал её по шкафам, заполняя каждую полку.

О, это был благословенный вечер тишины и блаженного спокойствия!

Каково же было огорчение местных жителей, когда на следующее же утро они наблюдали за тем, как тот же самый парень чинит мальчишкам велосипед.
—Зря ты делаешь это, Дженарро, ой зря!—разочарованно качали головами старики.

Парень не понимал, в чём дело и почему на него все вдруг стали обижаться, не успел он как следует обжиться.

Починить велосипед к этому вечеру он не успел, поэтому жильцы насторожённо продолжали наслаждаться тишиной, которая так редко гостила в их краях. Никто не включал телевизор. Никто не включал радио. Совсем. Все сидели на балконах, попивая кофе или читая газеты.

Вот и Рикка сидела, облокотившись на перила, и читала книгу в непривычной тишине. Она, наверное, одна из немногих до сих пор не видела Дженарро и, соответственно, не была с ним знакома.

Тишина повисла над улицей, словно свежевыстиранное бельё на верёвках между домами, и лишь изредка её беспокоил тёплый ветер.

Глава 3

Дженарро отворил ажурные дверцы на балкон, закрепил их в новом положении, так как знал, что в дальнейшем собирается много времени проводить именно здесь—редактировать журнальные статьи, за которые он собирался приняться ещё вчера. Он протёр миниатюрный плетёный стол и стул от пыли, затем подтащил поближе к выходу на балкон тумбочку с проигрывателем. Дженарро любил работать под музыку. Он был настоящим меломаном: в его музыкальной коллекции были не только новинки и хиты самых разных жанров, но и редкие экземпляры, которые нигде нельзя было достать,—он выкупал их у коллекционеров по всему миру за огромные деньги. Среди пластинок Дженарро было и несколько экземпляров советской фирмы «Мелодия» и югославской «Jugoton», которые ему привозили командировочные друзья.

Наконец Дженарро подготовил своё рабочее место. Одно его угнетало—тишина. Абсолютная тишина на улице. Молодой человек решил исправить ситуацию и достал из картонной коробки конверт с чёрно-белой обложкой альбома, из которого аккуратно извлёк блестящую виниловую пластинку. Он откинул матовую крышку проигрывателя, поднял тонарм, вложил пластинку, включил двигатель и опустил иглу. Пока винил слегка потрескивал на переходе к композиции, Дженарро сел за столик и разложил бумаги.

Заиграла волшебная песня на французском языке… на полной громкости. От неожиданности в чьей-то квартире дома напротив в этот момент на пол со звоном упали столовые приборы. Дженарро с ужасом вспомнил, что с момента последнего прослушивания музыки с друзьями забыл

выкрутить громкость на минимум. Благодаря этому обстоятельству музыкальную композицию сейчас слушала вся улица. Дженарро слегка залился краской, но выключать музыку не спешил. С других балконов на него уже были устремлены глаза многочисленных соседей. И карие глаза юной Рикки. Её взгляд только сейчас оторвался от страницы книги, прыгнул на балкон молодого человека, быстро перебравшись на его красивое лицо, и вернулся огоньком в её сердце. Рикка тут же оставила книгу, позвала Даниэллу и спросила, не нужно ли сейчас отнести что-нибудь соседке. Просьбу девушки встретили с искренним удивлением и недоумением, даже шоком. Это был первый раз, когда Рикка сама вызвалась помочь. Даниэлла достала коробку с шапкой и шарфом из тонкой пряжи, которые связала соседке на заказ. Однако мачеха настаивала на том, чтобы девушка отнесла вещи завтра утром, потому что уже темно, и вообще—куда она пойдёт так поздно? Но та стояла на своём.

Схватив коробку, Рикка выбежала из квартиры и буквально в два прыжка оказалась в доме напротив перед нужной дверью. Она не могла понять, откуда доносится музыка. Её сердце так громко стучало, что ей казалось, будто песня играет прямо за этой самой дверью. Рикка громко и настойчиво постучала. Ещё раз. Никто не выходил. Рикка вздохнула и собралась уже уходить, как вдруг дверь открылась. Она подняла глаза и увидела перед собой высокого парня со слегка вьющимися угольно-чёрными волосами, примерно лет на десять старше её.

— Ой, я, наверное, ошиблась дверью…—Рикка отвела взгляд и хотела уйти.

— Я помешал своей музыкой? Прошу меня простить, я сейчас всё выключу.

Рикка хотела остановить его, но уже увидела только край его синей рубашки, надетой поверх белой футболки. Она переступила порог квартиры. На полу перед с собой Рикка увидела полупустые чемоданы. Несмотря на это, вокруг было довольно чисто. Парень вернулся к ней, виновато улыбнулся и протянул руку:

— Дженарро.

— Риккарда… Однако я всё же, наверное, ошиблась дверью, я ищу подругу моей мачехи, Теофилу. Может быть, вы знакомы с ней?

— О да, это моя мама. Значит, ты пришла по адресу. Но, к сожалению, позавчера она уехала на неделю к нашим родственникам. На это время мама попросила меня заехать сюда, присмотреть за квартирой, так что я могу здесь задержаться дольше, чем на неделю,—улыбнулся Дженарро.

— В таком случае я могу оставить то, что меня попросили ей передать,—подавив в себе какой-то внезапный приступ смеха, проговорила Рикка и протянула коробку парню.

— Да, разумеется. Я всё передам. Спасибо!

Неловко потоптавшись на месте, Рикка спросила:

— Дженарро, а что это за песня играла? Она мне очень понравилась… Я никогда раньше её не слышала.

— О, она называется «Tombe la Neige». Хит этого лета от Сальваторе Адамо… Ты что-нибудь слышала о нём?

Рикка мотнула головой.

— Впрочем, это его дебютный альбом, поэтому неудивительно, что ты не слышала…

— А что означает название песни?

— «Tombe la Neige» в переводе с французского—«падает снег». Кстати, несмотря на то, что Адамо поёт на французском, он итальянец по происхождению.

Рикка повторила про себя название песни. Сейчас ей казалось это чем-то особенно важным. И то, что молодой человек делится с ней своими знаниями, тоже.

— Как интересно!

Скоро Рикка попрощалась с Дженарро и отправилась домой. Она шла медленно, беспрестанно трогая себя за горящие щёки. «Вот и на меня выпал снег… прямо посреди лета»,—думала Рикка, загадочно улыбаясь.

Придя домой, она отчиталась мачехе о доставленной коробке, а затем рассказала о новом соседе Дженарро, пытаясь скрыть свою взволнованность.

— Что это с ней?—мачеха перевела недовольный взгляд на отца, когда Рикка отправилась в свою комнату.

Мужчина пожал плечами.

Глава 4

Наутро молодой человек вышел из дома и услышал с одного из балконов:

— Не делай этого, Дженарро!

Однако он пообещал Лео и Маттео починить их велосипед, а своих слов Дженарро никогда не нарушал. Парень всё ещё не понимал, почему все так противятся этой невинной детской забаве.

Услышав с улицы знакомое имя, Рикка вскочила с кровати, едва проснувшись, собрала свои пышные вьющиеся тёмно-каштановые волосы в высокий хвост, набросила на плечи шёлковый халат и, перевязав пояс, выбежала на балкон, выход на который был из её комнаты. В другой всё ещё мирно спали домочадцы. Сегодня у отца Рикки был выходной.

— Дженарро!—крикнула девушка и помахала парню рукой, когда он поднял голову.

— Доброе утро, Риккарда!

Девушка улыбнулась и от радости стала покачиваться с пяток на носки, держась за перила. Парень направился к их дому. Рикка внимательно наблюдала за ним. Навстречу ему шли Лео и Маттео,

таща на себе велосипед. Дженарро забрал его и понёс на то место, где было удобно чинить, никому не мешая,—на площадку у своего дома. Весь путь за ними выслеживала Рикка, переваливаясь через перила, чтобы разглядеть, куда же они направились. Её нетерпение подбивало побежать к ним. Но что же она будет делать в компании этих малявок, которых всегда в глубине души презирала за их сумасбродство?

«Присутствие Дженарро устранило бы этот недостаток»,—думала Рикка, оправдывая себя.

Она долго смотрела на дверь, не решаясь выйти. Какая-то слабость в ногах, да и во всём теле останавливала её. Впоследствии она бесконечно корила себя за эту слабость. Бухнувшись обратно в постель и полежав минут десять в рассветной неге, она вновь уснула.

Пока Дженарро проводил время в компании двух братьев, те рассказывали ему обо всём, что происходит на их родной улице. От них-то парень и узнал о том, как все жители близлежащих домов включают свои радиоприёмники и телевизоры на полную громкость, как только зловещий велосипед появляется на брусчатке. Посмеявшись, он спокойно поговорил об этом с ребятами, посоветовался с ними о решении проблемы. Мальчики, переглянувшись и вздохнув, согласились—Дженарро был первым человеком, который выслушал их и поговорил с ними как настоящий друг.

В это же время дома у Рикки происходило нечто поистине невероятное—девушка лепила пасту фарфалле. Мачеха, услышав шум от приготовлений, встала в дверном проёме с широко открытыми от удивления глазами. Она впервые видела за этим занятием Рикку, которая уже успела измазаться в муке и разворотить половину кухни. Зато на ней с гордостью был надет фартук Даниэллы и непонятное сооружение на голове из вафельного полотенца для защиты волос от муки. Именно так, а не наоборот,—по мнению Рикки. На столе лежала коричневая книга с рецептами, тоже покрытая мукой, словно слоем пыли.

— Рикка, что…

— Ничего не говори и не спрашивай! Это для Дженарро.

Даниэлла воздела руки к потолку, закатив глаза, и ушла, недовольно бурча себе под нос и активно жестикулируя.

К обеду Рикка управилась с приготовлением пасты. Она как могла красиво выложила фарфалле в коробочку для ланча и щедро присыпала сыром. С ней она вышла из дома и пошла вниз по улице в поисках Дженарро. Рикка обнаружила его вместе с мальчишками недалеко от дома, он сидел спиной к ней на корточках над велосипедом и подтягивал ключом очередную гайку. Девушка постеснялась подойти к нему при Лео и Маттео, боясь, что они начнут смеяться над ней. Рикка прекрасно знала ужасный характер этих мальчишек. Так она и стояла позади них, теребя коробку с пастой в руках и не решаясь заговорить с Дженарро. Через минуту парень потянулся за другим инструментом, который лежал чуть позади него, и увидел Риккарду. Казалось, она вся сжалась, прижимая к себе коробочку.

— Ребята, отнесите этот ящик с инструментами и насос обратно тому синьору, они нам больше не понадобятся,—обратился Дженарро к Лео и Маттео всё тем же спокойным тоном.—Только аккуратно, они тяжёлые, несите вдвоём.

Мальчишки взяли и понесли, так и не заметив Рикку.

— Спасибо, что заставил их уйти.

— Я понял из их рассказов, что вы не дружите,—произнёс Дженарро, взял тряпку и стал оттирать руки от смазки для велосипеда,—Ты что-то хотела?

— Да, это для тебя—паста фарфалле с сыром,—Рикка показала ему коробочку для ланча, приоткрыв крышку, откуда доносился вкусный аромат.—Оставлю здесь… Я очень старалась. И вообще… в первый раз приготовила.

Дженарро опешил от неожиданности, тут же поблагодарил девушку, немного смутился и поначалу отказывался, но Рикка уговорила его принять угощение. Она решила не задерживаться здесь более и поспешила уйти, однако возвращавшиеся Маттео и Лео увидели её издалека и сразу спросили об этом Дженарро:

— Что она здесь забыла?

Но он не удостоил их ответа, сделав вид, что не услышал. Мальчишки переспрашивать не стали: вдруг велосипед до конца не починит? Однако Дженарро был очень дотошным в таких вещах, ему было важно сделать всё на высшем уровне.

Уже светила полная луна, когда Дженарро возвращался от Лео и Маттео домой. На входе его встретил курящий старик и взглядом будто вопрошавший: «Ну что, починил?»

— Да, синьор, я всё починил,—с улыбкой ответил молодой человек.

Старик в ответ лишь разочарованно покачал головой и фыркнул, от досады бросив окурок в сторону, когда Дженарро ушёл.

Глава 5

На следующий вечер все жители напряжённо ждали выезда велосипеда после ремонта. Прошло полчаса от обычного времени старта заезда. Тишина. Прошёл час. Жители заволновались. Никакого шума слышно не было. Они долго стояли на своих балконах, кто-то выглядывал из окон. В это же время они увидели возвращающихся Лео и Маттео на велосипеде, который ехал так же тихо, как пролетала какая-нибудь птица. Ни одна деталь, ни одна железка больше не звенела, не стучала и не скрипела.

— Дженарро! Дженарро! — послышался крик из квартиры в доме напротив.

Услышав своё имя, парень вышел на балкон.

— Ты починил их дьявольский велосипед и спас нас от этой муки, Дженарро! Да хранит тебя Бог, Дженарро! — крикнул ему незнакомый пожилой синьор с блестящей лысиной и начал хлопать в ладоши.

Улица тут же наполнилась аплодисментами и заразительно-радостными криками со всех сторон:

— Вива Дженарро! Вива Италия!

Дженарро был сильно смущён, но и рад тому, что сделал хорошее дело и принёс этим жителям мир и спокойствие на их родную улицу. В знак благодарности он прикладывал ладонь к сердцу. Среди счастливых итальянцев он увидел и Рикку, которая наблюдала за этим действом с самого начала. Она тоже улыбалась.

Часто Рикка часами сидела на балконе, наблюдая за работой Дженарро и старательно делая вид, что на самом деле читает книгу. Она следила за тем, как он перебирал листы бумаги, постоянно что-то в них вычёркивая и исправляя, за тем, как периодически поглядывал Дженарро на часы и уходил со своего балкона, чтобы заварить себе крепкий кофе, а потом вновь возвращался с чашкой ароматного напитка в руке. Иногда они могли помахать друг другу в знак приветствия, когда Дженарро отрывался от работы, что страшно нравилось Рикке.

И, конечно же, как полагается истинной семнадцатилетней девушке, она мечтала. В своих мечтах Рикка представляла их встречи под большой луной и прогулки у моря босиком. Порой девушка думала о том, какое платье она бы выбрала на их свадьбу, если бы та состоялась, и какие песни на семейном праздновании ставил бы Дженарро на своём виниловом проигрывателе… Скажем по секрету: однажды Риккарда даже придумала имя для будущего сына. «Пусть будет Ренато. Но это уж как получится…» — вздохнула девушка.

Глава 6

Однажды утром Риккарда вызвалась полить цветы в горшках. Она набрала полный кувшин воды и поставила его на пол балкона, услышав необычное оживление: вверх по узкой улице протискивался старенький «фиат». Он остановился у дома Дженарро. Дверца машины отворилась, и о брусчатку стукнул один каблук, затем второй. Из «фиата» вышла девушка со светло-русыми волосами ниже плеч, одета она была в оливковое платье-рубашку в стиле сафари. Она достала с заднего сиденья две большие сумки и закинула одну из них на плечо, когда к ней навстречу выбежал Дженарро и забрал их. Он поздоровался с водителем, перекинулся с ним парой слов, и они попрощались.

«Фиат» поехал дальше вверх по улице, затем свернул за угол и скрылся из виду. Дженарро переложил обе сумки в правую руку, догнал девушку и обнял её за талию. Увидев это, Риккарда почувствовала, как у неё в груди что-то громко и неистово застучало. Она ещё не знала, что с ней происходит.

Дженарро направился к дому и собирался зайти внутрь. Девушка со светлыми волосами остановилась посередине улицы и улыбалась, осматривая здания с балкончиками, увитыми пышным виноградом… А в следующую секунду на неё обрушился поток холодной воды. Она вскрикнула и закашлялась. Дженарро тут же бросил сумки и подбежал к девушке, что-то спрашивал её, наклоняясь к ней, держал за плечи. Какая-то мысль сверкнула молнией, и он поднял голову, чтобы посмотреть на соседские балконы и окна. Никого не обнаружив, Дженарро гневно выдохнул, обнял девушку, и они поспешили войти в дом.

Риккарда к этому времени уже скрылась в квартире. Она сидела на своей кровати с кувшином в руках. Её всю трясло. Пальцы дрожали, ладони обмякли и еле удерживали кувшин. Рикка поставила его на пол рядом с собой. В таком виде и застала её мачеха, которая вошла в комнату. На её лице выражалось недовольство.

— Риккарда, сколько раз я должна тебя звать? К тебе пришли! Иди быстрее!

Девушка подскочила, голова немного закружилась. Она подошла к входной двери. Там её ждали Лео и Маттео. Мачеха ушла, оставив их втроём.

— Зачем ты сделала это, Рикка? Скажи, зачем? — закричал на неё Лео.

— Что я сделала? Зачем вы пришли сюда?

— Мы знаем, что это сделала ты. Всё видели собственными глазами! Зачем ты облила её водой?

— Я не собираюсь ничего вам говорить, уйдите отсюда! — Рикка хотела выпроводить их и уже начала закрывать входную дверь.

— Мы расскажем обо всём Дженарро! — не унимался Лео, весь взъерошенный от негодования и злости.

— Вы не посмеете! — Рикка испугалась, но пыталась сохранить стойкость.

— Что, мы не знаем, что ли, что ты влюбилась в Дженарро?

— Что-о-о?! Да что вы такое говорите, дураки?! — от возмущения и взволнованности Рикка залилась краской.

— Вот, Маттео, смотри, она уже покраснела! Значит, это правда! — кричал Лео.

— Да неправда это! И кувшин я случайно пролила, он… он выскользнул у меня из рук!

— Так мы тебе и поверили, Рикка! Ты как была противной, так и осталась! — твердил Лео, размахивая в воздухе кулаком.

— Зачем ты так с его сестрой? — произнёс Лео, глядя на Рикку.

— Сестрой?! То есть… я хотела сказать… К нему приехала сестра? — опешила девушка.

— Я думаю… какая-нибудь родственница, наверное,— Лео почесал затылок, задумавшись.
— Лео, ты что? Да ты точно ли видел её? Это его девушка, говорю тебе! Как сестра Дженарро может быть такой светловолосой?— Маттео легонько стукнул брата в предплечье.

Лео вновь задумался, отмахнувшись от Маттео. Рикка наблюдала за ними, скрестив руки на груди.
— Ладно, мы пока прощаем тебя, Рикка. Поверим, что ты случайно,— проговорил с досадой Маттео.
— Ты что, Маттео? Да как же это так— прощаем? Как так можно?— недоумевал Лео, не отводя глаз от старшего брата.
— Пойдём отсюда, Лео. Пока…— произнёс Маттео, глядя в пол.

Он тут же развернулся и ушёл. Лео побежал за ним, не попрощавшись.

Рикка закрыла за ними дверь. Потирая лоб, она ушла к себе в комнату. Вскоре мачеха позвала её завтракать. До Риккарды вмиг долетел сладкий и манящий аромат кофе, и все плохие мысли сами собой улетучились. «Мне просто показалось. И ему тоже показалось, а Лео, быть может, и прав…»— думала Рикка. В ней снова зарождалась уверенность. Совершенно глупая и наивная уверенность, которую может позволить себе только девушка семнадцати лет. Воздушных, непримиримых семнадцати лет.

Глава 7

Тем временем в квартире Дженарро шла оживлённая беседа. Вместе с Алессандрой они обсуждали повестки дня на международной арене, статьи и новые колонки в журнале, а ещё девушка со смехом вспоминала утреннюю комедию, случившуюся с ней.

Алессандра на протяжении последних пяти лет работала в сфере международной журналистики, она прекрасно владела несколькими языками. Её отец— потомок русских эмигрантов, а мать— итальянка. Качествами, которые девушка взяла от своего отца, были её неуёмный характер, упорство и щедрость, а от матери— безмерная доброта и, конечно же, обезоруживающая улыбка, которая совершенно сводила с ума Дженарро.

Приехав в родную Италию к своему молодому человеку, Алессандра, не переставая, щебетала, сообщая ему все новости, которые накопились за последние два месяца, что она была во Франции. Девушка всё время говорила о предстоящей командировке. Это должна была быть рабочая поездка в Алжир на фоне вооружённых конфликтов после обретения этой страной независимости от Франции.

Дженарро знал, что в этот раз одну её он туда точно не отпустит. Алессандру, благодаря её характеру, всегда направляли в самые горячие точки, но на этот раз она преследовала цель написать достаточно объёмный материал— расследование о тайной работе иностранных спецслужб и их роли в попытках раскачать ситуацию в Алжире.

В это время советские солдаты уже помогали разминировать территорию североафриканской страны, так что пик конфликта был уже позади. Этим она и оправдывалась перед Дженарро, но такая аргументация не позволяла ему и на этот раз отпустить девушку одну, к тому же, возможно, на довольно длительное время, а не на пару месяцев, как было в случае с Францией. Он скрывал волнение, понимая, что не может запретить ей эту поездку. Но и возможности поехать вместе он пока не видел.

Заметив его натянутую улыбку, Алессандра на минуту замолчала, подошла к двери балкона вдохнула тёплый воздух, собралась с духом, выдохнула, повернулась к Дженарро и произнесла:
— Я должна сказать тебе… мы едем в Алжир вместе. Я обо всём уже договорилась, к тому же для тебя работы предвидится много, как ты понимаешь. Надеюсь, ты не будешь ругаться, что я уже всё решила за нас обоих?

Дженарро был шокирован и безмерно рад. В тот же момент он словно подпрыгнул, подбежал к Алессандре, крепко обнял её, схватил и поднял на руки с радостными возгласами. Дженарро был счастлив! Это была его мечта, которая вот-вот начинала сбываться.
— А я ведь верил, слышишь? Я даже чемоданы с собой заранее сюда перевёз! На меня местные как на идиота смотрели: вот, мол, приехал на недельку-другую, а с двумя огромными чемоданами! А я как чувствовал, Алессандра, чувствовал!

Парень кружил девушку, держа её на руках, а она беззаботно смеялась. Он остановился прямо у застеклённых ажурных дверей балкона и, глядя ей в глаза, светящиеся счастьем и немного блестящие от слёз, спросил:
— Ты ведь выйдешь за меня, Алессандра?

Глава 8

Тут же раздался громкий звон разбитого стекла. В их комнату влетел камень. От неожиданности Алессандра вжалась в плечо Дженарро и вскрикнула, почувствовав на руке порез от стекла. Они оба тут же опустились на пол. Из раны чуть ниже локтя девушки начали стекать капли крови.
— Чёрт возьми, да что же это такое?! Это наверняка мальчишки хулиганят!— разъярённый Дженарро выбежал на балкон в поисках хулигана.— Уши оторву, слышите?! Доберусь я до вас!

Сразу после этого он опомнился и бросился к аптечке, достал бинты, вату и спирт, чтобы обработать рану Алессандры.
— Ты как, нормально? Я сейчас помогу тебе…
— Да ничего, это ерунда, не волнуйся ты так. Кровь быстро остановится, рана не такая глубокая.

Думаю, мне и повязка не понадобится. Я вскрикнула-то только потому, что в этом спокойном месте не ожидала никакой опасности, а тут… Кто это здесь так развлекается?

Когда Дженарро вытер кровь на её руке, он увидел, что рана действительно не такая уж глубокая и страшная. Однако злость не проходила, и Алессандра видела это по его бегающим желвакам.

— Подожди меня здесь, я пойду разберусь с ними, это уже невозможно терпеть! Только на всякий случай отойди подальше от балкона и окон, умоляю тебя. Мало ли что им ещё в голову придёт?..— произнёс Дженарро, выходя из комнаты.

Алессандра сидела на полу, прижимая большой кусок ваты к ране и разглядывая дыру в стекле. Потом всё-таки поднялась и ушла в другую комнату.

Дженарро тем временем выбежал из дома и, увидев проходивших мимо братьев Лео и Маттео, подбежал к ним и схватил обоих за уши:

— Вы что, с ума сошли?! Новое развлечение себе нашли? Что я вам плохого сделал?

Братья пытались высвободиться и кричали о том, что они ни в чём не виноваты и ничего не делали, а только вышли из дома, чтобы встретить своих родителей, которые возвращаются из командировки. Вдруг со стороны раздался громкий голос Рикки:

— Отпусти их, Дженарро!

— Пока не ответят, зачем они это сделали, я не отпущу!

— Отпусти их… Это сделала я!— выпалила Рикка.

— Ты?..— его руки ослабли и отпустили Лео и Маттео.

Он никак не ожидал такого поступка от семнадцатилетней девушки.

Осознав свою вину, Дженарро тут же стал горячо извиняться перед мальчишками и умолять его простить. Лео и Маттео, конечно, простили его, но ничего не поняли и решили поскорее удалиться. Ведь они и так боялись, что к родителям придут жаловаться на их прошлые проделки все соседи с улицы.

Рикка сжала кулаки в ожидании худшего. Она нервно сглотнула. Комок подступал к горлу. Дженарро схватил её за руку:

— Идём со мной, нам не нужны лишние уши.

Дженарро отвёл её на ту же платформу, где ранее чинил мальчишкам велосипед. Они встали друг напротив друга. Рикка молчала, опустив глаза от стыда.

— Зачем ты сделала это, Риккарда? Зачем?

Рикка молчала. Она не знала, что ответить ему. В тот момент, когда она, совсем уже успокоившаяся от утреннего происшествия, увидела на балконе Дженарро, обнимающегося с той самой девушкой, которую она накануне облила водой, в ней вновь всё перевернулось и заклокотало. Дальше она действовала, совсем не давая себе отчёта том, что делает.

В следующую секунду Риккарда сорвалась с места и обняла Дженарро, соединив руки за его спиной. Парень не знал, как на это реагировать. Рикка уже мысленно ругала себя за то, что сделала. Это объятие, как ей казалось, остановило время. Напоминал о нём лишь стук сердца Дженарро, который отдавался ей в ухо, плотно прижатое к его груди.

— Ты никогда не простишь меня за это, Дженарро, я знаю, никогда!

Девушка отпустила обескураженного парня и побежала вверх по улице, утирая слёзы. Он крикнул ей вслед:

— Рикка, постой! Я не злюсь на тебя! Куда ты?

Дженарро хотел было побежать за ней, но его остановил голос пожилого синьора с газетой в руке, проходившего мимо:

— Оставь её, ей нужно побыть одной.

Послушав старика, Дженарро решил вернуться к Алессандре.

Глава 9

Наступил поздний вечер. Дженарро рассказал обо всём, что случилось, Алессандре. Она предложила ему успокоиться и заверила в том, что с Риккой всё будет в порядке. Потом Алессандра предложила устроить ужин при свечах с бокалом шампанского в честь их долгожданной встречи, как они и планировали перед её отъездом во Францию.

Дженарро уже разливал шампанское по бокалам, как вдруг в дверь кто-то громко постучал. Парень перевёл взгляд на девушку, та пожала плечами. Дженарро поставил бутылку на стол и, расправив рукава рубашки, направился к двери.

— Откройте, скорее же!— послышался грудной женский голос.

Парень открыл дверь и почему-то сразу понял, что это мачеха Рикки. Женщина представилась, и он понял, что не ошибся. Прогноз Алессандры не сбылся. Риккарда всё ещё не вернулась домой. Она пропала.

Даниэлла еле сдерживала слёзы. Она сообщила парню, что отец Рикки уже искал её, но девушки нигде нет. Он опросил соседей, и один из них сообщил, что случайно видел Дженарро с Риккой вместе ещё днём, когда она убежала. Даниэлла умоляла его помочь в поисках девушки. И, конечно же, Дженарро не мог отказать ей, так как считал себя виноватым в исчезновении Рикки. Парень схватил с крючка лёгкую куртку и, предупредив просьбу Алессандры взять её с собой, сказал:

— Будь здесь, прошу тебя. Риккарда вполне может вернуться сюда.

Даниэллу он сопроводил к ней домой. Женщина слишком сильно переживала. Дженарро вышел на брусчатую улицу, над которой уже висела белая луна, и услышал из окна голос Маттео:

— Дженарро, ты пошёл искать Рикку? Мы уже обо всём знаем, к нам её отец заходил, спрашивал. Можно я с тобой? Пожалуйста!

Подросток даже не стал дожидаться ответа и исчез в окне. Он предупредил брата Лео, попросив его остаться с родителями, чтобы не огорчать их вдвойне. Маттео выбежал на улицу и догнал Дженарро. Они отправились на поиски Рикки.

В кромешной темноте Рикка медленно шла по незнакомым улицам среди заброшенных зданий. Сердце, бившееся уже от страха, подсказывало ей, что она забрела не в самый благополучный район. Рикка боялась, что попала в то самое место, которое славилось криминалом. Рядом что-то громко зашумело. Девушка в ужасе обернулась и увидела пару светящихся в темноте глаз. Это была худая облезлая кошка, которая спрыгнула на лист ржавого железа, сама же испугавшись грохота.

На углу следующей улицы стоял полуразрушенный дом. На его белёсой изрисованной стене играл оранжевый свет. Рикка заметила это и, немного помедлив, направилась к дому. Приблизившись, она услышала много мужских голосов. Рикка спряталась за углом и наблюдала оттуда следующую картину: ярким пламенем горел костёр, а вокруг него собралась группа молодых людей, человек пятнадцать. Собой они образовали кольцо, а внутри этого кольца что-то происходило. Рикка никак не могла понять, что именно, поэтому она решила ещё немного высунуться из-за угла, как вдруг кто-то подошёл к ней сзади и закрыл рот рукой, сдавив тем самым её крик.
— Тихо, не кричи! Это я, Дженарро, — шёпотом проговорил голос, чтобы не привлечь к себе внимание тех парней.

Рикка повернулась и в темноте разглядела красивые очертания лица Дженарро, который стоял очень близко к ней. Парень снял с себя куртку и набросил её на плечи замёрзшей девушки. И в этот самый момент Рикка думала не о том, как она замёрзла, и даже не о том, что её ищет сейчас вся улица и отец с Даниэллой. Девушка мысленно и будто неосознанно вопрошала себя, как можно остановить время или хотя бы задержать его на пару секунд, чтобы постоять обёрнутой в его куртку и смотреть в его тёмные бархатные глаза.
— Идём со мной, тебя вся улица ищет. Твой отец и Даниэлла очень переживают за тебя… Зачем ты так с ними? Пойдём, пойдём…

Дженарро протянул Рикке свою ладонь, приглашая уйти с ним. Она посмотрела на него и кивнула, затем шёпотом спросила:
— Ты знаешь, кто эти люди? Что они здесь делают? — Дженарро помотал головой в ответ, и она продолжила: — Давай посмотрим, что там у них происходит?

Парень согласился, хотя эта идея ему не очень нравилась. Но он сильно хотел, чтобы Рикка успокоилась и отошла от того, что сегодня произошло с ней за весь день. Дженарро прекрасно всё понимал. Он вообще был достаточно чутким человеком, за что его все и любили.

Рикка вновь повернулась к нему спиной и стала выглядывать из-за угла дома, наблюдая за молодыми людьми. Они чуть разошлись, и девушка смогла разглядеть, что внутри их «живой цепи» находились двое крепких парней в кипенно-белых майках, которые обтягивали мощные грудные мышцы. У одного из них в ухе была крупная серьга, а у другого татуировка на шее, которая продолжалась от затылка почти до самых плеч. Они стояли друг напротив друга в боевой стойке и передвигались то в направлении часовой стрелки, то против неё. Наблюдавшие за ними остальные парни что-то громко крикнули, и те двое начали бороться. Со стороны они выглядели как молодые быки, роющие копытами землю на корриде. Тут же, чуть подняв глаза, Рикка увидела худощавого парня, который сидел на плечах у другого, покрепче, и размахивал полотном кроваво-красного цвета над этими молодыми «быками».

Девушка наблюдала за ними, словно зачарованная. Это было одновременно красиво и страшно. Сильные парни, на жилистых и крепких телах и лицах которых отражались всполохи пламени, вступали в драку друг с другом по очереди, будто тренировались, готовились к чему-то. Среди ночи.

Вместе со странным ощущением восхищения и восторга Рикка чувствовала тревожность, которая нарастала внутри. Те же эмоции были и у Дженарро. Тогда они ещё не знали и не могли знать о том, что уже буквально через пять лет в их родной стране настанут «свинцовые семидесятые». Они ещё не знали, что итальянцы будут бояться выходить на улицу, потому что это станет опасным. Они будут бояться ультраправых и ультралевых формирований, которые устроят террор по всей стране: одни — против мирных людей, другие — только против правительства. Одной из таких организаций станет и та, которая будет действовать под названием «Красные бригады». И когда наступит это время, Риккарда совершенно точно передумает называть сына так, как она мечтала в 1964 году, будучи наивной семнадцатилетней девушкой.

Со стороны послышался голос Маттео:
— Эй, ну вы там скоро? Что вы там увидели?
— И ты здесь? Что ты тут забыл? — вполголоса возмутилась Рикка.
— А я Дженарро хотел помочь. Не мог же я его одного отпустить, он мой друг! Да и вдруг помощь какая понадобится?..

Услышав это, Дженарро улыбнулся. На его глазах Маттео за короткое время повзрослел и стал мыслить совсем по-другому, чем раньше.

«Вот что значит всего лишь поговорить с человеком и выслушать его»,—подумал Дженарро, в очередной раз убедившись в своей жизненной теории.

Маттео, оглядевшись по сторонам, подошёл к ним поближе, чтобы тоже разглядеть то, что приковало внимание Дженарро и Рикки. Наконец отголоски костра засверкали и на лице подростка. Когда Маттео увидел происходящее, его глаза расширились. Он вопросительно смотрел то на Рикку, то на Дженарро, словно пытаясь найти в их лицах ответ, но они наблюдали за всем молча. Рикка изредка поворачивалась назад, чтобы посмотреть на Дженарро и увидеть его эмоции. Это заметил и Маттео. Он внимательно наблюдал за девушкой, которая то и дело поправляла куртку парня, кутаясь в неё, словно в одеяло.

— Нам пора идти,—произнёс Дженарро.

Рикка и Маттео молча побрели за ним. Затем Рикка поравнялась с парнем и начала что-то с ним обсуждать. Позади них плёлся Маттео, который слушал их разговор. Всю дорогу он молчал и чувствовал себя брошенным. Маттео не мог понять, что с ним, и гнал от себя грустные мысли. Подросток считал, что должен быть счастлив, ведь сейчас он вернётся домой, и там будет тепло, будет гореть свет. Это время, когда родители наконец вернулись из командировки. Его размышления прервал Дженарро:

— Маттео, ты что там притих? Иди рядом со мной, я не хочу, чтобы ещё и ты потерялся. Расскажи мне, как вы с Лео встретили родителей.

Мальчик приободрился и начал свой рассказ. Рикка тоже слушала и подумала, что не такой уж и плохой этот Маттео. Или это Дженарро его так изменил? Исправил недостатки, так сказать.

Дженарро сопроводил подростков по домам. Мачеха, увидев Рикку, бросилась обнимать и расцеловывать парня и грозила наказать девушку за побег. Дженарро попросил не делать этого, и прослезившаяся Даниэлла, всем на удивление, согласилась.

Наконец все отправились спать. Едва коснувшись подушки, Рикка заплакала. Слёзы прочерчивали путь от уголков глаз к подбородку и бежали одна за другой. Она понимала, что дальше ничего не будет. Рикка пыталась представить своё будущее, но закрывала глаза и видела только темноту. Она вспоминала девушку, которая приехала к Дженарро. Вспоминала, как он обнимал её, помогал ей и нёс её сумки, как радовался этой встрече. Мысли девушки путались, превращаясь в один тёмный комок не понятных ей эмоций.

Тогда Рикка впервые по-настоящему поняла, что такое ревность и ненависть. Так растаял её первый снег.

Глава 10

Настало утро. Воздух был влажным, он веял утренней прохладой после ночного ливня. На ещё мокрой брусчатке уже начинало блестеть солнце. Сегодня Алессандра и Дженарро проснулись непривычно рано—то ли оттого, что им предстояло пересмотреть целую гору материала для журнала, то ли оттого, что предыдущая ночь оказалась очень беспокойной. Они старались не думать о плохом, а потому Дженарро встал раньше Алессандры и поспешил приготовить им завтрак, а затем включил негромкую музыку на любимом виниловом проигрывателе.

Из комнаты вышла Алессандра, и, как показалось Дженарро, она выглядела встревоженной. Девушка два раза украдкой посмотрела куда-то в сторону балкона, выдавила из себя улыбку и сказала, что ей нужно куда-то срочно отлучиться и что она скоро вернётся. Завязав волосы в тугой хвост, Алессандра вышла из квартиры. Дженарро, не придав всему этому особого значения, прибавил громкость и продолжил готовить завтрак.

В это время на крыше дома напротив стояла девушка в голубом хлопковом платье чуть ниже колен. Со стороны казалось, что она танцует, едва слыша доносящуюся до неё музыку, улавливая мелодию песни «J'Aime» уже знакомого ей Сальваторе Адамо. Она не знала французского, но, слыша эту песню, была уверена, что это история о ней и о нём. О прогулках под луной на берегу моря, о мокром шуршащем песке под их босыми ногами… Девушка делала аккуратные шаги к краю крыши, один за другим, словно обдумывая каждый из них и при этом играя, чтобы испытать свою удачу. Старая бордовая черепица была ещё влажной после ночного ливня и местами трещала, опасно надламываясь под её ногами. Рикка сделала ещё шаг, ещё… С этой высоты и без того маленькая улица казалась ей совсем уж крошечной.

Вдруг раздался громкий треск, и её нога поехала вниз, разламывая черепицу. С крыши на улицу полетели куски бордовой керамики, разбиваясь с громким звуком о брусчатку. Рикка вскрикнула и непроизвольно раскинула руки в попытках найти за что зацепиться. В тот же момент сзади её крепко схватили за руку. По инерции девушка потеряла равновесие и растянулась на крыше, расцарапав себе голые ноги в кровь и чуть не утянув за собой ту, кто её спас. Это была Алессандра. Она двумя руками пыталась помочь Рикке забраться на более пологое место крыши, и благодаря большим усилиям ей всё-таки удалось это сделать.

Они сели вдвоём на уже разогретую итальянским солнцем крышу, пытаясь отдышаться. Рикка обхватила руками колени и сидела, уткнувшись в них лицом и скрывая слёзы. Алессандра не знала, что говорить и нужно ли это вообще. Она глубоко вздохнула и посмотрела на Рикку. Та стала разглядывать свою разбитую коленку, истекавшую кровью, и содранную кожу на ногах. Её светло-голубое платье тоже было испачкано, но Рикка не

обращала на это ни малейшего внимания. Сейчас она равнодушно смотрела на крышу противоположного дома и молчала. Алессандра первой решилась прервать это гнетущее молчание:
— Рикка, пойдём вниз. Я помогу тебе, к тому же необходимо обработать раны. И да, мы не были знакомы, меня зовут Алессандра, Дженарро рассказывал мне о тебе…

Девушка продолжала молчать. Посидев так ещё минуту, она подняла на Алессандру мокрые от подступающих слёз глаза и, глотая их, спросила:
— Много ли он рассказывал тебе обо мне? Я люблю Дженарро, Алессандра. Я знаю о том, что вы вместе. И потому спокойно говорю тебе об этом. И ты пришла меня спасти? Это очень благородно с твоей стороны. Наверное, я должна была поблагодарить тебя за спасение. Но делать этого не буду… Мне слишком плохо, чтобы я говорила кому-то спасибо.
— Расскажи мне о том, что ты чувствуешь,—Алессандра произнесла это так тихо и даже как-то проникновенно, что Рикка удивилась.
— Надо же, впервые за семнадцать лет я стала кому-то интересна. Кому-то стало интересно то, что чувствует маленькая глупая Рикка, когда она вдруг оказалась на крыше, исцарапанная в кровь. Хорошо, я расскажу тебе, если ты так хочешь это услышать. Всё началось с того, что меня пронзило молнией, когда я увидела Дженарро. Я долго не могла понять, что со мной происходит, я очень изменилась. Это было похоже на то, о чём я всегда читала в книгах. Я смотрела в его глубокие глаза—и во мне что-то замирало, словно я падаю, пропадаю, лечу… Сначала я думала, что тоже нравлюсь ему, но вскоре поняла, что его отношение ко мне не более чем дружеское, но и на том спасибо—он никогда не смеялся надо мной, всегда внимательно слушал, что я говорю. Да, я заметила, что он очень чуткий со всеми, с кем имеет дело. Он хороший, Алессандра. Очень. Я не хочу мешать вам… Но я закрываю глаза, представляя, что его не будет рядом, и чувствую, что теряю себя. Мне хочется вернуться в тёмный омут его глаз. Ты прости, Алессандра, что я так откровенно говорю с тобой. Но ты сама хотела это слышать. Я закрываю глаза, и его нет. Нигде. Понимаешь? Нигде! И меня, оказывается, тоже нет… Совсем. Без него. Понимаешь ли ты меня, Алессандра?
— Понимаю, Риккарда. Я понимаю тебя,—Алессандра опустила глаза и попросила девушку продолжать её рассказ, затем подсела вплотную к Рикке и крепко обняла её.

Та заплакала, уткнувшись носом в руки Алессандры. Затем, утерев руками слёзы, спросила:
— Ты не представляешь… Мне так хочется обнять его. Мне хочется коснуться его лба губами, пока он спит… Ты ругалась бы на меня, если бы я попыталась это сделать, не так ли?
— Совсем нет…

Рикка была удивлена такому ответу. Она считала, что в этот момент в девушке должна была проснуться ревность.
— Как же… как же так? Разве ты не стала бы ревновать?
— Нет, не стала бы,—усмехнулась Алессандра, глядя на Рикку.
— Тогда я совсем ничего не понимаю… Ты не любишь его?
— В том-то и дело, что люблю,—беспечно улыбнулась в ответ Алессандра.

«Вот это любовь!—восхищённо подумала Рикка.—Ещё страннее, чем о ней в книжках пишут».

После такого разговора ей вдруг стало как-то необычайно легко. То ли от признаний, то ли от самого факта разговора по душам. Только сейчас она совершенно внезапно для себя поняла, что у Дженарро должна быть именно такая девушка, как Алессандра. Такая же добрая, как и он, внимательная и чуткая к окружающим. А ещё… очень красивая. Рикка как-то вмиг стала очарована ею. Ей захотелось быть похожей на Алессандру. Ведь в её характере, в её естестве было что-то бесконечно прекрасное и цепляющее. В её спокойствии и даже какой-то странной беспечности, которой обычно не бывает у взрослых. Какая ещё девушка лет на десять старше Рикки полезет на старую крышу снимать оттуда другую девушку? Это даже не вполне укладывалось в её голове. По крайней мере, Рикке казалось, что сама она бы так не смогла, а потому прониклась уважением и бесконечным восхищением к Алессандре.

Глава 11

Тем временем на улице происходило оживление. Дженарро подошёл к балкону, чтобы посмотреть, что происходит, потянулся и зевнул, как вдруг чуть не свернул себе челюсть, увидев на противоположной крыше свою невесту и Рикку, сидящих в обнимку. Он схватился за голову и выбежал из квартиры.

Дженарро пробирался через собравшуюся толпу зевак из соседских домов, которые то и дело приподнимались на цыпочки, чтобы рассмотреть двух девушек, и наткнулся на родителей Лео и Маттео, которые успокаивали Даниэллу и её мужа. Они беспрестанно смотрели наверх уже довольно долго, надеясь никого не увидеть на краю крыши. Кто-то смотрел со своих балконов и окон. Всем было интересно, что же произойдёт дальше и будет ли спасена «бедная душа» девушки в голубом платье.

Дженарро порывался забраться к ним на крышу, но его остановили, сказав, что он тяжёлый и может сделать что-то не так, к тому же туда уже полез Маттео, захватив с собой страховочную верёвку для скалолазания, которую раздобыл у кого-то из соседей. Дженарро не оставалось ничего, кроме как успокаивать родителей подростков. Однако

он также переживал и за Алессандру. Дженарро не мог найти себе места, он постоянно прокручивал в голове варианты развития событий и возможность своего участия и помощи. Через пять минут он нашёл в толпе Лео и попросил его показать ему ход на крышу. Мальчик согласился и повёл его за собой.

Девушки всё так же сидели на крыше, совершенно не замечая шума внизу. Алессандра слушала Рикку и старалась её приободрить. Наконец девушка успокоилась и даже поддалась уговорам спуститься вниз. Когда Рикка попыталась встать, она вскрикнула от боли — её колено опухло, вновь упала на черепицу, перевернулась, безуспешно пытаясь ухватиться рукой сначала за Алессандру, затем за кровлю, но она успела почувствовать, как та постепенно сползает вниз к краю крыши вместе с ней. Позади Алессандры раздался голос Маттео:

— Рикка, держись! Лови верёвку! — крикнул подросток и бросил девушке конец верёвки.

Она схватила её и, сделав усилие, обмотала вокруг себя. Вдруг в глазах Рикки потемнело, руки стали слабеть, а в ушах зазвенело. Она потеряла сознание и отпустила верёвку. Это успели заметить Маттео и Алессандра. Они вместе затаскивали её на пологое место крыши. К счастью, тут же подоспели принять Рикку в свои руки Дженарро и Лео. После этого подросток побежал предупредить Даниэллу и её мужа о том, что с Риккой «почти всё в порядке» и что сейчас её несут к ним домой. Отец и мачеха девушки в совершенно взволнованном состоянии и на ватных ногах побежали домой, спотыкаясь почти на каждой ступеньке.

Глава 12

Дженарро нёс ослабевшую Рикку. Она ничего не слышала и не видела, но чувствовала, как бешено колотится сердце и мокнут лоб и шея. В каком-то беспамятстве Рикка решила, что умирает. И что пройдёт пара минут — и она покинет всех своих родных и знакомых. Прямо на руках у Дженарро. Она выдохнула.

Мачеха дрожащей рукой открыла дверь в квартиру, и парень внёс Рикку и аккуратно положил на её постель.

Девушка бредила. Наконец охрипшим голосом еле слышно попросила принести ей воды. Это расслышали Лео и Маттео, тут же забегали и принесли ей питьевой воды, ещё какой-то железный таз с водой и тряпкой на тот случай, если у Рикки температура. Температура, конечно же, была.

Сразу после этого Алессандра и Лео побежали искать доктора. Местных девушка не знала, поэтому взяла мальчика с собой. Разыскав в одной из квартир пожилого мужчину в круглых очках, они уговорили его как можно скорее собраться и идти с ними. Это был доктор, который работал в местной больнице; к счастью, сегодня у него был выходной.

Осмотрев Рикку, у которой был жар, по лицу струился пот, а раненая коленка совсем разбухла, он оказал ей необходимую помощь и оставил родителям рецепт. Скорее всего, Рикка получила тепловой удар. В таком состоянии куда-либо перевозить её доктор не видел смысла. Тем не менее к вечеру температура спала, и Рикка медленно начинала открывать глаза. Но её голова гудела, перебинтованное колено постоянно ныло, а ободранные раны на ногах, обработанные зелёнкой, сильно жгли. В общем, Рикка чувствовала себя ужасно измождённой и от этого всякий раз проваливалась в сон. Изредка она слышала приглушённые голоса из соседней комнаты. Там за стенкой плакала Даниэлла и сдерживал слёзы отец Рикки; опираясь спиной к стене, стоял Дженарро, перед ним на стуле сидела Алессандра. Незадолго до этого за Лео и Маттео зашли их родители, поинтересовавшись здоровьем Рикки и поручившись помогать этой семье в случае надобности.

Пока все они разговаривали и прощались, Маттео прошмыгнул в комнату девушки. На балкон падал лунный свет, на улице было тихо. Маттео подошёл поближе к Рикке, чтобы потрогать ей лоб. Он был уже не таким горячим, как днём. Убрав руку, он увидел, что на её лице что-то сверкнуло под светом луны. Под глазом девушки блестели две слезинки. Маттео оглянулся, удостоверившись, что никто не подсматривает, и аккуратно вытер ей слёзы. Он тоже переживал за Рикку.

— Маттео, — шёпотом произнёс Дженарро, заглянувший в комнату, — иди, родители уже уходят, они тебя ждут. Думаю, ты сможешь прийти навестить Рикку завтра.

— А ты остаёшься здесь?

— Да, я останусь, родители Рикки попросили присмотреть… Даниэлла уже легла спать, отец тоже плохо себя чувствует. Я боюсь оставлять их одних, мало ли что…

— Ты настоящий… — произнёс Маттео, выходя из комнаты и пытаясь подобрать нужное слово, но все ему казались слишком ничтожными для подходящего описания, поэтому он лишь с восхищением произнёс: — Дженарро, ты — настоящий!

Дженарро проводил и Алессандру — он считал, что после сегодняшнего дня, перенасыщенного эмоциональными и напряжёнными событиями, ей необходимо отдохнуть. К тому же оставались считанные дни до их отъезда в Алжир, о котором мирно спящая Рикка ещё не знала.

Глава 13

Дженарро занял мягкое кресло рядом с кроватью Рикки. Он сидел, опершись на правый подлокотник, и пытался уснуть. Но из-за нервного напряжения сон не шёл. На противоположной

стороне комнаты стоял небольшой шкаф с книгами, которые принадлежали девушке. Дженарро заинтересовался ими, поднялся с кресла и пытался разглядеть в темноте названия на корешках разноцветных изданий. Парень увидел знакомую книгу и начал тихо выдвигать её с полки, как вдруг что-то упало вслед за ней с грохотом. На полу лежала раскрытой записная книжка большого формата. Молодой человек пригляделся и на правом её листе увидел нарисованное сердце, внутри которого неровным почерком была надпись: «Дженарро». Он вздохнул, затем поднял тетрадь и поставил её обратно на полку вместе с книгой. Дженарро повернулся, чтобы пойти обратно к креслу, и схватился за сердце—Рикка сидела на кровати.

— Фух, напугала! Сказала бы сразу, что не спишь, а то я тут как мышь хожу.

— Что ты здесь делаешь?

— Твои родители попросили за тобой присмотреть. Пока ты была в беспамятстве, Даниэлле стало плохо, отец тоже рано ушёл спать. Ты как себя чувствуешь?

— Голова болит… А что с Даниэллой?

— Вероятно, нервный срыв. Доктор выписал ей какие-то лекарства и отдых… Кстати, я сказал Маттео, что он может прийти завтра, чтобы тебя навестить. Доктор сказал держать тебя под присмотром, дежурить, чтобы не было резких ухудшений,—тихо произнёс Дженарро, усаживаясь в кресло.

— Дженарро… Прости меня. Я знаю, что я дура.

Парень махнул рукой. Что он мог ей сказать на это? Дженарро и без того чувствовал себя виноватым во всех бедах, начиная с того момента, как он приехал сюда.

— Можешь не переживать, скоро всё наладится. Мы с Алессандрой послезавтра уезжаем в Алжир.

— Что?! Как?! Зачем?

— Командировка. Алессандра будет проводить журналистское расследование, к которому готовилась несколько лет. Естественно, я не пущу её в Алжир одну, тем более что там всё ещё небезопасно.

Рикке стало ещё хуже, чем было прежде. Только теперь она точно знала, что скоро не будет видеть Дженарро. Возможно, он уедет навсегда. И в этом она видела какое-то наказание от судьбы. Всё вмиг исчезло. Рикка смотрела в темноту перед собой. Потом попыталась согнуть ногу и вскрикнула от боли.

— Тихо, лежи, тебе нельзя…—Дженарро вскочил с кресла и помог ей лечь обратно.

Рикка всматривалась в его лицо, в очередной раз убеждаясь, как же он красив.

— Поспи, тебе нужно больше отдыхать.

— Я не смогу уснуть. Расскажи мне про Алжир, прошу тебя! Я почти ничего не знаю об этой стране. Что там происходит?

— Эта североафриканская страна была одной из французских колоний. Если говорить кратко, то они добились независимости только два года назад. Но там до сих пор вспыхивают вооружённые конфликты, в том числе и при помощи иностранных спецслужб… Поэтому мы туда, собственно, и едем. Хотя, скажу честно, это была идея Алессандры.

Рикка смотрела на Дженарро широко распахнутыми глазами. Она думала: «Колонии, вооружённые конфликты, иностранные агенты… Вот это да! В такой истории только пиратов, пожалуй, не хватает. Впрочем, отчего-то я уверена, что и они там есть!» Подумав, Рикка сказала:

— Но ведь ваша поездка может быть очень опасной…

— Да, Рикка.

— И вы, зная это, едете туда прямо сейчас?

— Что поделать—если у Алессандры появилась какая-то цель или идея, то её уже не остановить. Куда хуже, если она поедет туда без меня, одна.

«Должно быть, он действительно сильно её любит»,—подумала Рикка и вздохнула. И куда ей тягаться против такой девушки?..

Теперь Рикке совсем расхотелось спать. Она продолжала расспрашивать Дженарро об Алжире, а тот рассказывал ей про генерала де Голля, про испытания ядерного оружия на территории этой страны, про Фронт национального освобождения, про советских сапёров, которые, в отличие от многих европейских стран, согласились бескорыстно помочь молодому независимому государству разминировать десятки километров земли, про итальянцев, которые пытались помочь, но, лишившись нескольких сапёров вследствие подрывов, были вынуждены свернуть разминирование, и ещё много всего интересного… пока не уснул.

Рикка слушала молодого человека с раскрытым ртом. Ей вдруг стало ужасно важным узнать всё то, о чём знал сам Дженарро. Каково же было её огорчение, когда парень уснул, не договорив очередной интересный факт до конца. Но будить его она не осмелилась. Рикка полулежала на кровати и некоторое время смотрела на спящего Дженарро, который клевал носом, утопая в кресле.

Через секунду в голове девушки мелькнула мысль: «Что ж, Алессандра уже простила меня за это». Рикка приподнялась на руках, стараясь не приводить в движение больное колено. Опираясь на левую руку, она, не издавая ни звука, приблизилась к наклонённому лицу Дженарро и поцеловала его в уголок губ, задержавшись на пару секунд. Парень пробормотал что-то невнятное во сне, вроде: «Не надо… не надо грустить»,—и конвульсивно дёрнул плечом, вновь возвращаясь в глубокий сон.

Сперва Рикка улыбнулась, обрадовавшись тому, что ей всё же удалось поцеловать Дженарро, и вернулась в исходное положение. Однако радость

была недолгой. Вскоре её глаза наполнились слезами. Она прикрыла веки, ресницы задрожали, выпуская из-под себя крупные слёзы. Рикка прикрыла рот ладонью, чтобы не разбудить всхлипами Дженарро. «Он не заслужил видеть меня расстроенной… Но, Господи, как же мне плохо!» Рикка лежала с закрытыми глазами. Слёзы стекали по щекам, попадая в уши. Пролежав так минут пятнадцать, девушка начала проваливаться в сон, периодически всхлипывая и вздрагивая.

Глава 14

Наутро домой к Рикке прибежал Маттео, чтобы сменить Дженарро на «посту». Парню уже нужно было собираться в командировку. Вернувшись домой, Дженарро увидел на удивление бодрую и улыбающуюся Алессандру, укладывавшую их чемоданы. «Удивительная девушка!» — подумал парень, подошёл к ней и крепко обнял.

Маттео тем временем сидел в кресле около Рикки и ждал, когда она проснётся. Пока девушка спала, подросток уже успел поздороваться с мачехой и отцом Рикки, справиться об их здоровье и передать пожелания от своих родителей. А теперь Маттео то и дело подбрасывал в руке какой-то гладкий камешек, привезённый с моря. Потом достал из кармана второй и начал ими жонглировать. Наконец один из камушков упал, стукнув об пол, отчего Рикка проснулась и попыталась открыть слипшиеся веки. В комнате уже вовсю светило солнце. Девушка попыталась повернуться на левый бок, чтобы снова попытаться уснуть, как в полуметре от себя увидела разбитые коленки подростка и вздрогнула.

— Ну наконец-то ты проснулась! — воскликнул Маттео, беря с её прикроватной тумбочки спелое яблоко, на которое давно уже положил глаз, и смачно стал его надкусывать. — Теперь можно и похрустеть!

— Ты что здесь делаешь? Кто тебя пустил ко мне?

— Да ты что, всё забыла, что ли?

— А я ничего и не помнила… по крайней мере до сегодняшней ночи.

— Ну ты даёшь! Я сменил Дженарро. Ему ведь уже нужно в командировку собираться, а то они с Алессандрой и так с тобой провозились до позднего вечера. А Дженарро так вообще до утра тут всю ночь проторчал. Ты хотя бы помнишь, что с тобой случилось? — говорил Маттео, продолжая жевать яблоко с нескрываемым удовольствием.

Рикка сперва помотала головой, потому что почти ничего не помнила спросонья. Однако вскоре плавно начинала вспоминать. Крыша дома, Алессандра, разговоры, черепица на брусчатке, верёвка, руки Дженарро… И тут же в своих воспоминаниях она добралась до самого заветного. До поцелуя спящего Дженарро. Рикка покраснела, отвернулась от Маттео. Затем в её голове, словно удар молнии, мелькнула мысль: «Чёрт возьми, значит, это правда! Дженарро уезжает уже завтра, и это не сон!»

— Я вон, кстати, принёс для тебя, — Маттео кивнул куда-то в сторону балкона.

Рикка проследила за его взглядом и увидела два костыля из светлого дерева. Внутри девушки вдруг забурлило возмущение и неприятие ситуации.

— Я не буду с ними ходить! — выпалила она и отвернулась от Маттео.

Мальчик опешил и даже отложил огрызок яблока обратно на тумбочку.

— Как? Ну это же специально для тебя родители попросили передать! Как же ты гулять собираешься? Ведь тебе нужно будет как-то ходить!

— А я вовсе и не собираюсь! Мне теперь это не нужно! Кто, скажи, водить меня ещё будет на улицу? Кому я вообще теперь нужна с этими костылями?! — от расстройства девушка стукнула кулаком по матрасу и по инерции слегка подпрыгнула, испытав острую боль в колене и вскрикнув.

Мальчик не ожидал такой реакции, но попытался её успокоить и помог ей лечь как можно удобнее, чтобы не тревожить больную ногу.

— Рикка, ты это… Зря ты так, в общем… Ты… ты мне нужна, слышишь?

От неожиданности Рикка уставилась на Маттео во все глаза.

— Да ты не смотри на меня так, я же ничего страшного не сказал. Лео даже не против того, чтобы тебя на нашем велосипеде покатать, когда тебе получше станет. А это — о-го-го! — переведя тему, мальчик многозначительно и с важным видом покачал головой и засмеялся.

Рикке тоже отчего-то стало весело, и она хихикнула, представив младшего брата Маттео, который всегда пытался выглядеть серьёзнее, чем он есть на самом деле.

Они продолжали общаться ещё пару часов. Подросток пытался развеселить Рикку, отчего-то ему искренне хотелось, чтобы она смеялась. Маттео верил, что если у человека будет хорошее настроение, то любая болячка заживёт быстрее. Подросток также успел помочь отцу Рикки приготовить для всех завтрак, а потом принёс его в комнату девушке. Даниэлла была приятно удивлена такому поразительному изменению в поведении Маттео — ведь он всегда был хулиганом, а теперь вдруг стал помогать Рикке, с которой раньше они были в заочном противостоянии. На самом-то деле подросток понимал, что всё это время на такое отношение к девушке его подбивал Лео, который пытался самоутвердиться за счёт старшего брата. Почему-то он считал, что дружить и общаться с девчонками — плохо. Но сейчас Маттео был уверен, что всё теперь будет по-другому.

Всё как-то вмиг у него наладилось. Соседи не ругались на них с Лео, а даже хвалили, родители

наконец вернулись домой и довольны поведением братьев, а тут ещё и сам Маттео пригодился в трудной ситуации, стал кому-то полезен. Это чрезвычайно радовало его, наполняло каким-то теплом и светом изнутри. Маттео и в дальнейшем стал руководствоваться таким ощущением. Он теперь думал так: если чувствуешь такое тепло внутри — значит, ты поступаешь правильно, значит, то, что ты делаешь, — хорошо. И от этого даже улыбка на лице появляется.

А за вчерашнюю помощь семье Рикки его и вовсе простили все те соседи, которым он не давал спокойно жить. Один настоящий мужской поступок, которым он спас девушку, перекрыл все его прошлые ошибки. В этот момент для Маттео словно открылся новый мир. Он вдруг понял, что хочет помогать людям, и даже стал думать о будущей профессии, но пока что это были только его мечты.

Глава 15

После обеда пришёл Лео, чтобы сменить Маттео. Рикка попросила старшего брата разузнать что-нибудь о Дженарро и по возможности передать ему привет. Девушка была уверена в том, что перед отъездом парень не захочет её навестить.

Весь вечер с Лео прошёл скучно. Почти всё время они напряжённо молчали. Лео мог бы и вовсе не приходить, но у него была договорённость с Маттео, по которой он заручился помогать Рикке. Мальчик завидовал такому вниманию к девушке со всех сторон. Более того, считал его совсем незаслуженным. Внутри Лео поселилась обида, ведь он тоже хотел, чтобы у него было много друзей вокруг, которые бы за ним ухаживали и всячески поддерживали, если ему плохо. Так что вслед за обидой в нём родилось искреннее желание как-нибудь напакостить.

Оранжевое солнце было уже на закате. Рикка уснула, у неё всё ещё была слабость. Лео лениво сидел на подлокотнике кресла и болтал ногами. Через минуту его внимание привлекло движущееся по полу существу. Это был рыжий таракан. Лео оглянулся на Рикку и, убедившись, что она спит, схватил с её прикроватной тумбочки пустой стакан и ловко подцепил им насекомое. Теперь таракан был на дне стакана. Лео поторопился выйти из комнаты, чтобы залить его водой, как вдруг услышал за спиной голос Рикки:

— Куда это ты побежал?

— Я… воды налить тебе, ты наверняка пить хочешь?

— Спасибо, Лео, я правда не отказалась бы от питья, в горле пересохло после сна…

Мальчик поскорее отправился на кухню и налил в стакан воды почти до краёв. Вернувшись в комнату, он сразу же протянул стакан девушке, сел в кресло и стал наблюдать. Она принялась пить, как вдруг увидела прямо перед своим носом неприятный сюрприз. От неожиданности тут же выплюнула всю воду и закричала.

Мальчик тут же соскочил с кресла, чтобы выбежать из комнаты, в то время как Рикка взяла костыль и со всей злости бросила его ему вслед. У двери раздался грохот. Лео уже сбежал из квартиры. На шум прибежал отец Рикки и увидел её плачущей. Он сел с ней рядом и обнял девушку в попытке успокоить. На вопросы о том, что произошло, Рикка отмахивалась, а потом сказала, что они с Лео поссорились и что больше она не хочет его видеть. Уже почти ночью об этой проделке узнал Маттео, который жутко разозлился на младшего брата. Он хотел было бежать к Рикке, чтобы объясниться и извиниться за него, однако было уже поздно, и родители его не пустили.

Этой ночью девушка не спала совсем. Она думала о том, что уже завтра днём, а может, и утром, Дженарро и Алессандра отправятся в командировку на север Африки и что эта рабочая поездка может затянуться на несколько лет. Ужасные ощущения в районе солнечного сплетения подсказывали, что Дженарро она не увидит ещё очень долго. Возможно, она забудет его за это время. Возможно, будет помнить всегда.

Глава 16

Маттео прибежал к ней рано утром. Рикка не спала. Под глазами у неё были синяки. Ему вдруг стало очень больно, когда он увидел Рикку такой. «Нет, она всё-таки всегда красивая, и даже с синяками», — подумал Маттео и подошёл к ней, чтобы попросить прощения за поступок Лео. Но девушка не хотела ничего слышать — она считала, что это сам Маттео специально подговорил младшего брата учинить пакость. Подросток долго оправдывался, и в какой-то момент Рикке стало его жаль, потому что говорил он всё это из искреннего желания извиниться. Конечно же, она простила и его брата-дурачка.

Вдруг за окном что-то зашумело. По знакомому звуку Рикка быстро определила, что вверх по улице ехал уже знакомый ей «фиат».

— Это что, за Дженарро? Они уже уезжают?! Маттео, быстрее дай мне эти твои костыли!

— Рикка, но ты же сказала…

— Да мало ли что я сказала! Быстро дай мне их сюда! Мне необходимо встать! — прикрикнула девушка на подростка.

Он повиновался и протянул ей костыли. Рикка, превозмогая боль, начала подниматься с постели. Маттео аккуратно её придерживал, чтобы она случайно не упала. Девушка морщилась от боли, но всё-таки встала и направилась к балкону. Перебинтованное колено, как ей казалось, непрерывно гудело от изменения положения. Риккарда добралась до балкона и быстро оперлась на перила, когда

один из костылей выскользнул у неё из-под руки и упал. Маттео тут же подобрал его и дал ей.

Из дома напротив вышли Дженарро и Алессандра с сумками и чемоданами и направились к «фиату», из которого вышел водитель. Молодой человек что-то сказал синьору и передал ему ключи от квартиры, которые тот впоследствии должен был отдать Теофиле. Судя по всему, это был их близкий друг. Девушка уже села в машину, а парень укладывал вещи. Те, что не помещались, они с синьором закрепили на верхнем багажнике. Со стороны было непонятно, как такая крошечная машинка вмещала в себя столько вещей и людей одновременно и при этом достаточно бодро бегала.

Дженарро открыл дверцу машины, сделал глубокий вдох, осмотрев соседние дома с тоской в душе. Его взгляд скользнул по балконам домов и остановился на том, где стояла Рикка. Он выдохнул и долго смотрел на неё, потом улыбнулся и махнул рукой. Глаза Риккарды вновь наполнились слезами. Ей тут же вспомнились их первые дни после знакомства: как они здоровались, как девушка наблюдала за его работой,—а сейчас она не могла с ним даже нормально попрощаться из-за неспособности ходить.

— Дженарро, пожалуйста, умоляю, подожди!— взволнованным голосом вдруг крикнула девушка и обратилась к Маттео:—Помоги мне спуститься, прошу тебя! Я никогда не прощу себе, если не обниму его на прощание!

Маттео выполнил её просьбу. Рикка еле-еле спускалась по лестнице, хотя и старалась делать это в бодром темпе. Когда же она показалась у входа в дом и её заметил Дженарро, он тут же подбежал к ней, чтобы помочь и Маттео, который придерживал её на всём их пути.

— Уезжаете?..—тихо произнесла Рикка.

— Да, Рикка. К сожалению, я уже не успевал зайти к тебе, нам с Алессандрой необходимо заехать в ещё одно место, прости, пожалуйста. Но всё же тебе не нужно было выходить, ведь травма… ещё рано…

— Что ты такое говоришь?!—выпалила Рикка, прервав парня.

Она тут же сделала резкий шаг, подалась вперёд, чуть не упав, и крепко обняла Дженарро, сцепив руки за его спиной. Костыли упали по обе стороны от них. По щекам Рикки текли слёзы. Парень тоже обнял девушку в ответ и стал гладить её по голове, успокаивая. Ему было жаль её. От этого странного чувства у Дженарро забегали желваки, и тогда он стиснул зубы.

Маттео был обескуражен. Он медленно поднял костыли, а затем стоял рядом, почти не дыша. К нему подошла Алессандра, приобняла его за плечо и сказала:

— Эх, ребята, ну и сырость вы тут развели. Мы ведь обязательно ещё вернёмся к вам и, надеюсь, довольно скоро!

Вдруг в носу Маттео словно закололи сотни иголок. К собственному удивлению, он заплакал от избытка чувств, отбросил в сторону костыли и обнял всех троих своими худощавыми руками. За довольно короткое время все эти люди стали ему очень близкими—и Дженарро, и Алессандра, и, конечно же, девушка с красивым именем Риккарда.

Вскоре «фиат» зашумел и увёз их друзей. Рикка и Маттео ещё долго стояли и смотрели им вслед. Маттео, конечно же, не стал раскрывать их с Дженарро секрет, о котором они договорились ещё вчера, чтобы заставить Рикку как можно скорее вернуться к обычной жизни, пусть и с использованием костылей. На эмоциях она так ни о чём и не догадалась. На душе у Маттео было светло. Он поднял голову и смотрел на высокое небо.

— Как же всё-таки хорошо, что тебе никуда не нужно уезжать,—тихо сказал подросток, выдохнул и аккуратно взял кисть девушки в свою ладонь.

Рикка посмотрела в глаза Маттео и улыбнулась. И, кажется, лишь в этот момент два юных сердца наконец открылись друг другу, забыв прошлые обиды и будто безмолвно поклявшись дружить— только обязательно по-детски искренне и до скончания веков, до которых им было ещё так далеко…

Глава 17

Буквально через пару дней в квартиру дома напротив вернулась хозяйка—Теофила. Войдя в комнату и разложив вещи по своим местам, женщина увидела на столе какую-то коробку, обвязанную атласной лентой с крупным бантом, а на ней лежала свёрнутая записка. Теофила взяла её в руки и прочитала: «Коробку отдать Рикке (падчерице Даниэллы), когда девушка сможет ходить. Записку передать Маттео, он знает, что с ней сделать. Обнимаем и целуем, Дженарро и Алессандра».

Тем же днём Теофила разыскала мальчика и передала ему записку. Маттео сразу побежал к Рикке, радостно размахивая листком бумаги:

— Рикка, смотри скорее!

Девушка взяла бумажку, и её глаза взволнованно забегали по строчкам.

— Коробка? Что ещё за коробка?

— Теофила мне ничего не сказала, она тоже не знает. Так что узнаем мы это только тогда, когда ты сможешь ходить!—разочарованно развёл руками Маттео, глядя на реакцию Рикки.

У девушки вмиг загорелись глаза. Эта интрига зарождала в ней интерес и стремление выздороветь как можно скорее, и в ближайшие полторы-две недели Рикка старалась больше ходить сначала по квартире, затем и по лестнице. Вместе с такими тренировками постепенно уходила и боль в колене. После очередного осмотра доктор разрешил ей гулять. Она была счастлива до невозможности и не могла дождаться того момента, когда они с Маттео узнают, что же находится в коробке! И наконец

этот день настал. Девушка уже прекрасно ходила, колено совсем зажило.

Они постучались в дверь квартиры, где жил Дженарро, и вскоре увидели на пороге Теофилу, которая встретила их с улыбкой и пригласила выпить кофе. Но, увидев в глазах ребят весёлый азарт, она поняла, что никакой кофе им сейчас совсем не нужен. Теофила проводила их в комнату и сказала:
— Вот, это та самая коробка. Можете её открывать, уже можно! — засмеялась женщина.

Маттео посмотрел на Рикку и улыбнулся. Девушка подошла к коробке, потянула атласную ленту и ахнула. Внутри стоял новенький виниловый проигрыватель. Маттео раскрыл рот от удивления и тут же достал устройство, чтобы рассмотреть получше. Рикка со смехом наблюдала за ним, но вдруг её взгляд упал на дно коробки. Там лежал знакомый конверт. Это была виниловая пластинка с дебютным альбомом Сальваторе Адамо. На конверте толстым маркером было выведено: «С выздоровлением! Риккарде от её друга Дженарро».

Девушка слегка дрожащими руками достала конверт и приложила его к груди, сдерживая слёзы. Ей показалось, что это были слёзы счастья. Помимо прекрасного подарка, она безмерно радовалась другому факту — что Дженарро теперь её друг. Рикка подошла к виниловому проигрывателю, с которым всё ещё разбирался Маттео, и произнесла:
— Погоди-ка. Послушай, сейчас будет красиво…

Девушка открыла блестящую новизной матовую крышку проигрывателя и поставила пластинку, аккуратно опустив на неё новенькую алмазную иглу. И вновь из окна квартиры мелодично зазвучали так много значащие теперь для Рикки слова, с которых для неё началось знакомство с Дженарро, — «Tombe la Neige». Падает снег…

Над брусчатой улицей всё так же нежно дул южный ветер, а оранжевое солнце предзакатными лучами ещё подогревало раскалённые после жаркого дня черепичные крыши домов. И было так тепло, и так светло было на душе…

Эпилог

Италия, конец 1960-х годов

Но что же было с героями после? — поинтересуется читатель. Не стряслось ли чего плохого с Дженарро и Алессандрой за время их командировки? Честно сказать, всякое бывало — и хорошее, и плохое. Однако совсем уж скверные события, к счастью, обходили их стороной на протяжении этих нескольких лет.

А как произошла потом их встреча с Риккой и Маттео? И что было с последними? Их долгожданная встреча произошла совершенно внезапно для юных Рикки и Маттео. Томный оранжевый закат уже разгорался над городом. После очередной прогулки Маттео и Рикка шли вверх по брусчатой улице к своим домам. Надо сказать, после той истории Рикка и Маттео стали лучшими друзьями. А ещё, конечно же, повзрослели. И с каждой прогулкой они становились ближе друг другу: девушка и юноша делились новостями, обсуждали то, что их интересовало и беспокоило, поддерживали друг друга во всех начинаниях. К слову, Маттео окончательно решил стать спасателем, хотя, например, младший брат Лео постоянно отговаривал его от этой идеи. Да, Лео не изменился и продолжал ехидно посмеиваться над Риккой и Маттео, заставая их идущими вместе и держащимися за руки. «Завидует», — думали ребята, лишь беспечно улыбаясь в ответ.

Так вот, настал вечер, и они уже хотели расходиться по домам, как вдруг Рикка услышала где-то позади детский бессвязный лепет и неуверенный топот маленьких ножек. В соседних домах маленьких детей уже давно не было, поэтому это удивило её, и она тут же обернулась. К девушке неслась невероятно симпатичная, словно сошедшая со старинных открыток, маленькая девочка в жёлтом платьице и с чёрными кудряшками, которая старалась смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться о выступающую местами неровную брусчатку. Однако, подняв глаза, она столкнулась с ногами Рикки, которая уже пыталась остановить девочку, выставив руки чуть вперёд и нагнувшись к ней. Малышка с интересом смотрела на Рикку своими большими тёмно-серыми глазами и начала показывать на девушку указательным пальцем, постоянно оборачиваясь назад и говоря: «Папа! Мама!»

Рикка, наконец, тоже подняла взгляд и увидела перед собой Дженарро и Алессандру, которые шли к ним с Маттео навстречу и улыбались. От удивления она не могла даже сразу понять, рада ли видеть их. Рикка стояла и смотрела на счастливую пару и наконец осознала, что это их маленькая дочь. При этом что-то всё же отозвалось в сердце девушки, но… не так сильно, как Рикка думала, когда представляла себе их встречу, будучи семнадцатилетней. Конечно, она никак не ожидала, что они, уехав вдвоём, вернутся уже втроём.

Однако Рикка была за них счастлива. Потому и оттого, вероятно, что была счастлива сама.

Дмитрий Косяков

От Крапивина к Толкину и обратно

Об исторических противоречиях и современном значении советского искусства

Ностальгия по советскому прошлому

Ностальгия по СССР усиливается среди граждан капиталистической России. Тому есть масса причин:

экономический кризис нынешней модели капитализма, приводящий к заметному понижению уровня жизни большинства россиян и ещё более вопиющему разделению граждан на нищих и сверхбогатых;

откровенное разложение государственной верхушки, теряющей остатки доверия населения;

завинчивание гаек и демонстративный отказ от буржуазно-демократического декора (надругательство над выборами, разгром даже системной оппозиции, запрет на любые формы протеста);

творческая импотенция официального искусства и т. п.

Писатель Максим Кантор справедливо отмечает:

«Всё, что защитили в той страшной [Великой Отечественной] войне, —отдали или потеряли.

Страну, которую отстояли,—рассыпали и распродали.

Равенство людей, ради которого сражались,— предали в угоду наживе ловкачей.

Солидарность трудящихся отменили, создали касту господ и их обслуги.

Идеалы, в которые верили,—продали»[1].

Текущее положение дел выглядит непривлекательно даже по сравнению с пресловутыми девяностыми и уж тем более по сравнению с советским периодом семидесятых-восьмидесятых годов, когда уровень жизни и потребления советских граждан достиг пика и во многих пунктах сравнялся с уровнем жизни в наиболее развитых капиталистических странах.

Ностальгия и даже некоторая мода на советскую эпоху наблюдается и среди молодёжи, совершенно эту эпоху не заставшей[2]. Благо остались замечательные старые мультфильмы, на которых многие родители предпочитают воспитывать своих детей, остались фильмы, которые мы с удовольствием пересматриваем, остались книги.

Сегодня мы заново открываем для себя Советский Союз и его культуру. Как же нам следует относиться к советскому наследию? О чём оно нам говорит? Какие противоречия в нём проявлялись?

Детские писатели и противоречия советского общества

В качестве отправной точки нашего рассуждения предлагаю взять творчество талантливого советского писателя Владислава Крапивина. Крапивин писал в основном для детей, и это очень важно, поскольку детская литература в послесталинский период оказалась на острие общественных дискуссий.

Историк Андрей Фатеев пишет: «Негативные тенденции в молодёжной среде: нонконформизм, преступность, хулиганство, пьянство, ханжество,— подпитывали постоянный интерес руководителей страны и писателей к проблемам воспитания. Педагогика в глазах руководителей была панацеей, с помощью которой они пытались решить общественные проблемы. В этой обстановке молодые детские писатели попытались реализовать шанс и создать произведения, которые изображали сложное положение подростков, серьёзные конфликты в детской среде, их связь с социально-политическими процессами в обществе»[3].

Столкновение проблем педагогики с противоречиями советского общества присутствует и в творчестве Крапивина, в том числе в его magnum opus—романе-трилогии «Мальчик со шпагой», написанном в 1972–1974 годах. В романе описывается становление характера школьника Серёжи Каховского, который стремится всегда быть правдивым, не отступать перед трудностями и защищать слабых.

1. *Кантор М.* Хроника стрижки овец. М.: АСТ, 2014. С. 302.
2. Лишь одним из характерных примеров является огромная популярность творчества видеоблогера Антона Лапенко, стилизованного под ретро-видео в формате VHS. Конечно, мода на ретро, на эпоху 80-х распространена и на Западе, что лишь подтверждает системный, формационный характер текущего кризиса.
3. *Фатеев А.* Детская литература «оттепели»: две «правды». https://scepsis.net/library/id_435.html

Обращает на себя внимание то, какое место в сюжете и образной системе романа занимают разнообразные символы и ритуалы: пионерские линейки и парады, знаки отличия (нашивки, ремни с бляшками), флаг и т. д. Вот навскидку пара примеров:

«— А что было делать?—спросил Сенцов.—Приятно, думаете, по морде получать? Из-за ремня, который стоит рубль пятьдесят в военторге. Если посчитать, то невыгодно.

— Рубль пятьдесят?!—крикнул Алёшка Смирняков.—А сколько твоя совесть стоит?

— Я совесть не отдавал. Только ремень,—объяснил Сенцов.

— Гнать,—спокойно сказал капитан второй группы Гена Корнеев.

А его друг, маленький курчавый Валерка Давыдов, тоже спокойно подтвердил:

— Гнать»[4].

«Они не понимали, что бывают вещи сильнее страха. Что можно бояться и всё равно стоять прямо. Потому что есть эмблема с конниками и солнцем, есть друзья, рапиры, слова клятвы…»[5]

Понятно, что за перечисленными символами стоят какие-то важные и большие вещи, но о них автор не распространяется. Они вроде бы должны быть и без того понятны советским людям, советским школьникам: это коммунистические идеалы, идеалы борьбы за бесклассовое общество, за отмену частной собственности. Но именно оттого, что эти вещи не проговариваются, они начинают теряться, расплываться. Символы заслоняют и в какой-то мере даже подменяют собой саму святыню. Верность флагу оказывается если не важнее, то по крайней мере яснее и понятнее, чем верность тому, что олицетворяет собой флаг.

Вера и ритуал

Сам Крапивин вышеуказанного противоречия не осознаёт, он не видит тут проблемы, хотя невольно обрисовывает её. Советская система оторвалась от тех идеалов, на которых она изначально строилась, даже оказалась в конфликте с ними. Так что с какого-то момента преданность партии, советскому строю оказалась несовместимой с преданностью коммунистическим идеалам, марксистской теории, памяти Октябрьской революции. «Не осталось ни одного непоруганного принципа, ни одной незапятнанной идеи»[6],—с горечью писал один из критиков советского строя.

Аналогичную ситуацию можно увидеть и в творчестве знаменитого советского писателя и педагога Антона Макаренко. Например, в своей «Книге для родителей» он описывает становление характера четырёхлетнего советского мальчика Васи. Вася вливается в дворовый коллектив и оказывается вовлечён в «войну» двух групп мальчишек за обладание пустырём—«кучугурами». «Их территория была отравлена семенами войны. Вася до сих пор не принимал участия в коллективных выступлениях местных молодых сил, но он уже подходил к „призывному возрасту“, и военные дела его занимали. Среди мальчишеской общественности уже в течение нескольких дней проходили горячие дебаты по поводу напряжённого положения на „кучугурах“. Война должна была начаться не сегодня завтра»[7].

Причём Вася включается не только в конфликт, в «горячих дебатах» по поводу которого он не участвовал, но также получает готовую иерархию, которой легко подчиняется: «Признанным главнокомандующим во дворе был Серёжа Скальковский, ученик пятого класса, сын приёмщика вагонов». Воплощение власти, Серёжа Скальковский имеет не только правильное пролетарское происхождение—его отец участвовал в Гражданской войне и имеет орден Красного Знамени; таким образом, Серёжа воплощает собой преемственность с героическим прошлым, он белокур и требует «порядка».

Хотя автор и упоминает какие-то дебаты, но в повествовании мы дебатов не видим, все главные решения принимает сам Серёжа, он «свирепо приказывает», цыкает, распоряжается, назначает аресты и «расстрелы», но также и жалует—раздаёт должности и чины.

Почему с другими мальчишками надо обязательно воевать, такой вопрос на обсуждение не ставится. А раз уж надо воевать, то нужны дисциплина, иерархия, единоначалие. А раз нужно всё это, значит, нужно встать в строй и выполнять приказы. Но разве не для того отец Серёжи Скальковского воевал на Гражданской, чтобы сломать старую иерархию, чтобы массы безгласных рабов обрели голос? Почему же к моменту написания книги Макаренко они снова превратились в безмолвное стадо, на которое можно цыкать, которому можно «свирепо приказывать»?

Взрослые привыкали лицемерить и жить на два ума: говорить на собраниях одно, а на кухнях—другое. Помните слова бургомистра из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»? «Да чёрт с ней, с правдой…»—и далее по тексту.

Но подростки и молодёжь искренне воспринимали ритуальные слова о революции и коммунизме. Культурный официоз прославлял революционеров разных эпох и стран, объявлял, что делать революцию—это высшее призвание

4. *Крапивин В.* Мальчик со шпагой. М.: Детская литература, 1976. С. 84.
5. Там же. С. 127.
6. *Троцкий Л. Д.* Бюллетень оппозиции. 1937. №58–59. С. 2.
7. *Макаренко А. С.* Книга для родителей. Киев: Радянська школа, 1987. С. 128.

человека, охотно цитировал самые смелые и радикальные высказывания Ленина и его соратников. Но тут же оговаривался, что в России революция (как и победа в Великой Отечественной войне) уже свершилась, что революция — это только прошлое, но никак не будущее и, упаси Господь, не настоящее страны. Стало быть, от детей и молодёжи требуется только хорошо учиться и работать, слушаться учителей и начальников, то есть быть примерными обывателями.

Так возникал удивительный моральный конфликт: так кем же надо быть в «стране победившего социализма»? Революционером — нельзя, а обывателем — стыдно. Политика для широких масс превратилась в ролевую игру. Приобщение к революции происходило при помощи ритуалов, в игровой форме: через пионерские и комсомольские атрибуты и символы, культурные мероприятия, через чтение героико-патриотических романов и просмотр фильмов.

Весьма характерен фильм «Приключения Петрова и Васечкина» (1983, 2 серия), в котором школьники так переживают за героев фильма «Белое солнце пустыни», что прыгают на экран и попадают прямо внутрь кино. Эпизод начинается с песни:

> Приключенья, приключенья!
> Где дуэли и где погони?
> Ах, как хочется приключений!
> Почему их всё нет и нет?

В мультфильме «Орлёнок» (1968) пионер попадает «в революцию» прямо из музея и, попутешествовав и погеройствовав в собственной фантазии, возвращается назад («Каждый должен быть на своём посту»). Но каков может быть пост вернувшегося в брежневский СССР пионера? Почётный караул у Вечного огня? Общество декларирует свою связь с революцией, но революцией не занимается. Революция — это священная старина, в которую можно играть.

Вот почему для членов пионерского клуба «Эспада» из крапивинского романа так важно пройти маршем вместе с парадом девятого мая: это единственный способ символически приобщиться к Октябрю и Победе и поддержать существование формально распущенного отряда. И снова на первом плане — атрибуты и символы:

«— Ну, мы же всё равно отряд. Соберёмся и пойдём на парад сами. Со знаменем. Юнармейцы собираются, секция картингов тоже, а нам разве нельзя?

Словно эхо марш-атаки отозвалось в Серёже. Он даже зажмурился на миг. В блеске клинков и горнов представился ему строй „Эспады"… Но разве это возможно?

— Разве всех созовёшь? — сказал он.

— Барабанщики — все»[8].

Повторюсь, я вовсе не отрицаю значение символов и групповых ритуалов. Скажем, революционеры-подпольщики в царской России пели на сходках революционные песни, эти же песни пели узники сталинских лагерей, можно вспомнить какие-нибудь комичные красные шаровары или рулон лампасов, подаренные за геройство бойцу Гражданской войны. Но важно понимать, что революционеры, наряду с пением песен, ещё и *делали революцию*.

Ритуалы важны тем, к каким идеалам они отсылают. Скажем, царские офицеры могли умереть за свои погоны, а фашисты могли умереть за свой флаг, но для первых погоны были символом их привилегированного положения и всего основанного на неравенстве строя, а для вторых флаг являлся символом превосходства «арийской» расы и идеологии германского расизма. Важны не символы, а идеалы, и чтобы не произошло подмены, важно чётко артикулировать эти идеалы.

Скажем, после ельцинского переворота и принудительного развала СССР и отказа от советской идеологии и атрибутики армии был оставлен красный флаг с пятиконечной звездой. Но разве, сохранив флаг, армия не изменила своей присяге? Армия под прежним флагом теперь защищала не советский строй, а строй периферийного капитализма, основанного на приватизации (разворовывании) государственного достояния и существовании в качестве части «третьего мира», ресурсного придатка Западной Европы. Как отмечала Наоми Кляйн, «„третий мир"… всегда существовал для удобства „мира первого"».

Организация вне заданных рамок

Ещё один характерный эпизод из романа «Мальчик со шпагой». После того, как из-за происков домоуправления клуб «Эспада», в котором ребята занимались фехтованием, был закрыт, их куратор-комсомолец уехал. Отряд распался, но его участники решают собираться и тренироваться неформально, и это вызывает тревогу у протагониста повести Серёжи Каховского. Почему?

«Отлично дрались! Красиво, энергично. Свист и звон разлетались от клинков.

Но они были без масок! И даже без курток!»[9]

Думается, автора страшит не только детское фехтование без защиты, но и возможность неформального молодёжного объединения, не находящегося под надзором соответствующих организаций.

Однако уже в повести «Колыбельная для брата» (1978) авторская позиция несколько меняется. В этой повести школьный отряд, находящийся под бдительной опекой учительницы-формалистки, занимается чисто бюрократической

8. *Крапивин В.* Указ. соч. С. 296.

9. Там же. С. 278.

деятельностью, видимо, благотворно влияющей на отчётные показатели, но на деле внутри отряда нет настоящего товарищества.

Один из ребят в итоге заявляет на сборе: «Наше объединение носит формальный характер... Пока на нас орут, мы делаем то, что велят, а без няньки и кнута ни на что не способны». Это довольно смелое заявление, если применить его к советскому обществу в целом. Ведь и правда народ оказался отодвинут от политики, от участия в управлении страной. Все управленческие функции присвоила себе партия. Народу оставалось лишь единодушно голосовать за спускаемые сверху и принимаемые кулуарно решения руководства.

Но какие выводы делает Крапивин из своей смелой позиции? Он предлагает перейти от формально-бюрократической педагогической деятельности к более общественно-свободной. Но чем, собственно, занимаются неравнодушные герои Крапивина, какие подвиги они совершают?

По большей части они выбирают в качестве врага хулиганов, шпану. Так поступают Серёжа Каховский из «Мальчика со шпагой» и Кирилл Векшин из «Колыбельной для брата». Мишень весьма удобная, поскольку с хулиганами можно вполне героически драться и при этом не оказываться в конфликте с существующей системой.

«— Дураки вы,— сказал Серёжа.— Вы думаете, на вас управы не найдётся?

— Милицией пугаешь, гад?— прошипел Гусыня.— Не пугай, мы там были — и ничего, так же дышим.

— Значит, никто вам не страшен?— с насмешкой спросил Серёжа.— Значит, вы сильней Советской власти?

Киса хихикнул:

— Это ты — власть?

— Я не власть. Но она за меня, а не за вас. А вы — плесень»[10].

Итак, можно вволю бороться со шпаной и даже с криминалом, лишь бы не посягать на власть, на партию. Ещё можно вдоволь критиковать различных администраторов. В «Мальчике со шпагой» врагами «Эспады» становятся представители домоуправления, уличного комитета, районного отдела народного образования. Но им противопоставлены однозначно положительные представители милиции, комсомола, прессы.

Спор с мещанством

Ещё один весьма характерный приём — противопоставление плохих низовых бюрократов хорошим высшим. И в «Мальчике со шпагой», и в «Колыбельной для брата» учителей-тиранов одёргивают мудрые директора школ. Весьма красноречивы в этом смысле и фамилии некоторых персонажей. Комсомолец Олег, мудрый руководитель «Эспады», носит фамилию Московкин. Злодей такой фамилией в советском романе наделён быть не мог, это говорит о безусловном признании Крапивиным авторитета центральной московской власти.

Также можно бороться с обывателями и обывательщиной, противопоставляя мещанским установкам возвышенные коммунистические фразы. Тогда ещё мещане не смели их оспаривать. Власть, по крайней мере внешне, была на стороне высоких фраз, хотя и не превращала их в дела.

Вчитайтесь в формулу, произнесённую Серёжей Каховским: «Я не власть. Но она за меня». Это очень важно. Именно так и ощущали себя советские граждане. Они понимали, что не являются хозяевами своей страны (вспомните комическую речь товарища Дынина: «Дети, вы хозяева лагеря...»), но, во всяком случае, верили, что партия заботится о них. На этом и был основан советский компромисс: народ устраняется от управления страной, но зато государство заботится о материальном благополучии народа.

Просто в определённый момент власть вдруг наплевала на это благополучие. И привыкший к покорности народ не нашёлся чем возразить. Он слишком привык помалкивать: пусть делают что хотят, мне что, больше всех надо? Теперь мы по-прежнему «не власть», но теперь она ещё и не «за нас». Как быть в таком случае? «Вожди и пророки народа ушли в кабак, в публичный дом»[11],— сказал как-то по иному поводу Горький. Он говорил тогда о разложении демократической интеллигенции девятнадцатого века. Увы, то же произошло и с революционной интеллигенцией двадцатого века.

«Внезапно» оказалось, что комсомол прогнил ещё сильнее партии. Он стал точкой притяжения молодых карьеристов, рвачей и коммунистических ханжей. На эту тему смотрите фильм «ЧП районного масштаба» (1988), а ещё лучше — спектакль «Кресло» (1987). Один из героев пьесы говорит: «Иной раз не поймёшь: то ли райком для молодёжи, то ли молодёжь для райкома». Можно ведь и заострить: то ли государство для народа, то ли народ для государства.

Как быть, если статьи в газеты писались по шаблону? если партия начала срастаться с «теневым сектором экономики»?

Вступив во дворе в конфликт с хамом Дзыкиным, Серёжа Каховский задумывается: «Кто же виноват, что среди людей попадаются такие дзыкины? Они вредят, гадят, хапают. И не всегда по злости, а потому просто, что им наплевать на всех, кроме себя. И кроме таких же, как они»[12].

Откуда берутся дзыкины? А именно из той социальной апатии, которая постепенно овладевала

10. Там же. С. 127.

11. См. *Горький М.* Разложение личности.

12. Там же. С. 54.

советским обществом… пока не овладела совсем и не удушила его. И модель мещанского поведения по большей части задавала сама власть, высшая бюрократия, не гнушавшаяся материальных благ, смотревшая свысока на простой народ. Социальная активность простых людей в советском обществе оказалась вытеснена вниз. На уровне двора можно погеройствовать, спасти от Дзыкина детский мячик—и только.

Театральное геройство

Молодым людям, деятелям культуры, хотелось выглядеть бунтарями и революционерами, но всё это опять же превращалось в игру. Неудивительно, что популярнейшим поэтом в позднем СССР стал Высоцкий. Кир Булычёв в одном из рассказов поставил его даже выше Ленина[13]. А между тем Высоцкий—профессиональный актёр, и его бунтарская, непокорная натура—это лишь одна из его сценических масок.

На сцене он изображал то вора Хлопушу, то Гамлета. А в жизни? Вспомните стихотворение Высоцкого «Памятник»:

> Я при жизни был рослым и стройным,
> Не боялся ни слова, ни пули
> И в обычные рамки не лез…

В чём же заключались рослость и стройность Высоцкого, его выход за рамки? В пьяном разгуле и в употреблении наркотиков, в том, что он позволял себе хулиганить на сцене и на съёмочной площадке, слегка меняя роль? Да, ещё он ездил в экспедиции и ходил в горы.

Ох, эти экспедиции и горы! Ох, этот туризм! Интеллектуалы уходили в леса и там пели героические песни у костра…

> Как все, мы веселы бываем и угрюмы,
> Но если надо выбирать и выбор труден—
> Мы выбираем деревянные костюмы,
> Люди! Люди!..

Но Высоцкому никто «деревянных костюмов» не предлагал, да и не за что было предлагать. Он не был бунтарём и даже в песнях своих знал меру и за рамки не лез.

Очень здорово по поводу бардовщины, туризма и советского шестидесятничества высказался филолог Андрей Аствацатуров. Шестидесятники, «люди, которые слушали бардов, которые слушали Высоцкого», усвоили себе «особый культ мужественности» и подражали Хемингуэю и его героям. Но культ мужественности, который создали себе барды, Высоцкий, Визбор и те, кто их слушал, «не был настоящим, он был формой компенсации». Мужество требовалось «у себя дома, где они не могли быть мужественными, на работе с ужасными жуткими начальниками», но в быту, в обществе «они вели себя очень нехрабро». И альпинизм, и рыбалка были формой бегства: «там легко было быть мужественными, штурмовать какие-то перевалы… Это было формой компенсации»[14].

Легко быть храбрым вместе с начальством или вдали от начальства. А вот быть храбрым против начальства—это было им не по силам.

Не случившийся Интернационал

Хорошо, допустим, СССР совершил свою революцию, и его героическая история навек закончилась. Но как быть с остальным миром? Ведь и после Второй мировой войны мир сотрясался от революций, империалистических и национально-освободительных войн. Бородачи Фиделя маршировали по Санта-Кларе, американская авиация бомбила Вьетнам, боевики RAF расправлялись с бывшими нацистами, студенты строили баррикады на парижских улицах… Может быть, стоило переключить революционную энергию советских идеалистов вовне? Этого не произошло.

Один старик рассказал мне, как, воодушевлённый вестями о подвигах Че Гевары, он просил отправить его добровольцем на Кубу, но в местном отделе комсомола ему объяснили, что никуда ехать не надо. К старости он уже успел стать законченным обывателем-антикоммунистом. Но, думается, начало такой его идейной эволюции было положено именно в отделе комсомола.

Когда Крапивин писал свою книгу, мир потрясли известия о фашистском перевороте в Чили. Законно избранное социалистическое правительство Сальвадора Альенде оказалось свергнуто военными, которые направлялись и поддерживались Вашингтоном. Генерал Пиночет, провозгласивший себя диктатором, устроил народу Чили беспримерную мясорубку, превратив страну в одну сплошную камеру пыток.

Какое отражение эти события нашли в романе, как на них отзываются герои? Выясняется, что друг Серёжи Каховского Генка переписывался с мальчиком из Чили, а старший брат Генки был там со студенческой делегацией. Вот и всё. Серёжа и Генка, конечно, негодуют по поводу фашистского переворота, переживают за судьбу чилийского мальчика. Серёже даже снится сон о том, что он оказывается в Чили…

Да, поучаствовать в борьбе с фашизмом, в освободительных гражданских войнах советские граждане могли разве что во сне или символически: присоединяясь к санкционированным свыше демонстрациям, письмам, заявлениям и т. д. В мире бушевали войны и революции, а советское общество продолжало киснуть в пределах «отдельно

13. См. его рассказ «Единая воля советского народа».
14. *Аствацатуров Андрей.* Эрнест Хемингуэй. https://godliterature.ru/articles/2017/07/21/andrey-astvacaturov-yernest-kheminguye

взятой страны». Никто уже не собирался «идти воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Это ещё при «раннем» Сталине можно было отправиться воевать в Испанию. С тех пор советское правительство отказалось от идеи мировой революции, которой до конца жизни служил Ленин и до определённого момента Сталин.

Наследие Октября

Тем не менее СССР до самого конца оставался если не двигателем, то по крайней мере символом мировой революции, освобождения мира от оков капитализма. И когда оттепельный энтузиазм окончательно потонул в застойном маразме, когда в советских гражданах и в народах мира рухнула вера в то, что СССР является проводником мировой революции, тогда рухнула и сама система.

Да, Советский Союз всё более превращался в общество спектакля (спектакля, несколько отличавшегося от того, который разыгрывали для своих граждан капиталистические правительства), в общество тотальной лжи. Очень ярко это господство лжи показано в фильме Шахназарова «Курьер». Но всё же тотальность лжи была обусловлена силой октябрьского наследия, его влиянием, и это влияние Октября, влияние революционных идей сохраняется в советском искусстве и даже, может быть, где-то за его пределами.

В какой-то момент игра, в которую было погружено советское общество, стала отрываться от действительности, приобретать самодовлеющий характер. Люди стали играть не только в революцию, но и в царскую Россию, в православие, в Киевскую Русь, в «Русь изначальную», в эзотерику.

И снова роман Крапивина даёт нам любопытные иллюстрации. Пионерский клуб «Эспада» построен вокруг занятий фехтованием. Но фехтование это—не совсем спортивное, не классическое. То есть ребята занимаются им не ради спортивной карьеры, а, скорее, из интереса к старине. Они восхищаются мушкетёрами и рыцарями, даже снимают исторический фильм про мушкетёров, где черты романов Дюма переплетаются с современными реалиями.

«На экране зрители увидят красивую белую крепость, в которой укрылся от врагов и ночной непогоды хитроумный кардинал Ришелье. Там он строит козни против трёх мушкетёров и маленького их товарища—д'Артаньяна»[15].

Ещё крапивинским мальчикам нравятся рыцари, Серёжа Каховский интересуется археологией и старинной архитектурой и строит у себя дома модель средневекового замка. Привлекают крапивинских героев и парусные суда.

В поисках благородства

Почему же герои Крапивина так редко вспоминают про романтику и героику Гражданской войны, Октября и любых других революций? Может быть, потому, что взять такую тему—значит, оказаться под бдительным партийным контролем, а может, и потому, что революции—это не дело одиночек, а движение широких масс. Описываемые же Крапивиным сообщества стоят гораздо ближе к субкультуре. Как бы то ни было, мушкетёров и рыцарей трудно назвать подходящими ориентирами для советской молодёжи.

Поведение мушкетёров в знаменитом романе Дюма находится где-то на грани разбоя. Благородство средневековых рыцарей также граничило с хищничеством. Да и персонажи Стивенсона не прочь попользоваться награбленными сокровищами, то есть пользуются плодами пиратства.

Не исключено, что многие участники бандитских группировок девяностых в детстве зачитывались романами Дюма. Ведь и фильмы «Бригада» и «Бумер» в чём-то повторяют сюжетную схему «Трёх мушкетёров».

Можно также вспомнить фильм «Каникулы Петрова и Васечкина» (2 серия), где Васечкин вдохновляется подвигами Дон Кихота и решает стать рыцарем. Романтик Васечкин показан в фильме комично, ему противопоставлен более практичный Петров, но именно Васечкин создаёт сюжет и тащит за собой приземлённого Петрова по дороге приключений.

В финале Васечкин поёт:

> Что может быть печальней,
> Чем комнатный уют,
> Коль ветры странствий дальних
> На подвиги зовут?
>
> Как трудно удержаться
> И не попасть впросак,
> Так хочется сражаться,
> Сжимая меч в руках.

Советская молодёжь была весьма романтически настроена, стремилась к подвигу, охотно впитывала благородные идеалы, но, будучи отодвинута от действительных подвигов, от действительной борьбы, искала окольные выходы для своего романтизма.

Сам Крапивин руководил в Свердловске разновозрастным отрядом «Каравелла». Считается, что из экспериментальной педагогической деятельности подобных клубов и родилось так называемое ролевое движение. Молодые люди стали выезжать на природу и обыгрывать различные исторические, а со временем и фантастические сюжеты.

В начале девяностых ролевое движение было захвачено интересом к творчеству Джона Толкина и на какое-то время практически отождествилось с толкинизмом. Революционные символы были полностью удалены из жизни молодёжи, и их

15. *Крапивин В.* Указ соч. С. 219.

место с лёгкостью заняла сказочная фантастика Толкина. Увы, глубинное содержание толкинских сказок было далеко не безобидным: за поверхностными призывами к борьбе со злом во имя добра в них скрывались реакционные и авторитарные установки. Об этом я уже подробно писал.

Современность советского искусства

Теперь давайте подведём итоги. Советское искусство сохраняло общегуманистические установки, но, начиная с тридцатых годов, постепенно двигалось по направлению от революционных коммунистических идеалов, делая их всё более условными, всё более выхолощенными. И в этом движении советское искусство скорее сближалось с гуманистической линией буржуазного искусства, возвращалось в его колею[16], что в общем соответствовало сталинским и хрущёвским установкам на сотрудничество с буржуазным Западом.

Отдельные советские авторы в отдельные периоды своей творческой биографии могли осуществлять попытки оживить эти идеалы, вернуться к ленинским нормам, воспротивиться общему сползанию, но тенденция оставалась прежней.

Несмотря на сказанное, советское искусство в любом случае остаётся более левым, более прогрессивным и гуманистическим, чем нынешнее российское искусство, идеологически приближающееся к фашизму. Поэтому при оценке содержания того или иного художественного произведения следует учитывать его прогрессивные и реакционные составляющие.

Далее, в советском искусстве следует различать «взгляд вовне» и «взгляд внутрь». Произведения, посвящённые критике мира капитализма, были довольно проницательными и лишь прибавили в актуальности после развала СССР и перехода России к рыночной экономике. Произведения вроде «Незнайки на Луне» Носова не уступят в остросоциальности нашумевшим «Паразитам» и «Джокеру». А советские пропагандистские антиамериканские мультфильмы вызывают сегодня одобрение у самой американской аудитории.

Скажем, под мультфильмом «Миллионер» на стихи С. Михалкова в Интернете[17] можно прочесть следующие комментарии на английском языке: «Это не пропаганда — это документалистика» или «По иронии судьбы, этот пропагандистский фильм более правдив, чем все СМИ сегодня». А под мультфильмом «Тир»[18]: «Я покажу это своему боссу в следующий раз, когда буду требовать повышения зарплаты» или «Это более искусство, чем пропаганда».

Увы, когда дело доходило до описания жизни в самом СССР и её противоречий, то советское искусство начинало говорить такими туманными намёками, которые были ясны далеко не всем, сатира становилась беззубой. Тем не менее, хотя советское искусство старалось изображать лишь светлые стороны советской жизни, сглаживать углы, оно не было абсолютно лживым в этом отношении и кое о чём может нам рассказать.

Мы можем взглянуть на жизнь людей иного, уже далёкого от нас общественного строя, чтобы понять, чем отличались человеческие отношения, как строился быт при советской плановой системе, каков был нравственный облик тех людей.

Но заметьте, что эти люди не были готовы к сопротивлению окружающей среде, да, может быть, и не испытывали в этом нужды. Бунт, сопротивление обществу оставались вне поля зрения советского искусства или изображались им исключительно в мрачных тонах. Советское искусство может привить некоторые возвышенные идеалы, но не учит за них бороться, сопротивляться и в конце концов побеждать, хотя, казалось бы, старые большевики знали об этом больше многих.

Увы, история большевизма, опыт большевиков оказался в советской культуре сильно искажён, предельно мифологизирован. Так что изучать его придётся по иным источникам.

Надеюсь, что данные здесь рекомендации помогут вам лучше понять советское искусство, взять от него лучшее и превратить его в полезный инструмент сопротивления современному буржуазному масскульту и психологии потребления. Тем не менее не следует ограничиваться исключительно потреблением образцов давно умершей культуры — необходимо создавать новую, отвечающую требованиям исторического момента, требованиям нашей современной борьбы. Ведь даже Ренессанс не был простым копированием античных образцов.

Поэтому и возрождение советского наследия, о котором мечтает значительная доля (если не большинство) россиян, должно быть не реставрацией, не реконструкцией, не ролевой игрой, а рождением чего-то неизбежно нового. Давайте двигаться вперёд, товарищи!

Весна 2021

16. Впрочем, философ Герберт Маркузе, например, утверждал, что каких-то самостоятельных ценностей у марксизма и нет, напротив, марксизм изначально претендовал на осуществление гуманистических идеалов, провозглашённых философами-просветителями (см. его «Soviet marxism: Critical analysis»).
17. https://www.youtube.com/watch?v=jETJt_zbnKk
18. https://www.youtube.com/watch?v=LRSsybt9wAo

Анастасия Антонова

А вы знали, что…

Замечательный пловец!

Я на море! Я плыву!
За волной ловлю волну.
Я руками подгребаю,
С головою вглубь ныряю.

Слышу: «Вот так молодец!
Замечательный пловец!»
И не важно, что живот
По песку пока плывёт!

Секреты лета

Как здорово, как весело
Болтать ногами, свесив их,
Сидя на крылечке
Домика у речки!

Я вслушиваюсь в лето,
Я всматриваюсь в лето!
Ведь каждый год у лета
Полным-полно секретов!

Секреты разноцветные—
Клубничные, букетные.
Секреты дребезжащие,
Звенящие, жужжащие.

Секреты загорелые,
Летящие и смелые.
Секреты утомлённые
И жарким днём сморённые.

Секреты пахнут яблоком
И скошенной травой.
Секреты обжигают нас
Студёною водой!

Одно известно точно:
Пока живут секреты,
Не спрячется, не скроется,
Не завершится лето!

Мир на ладони

Мир на ладони грибника—
Лисичек полная рука.

Мир на ладони сладкоежки—
В глазури сахарной орешки.

Мир на ладони садовода—
Мозоли и дары природы.

Морковь и яблоко в ладони—
Мир доброты для друга пони.

А для кондитерской руки
Не будет мира без муки.

Цветочный мир—в руках флориста,
Мир звуков—в пальцах пианиста.

Для мамы мальчика Серёжки
Весь мир—в Серёжкиной ладошке!

Матроски

Платье в полоску
Плюс платье в полоску.
Дяди—матросы?
Мы с мамой—матроски!

Ножки—в сандалики,
Волосы—в коски.
За руки держимся
На перекрёстке.

Море приветливо
Волны качает,
Море нас с мамой
Легко замечает:

Что за чудесные
Платья-тельняшки!
Что за прелестные
Гости-двойняшки!

Секрет

Загадка

Во мне один большой секрет:
Кто смотрится в меня,
Легко увидит свой портрет
В любое время дня.

Второй секрет вам расскажу:
Само себя не отражу!

А вы знали, что…

А вы знали, что коала
Обожает эвкалипт?
А вы знали, что коала,
Обнимая ветви, спит?

У неё на брюшке сумка,
В сумке носит не спеша
Не бананы, не игрушки,
А коалу-малыша!

Прохожий пёс

Прохожий пёс,
Голодный пёс
Держал по ветру
Влажный нос.

И нос привёл
В кафе «Гурман».
А там… зубастый
Доберман!

Но доберман был
Добербряк:
— Лови котлету!
Просто так!
Аф!

Малышка и кошка

Нам встретилась в парке
Чудесная кошка,
И кошка была
Одинокой немножко.

И всем своим видом
Давала понять,
Что с нами готова
Сегодня гулять.

На кошкино счастье,
И наша малышка,
Одетая в шапочку
С ушками мышки,

Нам всем своим видом
Давала понять,
Что с кошкой готова
Сегодня играть.

Идёт за малышкой
Чудесная кошка
И трёт свою спинку
О ножки немножко.

За кошкой ступает
Вприпрыжку малышка,
И чешет за ушком,
И гладит усишки.

Малышка и кошка
Идут друг за дружкой.
Вот так появляются
В парке подружки!

Наш дом—Красноярье

Сочинения участников краевого литературного конкурса

Таисия Беленя

3 класс, 9 лет

Нет места ругани и злости…

Когда меня спросили, что для меня дороже всего, я, не задумываясь, ответила: конечно же, семья. Мои родители—это главные люди в моей жизни: не было бы их—значит, не было бы меня и моих братьев и сестёр, тогда бы эта история не имела счастливого конца.

Сейчас я вам расскажу о моей семье и почему я ею дорожу. Моя семья состоит из пяти человек: мама Катя, папа Денис, сестра Надя, брат Федя и я. Дороже всех для меня мама, она для нас всё делает; когда я о чём-то её прошу, она мне никогда не отказывает. Не подумайте сейчас, что я говорю только о вкусностях из магазина или об игрушках и подарках. Она мне помогает во всём: даёт советы, делает подсказки, когда я выполняю домашнее задание, шьёт для меня костюмы на праздники, заботится обо мне, не даёт нам скучать. Я её очень люблю и благодарна ей за всё. После мамы самым дорогим для меня человеком является папа. Правда, нам удаётся с ним видеться обычно, только когда он на ночь читает книжку или на выходных, когда он не работает. На двадцать третье февраля я подарила ему подарок—открытку, я её сама сделала на уроке технологии, она сделана с любовью. В моей семье нет места ругани и злости, мы все друг друга любим и уважаем, потому что нет ничего дороже и роднее семьи.

Тимур Галиулин

14 лет

Моя малая родина—посёлок Тинской

«…Ах ты, станция Тинская, далека ты от столиц, а вокруг тайга без края и неволя без границ…»

Среди необъятных сибирских лесных просторов начал строиться и расти наш посёлок. Первые дома появились в 1869 году, он назывался—Выселок Тины. Через посёлок протекает речка Тинка—приток Поймы, в которой я люблю со своими друзьями купаться летом.

Я хочу своё сочинение построить как обзорную экскурсию по своей малой родине.

Главную улицу, Мира, заселили в основном ссыльные литовцы, которые выделялись своим трудолюбием и добродушием. Здесь же расположился шпалозавод, а лес отправляли в Ташкент. В леспромхозе были своя бензозаправка, гараж, боксы для машин, инструментальная мастерская, пилорама и кузница. На месте домов Фомич, Пронович проходила дорога на мельницу к речке Тинка, куда со всех окрестных деревень приезжали молоть зерно. Здесь же, на улице Мира, находилась старая пекарня.

В конце девятнадцатого столетия началось строительство Транссибирской магистрали. Станция Тинская была построена в 1898 году. До Октябрьской революции она входила в небольшой посёлок, состоящий в основном из ссыльных. Здесь останавливались все поезда, чтобы набрать воды. Для пассажирских поездов вода нагревалась в здании музыкальной школы. При вокзале был буфет. В военные годы станция была военизирована. Работали в основном женщины, так как мужчины были на войне! День и ночь трудились женщины: укладывали шпалы, разгружали вагоны, носили воду,—в общем, выполняли всю мужскую работу.

По станции каждый раз проходили эшелоны с оружием, продовольствием, ранеными солдатами. В здании ТСОШ №2 располагался госпиталь. Всё это время станция работала без перерыва. Затем построили виадук. Родители учеников написали в Москву письмо с просьбой о строительстве пешеходного моста и получили положительный ответ.

В шестидесятых годах появились первые электрички, а раньше ходил пригородный электропоезд из трёх вагонов! А сейчас они являются главным транспортом для основной части жителей, чтобы доехать до Красноярска.

Дальше—Тинское профессионально-техническое училище №69. В первые годы своего существования училище занималось подготовкой трактористов, машинистов и водителей автомобилей. Для нормальной работы коллективу инженерно-педагогических работников и учащихся пришлось проделать большую работу по созданию

учебно-материальной базы. За время существования училища многое изменилось: все преподаватели стали высококвалифицированными; кабинеты оборудованы и полностью оснащены наглядными пособиями и техническими средствами обучения; имелись мастерская слесарного дела, машинный двор, ремонтная мастерская, гаражи.

Для повышения культурного, физического и идейного уровня, а также хороших бытовых условий в училище имелись библиотека, стрелковый тир, спортивный зал, стадион, общежития и столовая. Были созданы все необходимые условия для практического закрепления знаний, полученных на уроках теоретического обучения. За годы существования училище подготовило более 12 000 специалистов сельского хозяйства и транспорта; также училище готовило поваров, продавцов-кассиров.

Дальше расположен психоневрологический интернат. Санчасть находилась в маленьком деревянном домике: отопление печное, дрова сырые, всё дымило, повсюду тараканы. За медикаментами ездили на лошадях в аптеку села Тины. Больные поступали только из Красноярского края. Много было детей шестнадцатилетнего возраста, в основном умственно отсталых из детских домов, некоторые не разговаривали, поэтому на спине клеили лейкопластырь и на нём писали фамилию больного. Ходили в основном все в телогрейках и кирзовых сапогах.

Постепенно территория интерната расширялась. Создали библиотеку, поставили телевизор, сделали котельную, водонапорную башню. Построили дом для трудотерапии, в котором находился швейный цех. Заимели небольшое подсобное хозяйство.

Открылась вспомогательная школа-интернат. Ребята после выпуска работали помощниками машиниста, столярами, доярками и шофёрами. На сегодняшний день там учится более ста человек.

Продвинувшись далее, мы видим смолозавод, который был построен среди дремучей тайги На заводе вырабатывали смолу, дёготь и скипидар.

В пятидесятых годах образовалась автоколонна, состоящая из самого завода и мастерских, где ремонтировались двигатели и автомобили, а на территории современного завода был пустырь. Началось строительство деревянных цехов, стали приезжать люди, приобреталось новое оборудование, станки. Позже построили кузнечный цех, разборно-моечный участок. На заводе происходил ремонт крановых установок, автобусов, изготовлялся широкий ассортимент деталей. Завод разрастался, появлялись новые цеха: электроцех, гараж, столярка, котельная.

Началось строительство жилых домов. С этой целью был построен кирпичный завод. Позже построили очистные сооружения, теплицу, постройки для подсобного хозяйства. Строились жилые дома и коттеджи. В это время завод был в расцвете сил, но недолго, до времён перестройки. И сейчас, глядя на остатки завода, у меня сжимается сердце от боли, ведь многие мои родственники потеряли работу.

На месте учебного здания образовательной школы по улице Первомайская располагались конный двор и контора леспромхоза. Леспромхоз снабжал лесом пять заводов: Улан-Удэ, Конотоп, Вологду, Тбилиси и Красноярск.

Мы идём мимо высокого и красивого здания новой школы. В шестидесятых годах был объявлен всесоюзный сбор металлолома среди школ по Нижнеингашскому району. Первое место заняла Тинская школа, учащиеся собрали шестьдесят тонн металлолома. Обучающиеся обратились к начальнику железной дороги с просьбой построить электровоз. Первого сентября 1964 года из города Иланск прибыл электровоз с надписью: «Построен из металлолома, собранного учениками школы станции Тинская». В следующем году собрали столько металлолома, что были сделаны четыре комбайна. Я горжусь, что мой дед принимал в этом участие. Бабушка рассказывала, какой дух соревнования был на мероприятиях по сбору металлолома и макулатуры.

В пятидесятых годах в районе РМЗ была только маленькая начальная школа, которая располагалась в двух зданиях. Окончив четыре класса, учащиеся переходили в школу №2. Посёлок рос, и школы не стали вмещать в себя всех учащихся. Решили строить новую школу.

В сентябре 1962 года двухэтажное здание распахнуло двери перед ребятами, в 1977 году школа переехала в современное кирпичное здание. В этой школе я тоже учился!

Общая численность жителей моего посёлка — приблизительно 3750 человек. На территории посёлка расположены ОАО РЖД, производство лесоперерабатывающей продукции, развивается предпринимательская деятельность. Действуют две общеобразовательные школы, три детских сада, две амбулатории, пожарная часть, два филиала аптеки, почта, коррекционная школа-интернат, психоневрологический интернат, Дом культуры, библиотеки, полицейский участок. На территории посёлка расположены шестнадцать магазинов. Жаль, что в наше время посёлок уже потерял былую красоту и значимость.

Я думаю, что я смог рассказать всё о посёлке Тинской — от основания до наших дней.

При написании сочинения возникли трудности с поиском информации по истории моей малой родины. Бóльшая часть материала получена из личных архивов жителей посёлка и воспоминаний старожилов. Моё сочинение — это ценнейшая биография населённого пункта Нижнеингашского района — посёлка под названием Тинской.

Милена Глушнева

5 класс

С любовью к родному посёлку…

Часто любимым городом, посёлком, районом называют то место, где промчалось детство человека, ведь именно с детством у большинства людей возникают самые добрые воспоминания. Сколько бы ни было лет человеку, он всегда помнит какие-то моменты из своего прошлого, а вместе с ними и места, где они происходили, то есть в любимой сторонке.

Такое место есть и у меня… Это мой посёлок Поймо-Тины Нижнеингашского района…

Это удивительное, красивое место находится в трёхстах пятидесяти километрах от города Красноярска. Просторные густые леса богаты дичью, грибами, ягодами… Широкие поля, засаженные от края до края пшеницей, простираются здесь. Наш посёлок расположен возле озера Кирпичка, которое является лучшим местом для отдыха в летнюю жару. Это озеро—особое место, о нём в давние времена сочинялось много преданий и сказок. Глядя на водную гладь, хочется просто молчать, ни о чём не думать, просто молча смотреть на воду и чувствовать лёгкое дуновение ветерка. Окружающая природа позволяет слиться с ней воедино и проникнуться её красотой.

А если пройтись по улицам нашего посёлка, то можно по фасадам домов, по палисадникам узнать, кто здесь живёт.

Ярко выкрашенный маленький домик, в палисаднике красивые цветы, аккуратные дорожки во дворе—видно, что здесь живёт трудолюбивый человек. Он привык во всём поддерживать чистоту и порядок.

Также можно увидеть домик, где живут люди с достатком. В доме большие окна, в саду статуэтки гномиков и лесных животных, скамейка утопает в цветах. Часто можно видеть, как на этой скамейке сидят соседи. Они шутят, разговаривают—значит, хозяева добрые.

Ещё есть дом со сказочными животными. И смастерили их хозяева этого дома для своих детей. Домик-сказка обустроен с любовью. Сразу видно, что здесь живёт дружная семья, в которой все заботятся друг о друге, много трудятся, уважают семейные традиции. В этот дом хочется войти, посидеть в беседке, приобщиться к сказочной жизни этих людей.

А в центре посёлка стоит самый оригинальный и красивый дом, в котором живёт замечательный человек, Геннадий Аркадьевич Баланец, мастер резьбы по дереву, чьё творчество известно за пределами села, а его волшебные картины излучают добро, заряжают хорошим настроением и радостью жизни… Пожалуй, во всём нашем районе нет другого такого, равного по красоте и оригинальности отделки, дома. Сразу видно, что хозяин не просто мастер на все руки, а человек, отмеченный искрой Божьей.

Наш небольшой посёлок—это неотъемлемая частичка Нижнеингашского района. И всё, чем богата наша сторонка, вызывает у меня уважение и чувство гордости. Но ведь глубокую любовь к Родине не может испытывать человек, равнодушный к живущим рядом с ним людям. Любить свою страну—это любить и её народ. А народ—это главное богатство моей малой родины.

На нижнеингашской земле живут и трудятся люди различных профессий.

Здесь, по соседству с нашим посёлком, в деревне Горелый Борок, родился знаменитый писатель Николай Станиславович Устино́вич, а ещё провёл свои детские годы художник Андрей Геннадьевич Поздеев.

Также в нашем районе живут такие замечательные люди, как художник и поэт Виктор Псарёв, чьё творчество почитаемо и за пределами Красноярского края. Широко известно имя поэта Сергея Прохорова, автора и издателя журнала «Истоки», с которым сотрудничают всемирно известные поэты, писатели и художники. Также известно творчество Екатерины Данковой, поэта Владимира Василенко, Анны Трофимович, Григория Желудкова и многих-многих других замечательных людей.

Я горжусь этими людьми, которые находятся рядом, талантливыми поэтами и писателями, которые воспевали и воспевают любовь к родной земле, призывают любить и уважать друг друга, сохранять мир и заботиться о будущем.

Мои мама и папа выросли здесь, учились, а теперь трудятся на благо своего родного района и посёлка. Я не знаю, кем я стану в будущем. Может, мне предстоит покинуть свой дом, но я уверена: куда бы меня ни занесла судьба, я обязательно вернусь обратно, потому что здесь мой дом, здесь моё детство и моя школьная пора. Здесь нет огромного количества машин и предприятий, которые загрязняют воздух. В отличие от больших городов, мой посёлок лишён суеты, шума, километровых пробок.

Именно за такие простые, казалось бы, мелочи я очень люблю свою малую родину. Её традиции и обряды, праздники и события, важные дни—всё это уже частичка меня и каждого, кто здесь родился…

Варвара Забавина

Моя семья

На вопрос любого человека о том, что для меня дороже всего на свете, я уверенно скажу, что дороже всего на свете мне моя семья. Для меня моя семья—самое главное. Здесь меня любят, понимают,

заботятся обо мне. В семье у нас четыре человека: мама, папа, брат и я. Мы живём дружно и весело.

Мы очень любим наши семейные праздники. На них мы обычно приглашаем наших родных: дедушку, бабушек, тётей, дядей, двоюродных сестёр и братьев. К праздникам готовимся все вместе: составляем программу праздника с конкурсами и играми, шутками и сюрпризами.

Когда мне исполнилось пять лет, на мой день рождения собрались все наши родные люди. Этот день рождения я никогда не забуду, потому что папа тогда устроил для меня незабываемый сюрприз—квест. Он сам нарядился пиратом, да так, что мы его узнали не сразу. Этот пират украл мой день рождения. Для того чтобы спасти праздник, нам всем пришлось пройти много испытаний. После квеста все наши гости приняли участие в конкурсах, которые для нас провела мама. Мы надували шарики, отгадывали загадки, но больше всего понравилось с завязанными глазами срезать подарки. Подарки были упакованы в бумагу так, что не знаешь, что там спрятано, но когда развернёшь подарок, то получается неожиданный сюрприз. Это очень интересно и здорово!

А весной, когда мне исполнилось семь лет, все мои дорогие близкие родственники собрались на мой праздник в беседке во дворе. Погода в тот день было тёплая и солнечная. Беседка была празднично украшена шарами, цветами, ленточками. Мама нарядилась клоунессой. Она приготовила для нас много интересных конкурсов, в которых мы с удовольствием участвовали. Мы весело пели, танцевали, рисовали дружеские шаржи и, конечно, выигрывали призы. Потом пили чай с тортиком, я, задувая свечки, загадала желание. Праздник получился ярким и запоминающим, хотя к вечеру немного приустали. В этот день я была на седьмом небе от счастья.

Любим мы всей нашей семьёй отдыхать на природе. Никогда не забуду одну из поездок на природу. У папы тогда был ещё мотоблок. Мы заранее замариновали дома мясо, купили в магазине сгущёнку, какао и другие вкусные продукты. Мы всё это загрузили в кузов мотоблока, сами сели туда же (папа, конечно же, был за рулём) и поехали в лесок около озера. Там есть специально оборудованное место для отдыха людей: мангал, беседка. Папа на углях жарил привезённое нами мясо, аромат которого вызывал аппетит. А ещё он в котелке приготовил нам очень вкусное какао. Пока папа этим занимался, мы с мамой и моим братом Ярославом в лесочке собирали интересные шишки, листики и веточки для поделок. Потом мы с удовольствием и аппетитом съели всё, что приготовил папа. Хорошо в лесу, а когда мы выезжаем туда всей семьёй, ещё и весело!

Нравится нам всем вместе ходить в лес за грибами. Родители научили нас с братом различать съедобные и несъедобные грибы. Собирать грибы—занятие очень интересное. Я знаю, какие грибы можно положить в корзинку, а какие—нет. Принесённые домой грибы мы перебираем, готовим наваристый грибной супчик, жарим с картошечкой, делаем заготовки на зиму. Получается очень вкусно, ведь грибы мы собирали сами!

Выход семьёй на рыбалку—это для нас целая церемония. Во-первых, сначала в огороде мы накапываем червяков в баночку, во-вторых, одеваемся неярко, чтобы рыбу не распугивать, и запасаемся терпением. Терпение на рыбалке—первое дело. У каждого из нас своя удочка, сами на неё нанизываем приготовленных червяков. Интересно наблюдать, а главное, не пропустить, когда рыба начинает клевать. Удим мы рыбу удочками с берега. Помню, какой я была счастливой, когда самый первый раз пошла с папой на рыбалку и сама поймала первого карасика. Я его несла домой в садочке как что-то драгоценное. За мой первый улов все меня хвалили и называли рыбачкой, я была такая довольная и счастливая, а мне было тогда всего четыре года. С тех пор я полюбила рыбалку.

Весной мы всей семьёй с большим удовольствием сажаем в огороде овощи и цветы. А летом мы ухаживаем за нашим огородом: поливаем грядки, пропалываем сорняки. Осенью мы дружно все вместе собираем выращенный урожай. В нашем огороде растут ещё и ягоды смородины, черёмухи и виктории. Из ягод на зиму готовим вкусные компоты. Этим летом мы с братом помогали в заготовке этого сладкого напитка. Я и брат собирали в огороде ягоды, сами их перебирали и мыли (мама разрешила), сами засыпали их в банки, добавляли сахар, но кипяток заливала мама. Очень вкусненький получился компот, особенно зимой! Мы с братиком любим быть на кухне, стараемся чем-нибудь помочь маме, и она нам это порой разрешает делать.

Зимой любит наша семья выбираться в лес на прогулки, когда стоит хорошая погода. Там мы наблюдаем за природой. В лесу зимой здорово: бело, тихо и волшебно. Катание с горки на ледянках и волокушах—наше любимое зимнее развлечение. После таких прогулок мы возвращаемся домой весёлые и довольные.

У нас ещё есть один член нашей семьи—это наша собака Тайга. У нас она появилась маленьким щеночком. Мы её очень любим, а она любит нас, она охраняет наш двор. Недавно она стала сама мамой—у неё два щеночка: один похож на свою маму, а второй—на свою бабушку. Они такие интересные и забавные! У нас с Тайгой такой ритуал: когда мы уходим из дома (я—в школу, брат—в детский сад, родители—на работу), мы прощаемся с ней, говорим ей «до свидания», гладим её, а когда возвращаемся домой, говорим собаке «здравствуй» или «привет» и опять гладим

её. Она же нам в ответ лишь повизгивает и виляет хвостом. Мы любим нашу Тайгашу.

Мы с братом мечтали о кроликах, и родители подарили нам двух кроликов. Я своего назвала Тайсоном, а брат своего назвал Другом. Мы с удовольствием за ними сами ухаживали: приносили им травку, рвали лопухи, давали капусту, морковку, приносили им водичку. Чистить клетку помогали взрослые. Кролики выросли большими, но были ручными.

Вечерами мы любим всей семьёй собираться дома и заниматься чем-нибудь интересным. С большим удовольствием мы все клеим алмазную мозаику, получаются красивые картины. Нам нравится рисовать по номерам. Вечерами мы все вместе читаем книги, смотрим любимые мультфильмы, делаем театрализованные представления, а когда к нам приходят гости, то показываем им наши концерты. Мама помогает готовить костюмы, а папа — декорации. Я люблю наши семейные вечера.

Я много рассказала вам про свою семью, потому что я люблю её, и семья тоже меня любит, я это точно знаю. Семья для меня дороже всего на свете! Я всегда чувствую поддержку своей семьи. Бывает, что я заболею, тогда рядом всегда ощущаю мамину заботу, внимание брата и беспокойство папы. От такого внимания выздоравливаю быстрее. И всё это потому, что рядом со мной моя любимая семья. Пусть у каждого ребёнка будет любящая семья, и тогда все будут счастливы в своей семье, как счастлива я!

Дарья Кухарева

8 класс, 14 лет

Не бывает «чужой жизни»…

«Здесь же я — один-одинёшенек, под руками у меня мучающаяся женщина; за неё я отвечаю…» Прошлым летом я прочитала цикл замечательных рассказов Михаила Афанасьевича Булгакова «Записки юного врача». Что движет людьми, выбирающими эту такую нам знакомую, но далеко не простую профессию? Что помогает им не свернуть с выбранной дороги?

Обучение профессии врача требует больше времени, чем обучение любой другой профессии. И после получения специальности останавливаться на достигнутом тоже нельзя: человеческая жизнь очень хрупка и зачастую подвергается опасности с той стороны, откуда совсем не ждёшь. Где врачи берут силы? Ведь это так сложно — осознавать, что люди страдают, что, наверное, некоторым из них ты уже не в силах помочь и что ты, возможно, являешься свидетелем последних дней, часов, минут их жизни. И при этом не оставлять попытки спасти каждого из нуждающихся в твоей помощи, в спасении. «Тут я вышел из оцепенения и взялся за её пульс. В холодной руке его не было. Лишь после нескольких секунд нашёл я чуть заметную редкую волну. Она прошла… потом была пауза… Опять прошла ниточкой волна…»

Да, сложно осознавать, как много ты можешь сделать для человека, но при всём этом часто беспомощен перед природой. Сложно продолжать отвоёвывать каждую секунду жизни, удерживать человека на этом свете. Казалось бы, вот он — прямо перед тобой на операционном столе, линия на мониторе ещё вычерчивает зигзаги пульса, и монотонный писк приборов будто кричит: «Жив!» Твоё собственное сердце заходится бешеным ритмом, когда ты уже слышишь не рваные гудки, а только беспощадно длинный звук — кончено. Разум судорожно пытается найти ошибку, момент, когда всё пошло не так… Профессия врача — это ежедневное испытание на моральную стойкость в «полевых» условиях. Меня вдохновляют эти люди-герои, забывающие о своей жизни ради чужой, идущие только вперёд.

Например, первый хирург Норильска — Владимир Евстафьевич Родионов. Так уж сложилось, что наш любимый город строили не только вольные люди. Время было непростое. Вот и Владимир Евстафьевич прибыл на Крайний Север этапом — на барже в Дудинку, получил назначение на работу по специальности, хирургом, в лагерную и одновременно в Дудинскую окружную больницы. Также в его обязанности входило медицинское обслуживание отдалённых от Дудинки территорий. Вот такой поединок со смертью, поединок длиною в жизнь. Согласно дневнику, Родионов ежедневно принимал сотню различных пациентов: как заключённых, так и вольнонаёмных и местных жителей. Множество операций в день, изнуряющих не только тело — душу, но врач должен продолжать работу, ведь больше некому.

«Итак, я остался один. Вокруг меня — ноябрьская тьма с вертящимся снегом, дом завалило, в трубах завыло. Все двадцать четыре года моей жизни я прожил в громадном городе и думал, что вьюга воет только в романах. Оказалось: она воет на самом деле…» — это герой Булгакова. А что же Родионов?

В Норильске нужно было организовать систему медицинской помощи — он справился. Нужно было привлечь кадры — получилось. Приходилось при этом буквально жить на работе — что ж делать, людей надо спасать. Это призвание врача. Это долг. «…Как и в Дудинке, в хирургическое отделение госпитализировались все больные, нуждавшиеся в оперативном лечении (хирургия, урология и гинекология)… Так продолжалось более двух лет, пока не удалось получить разрешение на работу в больнице двух врачей из лагеря — уролога И. З. Шишкина и хирурга Э. П. Биль. Одновременно был

приглашён лаборант С. И. Горшков, в прошлом научный работник-физиолог. При хирургическом отделении был организован пункт переливания крови, снабжавший консервированной кровью все отделения. Позднее стала работать в больнице травматолог Х. Я. Кузнецова — кандидат медицинских наук…» — пишет в своих мемуарах Владимир Евстафьевич.

А ещё был Диксон. Порт подвергся атаке немецкого крейсера «Адмирал Шеер», участвовавшего в операции «Вундерланд». Об этой странице Великой Отечественной войны вспоминают нечасто. Но подвиг диксонцев, защитивших Крайний Север от фашистов, мы помним и каждый год, приезжая семьёй в Дудинку полюбоваться ледоходом, посещаем Таймырский краеведческий музей города.

Владимир Евстафьевич двое суток не отходил от операционного стола, спасая раненых защитников Диксона. А после этого сопровождал нескольких больных, отправленных на долечивание в Норильск.

Почти пятнадцать лет он провёл в Норильске, не отходя от операционного стола, борясь за чужие жизни. Чужие?.. Разве может быть жизнь человека — чужой? Ну и что, что врач до встречи с пациентом не знал о нём ничего, да и о существовании конкретного человека не подозревал? Вот он, случай, свёл этих людей: один — страдает, другой — в силах помочь. Кто в такой ситуации будет думать о чём-то постороннем? «Я должен быть спокоен и осторожен и в то же время безгранично решителен, нетруслив», — вот о чём, наверное, думал в своё время и главный хирург и главврач лечебно-профилактического объединения Родионов, так же как и герой Булгакова.

«…Я смотрел в зрачки, постукивал по рёбрам, слушал, как таинственно бьёт в глубине сердце, и нёс в себе одну мысль: как его спасти? И этого — спасти. И этого! Всех!»

Я уже определилась с выбором профессии. Я стану врачом. Хирургом.

Алина Лазарева

«Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны…»

Шестьдесят пять лет… Много это или мало? Считаю, что достаточно, чтобы рассказать о моём любимом городе. Думаю, что у каждого счастливого человека есть то место, которым он дорожит, где родился или провёл много времени.

Район Кайеркан — моя родина. Здесь я родилась, посещала детский сад №36, а теперь учусь в гимназии №11. С этим городом у меня связано много воспоминаний, ведь я его знаю вот уже шестнадцать лет. С ним связаны самые радостные воспоминания детства, начиная от игр в песочнице с другими малышами и заканчивая воскресными походами в кино вместе с друзьями и родителями.

Кайеркан бывает разным, как и время года. Зимой он как будто спит подо льдом, а летом тёплый ветер наполняет радостью твою душу. Есть у моего города огромный плюс: в зимнее время вокруг много снега, благодаря которому воздух остаётся сравнительно чистым.

Поздним вечером, когда воет вьюга, а дома уютно и тепло, ко мне приходит вдохновение, и я пишу стихи о городе. Вот одно из них:

Я подойду к холодному окну
И вижу город, свет, огни.
И ночью долго не усну,
Зимою быстро мчатся дни.

Морозный воздух слегка вдохну.
Свет разливается звезды.
Жду с нетерпением весну,
Когда растают голубые льды.

Я люблю свой город за широкие улицы и белые бордюры, летние клумбы с оранжево-жёлтыми бархатцами, аллеи с густыми кустарниками. Мой район чистый, цветущий и радужный. Названия улиц необычны: связаны с надеждой, со строительством объектов, школами, шахтёрами, с Победой. В тёплую погоду по улицам прогуливаются дети и взрослые, а когда наступает лето, воцаряется настоящее веселье: на главной площади собираются жители города, слышится музыка, маленькие дети подбрасывают разноцветные шары, которые плавно улетают вдаль.

В моём любимом городе на улице Шахтёрской находится замечательная памятная стела, которая поставлена в честь героического труда и ратных подвигов соотечественников. В ней воплотилась память о подвиге нашего народа, великая гордость за тех людей, которые трудились в суровых условиях Заполярья, внесли большой вклад в достижение Великой Победы. Возле памятника всегда лежат свежие цветы — так жители города выражают благодарность людям, совершившим подвиги. На монументе высечены слова: «Слава трудовым достижениям народа! Слава воинской доблести и ратным подвигам!»

На главной площади города находится кинотеатр «Юбилейный», яркие афиши которого рассказывают нам о новых фильмах. Просторный уютный зал всегда встречает кайерканцев после трудовых будней. Сколько замечательных мероприятий проходит в нём!

Вокруг города построена зона отдыха, где прогуливаются люди и бегает забавная ребятня. Там стоят скамейки, красивые ажурные беседки, летом

в них собираются и дети, и взрослые, а осенью, когда гуляешь по тропинкам, жёлтая растительность тундры ласково кивает тебе, словно не хочет отпускать.

Школа искусств, где я училась, приветствует детей, окна её светятся добротой и теплотой. Дети занимаются здесь танцами, музыкой, рисованием, регулярно проводятся различные концерты и выступления, приезжают известные артисты. Прекрасный концертный зал принимает гостей. Самые лучшие воспоминания у меня остались об этой школе. Талантливые преподаватели музыки трудятся в ней.

Я никогда по-настоящему не задумывалась о названии города. Прочитала, что «кайер» означает «где-то», а «кан» — это «преграда». Необычное название! Не правда ли? Где бы я ни находилась, люди с удивлением спрашивают, что́ это за место, где я живу. Таких необычных названий не так много в целом мире. За последние годы Кайеркан преображается: появляются новые постройки, город растёт на глазах и становится всё красивее с каждым днём. Мой город не похож ни на один другой, люблю его за то, что он есть.

Арина Леднёва

13 лет

Дом, где научился жить

Дом. Что это такое? Нельзя точно ответить на этот вопрос однозначно. Все думают по-разному. Кто-то скажет «Дом — это здание, где живут люди». Типично, не правда ли? Другие ответят, что дом — это тихое и мирное место, в котором можно хорошо и спокойно провести время. Вариаций ответить на вопрос бесконечное множество. Огромное количество русских писателей и поэтов рассуждали об этом в своих произведениях. Каждый имел своё, отличное от других, мнение. Вот и я решилась ответить на этот вопрос в своём сочинении…

Я живу в посёлке городского типа Козулька. Я могла бы отнести его как в группу городов, так и в группу сёл. Чтобы точнее определиться, куда отнести мой посёлок, я решила представить город и село в человеческом облике.

Город — это постоянная суета. Город в облике человека — это человек, не сидящий на месте. Он постоянно что-то делает, как-либо развивается, старается делать всё и сразу. Если говорить о внешних качествах, то я представляю город в обличии девушки. У неё острые черты лица, зелёные глаза, тёмные, убранные в гульку волосы. Она одета в строгий костюм, не нарушающий правил «серьёзности». Я представляю её как девушку, которая ни в ком не нуждается, может обеспечить саму себя, очень самостоятельная, строгая. Такой до жути строгий образ города возникает передо мной в человеческом облике.

А село для меня (в человеческом образе) — совершенная противоположность городу. Да и, наверное, в представлении всех людей село — это нечто простое, но со своими особенностями. Село в моём представлении — это девушка среднего роста, с бледной кожей, веснушками, глазами цвета морской глади, мягкими чертами лица и мило вьющимися на ветру свело-рыжими волосами. В её характере нет ни капли твёрдости, даже наоборот, чрезмерная простодушность, которая не в первый раз доказывает её душевную доброту. В её образе, представленном мною, внешность прекрасно отражает её внутренний мир, хотя для нашего времени это достаточно непривычно. В ней самой только по виду читается какая-то не подвластная городу наивная, юношеская нежность. В её душе буквально расцветает лето, с каждым годом становясь всё ярче и ярче.

Я не могу быть уверена, что все люди, живущие со мной в посёлке, согласятся со мной и с моим мнением. Но тем не менее я скажу свою точку зрения: посёлок — это город или село? После небольшого рассуждения я скажу без капли сомнения, что для меня мой посёлок по ритму жизни больше напоминает село. Именно поэтому моё сочинение будет называться «Моё село — мой любимый дом». И вот у меня есть отправная точка, дальше я хочу рассудить, почему я считаю, что мой посёлок похож на село, и почему я считаю его любимым домом.

Я думаю, что Козулька похожа на село, потому что у них одинаковая атмосфера. Атмосферу села я уже разобрала, но ни слова не было сказано о моём посёлке. Я предлагаю вам мини-обзор на мой посёлок от первого лица.

Представим, что сейчас июль месяц, на улицах знойно. Утро. Мы с предвкушением предстоящего дня встаём с кровати и открываем шторы. Приятные лучи солнца непривычно резко бьют в глаза. Если мы выйдем на улицу, то перед нами предстанет замечательная картина. Вокруг всё буквально зеленеет. Деревья нежно шепчутся, а тёплый ветерок их подгоняет. Птицы что-то звонко и беспрестанно напевают. Люди, не торопясь, шагают по ровной дороге, в которой, как ни странно, было нечто привлекательное. Где-то за деревьями свободно жуют травку милые коровки. Там и тут порхают бабочки. Пусть всё неидеально, но атмосфера напоминает что-то домашнее, привычное, повседневное. Это повседневное навевает такое невыразимо-приятное чувство, похожее на чувство после взгляда на село в образе девушки. Теперь вы сами понимаете, почему я посчитала свой посёлок селом.

Остаётся только один нерешённый вопрос: почему же моё село — мой любимый дом? Многие

ответят, что они тут просто выросли. У меня же немного иное мнение. Но с тем, что я тут выросла, я также соглашусь. Да и вообще этот аргумент базовый, основной. В своём посёлке я и правда научилась жизни. Здесь сделаны мною мои первые шаги, сказаны первые непонятные «словечки», здесь живут мои самые родные и близкие люди, тут же я и нашла первых друзей, будь они хорошими или не очень. Мне пока всего тринадцать лет, но список «важных» событий жизни я могу продолжать ещё долгое время. Если я научилась тут основному, могу ли я считать Козульку домом? Безусловно, все ответят, что да, ведь я привела аргументы. К тому же я знаю буквально каждый уголок «села», знаю все тайны и интересные местечки.

Исходя из моего небольшого рассуждения, я точно могу сказать, что моё село — мой любимый дом! Пусть он не всегда идеален, но до невозможности родной и любимый. Дом — это не то, где ты родился, дом — это то, где ты научился жизни.

Михаил Лысенко

4 класс

Лучше города нет

Я родился и всю свою жизнь живу в Красноярске. И живу, надо сказать, с удовольствием! И этому есть множество причин, о которых я раньше особо не задумывался.

Конечно, наш город похож на подавляющее большинство городов России: те же исторические здания в районе центра и такие же спальные районы со множеством высоток по окраинам. Но это только на первый взгляд незнакомого с Красноярском человека. У Красноярска есть столько изюминок (которые обычно называют скучным словом «достопримечательности»), что обо всех рассказать в одном сочинении, наверное, невозможно. Я расскажу о своих самых любимых местах и о том, что́ мне в них особенно нравится.

Одно из самых лучших мест для активного отдыха в Красноярске — это, конечно, заповедник «Столбы», который с недавнего времени стал национальным парком. Мы туда ходим всей семьёй и зачастую доходим до самих столбов и на некоторые залазим. Я залазил на столбы «Слоник», «Дед», «Четвёртый столб», «Второй столб» и на «Бабку». Наш любимый столб — это «Дед». Мы в любое время года на нём подолгу сидим и пьём принесённый с собой в термосе чай с различными закусками. С него открывается захватывающий вид на заповедник и русло реки Енисей. Это наше «место силы», как мы его между собой называем. В заповеднике живёт множество мелких зверей и различных птиц, которые не боятся людей и едят принесённые им угощения прямо с рук. Даже иногда дятлы с красивым красным животиком садятся прямо на протянутую ладошку. Но самое весёлое развлечение на «Столбах» для нашей семьи — катание с самого верха и до начала трассы на двух снегокатах наперегонки. А это ни много ни мало, а целых семь километров дороги, спускающейся вниз под разным уклоном. Обычно наш с папой снегокат приходит первым, но иногда мы поддаёмся маме с сестрой. Иногда мы с мамой ходим в длительные путешествия, по тридцать километров, на дикие «Столбы», но это уже отдельная история.

Ещё в Красноярске есть собственные горнолыжные трассы, которые находятся в парке «Бобровый лог». К вершине трасс можно подняться на канатно-кресельных подъёмниках. Если во время подъёма обернуться назад, то можно увидеть город с высоты птичьего полёта. На самом верху обустроены места для отдыха и прогулок с восхитительным видом на горы, покрытые лесом. С верхней площадки «Бобрового лога» есть тропа протяжённостью около девяти километров, которая ведёт к центральным «Столбам». Это тропа проходит по «Сказочному лесу». Понять, почему он сказочный, можно, только прогулявшись там. Словами волшебные ощущения от красоты того леса не передать. По дороге встречаются смотровые площадки и скалы-видовки, на которые можно без труда залезть и устроить там пикник с захватывающим видом. Ещё в этом лесу есть сосны-великаны. Если обнять такую сосну, то можно почувствовать, как она делится своей волшебной силой. Об этом знают многие красноярцы, поэтому рядом с соснами-великанами всегда вытоптаны площадки, а их кора внизу гладкая от «обнимашек». В этом лесу живёт лис, который иногда выходит поздороваться и попросить угощение. Он — местная знаменитость, так как красноярцы его постоянно фотографируют. Мы по «Сказочному лесу» часто ходим в обоих направлениях — и к «Столбам», и от «Столбов» в «Бобровый лог», чтобы с ветерком спуститься на канатной дороге вниз.

С южной стороны вдоль почти всего города находится Торгашинский хребет. Это тоже замечательное место. Если не полениться и погулять по нему километров двадцать пять, то во время прогулки можно сверху осмотреть весь Красноярск, пожарить сосиски на костре, заглянуть в пещеры Торгашинская, Ледяная и Мокрая. Также там есть скала «Арка», в которой красноярцы любят фотографироваться. Мне там нравится гулять.

Кроме природы, я в Красноярске очень люблю зоопарк «Роев ручей». У него большая территория и огромное количество разнообразных животных. В нём даже есть пингвины и акватеррариум с крокодилами и акулами. Также там находится контактный зоопарк, где детям можно потрогать детёнышей крупных животных и различных

мелких животных, таких как кролики и цыплята. Мы подолгу любим стоять у клетки белого медведя. Он любитель выступить на публику и эффектно прыгнуть в свой бассейн.

Богата в Красноярске и культурная жизнь. У нас есть целых пять театров, и я уже успел побывать на представлениях в них во всех. Самые любимые мною спектакли показывают в Театре юного зрителя. Это «Снежная королева», «Алиса» и «Хроники Нарнии».

Наш город может похвастаться тем, что стоит на одной из крупнейших и красивейших рек России — на Енисее, раскинувшись по обоим его берегам. Мосты, соединяющие берега Красноярска, подсвечены яркими разноцветными огнями, которые во время вечерних прогулок по набережным отражаются в Енисее. Енисей богат рыбой, и мы летом всей семьёй часто ездим на рыбалку за хариусом или щукой, которых потом сами готовим. А за Красноярской ГЭС Енисей превращается в настоящее море. Оно так и называется — Красноярское море. Мы летом туда ездим отдыхать и купаться. Там очень красиво, а в окрестных лесах растёт много грибов и ягод.

Это лишь часть красноярских изюминок, за которые я люблю родной город и которых нет больше ни в одном городе на Земле.

Роман Парфирьев

13 лет

История селения Нижний Ингаш

За четверть тысячелетия существования моей малой родины, поселения, которое называлось по-разному — Ингашское, Малое Ингашово, Ингашевское, Нижний Ингаш, — оно не раз меняло экономический уклад и привычный образ жизни. Актуальность моей работы вижу в том, чтобы показать, как Нижнеингашский район вписывается в современные исторические события, происходящие в стране; как новые поколения, наследуя добрые традиции, вкладывают себя в процветание культуры, в духовное возрождение своей малой родины.

Наш Нижний Ингаш начал своё существование летом 1775 года. Это была совсем крохотная деревушка среди тайги и дремучих лесов. Называлась она тогда Малым Ингашом и насчитывала всего несколько дворов.

В конце девятнадцатого — начале двадцатого веков из-за интенсивного потока переселенцев, военных поселенцев, ссыльных деревня стала расти. К 1920 году деревня насчитывала уже сто пятьдесят дворов с одной улицей вдоль Московского тракта. Улица начиналась от нынешнего здания суда и заканчивалась в районе пищекомбината. Дальше было кладбище. На его месте сейчас районная поликлиника.

Только сто лет назад село Малый Ингаш переименовали в Нижний. Своё название село получило от реки Ингашка, что в переводе с татарского языка означает «грязь», «болото». Значит, наш Нижний Ингаш — нижнее болото.

Всем была богата река Ингашка. Она играла важную роль в жизни людей. Около неё кормились, она давала рыбу для стола, воду для питья. В реке полоскали бельё. Ингашка помогала вести обработку льна, из него ткали холсты, а уже потом кроили и шили одежду.

Жители ходили в основном в холщовой одежде. Обувь была самодельной. Чирки, бродни, лапти — весной, летом и осенью, самотканые валенки — зимой. Шубы, дохи (шуба мехом внутрь и наружу) и шапки тоже шили сами.

Занимались ингашцы в основном земледелием. Разрабатывали пашни, заготавливали дрова, сено. Почти в каждом дворе держали живность.

Развивались в деревне ремесло и промысел: выделывали кожу, варили мыло, изготавливали свечи, строили мельницы. Занимались кузнечеством, деревообработкой. Санное, бондарное, хлебопекарное ремёсла были на высоте. Из берёзы делали дуги для лошадей, туеса для хранения круп, плашки. Ель шла на изготовление граблей и кос для уборки сена.

Вихрем через Ингашово проносились тройки лошадей. Извозной промысел и дворничество были характерны для тех лет.

В больницу нижнеингашцы ездили в Канск или Тины. Там же находились ближайшие телеграф и почта.

Вот так шла жизнь наших прапрабабушек и прапрадедушек. Порядок в селении устанавливали три купца. Самый богатый, Смирнов, имел деревянный двухэтажный дом, единственный в то время. Дом стоял в больничном городке и до наших дней не сохранился. Купец имел водяную мельницу на берегу Ингашки.

В доме недалеко от нынешней редакции (сейчас там три квартиры) жил купец Долматов. У него была собственная винная лавка. В конце двадцатых годов купца Долматова казнили самосудом в нардоме (сейчас на этом месте здание полиции). Сын купца Долматова в отместку за отца убил большевика Бабушкина. Его могила находится в сквере, созданном в пятидесятые годы.

Самым терпимым по своей доброте и покладистому характеру был купец Рудковский. Его дом находился там, где сейчас находится стационарное отделение больницы. У купца был собственный магазин с различным товаром. Он же имел свою заимку, которую продал крестьянам, а те назвали её Рудовка. Та самая деревня Рудовка. Когда

советская власть пришла в Н-Ингаш, Рудовский всё своё имущество передал в руки Советов.

Вот так шла жизнь в нашем Ингаше. 4 апреля 1924 года был образован Нижнеингашский район. Всё дальше отступала тайга, строились дома, дороги через болота. Жители села отличались от деревенских основной работой на небольших предприятиях и наличием паспорта.

Сорок лет назад началось большое строительство в посёлке, и из села Ингаш превратился в районный центр.

Земля наша славится такими именами, как Андрей Геннадьевич Поздеев (родился 27 сентября 1926 года в селе Нижний Ингаш—умер 12 июля 1998 года в городе Красноярске)—российский и советский художник. Художник с мировым именем.

Псарёв Виктор Степанович—художник, поэт, прозаик. Родился мастер в 1962 году в посёлке Нижний Ингаш. С юных лет Виктор Степанович увлекался искусством, но серьёзно заняться живописью решил только к восемнадцати годам. В двадцать три года написал свой первый авторский натюрморт, позднее перешёл и к пейзажам. Выставляется в городе Красноярске и в выставочном зале нашего музея.

Сергей Тимофеевич Прохоров родился в грозовом 1942-м в деревне Тины Нижнеингашского района Красноярского края. Сергей Тимофеевич не только пишет стихи, он и великолепно исполняет их под гитару, ездит со своими песнями по школам района. В 2009 году признан «Человеком года». Основал и с 2006 года издаёт сибирский межрегиональный литературно-художественный журнал «Истоки», который одобрили Валентин Григорьевич Распутин, Василий Иванович Белов, другие профессиональные писатели России. Журнал уже шагнул за пределы края, страны. Сегодня у «Истоков» есть свой читатель в Белоруссии, на Украине, в Молдавии, Финляндии, Германии, Казахстане и Америке…

С началом Великой Отечественной войны все районные организации перешли на выполнение мобилизационных задач. С первых же дней организован призыв в Красную Армию резервистов и отправка на фронт призывников и добровольцев. Многие нижнеингашцы ушли на фронт, многие ковали победу в тылу. Прошедший год был Годом памяти и славы, поэтому я хочу рассказать об участниках Великой Отечественной войны.

Корнеев Афанасий Кузьмич

Родился в 1922 году в деревне Алексеевка Нижнеингашского района Красноярского края. Из крестьянской семьи. Окончил семь классов Кучеровской школы, работал прицепщиком на тракторе в колхозе.

В июне 1941 года призван в Красную Армию военкоматом и направлен в Омское военное пехотное училище. Отличился при форсировании реки Вислы в районе города Магнушева (Польша) в боях за плацдарм. Погиб 2 августа 1944 года.

Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года. Награждён орденом Ленина. Похоронен в селе Оструев (четыре километра восточнее города Магнушев, ПНР).

Именем Героя названы улицы в городе Красноярске и в посёлке Нижний Ингаш, Кучеровская средняя школа.

Рубанов Пётр Акимович

Родился 19 августа 1920 года в деревне Ошарово Нижнеингашского района Красноярского края. Из рабочих. Русский. Член КПСС с 1942 года.

В 1933 году вместе с родителями переехал в город Черногорск Хакасской автономной области. Окончил среднюю школу, работал на шахте №8 треста «Хакасуголь» и одновременно учился в аэроклубе. После его окончания остался там инструктором.

В октябре 1941 года призван в Красную Армию Черногорским ГВК. На фронте—с февраля 1942 года.

Капитан, командир эскадрильи 828-го штурмового авиационного полка 260-й штурмовой авиационной дивизии (4-я воздушная армия, 2-й Белорусский фронт). К апрелю 1945 года совершил сто пятнадцать боевых вылетов на бомбардировку и штурмовку живой силы и техники противника.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 года.

После войны окончил Военно-воздушную академию, продолжал службу в армии. Уволенный в 1960 году в запас, избрал местом жительства город Запорожье.

Бахарев Пётр Михайлович

Родился 7 января 1920 года в деревне Гриневичи Логойского района Минской области. Из крестьян. Русский. В 1929 году вместе с родителями переехал в деревню Стретенку Нижнеингашского района. Окончил неполную среднюю школу, работал в колхозе, затем монтёром радиоузла в селе Нижний Ингаш.

В 1940 году призван в Красную Армию Нижнеингашским РВК. На фронтах Великой Отечественной войны—с июня 1941 года.

Гвардии лейтенант, комсорг батальона 239-го гвардейского стрелкового полка 76-й гвардейской стрелковой дивизии (61-я армия, Центральный фронт).

28 сентября 1943 года отличился при форсировании Днепра в районе села Мысы (Репкинский район Черниговской области) в боях за плацдарм.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года.

После войны служил в войсках МВД СССР. В 1967 году в звании подполковника был уволен в запас. Работал в различных организациях в городе Красноярске. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями. В ноябре 1986 года умер, похоронен в городе Красноярске.

Катышев Борис Михайлович

Родился в 1917 году в Нижнем Ингаше Красноярского края. Из семьи рабочих. В пятилетнем возрасте с матерью переехал в Омск. Здесь продолжил учёбу в школе, а затем, окончив ФЗУ, начал работать на заводе «Сибтельмаш» и учился на вечернем рабфаке. После завершения областных учительских курсов молодого учителя направили в Павлодарскую начальную школу. Перед самой войной Борис Михайлович поступил в Омский педагогический институт. В 1942 году Катышев призван в армию.

В ожесточённом бою в октябре 1943 года за город Вышгород Киевского района Катышев, действуя смело и энергично, первым из полка форсировал реку Днепр. Во время боя за город Вышгород героически погиб. Похоронили отважного командира роты в освобождённом от врага Вышгороде.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1943 года за мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра и удержании плацдарма, ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

В память о воинском подвиге фронтовиков в 1965 году, к двадцатилетию Победы советских войск над фашисткой Германией, по инициативе второго секретаря райкома партии, бывшего фронтовика Толочкова в районном центре был установлен самый первый памятник землякам, погибшим в годы ВОВ.

А в 1985 году, к сорокалетию Победы, по инициативе и при личном участии председателя исполкома районного совета депутатов Владимира Антоновича Заложука в парке Победы сооружён мемориальный комплекс, на котором увековечены фамилии около четырёх тысяч погибших земляков, и стенд памяти воинам, уроженцам и жителям Нижнеингашского района, которым было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сёлах и посёлках, на центральных усадьбах колхозов также стали создаваться памятники воинам-землякам, а в школьных музеях — сбор данных и записи воспоминаний защитников родины. Собранные данные вошли в краевую Книгу памяти.

Современный облик районный центр приобретает в восьмидесятые — девяностые годы. Оформлен ансамбль центральной площади с парком и мемориалом Победы. Дизайн цветников разработан и осуществляется детским оздоровительно-экологическим центром. Построены новые здания центральной районной больницы, физкультурно-оздоровительный комплекс, Нижнеингашская средняя школа №2.

Украшением посёлка являются центральная площадь и сквер с мемориальным комплексом и цветниками. Здесь собираются жители посёлка на праздничные мероприятия и народные гуляния.

На сегодняшний день одним из крупнейших промышленных предприятий на территории посёлка является нефтеперекачивающая станция, запущенная в 1973 году.

Железнодорожные предприятия представляют старейшую отрасль в посёлке и в то же время обеспечивают современный уровень транспортного обслуживания. Благоустроенная территория вокзала станции Ингашская — «лицо» посёлка. Десятки рабочих мест имеют нижнеингашцы благодаря этой отрасли.

Судьба нашей малой родины зависит от каждого жителя Нижнеингашского района, от нас зависит наше будущее, и только благодаря нашим общим усилиям Нижнеингашский район будет жить и развиваться.

Виктория Педан

7 класс

Буду помнить всегда!

Моё родное село находится очень далеко, на юге Красноярского края. Это моя малая родина! Там я родилась и провела своё детство. Каждый год я стараюсь там провести летние каникулы. Свежий воздух, пение птиц, запах распустившихся цветов — всё мне напоминает о моей родине. Все знают друг друга и помогают, если нужно. Когда речь заходит о малой родине, я вспоминаю своё детство. Родина — это место, где я сделала первые шаги, научилась отличать хорошее от плохого, научилась считать, выучила алфавит. Там провела своё детство и отучилась моя мама, родилась и училась моя сестра, провели свою молодость бабушка и дедушка. К сожалению, я провела всего лишь детство на моей родине. Село не такое уж и большое, как место, в котором я сейчас живу, — всего две улицы, два магазина. Там нет ни связи, ни Интернета, поэтому отдых там совершенно без него. Конечно же, это к лучшему, потому что было очень много времени. Три месяца пролетали незаметно. Расставаться было очень трудно, но ничего не поделать. Как сейчас помню, часто ходили в лес за грибами, просто посмотреть, как прекрасно в лесу! Я часто ездила с бабушкой по делам в посёлок городского типа. До него можно было добраться за

десять минут. Ездили на почту, в банк, после мне бабушка всегда покупала диски с мультфильмами и шоколадку. У меня было очень много дисков с советскими мультфильмами, и я их постоянно пересматривала, так как по телевизору было всего несколько каналов, на которых всегда шли новости. Также у меня было очень много сказок, которые мне читала перед сном бабушка; когда я научилась читать, я сама их читала. Особенность сказок была в том, что они были иноязычными: казахские, арабские, народов Средней Азии.

За окном моего дома росло много виктории, облепиха, смородина, по улицам росли черёмуха и сирень. За садом находился огород, где было много огурцов, арбузов и других овощей. В саду выращивали огромное количество разных прекрасных цветов. Обожала проводить там время, иногда даже срывала их. Когда была гроза, я с бабушкой и дедушкой стояла на крыльце и смотрела на это зрелище! Там намного теплее, чем где сейчас я живу. Я часто ходила вечером гулять, смотреть на ночное небо. Тогда я узнавала созвездия, ложилась на траву и отгадывала их…

Какая же там прекрасная природа! Село находится у подножия Ергаков — природного парка. «Ергаки» — это база отдыха. Сейчас там есть лыжный курорт, и можно кататься на лыжах, на санках.

За огородом у бабушки находилась песчаная гора. Обычно там бегало много ребятишек. В детстве, когда мне было года четыре, я с бабушкой носила конфетки зайцам, на обратном пути мы видели следы медведя, было видно, что медведь катался по траве.

Часто мы ходили на дамбу — красота невероятная! Похоже на водопад. Там я купалась, это было прекрасное время! Также там находились две речки, берёзовые рощи. Там находился пионерский лагерь, в который приезжали дети из Красноярска.

Невероятно красиво там осенью. Жёлтые листья, осенняя атмосфера. Когда приходит осень в село, создаётся ощущение расставания, и настроения нет. Тяжело расставаться на целый год с бабушкой и дедушкой. Как будто эти три месяца были в сказке, а сейчас нужно возвращаться в реальность.

После того как бабушка и дедушка переехали к нам, я не езжу туда. Последний раз я была в пятом классе. Со слезами на глазах расставалась со своей малой родиной! Есть вероятность, что я больше никогда не приеду туда. И сразу глаза наполняются слезами. Как-то не по себе от слов, что я никогда не вернусь туда. Теперь я живу очень далеко от родины своей. Сейчас я понимаю, что я не понимала, какое это было время! Сейчас бы опять сходить на дамбу, пройтись по берёзовой роще, взглянуть последний раз на дом, в котором я провела всё своё детство! Где бы я ни была, я всегда буду вспоминать свою малую родину, пускай со слезами, но буду!

Виктор Михайлишин

6 класс

Любовь моего сердца

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплынь.
С. Есенин

Слова С. Есенина подтверждают мои мысли о том, что только у себя дома ты чувствуешь тепло и уют.

Моя жизнь началась в самом прекрасном селе нашего района — Юксеево. Моё любимое село стоит на берегу могучего Енисея. С самых малых лет я чувствую неотделимую связь с моим селом, с природой, которая окружает его. Юксеево — это дом моих предков, здесь выросли мои бабушки и дедушки, поэтому, наверное, куда бы я ни ездил со своими родителями отдыхать, меня всегда тянет домой, в Юксеево.

Антон Павлович Чехов писал: «А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелётных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю». И это действительно так. Летом я с друзьями люблю ходить на рыбалку. Это самое любимое моё хобби. Без него я просто не могу жить, это как свежий воздух, без которого задыхаешься. Однажды в солнечный день мы отправились ловить рыбу. Сначала клёва не было, время тянулось медленно, мы начали рассказывать друг другу разные смешные истории. Неожиданно я почувствовал, что меня что-то тянет; я схватил удочку и начал приближать к себе. Когда я вытащил её, моему удивлению не было предела. У меня в руках была огромная щука. Я был рад моему улову, а друзья гордились мной.

В нашем селе протекает речка Исток, это самоё моё любимое место. Там тихо и спокойно, поют птички, даже можно увидеть ондатру. А осенью на этом месте можно увидеть цапель. Они прилетают к нам, чтобы отдохнуть перед дальнейшим полётом.

Ещё у нас в селе есть детская площадка. Я люблю здоровый образ жизни, поэтому увлекаюсь спортом. Когда мы с ребятами собираемся, то проводим соревнования на турнике. А в сельском Доме культуры мы играем в теннис и бильярд.

А когда у нас проходят праздники, мы с друзьями готовим художественные номера и выступаем с ними перед жителями села. Мне очень нравится радовать людей, ведь это великое чудо, когда ты можешь дать людям хоть маленькую частичку радости.

В нашем селе стоит памятник воинам-освободителям, и каждый год мы с одноклассниками

убираем территорию от сухой травы, от мусора, а 9 мая, в День Победы, готовим митинг и возлагаем к подножию памятника цветы. Мы должны помнить наших прадедушек и прабабушек, которые, жертвуя своей жизнью, подарили нам мир. Вечная память им!

Чтобы наше село было чистое и красивое, наш класс каждый год проводит акцию «Чистое село»: мы ходим по улицам, собираем в мусорные мешки банки, бумаги и развешиваем листовки с обращением к жителям Юксеево, чтобы все соблюдали чистоту и порядок. Ведь село — это наш дом, а чтобы жить в доме, нужно прежде всего навести порядок.

А ещё я люблю с бабушкой ходить в лес. Мы собираем грибы, ягоды, а потом мы с бабушкой варим вкусное варенье из ягод и солим грибы.

В нашем селе есть библиотека, я с интересом посещаю её, ведь для нас проводят интересные мероприятия, на которых мы узнаём много интересного о нашем селе, о людях, живущих в нём, узнаём не только о русских и зарубежных писателях, но и о писателях села Юксеево.

И если мне вдруг придётся уехать из села, то, как сказал Евгений Баратынский: «Я возвращусь к вам, поля моих отцов, дубравы мирные, священный сердцу кров!»

Татьяна Сутугина

Приезжайте, посмотрите, полюбуйтесь!

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи…
Николай Рубцов

Меня зовут Сутугина Татьяна, мне одиннадцать лет. Я живу и учусь в селе Иджа Шушенского района Красноярского края. Наше село было основано в 1855 году. Я хочу написать о моём родном селе так, чтобы людям захотелось приехать к нам и, может быть, даже остаться здесь жить.

У моей семьи очень большая родословная. Бóльшая часть родственников проживала в Идже. Сейчас моя семья состоит из четырёх человек: бабушки, мамы, сестры и меня. Мама работает оператором машинного доения уже восемнадцать лет. Бабушка шестой год находится на пенсии. Моя сестра учится в десятом классе, а я в пятом.

Не думайте, что моя Иджа — захудалая, заброшенная деревня. У нас есть свои достопримечательности, живут известные в районе люди.

В селе есть памятник погибшим во время Великой Отечественной войны. Среди фамилий на памятной плите есть Сутугины. За памятником ухаживают работники сельсовета и школьники. Там всегда цветы. В 1973 году был основан сельский Дом культуры. Музейная комната была открыта 9 мая 2014 года. Экспонаты собирали всем селом. В музее собраны старинные предметы, которыми пользовались наши бабушки и дедушки, письма с фронта. Есть фотографии династий многих семей, Героев Труда, которые всю жизнь проработали в сельском хозяйстве. В сельском Доме культуры находится большая библиотека с большим книжным фондом. В 2012 году был там же основан спортивный комплекс «Феникс», где взрослые и дети могут поддерживать свою физическую форму. В Идже, как и во всех деревнях и городах, есть небольшая церковь. Также у нас была и старая деревянная церковь, построенная в 1918 году. Есть сельский совет, в 1985 году была построена двухэтажная контора.

В 1975 году построили нашу потрясающую и любимую школу. Первым директором был Рязанов Иван Ануфриевич. А самая первая школа в Идже была основана в 1923 году. Она располагалась в двух зданиях. Сейчас в школе работают замечательные учителя, которых мы очень ценим и любим. В школе очень умные и активные ребята, которые хорошо учатся, принимают участие в разных конкурсах, мероприятиях, эстафетах и субботниках. А в прошлом году все выпускники школы поступили в вузы.

В 2008 году была построена детская площадка на территории нашего Дома культуры. Ещё в Идже есть очень старый ветеринарный участок. А как же без почты? Но и она у нас есть, только очень маленькая. Если какому-нибудь человеку из нашего села станет плохо, то он может обратиться в нашу больницу. Есть много магазинов с различными товарами.

А если бы вы видели, как богата и разнообразна природа вокруг села! У нас есть две прекрасные речки — Иджушка и Шушь. Летом все местные и приезжие любят купаться в этих водоёмах. Есть широкие и просторные поля, на которых колосятся пшеница, рожь, овёс, кукуруза. А ещё есть берёзовый лес и сосновый бор. Осенью туда можно пойти за грибами: рыжиками, лисичками, боровиками, маслятами, опятами. По дороге на наше замечательное Новое озеро есть большая Красная гора, на которой летом много сладкой клубники. В Новом озере водится много разной рыбы. На наше озеро съезжается много рыбаков из соседних деревень. А если посмотреть на лес, то за ним стоят высокие горы Саяны, слегка покрытые пушистым и мягким снегом.

В селе есть улицы Советская, Большая, Колхозная, Набережная, Молодёжная, Комсомольская и другие. В Идже есть места, которые как назвали старожилы, так и называются до сих пор: Нижние луга, Неволино, Новое озеро, Красная гора, Три тополя, Казачьи луга, Писарев лог. В нашем селе живёт около 890 человек. Раньше это был колхоз

«Россия», и школьники помогали в сборе урожая, ухаживали за животными, пололи грядки. Сейчас хозяйство называется ЗАО «Сибирь».

Соблюдая народные традиции, односельчане проводят праздники: Масленица, Святая Троица, День села, День берёзки. Раньше наши бабушки, дедушки и родители играли в такие игры, как кости, лапта, футбол, жмурки, городки, которые, к сожалению, уже забываются.

Мне очень нравится наше село! Я люблю его за красивые, густые, дремучие леса, за широкие берёзовые рощи, за прозрачные реки, ручьи, озёра, за тёплое солнце, за голубое небо.

Надеюсь, что вам оно тоже понравится, если вы приедете к нам. Приезжайте, посмотрите, полюбуйтесь нашими красотами! Очень хочется, чтобы малые сёла России развивались и возрождались.

Замечательные слова сказал писатель Юрий Нагибин: «Любовь к большой Родине начинается с любви к родине малой: к своему селу, улице, дому, к семье».

Кристина Чичкина

6 класс

Родной Минусинск

Я люблю свой родной Минусинск! Скоро у моего города будет юбилей — двести лет, а значит, и у меня будет праздник. Этот небольшой городок является моей родиной. Здесь я родилась, учусь, здесь живут мои друзья. С Минусинском у меня связано много воспоминаний, ведь я знаю его уже почти тринадцать лет.

У каждого любовь к своему городу проявляется по-разному. Например, поэты сочиняют стихотворения о любимом городе, композиторы пишут музыку, художники рисуют картины, тем самым прославляя город и увековечивая память о нём на многие годы.

Место, где я люблю бывать чаще всего, — краеведческий музей имени Н. Мартьянова. Здесь никогда не бывает скучно. А чтобы узнать больше о музее, захожу в читальный зал и нахожу среди множества книг и старых газет что-то новое, что помогает мне притронуться к истории моего города.

Держу в руках библиотечный «Северный вестник» за 1892 год, в нём статья И. П. Белоконского о Минусинском музее и его основателе Н. М. Мартьянове. Бывший минусинский политический ссыльный Иван Петрович Белоконский пишет о том, что захолустный уездный городишко далёкой сибирской окраины благодаря музею сделался известным всей России и Европе. «Отчего бы не сделать этого с каждым уездным городом?» — восклицает Белоконский. И кто-то чётким дореволюционным почерком с ятями и ерами написал на полях карандашом: «Сделать возможно, но только нужно иметь в каждом уездном городе Н. М. Мартьянова».

В архиве Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова среди огромного количества документов, относящихся к его более чем столетней истории, хранится небольшой листочек, сложенный пополам, и ещё один, не листочек даже, а бумажный обрывочек. Оба черновика написаны рукою Николая Михайловича Мартьянова. На первом в верхнем уголке справа пометка, трижды подчёркнутая: «Не для печати», внизу дата: «25 октября 1898 года».

В музейных каталогах эти листочки значатся как автобиография Н. М. Мартьянова, потому что начинаются они словами: «Родился я в 1884 году где-то на лесной усадьбе казённого лесничества, где в то время служил мой отец обходчиком». А дальше несколько скупых биографических сведений, немного дат, много зачёркиваний, поправок. Просто человек готовил справку о себе, с пером в руках вспоминал некоторые этапы собственной жизни, размышлял, подводил итоги. Наспех, начерно...

Пробую представить его, сидящего вечером 25 октября 1898 года за письменным столом, в твёрдом кресле, укутанного в шерстяное одеяло. Справа керосиновая лампа. Уже неизлечимо болит позвоночник, не слушается правая рука, пробует писать левой рукой, получается коряво, трудночитаемо. Закончился предпраздничный день — завтра годовщина присоединения Сибири к России. Будут чтения, доклады, собрания. И кто-то из друзей Мартьянова попросил (нет, потребовал — спасибо ему за это!) дать некоторые сведения о себе. Вот и получились такие автобиографические заметки.

Время чудом сохранило эти листочки. Назвать их автобиографией трудно — мы, сегодняшние школьники, напишем больше, а ведь почти прожита жизнь: 1898 год — значит, оставалось всего шесть лет!

Уже были заслуги, было признание. Было и другое — научные работы по любимой ботанике, на занятия которой всегда не хватало времени. И награды были. Не знаки внимания, а награды: Малая серебряная медаль Археологического общества, Золотая медаль естествознания Московского университета, Золотая медаль «За услуги, оказанные народному образованию».

Его экспедиционные ботанические сборы уже дали науке более двухсот новых видов из мира растений. Около двух десятков из них названы его именем. А безымянную речку в Кузнецком Алатау в его честь назвали Мартьяновкой.

Его имя. Оно с признательностью и благодарностью произносится в учёных кругах, уважительно и почтительно — в среде народной, малообразованной, и не без некоторой самовлюблённой гордости — в кругах сибиряков.

А когда-то ведь он был здесь чужой: «А приезжий-то с чудинкой, из новых, ненадёжных». Это потом его назовут почётным гражданином города Минусинска. Потом придёт известность к городку на далёкой сибирской окраине благодаря его музею. Потом газеты будут наперебой склонять слово «Минусинск» в сопровождении восклицательных знаков. И горожане будут это принимать как должное. Они и не заметят, как станут сопричастны к его славе, постепенно осознавая музей Мартьянова как составную часть своей гордости. И Мартьянов возрадуется, как юноша, этому долгожданному знаку: «Поверили! Приняли!»

Да, он ступил на единственно верный путь. Это путь сложения, объединения. Составитель коллекции, он знает, что это такое. Музей может быть только результатом сложения многих усилий. А самое большое слагаемое он уже нашёл — это его собственная жизнь!

Человек, близко знавший Мартьянова, сказал о нём: живёт музеем и для музея. В кругу политических ссыльных как-то зашёл разговор о сверхъестественной увлечённости Мартьянова музейным делом, его необычайной способности верно и до конца служить определённой идее и последовательно проводить её в жизнь. Ссыльный народник А. В. Тырков спросил так: «А что станет делать Мартьянов, когда грянет революция?» Ф. Я. Кон, хорошо знавший Мартьянова лично, без колебаний ответил: «Будет фотографировать баррикады, собирать осколки бомб и гранат и тащить в музей».

Зоя Шевелёва

Хочу, чтобы наша деревня жила!

Меня зовут Шевелёва Зоя, мне одиннадцать лет. Я живу в деревне Чердынь Назаровского района Красноярского края. Здесь родились моя прабабушка, мой дедушка, здесь родилась я. Это моя малая родина.

История моей деревни начинается очень давно. До 1955 года в полутора километрах в сторону города Назарово над деревней возвышался курган, древнее татарское захоронение. По данным Ачинского архива, деревня Чердынь известна уже с 1855 года. Жители в основном русские. В деревне имелась начальная школа. Самыми старыми улицами в деревне являются Невенчаная (сейчас Набережная), Субботняя (сейчас Луговая), Городок (сейчас Новая), Большая (сейчас Школьная). До сих пор старые люди нашей деревни называют улицы по-старому.

Первые поселенцы прибыли из Пермской и Вятской губерний. Своё название Чердынь получила в память о родных местах переселенцев. В Пермском крае и сейчас существуют Чердынский район и город Чердынь. «Чердынь» в переводе с коми-пермяцкого — «устье притока».

В Чердыни ещё сохранился дом, построенный до революции.

В 1979 году в деревне построены благоустроенные кирпичные дома, магазин, большой кирпичный клуб. А вот фельдшерский пункт располагается до сих пор в деревянном здании.

Была в деревне и начальная школа. Детей в школе было много. Учителя было два, дети учились до четвёртого класса. Но со временем детей стало меньше, и учеников стали возить на центральную усадьбу, в Преображенскую школу.

Всё в деревне мне нравится. И город Назарово не так далеко, и лес рядом. Ходим в лес за грибами, за ягодой. Лес наш богатый — всех кормит. В деревне — река Сереж, в жаркую погоду я хожу с подружками купаться. Построили через реку новый мост, соединяющий деревню с лесом. Но одна беда. Речка наша стала не такой чистой и широкой, как раньше. Зарастает травой.

Рядом с деревней — поля, на которых сеют разные зерновые культуры. Люблю наблюдать за изменением цвета поля, как оно из зелёного превращается в жёлтое, колосья наливаются спелым зерном.

А какая красота ночью, когда на небе только звёзды, на полях работают комбайны и маленькие огоньки, как светлячки, освещают поле! Меня переполняют гордость и радость, что деревня живёт, работает.

По вечерам ходим в клуб на репетиции или просто играем в теннис, общаемся. В здании клуба есть библиотека, где можно взять книгу для души, поиграть в настольные игры, принять участие в библиотечном мероприятии.

Совсем недавно возле клуба построили памятник ветеранам Великой Отечественной войны. В нашей деревне не осталось уже ни одного ветерана. Но память о них живёт. Как и во всей России, наша деревня принимает участие в «Бессмертном полку», и пусть нас немного, не столько, как в больших городах, но всё равно мы с большой гордостью, подняв портреты наших прадедов, проходим по улицам деревни.

Во все памятные даты, такие как 22 июня, 9 мая, 3 декабря и другие даты военной истории, мы возлагаем цветы к памятнику.

Жителей в нашей деревне становится с каждым годом всё меньше, старые люди умирают, кто-то уезжает из деревни и свои дома продаёт под дачу. Количество школьников тоже с каждым годом уменьшается. На следующий учебный год у нас в деревне нет ни одного первоклассника.

Так хочется, чтобы наша деревня жила, процветала, всегда в ней слышался звонкий смех детей, гул тракторов и комбайнов.

Анастасия Шпомер

6 класс

Минусинск: прошлое и настоящее

Любимым называют тот город, где прошло детство человека, ведь именно с детством связаны самые дорогие сердцу воспоминания.

Любимый город... Этому городу вовсе не обязательно быть столицей. Он может быть маленьким, тихим, но очень родным.

Города — как и люди: у каждого своя судьба, своё лицо и свой характер. Необъятны просторы нашей Родины. Но есть на карте нашей страны небольшой городок на юге Красноярского края, тёплый и уютный — и самый-самый дорогой.

Я хочу рассказать об истории своего города Минусинска. Совсем скоро ему исполнится двести лет. Много это для города или мало?

Если посмотреть на Минусинск с той высоты, на которой кружат над городом свободные беркуты, то можно увидеть, что на левом берегу протоки Енисея город действительно старый, а справа — молодой и современный.

И всё-таки я считаю, что Минусинск — это город-памятник, памятник нашим предкам, построившим прекрасные дома, защищавшим нашу Родину во время Гражданской и Великой Отечественной войн.

Минусинск раньше исследователи и путешественники называли «Сибирская Италия». О происхождении слова «минуса» я узнала несколько версий. По одной из них, в 1847 году финский учёный М. Кастрен записал такую легенду: «Двое братьев из народа чуди, населявшего край в древние времена, вступили в спор из-за земельных участков, расположенных возле речки, и восклицали при этом: „Мин — уса! Мин — уса!“ На их языке это означало: „Моя доля!“»

Бывший начальник Минусинского округа, этнограф Н. А Костров, даёт такое объяснение слову «минуса»: оно татарского происхождения, состоит из двух корней: «минь» — «я», «юс» — «третий», что в переводе означает «я сам третий».

Я узнала, что первое упоминание о Минусинске как городе относится к 14 января 1823 года. В те далёкие времена наш город выглядел так: 4 улицы, 3 общественных деревянных дома, 116 домов обывательских, 1 богадельня, 1 питейный дом,. 2 моста, 6 кузниц, 3 хлебных магазина. Жителей — 787, в том числе военных — 4, дворян — 2, духовного звания — 18, крестьян — 603, ссыльных — 156.

Спустя тридцать один год, 16 декабря 1854 года, был утверждён герб города. Щит разделён на две равные части: в верхней половине — на червлёном поле золотой лев, который несёт в передних лапах серп и лопату, а в нижней — бегущий золотой конь.

Долгое время, как и сейчас, занятием минусинцев было сельское хозяйство — земледелие, скотоводство, огородничество. Промышленность же была представлена очень мелкими предприятиями по переработке продукции сельского хозяйства: свечные, мыловаренные, салотопленные, винокуренные заводы.

Крупным культурным центром Сибири Минусинск стал к концу девятнадцатого века: в 1880 году в городе была открыта женская прогимназия, с 1913 года стали работать учительская семинария и реальное училище, с 1882 года в Минусинске действует театр, а с 1888 года открылись три типографии.

Самую большую известность моему городу принёс музей, основанный в 1877 году провизором Николаем Михайловичем Мартьяновым. Музей и в наше время сотрудничает с российскими и зарубежными научными обществами, Ботаническим садом, университетами, музеями.

Минусинск — город, значительно удалённый от центра России, поэтому в своё время он стал местом ссылки «государственных преступников» — политических ссыльных. С 1827 по 1917 год в нашем городе жили декабристы, народники, социал-демократы: братья Беляевы, А. Кропоткин, И. Белоконский, В. Ленин, Г. Кржижановский, Л. Каменев, Н. Раевский.

После революции в нашем городе образовался центр партизанского движения юга Сибири. В память о тех событиях в Минусинске остались названия улиц: Утро Сентябрьское, Тальская, Манская, Кравченко, Сургуладзе.

Во время Великой Отечественной войны более пяти тысяч минусинцев полегли на полях сражений. Г. Корнев, П. Колмаков стали Героями Советского Союза, а С. Кретов — дважды Героем.

В послевоенные годы, почти до семидесятых годов, Минусинск продолжал оставаться центром сельскохозяйственного производства. Только с началом строительства железной дороги Абакан — Тайшет в городе началось строительство заводов электротехнического и промышленного производства, некоторые из них были объявлены всесоюзными ударными комсомольскими стройками.

Изменился за двести лет облик моего родного города: выросли новые жилые районы на острове Тагарском, открыты новые школы, больницы... Не узнать теперь и исторической части города. И, отмечая в 2023 году юбилей Минусинска, мы с уверенностью смотрим в будущее, сохраняя исторические памятники и уважая традиции и память о наших великих земляках.

Осенний марафон

Из работ учеников Жеблахтинской средней общеобразовательной школы, 2020 год

Наступила осень. Листья на деревьях поменяли цвет, и вокруг стало весело и нарядно. По утрам уже густой туман ложится по полям. Дни стали короче, а ночи длиннее. Ночью луна такая огромная, что всё видно как днём. Птицы улетели на юг, и в лесу стало тихо. Слышно только, как дятел одиноко стучит по дереву. Мне нравится осень, особенно в лесу. Там всё так таинственно-тихо, потому что природа засыпает.

Бочегуров Максим, 2 класс

Почему я люблю лето? Я люблю лето, потому что летом тепло. Летом я купаюсь в речке Ое. Вода в реке такая прозрачная, что даже можно наблюдать за рыбками. Летом кругом красота: бабочки летают, цветы расцветают. Жаль, что лето быстро пролетает.

Нойманн Марсель, 2 класс

Осенью небо становится грустным. Это когда нет солнышка, оно такое тяжёлое и низкое. Нынче осенью небо часто голубое и просто прозрачное, потому что дожди идут редко. По небу летят стаи уток, журавлей, гусей. Смотришь на небо, и хочется улететь вместе с птицами.

Деревья надели свои самые красивые наряды. Берёзы и осинки стоят в хороводе в ярких жёлтых и красных платьях, а клён какой красивый! Рябина всех поразила ожерельем из багряных бусинок. Когда идёшь по опавшим листьям, они шуршат под ногами. Хорошая в Жеблахтах осень.

Штукарина Кира, 3 класс

Осень к нам приходит в сентябре. Деревья сразу одеваются в разноцветные уборы. Солнце светит, но уже не греет, как летом. Иногда по небу плывут то большие облака, то чёрные дождевые тучи. Смотришь на небо, особенно когда оно голубое, и обязательно увидишь, как летят утки, журавли. Становится как-то грустно. Вдруг подул ветерок, и листья, кружась в воздухе, тихо падают на землю. Когда мы гуляем, листья так весело шуршат под ногами. Мне нравится эта осенняя пора.

Кайкова Ксения, 3 класс

Прошло лето. Наступила осенняя пора. Осень — прекрасное время года. Деревья надели самые красивые наряды. Когда дунет ветер, листочки срываются с деревьев и падают на землю, как парашютики. Небо вдруг потемнело, по нему поплыли большие хмурые облака. И полил дождик. А когда выглянет солнышко и пригреет землю, то на душе становится весело. Вот и птицы собираются в стаи и улетают в тёплые края. Часто видел, как караваны птиц несутся по небу в дальние страны. Животные готовят запасы на зиму. Хоть осень и грустное время года, но она самая богатая, щедрая, разноцветная пора. Для неё я прочитаю стихотворение:

Снова осень за окошком,
Дождик сыплется горошком,
Листья падают, шурша.
Как же осень хороша!

Старков Саша, 3 класс

Наступила осень, листья пожелтели, немного похолодало. Трава вся быстро пожелтела и засохла. Птицы стайками садятся на деревья и готовятся к перелёту в тёплые края. Мне нравится осень, потому что всё красиво!

Потылицын Вова, 3 класс

Однажды мы шли в лес. И вдруг маленький зверёк ползёт по дереву. Это была белка-летяга. Увидев нас, белка полетела на другое дерево. Мы увидели на дереве дупло, в нём виднелись маленькие бельчата. Один бельчонок выпал из гнезда прямо нам в руки. У нас были орешки, и мы накормили его. А потом помогли ему забраться на дерево. Всё это время мама-белка наблюдала за нами.

Редингер Бриан, 4 класс

У меня есть кот. У него кличка Маврик. Он имеет чёрно-белый окрас и короткую шёрстку. Он хороший охотник и друг. Вечером, когда я ложусь спать, он приходит, ложится рядом и мурлыкает всю ночь. Мой кот всеядный. Он ест овощи, мясо, рыбу и молочные продукты. Он очень игривый и добрый кот. И всегда встречает меня из школы мурлыканьем.

Денисов Дима, 4 класс

Утро. Тишина в лесу. Не слышно пения птиц. Ветерок-шалун и тот заснул. Медленно кружатся в воздухе листья и тихо ложатся на землю. Рябинка

стоит скромно в красном платьице. От дерева к дереву тянутся тонкие паутинки, они даже лепятся на лицо. А воздух такой свежий!

Сидельников Паша, 4 класс

Я всегда мечтала о своей собаке. На день рождения папа подарил мне щенка. Он был чёрного цвета. Шёрстка его была мягкой. Щенок был такой маленький, пушистый, очень красивый. Его карие глазки смотрели на меня доверчиво. Я налила ему молока, щенок понюхал и начал лакать. Мне было интересно за ним наблюдать. Своего щенка я назвала звонким именем Дик. Я с ним гуляла, кормила его, научила приносить тапочки. Через год щенок стал уже взрослым, но я по-прежнему люблю его.

Быкова Наташа, 4 класс

Самая богатая, щедрая, разноцветная пора—это осень. Осень бывает разная: дождливая, солнечная, грустная. Листья деревьев меняют цвет, а потом опадают. Кругом такая красота, но она будет недолгой. Подует ветерок, и листья полетят и будут кружиться в воздухе. Упав на землю, они покроют её ковром. В этом году осень тёплая, солнечная. Сейчас уже середина ноября, но на улице по-прежнему солнечно и тепло. Совсем скоро выпадет снег и закроет осеннюю красоту.

Кайкова Алёна, 5 класс

Однажды осенним днём птицы улетали в тёплые края. Они собрались в саду и стали клевать калину. Они шумно поедали ягоду и о чём-то переговаривались. Вскоре они шумно вспорхнули и полетели в дальние края. Вдруг подул сильный ветер, и листья, как птицы, полетели с деревьев. Ветер подхватывал их и нёс над землёй. Трава и цветы уже засохли, но дни часто стояли яркие, солнечные. Скоро осень закончится. Листьев на деревьях почти нет, небо чаще становится серым. Низко над землёй плывут облака. Всё дышит осенью.

Алцман Саша, 5 класс

Моего кота зовут Персик. Он рыжий, а подбородок и хвостик белые. Глаза у кота чернющие. Мой кот любит полежать на диване. Проснётся и начинает драть этот же диван. Недавно мой кот поймал большую мышь. Он не стал её есть. И мы отдали мышку собаке.

Когда Персик явится с улицы, то начинает усердно мурлыкать, иногда угрюмо, а иногда весело. Я люблю своего кота Персика.

Черемных Кирилл, 5 класс

Я хочу рассказать про своего кота. Этот пушистый зверёк живёт у меня дома. Его зовут Рыжик. Это живой, игривый молоденький зверь. Совсем недавно он был котёнком. Рыжик, когда хочет кушать, начинает мяукать и крутиться под ногами. Без Рыжика дома скучно. Когда он гуляет во дворе, чувствуешь, что чего-то дома не хватает. Когда я ложусь спать, он прыгает ко мне на кровать и ложится со мной спать. Он мурлычет и щекочет меня своими лапками.

Кайкова Алёна, 5 класс

У нас дома живут три собаки: Дина, Малыш и Муха. Муху мы нашли на улице. Она была такая милая, маленькая и беззащитная. Поначалу она всех боялась и не подходила ни к кому, кроме папы. Мы запускали её домой, и она шустро бегала по всем комнатам, а увидев попугаев в клетке, начинала потихоньку рычать и лаять. Это было так смешно. Сейчас Муха стала совсем другой, она повзрослела, но так же любит играть. Муха—особенная собака. Даже окрас у неё интересный: шерсть у неё трёх цветов—чёрная, белая и коричневая, а на спине большое чёрное пятно. Лапки белые, а вокруг ушей коричневые круги. Кажется, что она в шапочке. Хвостик завёрнут в калачик. Я очень люблю свою собаку Мушку и никогда не дам её в обиду.

Штукарина Карина, 6 класс

В моём доме много кошек и собак. Все они любят играть, кусаться, беситься, но иногда бывают и спокойные. Недавно наша собака родила щенка Боню. Он очень сильный для своих дней. Слава Богу, что он живой и здоровый. Но есть особенность у нашего Бони: он пьёт воду из крана. Когда они с кошкой едят вместе из чашки, то он лапкой подвигает чашку ближе к себе. Это очень забавно.

Семёнов Кирилл, 6 класс

Каждый ребёнок мечтает, чтоб у него был четвероногий друг. Когда я пошла в первый класс, мне подарили котёнка, я назвала его Мурзик. Я была очень рада. Мы с ним подружились. Но прошло четыре года, и Мурзик потерялся. Мне было очень грустно и скучно. Я приходила домой, и меня никто не встречал. На Новый год я написала письмо Деду Морозу и попросила нового котёнка или щенка.

Наступила зима. Однажды утром я шла в школу и увидела рыжую собачку. Она подпрыгивала и ластилась ко всем детям, как будто просила поесть. В школе на переменах мы выносили ей покушать. Когда наступало воскресенье и школа была закрыта, собака бегала по нашей улице. Однажды я запустила её в ограду и накормила. С тех пор каждый день я подкармливала её. И вот после новогоднего праздника я возвращалась домой. Был сильный мороз. Возле нашего дома я увидела, что кто-то лежит на земле. Это был мой друг, рыжая собачка. На белом снегу она была похожа на лисичку. Она тряслась от холода и смотрела на меня грустными глазами. Мне было её так жалко,

я попросила папу взять её к нам домой. Мы дали ей кличку Лиза. И теперь это мой четвероногий друг. Бабушка говорит, что животные похожи на своих хозяев. Я с этим согласна. Мы с Лизой худенькие, рыженькие и с карими глазами.

Варюшкина Соня, 6 класс

Я очень люблю гулять лесом. Там так уютно и прекрасно. А сколько неожиданностей встречает тебя на каждом шагу! Однажды я заметила между ветвями сосен белочку. Она не хотела спускаться ниже, боялась меня. Я всё равно разглядела кончики её ушей. Они были с кисточками.

Хочу рассказать о зверьке, который всё более становится популярным домашним любимцем. Это шиншилла. Это грызун с хорошим, добрым характером. Особенностью шерсти шиншиллы является то, что она растёт не отдельными волосками, а пучками. Это придаёт ей бархатистость, хочется её гладить бесконечно.

Однажды со старшей сестрой мы были в зоопарке. Мы остановились у большого вольера с маралом. Марал величественно возвышался над оградой. Мы долго не могли стоять возле вольера, потому что он очень сильно бил клетку.

Всех животных на земле называют братьями нашими меньшими. Поэтому животные помогают человеку быть добрее и лучше. И человек должен к ним относиться так же.

Ашлапова Аня, 6 класс

Посвящается селу Жеблахты

Люблю тебя, моё село,
Родные здесь живут давно.
Здесь прадед жил и дед живёт,
Теперь настал и мой черёд.

Хочу, чтоб долго жили все
В моём селе, в моей семье.
Ведь это родина моя—
Сегодня, завтра и всегда.

Ульчугачев Глеб, 8 класс

Вот сижу я сейчас в своём доме любимом.
Смотрю я в окно и вижу там снег.
Это значит, что скоро зима, и застынут лужи,
И листва облетит.
Но пока не зима, а лишь поздняя осень.
Может, снег и растает, а может, и нет.
Это тоже красиво!
Ведь природа счастлива!
Жаль, что люди не ценят, не считаются с ней,
А она всё даёт. Может, хватит нам брать?

Варик Егор, 8 класс

У каждого человека есть своё любимое время года. Кто-то любит зиму, кто-то осень, кто-то весну, а я люблю лето. Именно летом к нам приезжает много гостей, и мы все встречаемся. Ещё летом у меня день рождения, на него приходят все мои друзья. Для меня лето представляется одним из лучших времён года. Летом ты ходишь раскрепощённый, и с летом связано очень много прекрасных воспоминаний.

Коновальчук Даниил, 9 класс

В детстве я жила в маленьком доме на краю деревни. Дети там не жили, и мне не с кем там было общаться. Каждый день я видела только свою семью. Часто бывало скучно, неинтересно. Я даже особо и не думала о дружбе. Моими друзьями были куклы, я с ними общалась, мечтала стать такой же красивой, как они. Мои родители целыми днями были на работе, в детский сад я не ходила. За мной и моей сестрой приглядывала няня. Она была моим верным другом. Благодаря ей уже в пять лет я умела читать, писать и считать. Это была «пушкинская няня».

Вскоре мы переехали в другой дом. Там на улице было много детей, но я боялась к ним выходить. Для меня там всё казалось чужим и незнакомым. Пока моя сестра Ира веселилась на улице, я учила буквы и цифры, иногда поглядывая в окно.

Потом я пошла в школу. Школа помогла мне раскрыться, школа нашла во мне талант к пению, я научилась общаться. И теперь у меня тоже есть друзья. Я научилась дружить.

Лямина Кристина, 8 класс

Для меня все времена года хороши. Можно только выбрать то время года, когда тебе хорошо и радостно на душе. Я люблю зиму. У зимы есть как плюсы, так и минусы, которые меня раздражают, например, когда сильный мороз, или ночью сильно светло на улице, или после снегопада надо заново чистить снег. А самый главный плюс—это длинные ночи и вечера. Иногда выйдешь на улицу, подышишь свежим холодным воздухом, посмотришь на свою спокойную улицу—и так хорошо становится, что не хочется куда-то уходить или что-то делать.

Журавель Олег, 10 класс

Дружба основана на взаимоотношениях между людьми, но в настоящей дружбе есть любовь, доверие и искренность. Вообще, найти друга трудно, а если нашёл, надо его беречь. Знаю, что настоящий друг всегда придёт тебе на помощь или хотя бы выслушает тебя. Я бы дружбу сравнила с хрупкой хрустальной чашей. Её нужно беречь. От неосторожных обидных слов эта чаша может треснуть, а то и развалиться. Есть много литературных примеров настоящей человеческой дружбы. И счастлив тот, у кого есть друг. Не случайно итальянская поговорка гласит: «Кто нашёл друга, тот нашёл клад». Ищите друзей, и вы найдёте клад.

Скрыль Жанна, 11 класс

стр. 62
Андреев Антон Иванович
Красноярск, 1981 г. р.

Родился и вырос в Красноярске. Окончил филологический факультет Красноярского государственного университета. Со студенческих лет писал статьи, фельетоны, рассказы для красноярских периодических изданий. Также выступал с песнями собственного сочинения. Победитель конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Малая проза». Работает в сфере журналистики.

стр. 175
Антонова Анастасия Юрьевна
Вязьма, 1989 г. р.

Член творческого объединения «Дар» с 2020. Премия «Алиса-2020»: I место в номинации «Стихотворения для детей». Шорт-лист «Корнейчуковской премии-2020» в номинации «Стихотворения для детей». Победитель конкурса «Tumama Kids» (автор песенок и сказки для детских игрушек).

стр. 83
Басалаева Елена Михайловна
Красноярск, 1987 г. р.

Выпускница Красноярского литературного лицея. В 2009 году с отличием окончила филологический факультет Сибирского федерального университета. Преподаёт русский язык и литературу в Красноярской гимназии №13. Публикации на сайтах «Добрая лира», «Город детства», в журнале «День и ночь» и др. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Большой финал» (Мурманская область) и журнала «День и ночь» за 2019 год.

стр. 24
Бимаев Анатолий Владимирович
Абакан, 1987 г. р.

Родился в Красноярске. Окончил юридический факультет Хакасского государственного университета. Публиковался в журналах «Абакан», «Сибирские огни», «Нева», в альманахе «Порог-АК», в сборнике «Антология молодых авторов Хакасии», в газете «Мол», в интернет-изданиях «Пролог» и «Za-Za». Участник 9-го и 12-го Форумов молодых писателей России и стран ближнего зарубежья. Участник Совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015). Участник регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016).

стр. 116
Бочечко Наталья Сергеевна
Северодвинск, 1984 г. р.

Автор стихов и прозы для детей и взрослых. В 2006 году окончила Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова по специальности «педагог начального образования». Также получила высшее образование в области журналистики.

стр. 22
Вятчина Юлия Сергеевна
Красноярск, 1979 г. р.

Выпускница Школы диалога культур (мастерская С. Ю. Курганова). Окончила Красноярский государственный технологический университет, специальность: психолог и эксперт в сфере управления человеческими ресурсами. Стихи и эссе публиковались в коллективных сборниках и в разделе «Синяя тетрадь» журнала «День и ночь». Работала преподавателем античной мифологии в Литературном лицее имени В. П. Астафьева. Автор и ведущий психологических практик.

стр. 15
Галиаскарова Елена Фёдоровна
Красноярск, 1986 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила инженерно-строительный институт СФУ в 2008 году. По профессии — инженер-эколог. Лауреат и магистр, член жюри МФ ВСМ (Международного фонда «Великий Странник — молодым»). Диплом лауреата (III место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Кредо жизни и призванье» (о море и моряках). Диплом лауреата (I место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Лучшее трёхстишье». Специальный приз жюри от Библиотеки семейного чтения города Ломоносова за стихи о городе Ломоносове-Ораниенбауме. Диплом победителя молодёжного поэтического конкурса «Графит». Дипломант V Международного литературного конкурса «Верлибр-2018» в номинации «Особый взгляд. Поэзия». Участник международного фестиваля «Всемирный день поэзии» 2019 года (4 место по городу Красноярску). Участник конкурса литературных авторских театров «ФЛАТ-2019». Лауреат III степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба-2019».

стр. 66 **Ганошенко Мария Евгеньевна**
Москва, 1994 г. р.

Родилась в Элисте, юность провела в Санкт-Петербурге. Окончила Московский Литературный институт имени А. М. Горького. Преподаёт в НИУ ВШЭ и переводит французских философов.

стр. 107 **Джурович Наталья Александровна**
Черногория

Родилась в Москве. Окончила филологический факультет Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Автор книг «Нескончаемое лето», «Румия Крестоносная» (автор и переводчик), «Двуречие». Лауреат конкурса имени Григорьева. Публикации в журналах «Наш современник», «Гостиный Дворъ», «Подъём» и др. Стихи переведены на сербский язык.

обл. **Добромыслова Ольга Викторовна**
Красноярск, 1985 г.р.

Художник-живописец, родилась в Комсомольске-на-Амуре. Окончила Новокузнецкое училище искусств, отделение живописи, Красноярский государственный художественный институт, факультет станковой живописи (педагоги А. А. Покровский. В. Н. Бычинский. М. Н. Руднев. В. М. Зотин). После окончания института работает в художественной школе №1 им. Сурикова и в музыкальной школе №2 на отделении изобразительного искусства. Участник всероссийских, международных, межрегиональных выставок и проектов с 2008 года. Член Союза художников России с 2017 года.

стр. 19 **Дорошева Вера Александровна**
Хакасия, 1986 г. р.

Родилась в посёлке Усть-Абакан Хакасии. Окончила ХГУ по специальности «Журналистика». Работает в газете «Хакасия»: сначала корреспондентом, потом редактором отдела, а теперь — ответственным секретарём. Здесь же были одни из первых публикаций. Также произведения выходили в газетах «Провинциал», «Усть-Абаканские известия», журнале «Абакан литературный». Участник первого местного литературного лагеря в 2010 году, по итогам которого была выпущена книга-сборник молодых авторов.

обл. **Исаенкова Виктория**
Красноярск

Член Творческого союза художников России (ТСХР) и Международной федерации художников (IFA) с 2010 года. Выпускница Красноярского художественного училища имени В. И. Сурикова, Красноярского государственного художественного института, Международной академии изящных искусств (Зальцбург, Австрия). Картины находятся в частных коллекциях России, Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, США, Аргентины, Мексики, Кореи.

стр. 17 **Котенко Ольга Юрьевна**
Донецк, 1984 г. р.

Поэт, автор-исполнитель. Выпускница филологического факультета Донецкого института социального образования по специальности «Перевод». Работает репетитором по английскому языку. Публиковалась в сборниках молодёжного литературного объединения Анапы «Авангард» под названием «Осязаемая реальность» за 2016 и 2019 годы, а также в краснодарском сборнике произведений «Молодая проза Кубани».

стр. 168 **Косяков Дмитрий Николаевич**
Красноярск, 1982 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»). Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Руководитель Красноярского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». В настоящее время — выпускающий редактор журнала «День и ночь».

стр. 140 **Кошелева Ксения**
Екатеринбург, 1994 г. р.

Автор повестей и рассказов. В 2017 году принимала участие в конкурсе на премию Дмитрия Горчева и вошла в лонг-лист. В 2018 опубликовала первую повесть.

стр. 119 **Лакиза Дарья Сергеевна**
Анапа, 2002 г. р.

Студентка журналистского факультета Кубанского государственного университета. Бронзовый призёр Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова», победитель краевого литературного конкурса «Наш черёд жить на этой земле». Участница Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России в Химках (2021 год). Публиковалась в сборниках молодёжного литературного объединения Анапы «Авангард» за 2016 и 2019 годы, а также в краснодарском сборнике «Молодая проза Кубани».

стр. 104 **Лебединский Вячеслав Игоревич**
Красноярск, 1992 г. р.

Инвалид первой группы — имеет нейромышечное заболевание Беккера. Окончил школу. Далее занимался самообразованием. Писательством занимается 8 лет.

стр. 54 **Лишенко Иветта Валериевна**
Зеленогорск

Родилась в Красноярске-45 (Зеленогорске), в семье физика. Сочинять начала в детстве. В студенческие годы в Томске печаталась в местных газетах. По окончании Томского политехнического института, получив специальность инженера-математика, была направлена по распределению в Красноярск, в лабораторию охраны здоровья населения Красноярского края, а в 90-е годы вернулась в Зеленогорск, где продолжила работу инженером-программистом. В настоящее работает инженером в АО «Производственное объединение „Электрохимический завод“». Имеет публикации стихов в российской печати, в коллективных альманахах и сборниках «Созвучие», «Новый Енисейский литератор», «На енисейской волне» и др.

стр. 112 **Новиков Илья Александрович**
Абакан, 1988 г. р.

Родился в небольшом шахтёрском городке Междуреченске (Кемеровская область). Неоднократный победитель в региональном конкурсе «Радуга талантов». Участник «Летнего литературного лагеря» на родине М. Е. Кильчичакова. Публикации в журналах «Абакан», «Юрта», «Доля», «День и ночь». В 2018 году удостоен звания лауреата Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова в номинации «Молодое дарование» за подборку стихотворений «Наш симбиоз». В 2019 году стал обладателем именной стипендии Главы Республики Хакасия.

стр. 73 **Ноздряков Данила**
Ульяновск, 1986 г. р.

Окончил Ульяновский государственный университет, историк. Преподавал историю и философию в университете, сейчас работает журналистом. Участник литературных фестивалей в Чебоксарах («Голос-А»), Тольятти, Саратове («Центр весны»). Дипломант международного Волошинского конкурса (2019). Публиковался в журналах «Воздух», «Транслит», «Опустошитель» и др. Автор поэтической книги «Поволжская детская республика» (2020).

стр. 152 **Одинцова Ольга Игоревна**
Москва, 1998 г. р.

В 2017 году самостоятельно издала первую книгу «Кофейня в Арбатском переулке», вызвавшую интерес у книжных розничных сетей. В 2019 году издала сборник малой прозы «Я помню холодное лето». Номинант Национальной литературной премии «Писатель года» 2015–2018 годов, литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» 2017 года, премии «Наследие» 2019 года, РСП и Российского Императорского Дома, победитель других литературных конкурсов и фестивалей.

стр. 70 **Орлова Арина Игоревна**
Москва

Студентка Литинститута имени А. М. Горького. Лауреат Международного детско-юношеского конкурса имени И. С. Шмелёва (2019), Всероссийского литературного конкурса «Золотое Звено» (2020), дипломант Международного конкурса творческих работ «Дерево детства» в ознаменование 90-летия со дня рождения выпускника Литературного института Ф. А. Искандера (2019). Публиковалась в журналах «Бийский вестник», «День и ночь», «Подъём», «Родная Ладога» и в «Литературной газете».

стр. 114 **Перельман Марк**
Москва, 1994 г. р.

Окончил гимназический класс средней общеобразовательной школы. В 2012-м поступил в Литинститут имени А. М. Горького на отделение перевода художественной литературы с немецкого языка (руководитель семинара — М. В. Зоркая). Стихотворения публиковались в «Литературной газете», 2-м альманахе ЦГДБ им. А. П. Гайдара, в альманахах «Таллинн» и «Пятью Пять». Лауреат II степени Всероссийского студенческого конкурса литературного творчества (2015). Участник совещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2016) и семинара «Зимней школы поэтов — 2018».

стр. 78 **Петрова Ксения Юрьевна**
Санкт-Петербург, 1987 г. р.

Родилась в Ленинграде. По специальности педагог. Начала писать примерно в 2013 году, после смерти любимого деда, «отдельными сильными чертами похожего на Виктора Петровича Астафьева». Писала стихи, прозу, в последние годы много пишет для детей. Выступает на творческих встречах в библиотеках города и на квартирниках, использует свои стихи и прозу в работе с детьми-школьниками.

стр. 3 **Ромашков Юрий Валерьевич**
Енисейск, 1988 г. р.

Родился в Красноярске. Затем переехал в деревню Старая Кузурба Ужурского района. В конце 1990-х новый переезд — на этот раз Шарыповский район, деревня Александровка. В 2009 году окончил исторический факультет Енисейского педагогического колледжа. После службы в рядах Вооружённых сил РФ поступил на исторический факультет Красноярского педагогического университета имени В. П. Астафьева, который окончил в 2014 году. С 2011 года и по сей день работает научным сотрудником фондов Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова. Историко-литературные этюды Юрия Ромашкова,

которые периодически печатаются в местных газетах, стали заметным явлением в культурной жизни Енисейска. В 2014 году вышел первый сборник стихов «Стихи из-под шкафа». Лауреат Фонда Астафьева (2019).

стр. 110

Русин Дмитрий Сергеевич
Набережные Челны, 1985 г. р.

Алтарник Свято-Вознесенского Архиерейского подворья города Набережные Челны, выпускник заочного отделения Казанской православной духовной семинарии. Ранее публиковался в журналах «Октябрь» (Москва), «Звезда» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Идель» (Казань).

стр. 109

Савина Ксения Игоревна
Санкт-Петербург, 1992 г. р.

Выпускница философского факультета СПбГУ и одноимённого факультета РХГА. Религиовед, окончила аспирантуру ЛГУ имени Пушкина по направлению «Философия религии и религиоведение». Занимается теорией и практикой стихосложения в верлибре. Дебют в журнале «Знамя». Участница заключительной смены форума молодых деятелей культуры и искусств «Таврида».

стр. 61, 177, 193

Синяя тетрадь
Красноярский край

Беленя Таисия (с. Малая Ничка), Галиулин Тимур (п. Тинской), Глушнева Милена (д. Павловка), Забавина Варвара (Абан), Казакова Саша (Красноярск), Кухарева Дарья (Норильск), Лазарева Алина (Норильск), Леднёва Арина (Козулька), Лысенко Михаил (Красноярск), Михайлишин Виктор (Юксеево), Парфирьев Роман (Нижний Ингаш), Педан Виктор (с. Никольское), Сутугина Татьяна (с. Иджа), Чичкина Кристина (Минусинск), Шевелёва Зоя (д. Чердынь), Шпомер Анастасия (Минусинск).

стр. 122

Смородина Полина Константиновна
Саранск, 1988 г. р.

Окончила Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, аспирантуру НИИ ГН при правительстве РМ («Отечественная история»). Работает в редакции молодёжного журнала «Странник». Финалист проекта «Школа литературной журналистики „Молодой Дельвиг“» и конкурса издательства «Настя и Никита» на лучшее короткое детское произведение (2018). Принимала участие в «Химках-2019». Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Юность», «Симбирск», «Странник».

стр. 132

Чернов Сергей Валентинович
с. Хреновое (Воронежская область), 1988 г. р.

Окончил Воронежское областное училище культуры имени А. С. Суворина. Публиковался в журналах: «Москва», «Нева», «Роман-газета» и др. Лауреат конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы» и Литературной премии Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Дважды лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник». Участник третьего Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России в Химках. Работает библиотекарем. Член Союза писателей России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ
Марина Наумова-Саввиных
Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев
Красноярск
Наталья Ахпашева
Абакан
Юрий Беликов
Пермь
Глеб Бобров
Луганск
Елена Буевич
Черкассы
Вера Зубарева
Филадельфия
Александр Кердан
Екатеринбург
Сергей Кузнечихин
Красноярск
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Евгений Минин
Иерусалим
Виталий Молчанов
Оренбург
Миясат Муслимова
Махачкала
Александр Орлов
Москва
Олеся Рудягина
Кишинёв
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Андрей Тимофеев
Москва
Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использована картина Виктории Исаенковой.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496
В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске
БИК 045 004 788
КПП 540 643 001
Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, д. 3,
т. +7 950 991 4349

Почтовый адрес:
660133, г. Красноярск,
ул. 3 августа, д. 22, оф. 4

Наш сайт: www.krasdin.ru

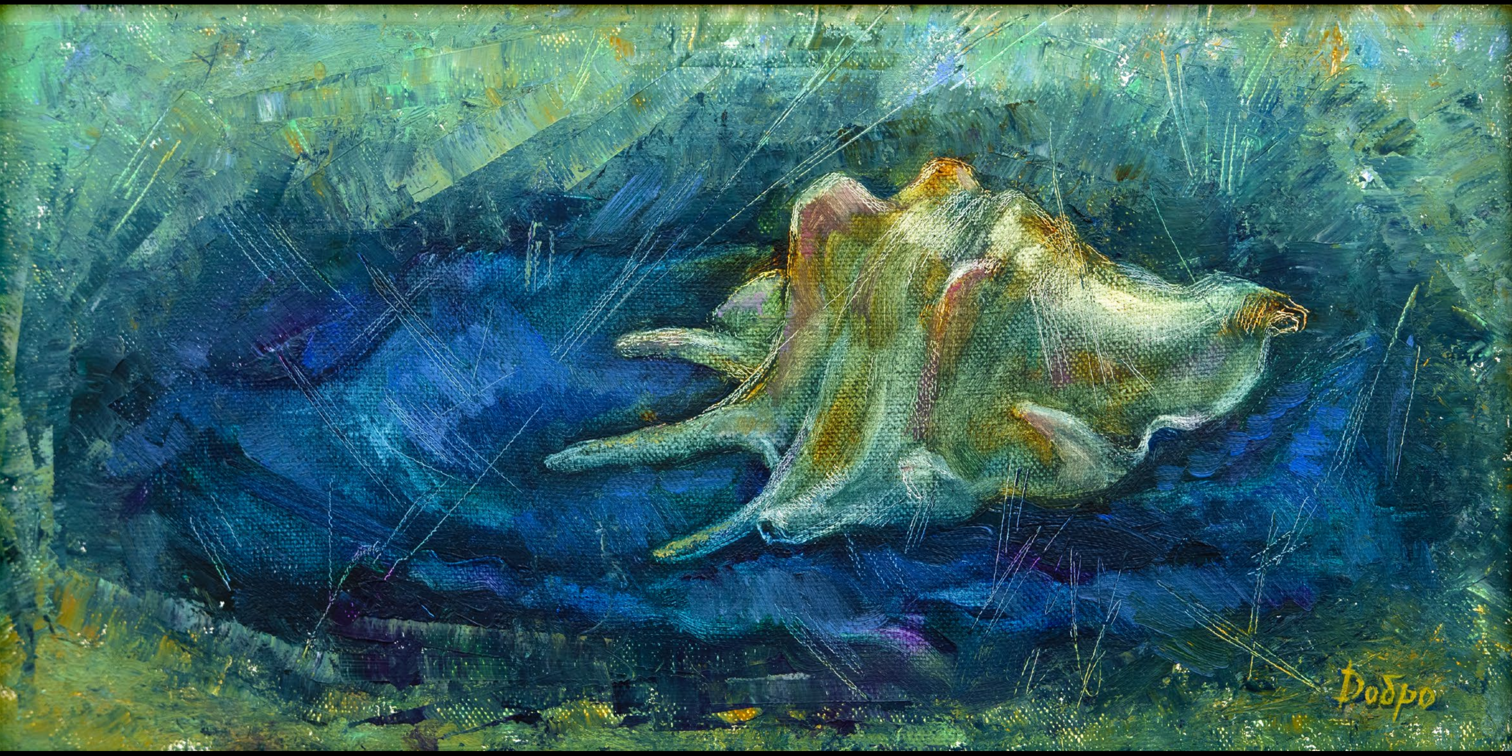
Подписано к печати: 10.11.2021
Дата выхода в свет: 31.11.2021
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+



Ольга Добромыслова | Морская раковина | Воспоминание о море | 2020